

БЕЗ ПРЕДВЗЯТОСТЕЙ

ЯПОНИЯ

БЕЗ ПРЕДВЗЯТОСТЕЙ

ЯП НИЯ

БЕЗ ПРЕДВЗЯТОСТЕЙ

Япония без предрассудков.

М.: Издательство «Япония сегодня», 2003 г. – 315 стр.

ISBN 5-86479-099-0

Ответственный редактор В. Рамзес

А. Александров, В. Бунин, В. Еремин, А. Кириченко, В. Рамзес,
Е. Леонтьева, С. Маркарян, В. Молодяков, Э. Молодякова,
Д. Стрельцов, И. Тихоцкая, А. Шлынов

Книга носит научно-публицистический характер. Она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся различными сторонами жизни современной Японии. Авторы строят наблюдения на строго объективной основе и видят свою задачу в переоценке ряда стереотипов, сложившихся у россиян в отношении нашего дальневосточного соседа.

ISBN 5-86479-099-0

© ЗАО «Япония сегодня»

«Спите спокойно, товарищ Сталин, посеянные вами и вашими верными соратниками семена ненависти, зависти и злобы дают пышные всходы и из поколения в поколение питают души советских людей своими ядовитыми плодами».

Г. Вишневская

«Галина. История жизни»

 сенью 1933 г., видимо подустав от осуществления гладомора на Украине, неугомонный вождь Страны Советов обратил взоры на Восток и решил организовать окончательную и бесповоротную «порчу» имиджа Японии – благо, что тамошняя военщина давала кремлевским заправилам немало поводов для беспокойства. Впрочем, у будущего величайшего полководца всех времен и народов были с Японией и персональные счеты: в 1945 г. он признался, что мысль об отмщении японцам за поражение в войне 1904–1905 гг. терзала его аж целых сорок лет (и это несмотря на позицию своевременно почившего в бозе отца – партийного основателя, публично призывавшего к посрамлению России в той самой войне!).

Как бы то ни было, но во исполнение своих, как всегда, гениальных предначертаний Сталин направил двум политбюровским сатрапам а именно Молотову и Кагановичу – директивное письмо, в котором, между прочим, указывал: «По-моему, пора начать широкую, осмысленную (не крикливую) подготовку и обработку обществ[енно-го] мнения СССР и всех других стран (вот это размах! – **В.Р.**) насчет

Японии и вообще против милитаристов Японии (добавление о милитаристах – явный пример двоемыслия, бывшего необходимым всесильному пахану даже в сугубо тайном общении с верными подельниками. – В.Р.). Надо развернуть это дело в Правде, отчасти в Известиях. Надо использовать также ГИЗ и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и положит[ельными] сторонами быта, жизни, условий в Японии. (Еще один пример двоемыслия, одобренного лицемерием. – В.Р.). Понятно, что **выпукло надо выставить** отрицательные империалистические, захватнические-милитаристские стороны». За этим следует распоряжение издать «открыто и для всех **немедля**» (с предисловием и «некоторыми исправлениями от Радека») книжку «Военно – фашистские движения в Японии», выпущенную Разведуправлением РККА для Дальнего Востока «и только для избранных лиц». «И вообще, завершает диктатор, – надо начать длительную, солидную (не крикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии. Имейте это в виду и двигайте дело»¹.

И дело двинулось!

В последующие годы на Японию обрушился трудно представимый ныне поток обвинений во всех смертных грехах, причем действительно обоснованные обвинения буквально потонули в совершенно абсурдных. Книги, пьесы, кинофильмы, газеты и журналы дружно включились в знаменитое «огульное охаивание» соседней страны и продемонстрировали тот же пыл, который был уготован для любого реального или воображаемого противника генеральной линии партии.

Одновременно предпринимались и суровые организационные меры. В исключительно популярную у энкавэдэшников категорию «японских шпионов» попали не только многие видные деятели режима, но и целый ряд ведущих ученых и практиков – японистов. Тех и других ждали расстрел или многолетние тюрьмы да истребительные лагеря, из которых вышли немногие².

Надо сказать, что широкая публика восприняла антияпонскую истерию с колоссальным энтузиазмом.

Во-первых, повторяю, поведение японских армеутов, особенно в Китае, мягко говоря, благородством манер не отличалось. Я прекрасно помню, как на стенах домов показывали кинорепортажи о японо-китайской войне, изобиловавшие кадرا-

ми с бомбардировками японской авиацией городов и сел, бегством мирного населения, горами трупов и т.п.

Во-вторых, истерию развязывали талантливые режиссеры и исполнители. (Одна лишь песенка о трех танкистах покорила поколения советских людей, настроив их на ожидание любой пакости от чудовищно «коварных», безмерно «жестоких» и до мозга костей «лживых» японцев ; немало россиян продолжают жить в атмосфере этой песенки и поныне.)

В-третьих, неприязнь к Японии оказалась латентно заключенной в генетический код российской дореволюционной элиты и простонародья по причине «необычности» этой страны, поправшей предписанные азиатам нормы и включившейся на равных в глобальное соперничество великих держав. И неприязнь эта, как ни печально, передалась гражданам Совдепии, выйдя из латентного состояния чуть ли не при первом ксенофобском (антияпонском) эксперименте красных, в интернационализм которых я, например, всегда слабо верил³.

Спешу заметить, что у некоторых россиян прохладное отношение к Японии возникло вследствие несчастливого личного опыта контактирования с представителями населения этой страны.

Так, на наследника российского престола в Японии было совершено покушение, во многом определившее его взгляды на тамошнее население. О. Михайлов пишет: «В истории нет ни бесмыслиц, ни случайностей. И по отношению к истории нелепо и глупо употреблять сослагательное наклонение “если бы...”. Факт остается фактом, что именно с этого апрельского дня (покушение случилось 29 апреля 1891 г. – **В.Р.**) Николай Александрович возненавидел дальневосточных соседей, презрительно именуя их косоглазыми япошками»⁴.

Об этом же сообщал германский адмирал Тирпиц: «По моем приезде в Петербург... я позволил себе говорить откровенно и между прочим указал, что сосредоточенная в Порт-Артуре эскадра имеет скорее декоративное значение, нежели боевое. Я прямо заявил, что мы кровно заинтересованы в победе русского оружия, так как поражение России на Востоке может неблагоприятно отразиться на нашем положении там... Император ... слушал весьма милостиво. В заключение он сказал, что ненавидит японцев, не верит ни одному их слову и отлично сознает всю опасность положения»⁵.

Пик инициированной Сталиным кампании против Японии был достигнут в 1938–1939 гг., чему, безусловно, способствовали события на Хасане и Халхин-Голе. Затем наметилось постепенное снижение ее накала. Ни о каком изменении «чувств», конечно, не было и речи. Просто в истории государства советского наступил довольно пикантный период.

Сначала «Хозяин» всерьез взвешивал возможности присоединения к Тройственному союзу Германии, Италии и Японии, что требовало, на худой конец, впечатляющих жестов вроде его эпического прибытия на Ярославский вокзал для теплых, с объятиями проводов японского министра иностранных дел Мацуока после заключения Пакта о нейтралитете. Ну, а когда гитлеровский рейх, дружба с которым, по словам Молотова, была скреплена совместно пролитой кровью, «вероломно» нарушил Пакт о ненападении и открытие второго фронта на Дальнем Востоке могло решить (и решить однозначно) исход войны, на роток волей-неволей пришлось накинуть платок.

Однако вынужденная сдержанность блюлась недолго. Как только победа над нацистской Германией сделалась очевидной, идеологические атаки на Японию возобновились. Причем советские главари, опьяненные триумфами на Западе, возвели высокомерие, произвол и вседозволенность в норму отношений с этой страной: история с денонсацией Пакта о нейтралитете и последующим игнорированием его важнейшего условия о сохранении в силе до 25 апреля 1946 г. — яркий тому пример.

По окончании второй мировой войны поистине оголтелая антияпонская пропаганда снова захлестнула Советский Союз. Мотивировалась она самыми разнообразными причинами. Главная из них была, вне всяких сомнений, связана со стратегическими установками кремлевской камарильи на завоевание мирового господства. Японию посчитали подходящим кандидатом для включения в советскую орбиту, и спровоцированная Москвой у японского порога корейская война задумывалась лишь как первый этап на пути к большевизации Страны восходящего солнца. Параллельно с давлением на Японию извне⁶ Советский Союз всячески подогревал амбиции своей агентуры в лице КПЯ, которая пыталась подорвать стабильность страны изнутри⁷.

Такая линия не могла претворяться в жизнь без непрерывного и усиливающегося по экспоненту очернения всего происходивше-

го на Японском архипелаге, без отвратительной демагогии, без примитивной и изощренной лжи. Перечень иллюстраций разнужданности, допускавшей пищу братией из разнообразных ведомств, мог бы занять десятки страниц убористого текста. Ограничусь поэтому извлечениями из одной-единственной рецензии, содержащей практически полный набор штампов, бывших тогда обязательными для затрагивавших японскую тематику.

Рецензия была напечатана в «Правде» в рубрике «Критика и библиография» под названием «Ошибки в книге о японских монополиях», и ей отвели целый подвал (случай редчайший!). Подписал рецензию цеховский работник И. Калинин (наряду с помещением в ЦО ВКП(б) данное обстоятельство многократно усиливало ее «инструкционный» характер), но в японоведческой среде ходили упорные слухи о не принадлежавшем ему авторстве (постаралась, мол, одна беззаветно преданная упомянутому выше сталинскому делу японистка).

«Чести» быть замеченной и отмеченной партийными критиками и библиографами в штатском удостоилась в общем-то вполне безобидная книга Я. Певзнера «Монополистический капитал Японии ("дзайбацу") в годы второй мировой войны и после войны» (М. – Л., 1950). Тем не менее в ней была усмотрена невообразимая, угрожавшая «устоям» крамола, позволившая И. Калинину завершить свое эссе следующим пассажем: «Ошибочная книга Я.Певзнера вышла в свет вследствие того, что автор и редактор (им был один из виднейших японистов К. Попов – **В.Р.**) безответственно отнеслись к своему делу»⁸ (по тогдашним стандартам после такого приговора впору было добровольно идти сдаваться на Лубянку).

Между тем вся возведенная сановным рецензентом конструкция базировалась на беззастенчивых фальсификациях, на наглых искажениях общеизвестных фактов, на пошлейших трюизмах и на излюбленных красными вменениях своим оппонентам смертных грехов, за которые потом можно было беспощадно карать.

Для затравки И. Калинин дает фантастическую картину тогдашней Японии: «Разгром милитаристской Японии... не привел к уничтожению корней японского империализма, к ее демилитаризации и демократизации. Отказавшись от союзнических обязательств, правящие круги США возрождают агрессивную, империалистическую Японию, превращают ее в очаг новой мировой войны».

И еще: «Американские империалисты хотят навязать Японии военное соглашение для того, чтобы продлить на неопределенное время оккупацию страны и ускорить возрождение японского милитаризма под контролем США. В современной обстановке это превратило бы Японию в орудие американского империализма. Для японского народа это означало бы установление в стране фашистского террористического режима, усиление двойной эксплуатации со стороны японского и американского капитала, подчинение всех областей жизни Японии политике войны».

Вслед за этой непотребной характеристикой рецензент переходит к разному содержанию книги. Первый приступ его праведного гнева вызывают показанные автором примеры противоречий и даже соперничества военщины и бизнеса в довоенной и военной Японии. Не было и не могло быть такого, утверждает И. Калинин: «Автор не понимает, что военщина, являясь важнейшей частью монархического аппарата, выполняла волю правящего буржуазно-помещичьего блока, ведущую роль в котором играли монополии. Военщина в книге выглядит как надклассовая группа, будто бы имевшая свою собственную программу, проводимую независимо и вопреки воле японских дзайбацу».

Чтобы как – то подкрепить догму о беспредельном господстве «монополистического капитала», он идет на незамысловатый подлог: «По мнению автора, в период до начала второй мировой войны японский монополистический капитал лишь использовал государственные ресурсы и государственный аппарат, не играя ведущей роли в руководстве государством. Автор, вопреки действительности, утверждает: «С последней четверти прошлого (XIX. – В.Р.) столетия и вплоть до второй мировой войны руководящая роль в государственном аппарате принадлежала военщине и дворцовому окружению... под их руководством осуществлялась политика агрессии и государственного протекционизма». Вот это многоточие не случайно, ибо у Я. Певзнера в этом месте значится: ...«которые в указанный период были главной политической агентурой японской буржуазии и помещиков».

8

Зато, опустив это замечание, И. Калинин получает возможность обвинить автора в апологии дзайбацу: «Автор книги по существу повторяет легенду о невинности дзайбацу в агрессии, о борьбе дзайбацу с военщиной. На самом деле такой борьбы между дзайбацу и военщиной, о которой говорит автор, особенно в

период Второй мировой войны, не было. Конечно, это не означает, что между ними всегда была полная гармония, но речь всегда шла только о выборе более удобного, более выгодного плана военно-политической и экономической агрессии».

Второй приступ праведного гнева вызывает у рецензента якобы допущенная Я. Певзнером недооценка значения дзайбацу в первые послевоенные годы, когда они, стоит напомнить, были объектами ликвидационных мер: «Автор не показывает дзайбацу в условиях послевоенной Японии, как крупную политическую и экономическую силу. Почти двести страниц книги посвящены проблемам послевоенной Японии. Однако в ней трудно найти ответы на вопросы: в чем конкретно выражается пособничество японских монополий американским империалистам; в чем выражается их преступная антинациональная, антинародная политика; какова их роль в подготовке новых преступлений против мира и безопасности народов?».

И далее: «В главах книги, посвященных послевоенному периоду, по существу проводится мысль, что роль японских монополий в условиях оккупированной Японии сводится лишь к тому, что они либо не препятствовали политике американских империалистов, либо относились к ней одобрительно. Автор не разобрался в содержании и политической основе блока американо-японской реакции. Японская реакция и ее ведущая сила – монополистический капитал – не пассивно одобряют политику США в Японии, а активно участвуют в ее проведении, они заинтересованы в политике голода, нищеты, в политике войны. Совершенно очевидно, что покончить с господством американских империалистов в Японии можно лишь путем одновременной борьбы как против американских оккупантов, так и против внутренней реакции, против правительства, национального предательства».

Третий и, пожалуй, сильнейший приступ праведного гнева вызывает у рецензента отношение Я. Певзнера к аграрной реформе: «Серьезные ошибки автор допустил и в оценке характера так называемой аграрной реформы в Японии. Известно, что американские оккупанты провели эту «реформу» с целью срыва борьбы трудящегося крестьянства Японии за демократическое решение аграрного вопроса, с целью раскола народных масс, выступающих против гнета американских и японских империалистов. Автор же по существу изображает эту «реформу» в духе амери-

канской пропаганды, которая трубит о том, что американские оккупанты “облагодетельствовали” японских крестьян. Он не вскрыл реакционную сущность проведенной аграрной “реформы”, которая, не ликвидировав помещичьего землевладения, усилила кулачество, сохранила помещичью кабалу и увеличила зависимость трудящегося крестьянства от монополий».

С позиций сегодняшнего дня доводы И. Калинина выглядят ахинеей, бредом, белибердой. Грош цена им была и в момент предъявления законопослушному автору. Военщина не раз и не два подминала под себя предпринимательские круги⁹. Дзайбацу были после окончания войны распущены, и возникшие на их месте корпоративные структуры явились не более чем бледной тенью своих предшественниц. Аграрная реформа произвела форменный переворот в японской деревне, не оставив камня на камне от помещичьего землевладения и создав мощный класс крестьян-собственников.

Но какое до всего этого было дело аппаратчику, который своей погромной рецензией целил не только и, может быть, не столько в удачно подвергнувшегося япониста, сколько в саму Японию, держать которую под градом увесистых, хотя и нелепых, обвинений обязывало высшее начальство? И чего стоил на фоне этой сверхзадачи автор оболганной книги? Его-то запугали надолго, заставили неукоснительно подчиняться капризам марксистско-ленинского идиотизма в трактовке невежд со Старой площади. Предстояло миновать десятилетие до того момента, когда он решился внести творческие начала в свою научную продукцию, по возможности маскируя их коммунистической дребеденью.

Время летело вперед. Убрался со сцены гнусный деспот – душитель всего живого на Руси и в окрестностях, промчалась в бесплодных спорах «хрущевская оттепель», КПСС в очередной раз взялась за закручивание гаек, погружение Советского Союза в застой, а его руководителей – в преждевременный, но оттого не менее безнадежный маразм – все это забавляло и одновременно страшило цивилизованный мир: ГДР, Венгрия, Польша, Чехословакия, чуть позже Афганистан показали, на что способна «империя зла» даже на последнем издыхании.

Япония же сотворила такое экономическое чудо (многим российским японоведам до сих пор рекомендуют брать последнее слово в кавычки!), которое вывело ее в когорту наиболее разви-

тых стран. Его сногшибательные масштабы вынудили партийных бонз, стиснув зубы, признать, со многими оговорками, очевидные факты. Однако их фундаментальные воззрения остались прежними. Япония подлежала беспощадному «битью» при любой, самой захудалой возможности. Эту линию крепко-накрепко усвоили ничтожнейшие винтики системы. Стоило сектору Японии в ИМЭМО выпустить две-три монографии с более или менее объективным анализом развития японской экономики, как в Международный отдел ЦК КПСС поступил донос работника советского посольства (пять лет проучился я с ним в одной группе!) с обвинениями авторов в ревизионизме.

Если появлялись трудности с нападками на экономику, у должателей сталинского дела всегда оставались в запасе многочисленные прочие аспекты жизни дальневосточного соседа, например культура. Осмелюсь повторить на этих страницах свою оценку книги «Дух "Ямато" в прошлом и настоящем», опубликованную в 1989 г., т.е. уже в угаре перестройки. Подготовили ее японоведы – профессионалы, эксперты высочайшего класса. Однако от верности агитпроповской методологии большинство авторов не сумело или не захотело отрешиться (боюсь, воздействовала на них и фигура ответственного редактора – стойкого сторонника классового подхода к японским реалиям). В результате они опустились до недостойных натяжек и элементарной клеветы.

Приступаю к самоцитированию: «При тотально обвинительном уклоне проведенного в монографии анализа для культуры этой (японской. — **В.Р.**) не остается ни единой устраивавшей бы авторов ситуации, ни единого одобренного бы ими пути развития.

Послевоенная американизация японской культуры — это, разумеется, плохо; старания оккупационных властей сочетать американизацию с поддержкой традиционной культуры — плохо; тенденции к возрождению культурного наследия в противовес зарубежным влияниям — опять же плохо (см. с.14, 15, 20).

Утверждение идеи уникальности японской культуры — конечно, плохо, равно как и провозглашение «интернациональности» лежащих в ее основе принципов (см. с. 38–39). Плоха культурная замкнутость и плохи старания ознакомить с японской культурой мир (см. с. 161–162).

Даже системе обучения традиционным искусствам, даже мерам по распространению японского языка за рубежами Японии в моно-

графии придается отчетливый идеологический оттенок (см. с. 148–166, 204). Чуть ли не в каждом событии культурной жизни авторы усматривают махинации, манипулирование, заговоры и т.п.

О направленности генеральной линии книги можно судить по следующим напутственным указаниям ее редактора: «Японский национализм далеко не так безобиден, как это может показаться некоторым зарубежным наблюдателям, склонным слишком доверчиво относиться к утверждениям о якобы особой эстетической утонченности японцев, уникальности их умения постигать красоту окружающего мира, “непостижимости” их духовного бытия и т.п.

Все это – продукт целенаправленной пропаганды правящих кругов Японии (больше этим кругам, видно, нечего делать – В.Р.), призванной скрыть такие стороны японского национализма, как неуважение и неприязнь к другим народам, к их культуре и традициям, как высокомерие по отношению к тем странам, которые в силу тех или иных обстоятельств отстали от Японии в своем экономическом и научно–техническом развитии» (с. 5).

Или: «...обращает на себя внимание активизация в последние годы усилий правящих кругов Японии (снова эти зловещие круги. – В.Р.), направленных на всемерную популяризацию японской культуры за рубежом. Огромные средства расходуются сегодня японским правительством и его дипломатическими и культурными ведомствами на распространение за рубежом пропагандистской литературы, посвященной ознакомлению иностранцев с буддийской философией школы дзэн и самурайским моральным кодексом бусидо, с правилами чайной церемонии и творчеством мастеров икэбаны, с институтом гейш и особенностями мастерства театра кабуки, с такими видами спорта, как каратэ, дзюдо, сумо, кэндо и т.п. (Интересно, есть ли страна, не занимающаяся аналогичной деятельностью, особенно если у нее действительно есть что показать миру?! – В.Р.)

При этом зарубежным читателям незаметно навязывается мысль (каково?! Состав преступления налицо! – В.Р.) о превосходстве японской культуры над культурой других народов, о ее недоступности для понимания иностранцев, а также о неких непревзойденных качествах национального характера японцев.

Подоплека такого рода культурной экспансии Японии (ни больше ни меньше – экспансии. – В.Р.) очевидна: во-первых, внушить японской общественности представление, будто весь мир преклоняется перед Японией; во-вторых, произвести определенное впе-

чатление на общественность зарубежных стран с целью по возможности подчинить ее своему идеологическому влиянию (так и видится картина подчинения какой-нибудь домохозяйки японскому идеологическому влиянию на основе овладения искусством цветочной аранжировки. – В.Р.), создавая более благоприятные условия для экономической и политической экспансии японского империализма (как видно, консенсус по вопросу о его давней кончине был несколько преждевременным. – В.Р.).

Это как же надо ненавидеть, патологически ненавидеть страну, с которой была связана вся твоя жизнедеятельность, командировки в которую приходилось выбивать, валяясь в ногах у сильных мира сего, которая кормила и одевала тебя и твоих потомков невиданным на Родине «дефицитом», чтобы писать такое!

В 90-е годы за наездами на Японию отчетливо просматривается стимулирующая роль проблемы территориального размежевания. По большому счету проблема эта не стоит и выеденного яйца. Уворованные острова Южно-Курильской гряды должны быть возвращены Японии, ибо никогда не принадлежали России, не являлись объектами российско-японских территориальных обменов, не захватывались Японией в период проведения ею политики экспансии и агрессии.

Характерно, что в основополагающих российско-японских договорах Южно-Курильские острова, за исключением острова Итуруп, даже не упоминаются – настолько очевидной представлялась их принадлежность Японии.

Так, статья 2 Русско-японского договора о мире и дружбе, заключенного 7 февраля 1855 г. в Симода, гласит: «Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается о. Карафуто (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как и было до сего времени»¹⁰.

В статье 2 Трактата, заключенного Россией и Японией 7 мая 1875 г., читаем: «Взамен уступки России прав на остров Сахалин в статье первой Его Величество император всероссийский за себя и своих подданных уступает Его Величеству императору японскому группу островов, называемых Курильскими, которыми он ныне владеет, так что отныне сказанная группа Курильских островов бу-

дет принадлежать Японской империи. Эта группа включает в себе нижеозначенные 18 островов, а именно: 1. Шумшу, 2. Аланд, 3. Парамушир, 4. Маканруши, 5. Онекотан, 6. Харимокотан, 7. Экарма, 8. Шнашкотан, 9. Муссир, 10. Райкоке, 11. Матуа, 12. Расшуа, 13. Острова Среднева и Ушисир, 14. Симусир, 15. Кетой, 16. Бротон, 17. Острова Черпой и Брат Черпоев и 18. Уруп, так что пограничная черта между империями Российской и Японской в этих водах будет проходить через пролив, находящийся между мысом Лопаткою полуострова Камчатки и островом Шумшу...»¹¹.

Благодаря победе в войне 1904–1905 гг. Япония получила по Портсмутскому договору южную половину Сахалина в полном соответствии с тогдашними нормами международного права. Нормы эти сохранились для некоторых государств вплоть до кануна второй мировой войны (Советский Союз, например, совершил вопиющую агрессию против Финляндии и по договору, подписанному в марте 1940 г., отхватил примерно половину этой страны). Но в годы большой войны появилась Атлантическая хартия, к которой примкнул СССР и в которой значилось, что союзники не стремятся к территориальным приобретениям и лишат стран оси только территорий, отошедших к ним вследствие алчности и агрессий. Откровенно говоря, **все** Курильские острова трудно отнести к территориям подобной категории, а про Южные Курилы и упоминать – то в этой связи неудобно.

И все-таки, сыграв на желании западных союзников поскорее закончить войну, СССР выторговал в Ялте право на Курильские острова и по собственному почину решил аннексировать и Южно-Курильскую гряду. Соответствующие операции, и это весьма характерно, начались почти через две недели после императорского рескрипта о капитуляции, когда Д. Макартур успел издать приказ о прекращении каких бы то ни было военных действий.

Не обошлось в ходе указанных операций и без анекдотического инцидента, сообщенного автором документального исследования о советской оккупации Курильских островов : «...355-я стрелковая дивизия 87-го стрелкового корпуса, переброшенная из Приморья на Сахалин, вместе с 113-й и 2-й отдельными стрелковыми бригадами и сводными отрядами морских пехотинцев оккупировали южнокурильские острова : 28 августа – остров Итуруп, 1 сентября – острова Кунашир и Шикотан, 4 и 5 сентября – острова Малой Курильской гряды (Хабомай). Хотя в советской

историографии утверждается, что Курильская десантная операция закончилась 1 сентября, на самом деле, на основании архивных документов... следует, что оккупация островов Хабомаи осуществлена уже после капитуляции Японии (вернее, после формального подписания Акта о ней на борту линкора «Миссури». – В.Р.). Интересная деталь установлена автором: официального приказа оккупировать Хабомаи советское командование не направляло. Штаб ТОФ потребовал от ответственного за проведение операций на южнокурильские острова капитана 1 ранга Леонова предоставить ему 3-го сентября план возможной оккупации Малой Курильской гряды. Однако из-за плохой работы радиосвязи капитан 1-го ранга Чичерин, которому была направлена эта директива, понял ее как приказ к действию. В итоге отряд под его командованием к исходу 5 сентября пленил все японские гарнизоны на островах Хабомаи и установил на них советские посты. Так как действия капитана 1-го ранга Чичерина не имели в то время политических последствий, то они были одобрены командованием Тихоокеанского флота»¹².

Изложение некоторых деталей процесса возникновения территориальной проблемы потребовалось в качестве фона, на котором она используется в интересах антияпонских кампаний.

Активно разрабатывается, например, тема первооткрывательства. Тут много неясного. Резонно предположить, что, учитывая географические расстояния, японцы появились на Южных Курилах раньше русских. Но если и был приоритет за русскими, о многом ли это говорит? Первооткрывательство никогда не было единственным и неоспоримым основанием для территориальных претензий. Будь это так, современная политическая карта мира смотрелась бы совершенно по-иному.

Нередко слышны ссылки на неотъемлемое право победителей обогащаться трофеями за счет побежденных. При всем гангстерском характере этого права его апологеты кажутся более честными, чем лицемеры, прикрывающие свои истинные взгляды разного рода демагогическими ухищрениями. Но что ни говори, проблема трофеев – предмет для обсуждения между заинтересованными сторонами, а не средство постановки одной из них перед лицом *fait accompli*. Советский же Союз, повторяю, выклянчил право на трофеи в итоге тайного сговора, не делающего чести ни ему, ни его западным союзникам.

Теперь о вскользь упомянутых лицемерах и их демагогических ухищрениях. Целую историческую эпоху Сан–Францисский мирный договор с Японией был анафемой для советского политического и научного истеблишмента (в начале 1955 г. вашему покорному слуге поручили посвятить дипломную работу по такой животрепещущей теме, как агрессивная сущность этого договора). И как будто бы вдруг в самое последнее время наметились умильные попытки «примазаться» к нему. Боюсь, попытки эти нельзя считать неожиданными. По–моему, налицо вымученное признание шаткости аргументов, с помощью которых обосновывались оккупация и аннексия Южно–Курильских островов, а также робкие надежды на обнаружение новой системы оправданий содеянного более полувека тому назад.

Вот такая, с позволения сказать, диалектика насквозь пронизывает Сообщение для печати Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации в связи с 50–летием со дня подписания Сан–Францисского мирного договора.

С одной стороны, глазам своим не веришь, знакомясь с комплиментами, расточаемыми этому недавнему «орудию агрессии и войны». «8 сентября, – говорится в Сообщении, – исполняется 50 лет со дня подписания Сан–Францисского мирного договора – документа, прекратившего состояние войны между Японией и большинством союзных держав. Был сделан, таким образом, крупный шаг к окончательному урегулированию международных отношений после второй мировой войны, определению места в них Японии»; «...нельзя не отметить, что Сан–Францисский договор способствовал созданию условий для успешного мирного развития послевоенной Японии»; «Таким образом, пять десятилетий действия Сан – Францисского договора подтвердили универсальность заложенных в него принципов и обязательств...»¹³.

С другой стороны, в Сообщении содержатся формулировки, никак не укладывающиеся рядом с комплиментами, что, по–видимому, несколько не волнует его авторов: «Этот документ готовился и был подписан в период “холодной войны”, и поэтому его содержание несет на себе печать проблем и противоречий той сложной и напряженной эпохи. Следствием этого стал отказ одной из ключевых союзных держав – СССР, внесшего решающий вклад в общую победу коалиции (увы, повторение этой басни о

“решающем вкладе” лишний раз доказывает, что мания величия – причина многих российских бед – не покидает умы элитной части общества и распространяется вниз по вертикали до уровня “корней травы”. – В.Р.), подписать Сан–Францисский договор. Советская сторона усматривала в нем целый ряд нарушений своих законных прав, ущемление интересов своих союзников»¹⁴.

С третьей стороны, авторы Сообщения с обезоруживающей искренностью вскрывают мотивы круто изменившихся оценок Сан–Францисского договора: «Он также определил действующие по сей день основные параметры послевоенного территориально-го урегулирования в отношении Японии». И наконец, великолепная по цинизму завершающая ремарка: заявив об универсальности принципов и обязательств, заложенных в Сан–Францисском договоре, они добавляют, что эти принципы и обязательства «отнюдь не умаляются отсутствием подписи тех или иных стран под этим актом»¹⁵. Да, утопающий и вправду хватается за соломинку!

Однако главным стратегическим средством раздувания анти-японских кампаний, увязанных с территориальной проблемой, на протяжении всех последних пятидесяти лет служит подпитка легенды о милитаризации Японии. Еще в 1988 г. мне довелось направить открытое письмо в редакцию журнала «Мировая экономика и международные отношения», отрывки из которого уместно и поучительно воспроизвести теперь по причинам, сообщаемым ниже.

Итак, я писал : «В течение почти всего послевоенного периода тема милитаризации Японии не сходит со страниц наших газет, журналов и книг. При этом мотив отождествления любых форм экономического развития с усилением военного потенциала год от года звучит все явственнее. Пожалуй, ни одной из главных капиталистических стран не достается за милитаризацию столько, сколько Японии. Порой при чтении соответствующих материалов у меня возникает впечатление, что вероломное, без объявления войны нападение самураев на наши дальневосточные рубежи – дело ближайших дней.

Скажу прямо, рассуждения ряда журналистов и научных работников по поводу японской военной угрозы как следствия наращивания экономического потенциала далеко выходят за рамки абстрактно–теоретических спекуляций. Это, по сути дела, абсолютно беспроектный номер, приносящий исполнителям осязаемый материальный и политический капитал, размеры ко-

торого прямо коррелируют с хлесткостью конструируемых формулировок. Добро бы все ограничивалось удовлетворением их сугубо личных потребностей! Но ведь зачастую выкладки тех, кто склонен усматривать нагнетание милитаристской горячки в каждом дополнительном килограмме промышленной продукции, служат удобным аргументом, на который всегда можно сослаться в момент принятия самых важных решений о распределении наших небезграничных финансовых средств и природных ресурсов, о размещении производительных сил»¹⁶.

В том же письме я осмелился подвергнуть сомнению популярнейший у коммунистических борзописцев ярлык: «Должен сознаться, что я вообще с большой осторожностью отношусь к самому термину милитаризация, особенно в отношении целых стран. Действительно, если для вынесения суждений о ее наличии достаточно опереться лишь на данные о повышательных тенденциях доли военных расходов в госбюджете или в ВВП, о расширении количественных масштабов и качественном совершенствовании производства военной продукции, то по закону ассоциаций можно зайти очень далеко и не туда – попробуйте отыскать на глобусе хотя бы одно государство, свободное от названных процессов!

Следовательно, для постановки диагноза требуется нечто большее. более внушительный набор по-настоящему значащих симптомов. И симптомы эти лежат, что называется, на поверхности: стоит только заглянуть в относительно недавнее довоенное прошлое Японии. Конечно, и военное производство занимало тогда видное положение, – не то что ныне. Однако это была всего – навсего деталь, хоть и существенная, но все-таки деталь целой картины прямого и косвенного, буквально на глазах ужесточавшегося военного контроля над экономикой, над политикой, над всей, сверху донизу, жизнью страны и ее народа.

Захват военщиной или ее послушными марионетками командных постов в механизме государственной власти, всеобщая воинская повинность, неуклонное развертывание военной подготовки в учебных заведениях, увеличение продолжительности сроков активной службы резервистов, учреждение армейских тренировочных лагерей для молодежи, насаждение сети армейских землячеств, безудержная пропаганда военной идеологии, жандармско-полицейский террор, подавление любого намека на оппозицию, циничный подрыв норм парламентской демокра-

тии – вот те японские реалии середины 30–х годов, вот, по всей видимости, не исчерпывающий, но в первом приближении достаточный перечень элементов того неразъемного комплекса, что “достойн” именоваться милитаризацией.

Сопоставимы ли те времена с нынешними? Уверен, что умершие от естественных причин, повешенные или после поражения в войне покончившие жизнь самоубийством члены тогдашней военной клики совершили бы коллективное харакири, узнай они о таких современных пикантностях, как комплектование “сил самообороны” на добровольной основе, как парламентский контроль над их численностью и бюджетом, как предписанное законом нахождение штатского в кресле их начальника, как отстранение от должности генерала, позволившего себе усомниться в целесообразности консультаций с правительством перед введением подчиненных ему частей в бой, и т.д.»¹⁷.

Перейду к причинам, побудившим меня вспомнить о письме и привести пространные цитаты из него. После относительного затишья в начале и середине 90–х годов милитаризация Японии и, более того, военная угроза с ее стороны были в срочном порядке подняты коммунистическими недобитками на щит, мобилизованы в качестве ударных доводов в их пропаганде. Очень быстро выяснилось, что в основном ими эксплуатируется давно и безнадежно устаревшая аргументация и только градус ненавистничества существенно повысился. Процитированные места из письма, как мне кажется, четко указывают на одно важное обстоятельство: ничего эта публика за истекшие годы не поняла и ничему не научилась.

В то же время я бы поостерегся называть последнюю вспышку антияпонизма спонтанной или самопроизвольной. Все эти подозрительные совпадения с публикацией статей определенного толка в газетах и журналах, все эти подготовленные к нужному моменту телепередачи (каюсь, лет восемь тому назад я перестал включать «ящик» ввиду неисправимого убожества российского телевидения, но общее содержание программ с японскими сюжетами мне рассказывают друзья) наводят на мысль о тщательной координации, о высокой степени организованности ведущейся кампании.

И не является ли она реакцией на шаги президента России по пути установления цивилизованных отношений с Западом? В том, что эти шаги безумно напугали коммунистическое охвостье, убеждены все беспристрастные наблюдатели. «Прозевав» потеп-

ление на Западе, оно неистово бьется за недопущение чего-либо подобного на Востоке (по моему мнению, рядом с отказом от баз на Кубе и во Вьетнаме и согласием участвовать в глобальном антитеррористическом сражении проблема территориального размежевания России и Японии выглядит детской игрушкой).

Именно в такой атмосфере и смогла появиться книга «Вызовы и угрозы национальной безопасности России в АТР». Ее создатели не только выступили с прекрасно знакомым пакетом обвинений Японии в милитаризации, но и предложили сценарий готовящейся атаки этого соседнего государства против России.

Вслед за своими идейными предками авторы книги, делая ставку на невежество читательской аудитории, проделывают навязший в зубах мошеннический трюк с масштабами японских военных расходов: «...Япония ... подкрепляет собственные позиции соответствующими мерами в области военного строительства. Ею уже завершена 20-летняя программа создания "базовых сил самообороны", которые ныне превратились в наиболее современные вооруженные силы среди неядерных держав. По размерам военного бюджета Япония сегодня занимает второе место в мире, причем за последние 15 лет он вырос примерно в два раза, превысив по системе расчетов НАТО 50 млрд. долларов. Заметим, что такие ядерные державы, как Англия и Франция, тратят на эти цели менее 40 млрд. долларов в год каждая. Тем не менее военные расходы Японии продолжают расти и в 2000 г. впервые преодолеют рубеж в 5 трлн. иен»¹⁸.

Троице трюкачей, перу которых принадлежат приведенные строки, словно неведома бессмыслица жонглируемых ими астрономических цифр. Не может быть, что они не знают о единственном показателе, точно отражающем текущее состояние и динамику военного потенциала стран, где статистика заслуживает доверия. Этот показатель – доля военных расходов в валовом внутреннем продукте (ВВП). Военные бюджеты и сметы военных программ, как правило, растут вместе с ростом цен на соответствующие товары и услуги, но если при этом указанный показатель остается стабильным, ни о каких припадках военной горячки не стоит и помышлять.

В Японии за последние лет тридцать доля военных расходов в ВВП только один раз превысила ничтожную величину – 1%-ный лимит, установленный правительством и строго оберегаемый парламентом на виду у широкой общественности. Что

же, как не заблаговременная ориентация на «нужный» результат, помешало обратиться к этому надежному индикатору военного строительства? А таковым результатом должно стать отожествление Японии с очагом военной угрозы во всем необъятном Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Слово все тем же трюкачам: «В соответствии с общемировой тенденцией (? – **В.Р.**), японское правительство не могло не объявить о намерении произвести к 2015 г. определенное количественное сокращение численности личного состава и некоторых видов вооружения «сил самообороны», но, как и его заокеанский партнер, существенно повышает их боевую мощь и оперативную мобильность за счет ввода новой и модернизации устаревающей военной техники, а также оптимизации оргштатной структуры, совершенствования систем управления, материально-технического и тылового обеспечения. Такие *военные приготовления* (курсив мой. – **В.Р.**) Японии в условиях, когда ей никто реально не угрожает (полноте, господа, – у порога страны расположилась красная КНДР, посылающая к японским берегам шпионские корабли, постреливающая в восточном направлении ракетами, рвущаяся к обладанию ядерным оружием, поддерживающая международный терроризм и при этом еще подкармливающая травой своих граждан ; добавлю, что и соседство с красным Китаем – не самое лучшее и не только для Японии. – **В.Р.**), а она сама имеет территориальные претензии к соседним странам, прежде всего к России, расцениваются рядом государств АТР как серьезный вызов региональной безопасности»¹⁹.

Далее начинаются философствования, от которых оторопь берет: «Известно, что значительный военный потенциал несет в себе соблазн его использования в той или иной ситуации или, по крайней мере, более широкой и жесткой опоры на свою военную мощь для достижения национальных интересов, что и происходит в Японии, взявшей на себя обязательство по ведению силовых операций в обширной зоне АТР. Кроме того, динамизм в наращивании вооружений порождает своего рода азарт, сходный с накоплением капитала, когда возникает желание еще и еще приумножить имеющееся. В этом свете совсем не случайным выглядит заявление заместителя начальника Управления национальной обороны Японии С. Нисимуры о том, что для его страны желательно обзавестись собственным ядерным оружием, тем более что

уровень японской технологии позволяет это сделать. Его немедленно уволили за такое высказывание (вот, на что следовало бы обратить главное внимание вдумчивым экспертам. – **В.Р.**), однако он далеко не единственный представитель влиятельных сил в стране (как же они допустили его увольнение и что это за силы?! – **В.Р.**), которые хотели бы добиться политического решения о принятии Японией на вооружение ядерного оружия»²⁰.

К этим сенсационным открытиям присовокупляется мимолетное упоминание о милитаризации, которая, естественно, отождествляется с ростом военных расходов и для оправдания которой «правлящие круги Японии, используя механизмы политико-идеологической индоктринации, не без успеха создают у японского населения представление о наличии внешних угроз и прилагают усилия для внедрения этих оценок в сознание общественности иных государств»²¹.

Казалось бы, настал момент, когда потенциал Троицы в части фантазирования должен был иссякнуть. Ничуть не бывало! Напоследок она угостила читателей еще одной порцией небылиц из советских запасов: «Таким образом, на примере Японии хорошо прослеживаются попытки использовать экономическую мощь, подкрепляемую растущим военным потенциалом, для получения политических выгод, а также добиться территориальных уступок со стороны отдельных стран, к числу которых относится и Россия. В Японии есть влиятельные силы, которые подталкивают страну на путь обострения борьбы с другими государствами и силового давления на них, тормозя подключение растущей мощи и влияния своей страны к процессу нормализации ситуации в Азии. Между тем столь определенная направленность устремлений Японии на международной арене при весьма высоких темпах роста ее военного потенциала, как тому учат уроки истории, может привести к появлению новых угроз как мировому сообществу, так и собственному народу, а значит, требует тщательного анализа и контроля со стороны соответствующих учреждений ООН и других многонациональных структур, а также пристального внимания соседей и нашего государства в их числе»²².

Три послышки присутствуют в приведенной цитате, и все три в лучших советских традициях высосаны из пальца. Сначала говорится о попытках использовать экономическую и военную мощь для достижения политических бенефиций (таких попыток не было и в помине, причем пример с японским военно-экономическим

давлением на Россию совершенно нелеп). Затем на сцене вновь появляются таинственные влиятельные силы, только еще больше подталкивающие Японию на обострение борьбы с другими государствами и на путь силового давления на них (ни один здравомыслящий и влиятельный японец не допустит в нынешней деликатной обстановке в Азии ничего похожего на подобное подталкивание). И в заключение констатируется, что некая определенность устремлений Японии уже чревата появлением новых угроз и мировому сообществу, и японскому народу (беспардонная клевета на страну, на своем горьком историческом опыте познавшей цену глобальным амбициям военного толка и извлекающей из этого опыта все необходимые уроки).

Я надеялся, что поведать о Японии нечто более вздорное авторы рассматриваемой книги не решатся. Однако надежды эти разлетелись в пух и прах при ознакомлении с разделом, написанным Парой из их состава. Прежде всего она допустила возможность «перевода решения проблемы «северных территорий» в силовое русло»²³.

Сделав затем несколько реверансов в адрес сдерживающих Японию факторов (статья 9 Конституции, позиция США, негативное отношение к переводу со стороны стран АТР), Пара заявила следующее: «При этом можно ожидать некой этапности в попытках Японии решить указанную проблему, когда вначале усилия будут сосредоточены на овладении (словечко – то какое! – **В.Р.**) лишь Южными Курилами или даже только островом Шикотан с группой островов Хабомаи, затем всех Курил и, возможно, Южного Сахалина, так как на японских картах и сейчас все (ложь! – **В.Р.**) эти территории обозначаются как спорные»²⁴.

Внимание! С этой точки Пара срывается, прошу прощения, в параноидальный штопор.

Вот ее кредо в дословном изложении: «...Япония уже сегодня располагает достаточными ресурсами для чисто военного решения этого вопроса. Только Северная армия Японии насчитывает 3 пехотные дивизии (24–27 тыс. человек при 150–180 танках) и 1 танковую дивизию, кстати, единственную в ее сухопутных войсках и располагающую 230 танками, а также танковую группу и 3 бригады (артиллерийскую, ПВО и инженерную). К тому же силы здесь могут быть очень быстро и скрытно наращены, хотя бы через построенный несколько лет назад подводный туннель, соединяющий

острова Хонсю и Хоккайдо. И наконец, протяженность акватории моря, отделяющая Хоккайдо от спорных островов, не превышает 10–20 миль и не может серьезно затруднить вторжение на них, тем более при наличии современных сил и средств японских ВМС.

В то же время Россия в последние годы практически полностью демилитаризовала Курильские острова. Сейчас на них дислоцированы только подразделения Федеральной пограничной службы общей численностью менее 3500 военнослужащих. Поэтому противопоставить любой силовой акции в данном районе она может более чем ограниченные силы, для усиления которых к тому же потребуется, в отличие от Японии, перебросить подкрепления через Охотское море с Сахалина, через Японское и Охотское моря из Приморья или океаном с Камчатки.

Вероятную реакцию мирового сообщества на подобное развитие ситуации вокруг Курил спрогнозировать нетрудно. Бесспорно, в случае принятия решения на силовое решение данной проблемы Японии придется, как отмечалось, заручиться согласием своего союзника – США. Скорее всего, такое согласие может реализоваться в объявлении Соединенными Штатами нейтралитета в данном вопросе, причем благожелательного по отношению к своему союзнику и неблагоприятного к его противнику. Этому будут предшествовать мощное информационное обеспечение, направленное на обоснование правомерности и необходимости проведения такой акции, информационная блокада России, дипломатические шаги и экономические рычаги воздействия на другие страны с целью уменьшить степень их осуждения, а тем более противодействия японской операции и поддержки ответных мер России. В результате, наиболее вероятно, со стороны других государств могут последовать лишь заявления об озабоченности развитием обстановки на Дальнем Востоке и призывы к решению проблемы за столом переговоров, в то время как критичным будет время реализации целей такой кампании.

Таким образом, в районе Курильских островов налицо усугубление военной опасности для России, которая при определенных условиях, причем в достаточно сжатые сроки, может перерасти в непосредственную угрозу территориальной целостности нашей страны»²⁵.

Думаю, эти провокационные выкладки не заслуживают многословных комментариев. Однако они ценны как веское свидетельство продолжения того дела, у истоков которого стоял «ры-

жий и усатый таракан». Как бы ни были мощны и влиятельны продолжатели этого дела, долг каждого добросовестного ученого – противостоять ему строго объективным анализом происходящего в Японии. С расчетом на него и задумывалась предлагаемая вниманию читателей книга. В ней не нашлось места ни для восторженных дифирамбов, ни для зубодробительных поношений. Авторы постарались держаться «золотой середины», и, по-моему, им это удалось. Не все грани японской действительности были охвачены, зато то, что попало в текст, получило всестороннее освещение. Теперь слово за читателями.

В. Р а м з е с

Примечания

¹ Цит. по: ВКП (б) Коминтерн и Япония. М., 2001, с. 17–18.

² Подробно см.: В.Алпатов. Репрессированные японисты. – Япония. Ежегодник М., 1989. Автор пишет: «Трагические для нашей страны 1937 и 1938 годы тяжело сказались и на советском японоведении. Пожалуй, наряду с китае- и корееведением оно пострадало в отечественном востоковедении наиболее сильно. Обстановка искусственно нагнетаемой шпиономании в сочетании с тогдашним характером отношений между СССР и Японией приводили к тому, что чуть ли не каждый человек, знавший японский язык и тем более бывавший в Японии, мог восприниматься как «японский шпион». За период с 1936 по 1938 г. было репрессировано не менее половины работавших в то время японоведов. Некоторые из них были потом освобождены, но большинство погибло. Относительно масштабов репрессий можно привести два свидетельства. Сохранился оттиск коллективного письма группы ленинградских и московских японоведов, на котором Н.И.Конрад оставил пометы, касающиеся судебных упоминаемых там специалистов. Из 38 ученых Н.И. Конрад отмечает как пострадавших в 1937–1938 гг. 19. Однако судьба еще нескольких человек была Н.И. Конраду, вероятно, неизвестна, по крайней мере один из них, М. Лайне, был арестован. Лишь про 8 – 9 человек, фигурирующих в письме, можно с уверенностью сказать, что они никогда не арестовывались. Другим свидетельством служит рассказ покойного Н.А. Сыромятникова о том, что когда он в конце лета 1938 г. приехал из Владивостока в Ленинград поступать в аспирантуру, там не было почти никого из старого преподавательского состава: во всем университете остался лишь один квалифицированный специалист по японскому языку – А.А. Холодович» (Цит. соч., с. 311).

³ Напомню лишь об одном эпизоде. Летом 1942 г., когда нацисты рвались к Волге и судьба коммунистического царства висела на волоске, крупный «интернационалист» Александров, ведавший агитацией и пропагандой, направил руководству партии записку об острой необходимости наведения порядка в кадровых составах театров и других творческих организаций, где об-

разовалось засилье евреев. Можно ли хоть на секунду вообразить, что этот циничный философ-развратник действовал по собственной инициативе, без указаний или, по меньшей мере, молчаливого одобрения «свыше»?

⁴ Цит. по: В.Глушков, А.Шаравин. На карте Генерального штаба – Маньчжурия. М., 2000, с. 33.

⁵ Там же, с. 48.

⁶ Вот как учил своих японских приспешников анонимный автор статьи (говорят, что это был «симпатичный грузин» собственной персоной) в преследутой газетке Коминформа «За прочный мир, за народную демократию» [№1 (61), 1950]: «Руководители трудящихся и народные патриоты Японии должны понять, что Япония может подняться и стать великой независимой державой лишь в том случае, если она отрешится от империализма и империалистических союзов, если она встанет на путь демократии и социализма, если она будет держаться линии мирного развития и укрепления мира между народами. Либо Япония встанет на этот путь – и это будет спасением для нее, либо она не встанет на такой путь, и тогда она будет вынуждена превратиться в жалкое орудие в руках мирового империализма, лишенное свободы и независимости и обреченное на прозябание».

⁷ О том, до чего дошла КПЯ в этих попытках, рассказал один из наиболее информированных знатоков ее истории И. Коваленко: «Важнейшим итогом работы конференции (IV Национальной. – В.Р.) стало принятие “военного курса”, в котором указывалось, что вооруженная борьба имеет своей целью изгнание из Японии американской армии и уничтожение органов насилия и угнетения. “Военный курс” предусматривал создание “отрядов самообороны” для “защиты партийных и массовых демократических организаций”, “летучих отрядов” для нападения на важные правительственные объекты и развертывание партизанского движения в стране. Помимо “отрядов самообороны” и “летучих отрядов” в соответствии с “военным курсом” предполагалось сформировать “отряды морального сопротивления”, которые должны были развернуть антиправительственное движение, вовлекая в него рабочий класс, крестьянство, рыбаков, студенчество и представителей городского населения. Предполагалось, что в ходе этого движения будет создана народно-освободительная армия» (И. Коваленко. Коммунистическая партия Японии. М., 1987 с. 336).

⁸ Здесь и далее: Правда. 29.08.1951.

⁹ Даже такой твердокаменный коммунист – марксист, как Р. Зорге, отлично понимал, кто правил бал в тогдашней Японии. Приведу две выдержки из его работ, опубликованных в Германии (цит. по: Ю. Георгиев «Рихард Зорге». М., 2000). Первая: «Японская Конституция предусматривает три полноценных «уполномоченных органа» или «уполномоченных групп лиц»: кабинет министров, руководство вооруженных сил и Высшего тайного совета... Зачастую разнообразие мнений этих «органов уполномоченных» приводило к острым стычкам между ними, когда тот или иной слой общества недвусмысленно претендовал на господство. Наиболее драматично борьба за главную роль в государственном руководстве после (первой – В.Р.) мировой войны разворачивалась в высших финансовых кругах. Причем борьба эта велась в пар-

ламенте с помощью политических партий. Сокрушительное поражение этим претендентам на господство, и прежде всего хрупкой буржуазии, нанесла армия благодаря своей победе в маньчжурском инциденте и многочисленным покушениям на ведущих представителей крупной буржуазии. Сегодня чаша весов среди «уполномоченных органов» государственного руководства отчетливо склоняется в пользу вооруженных сил» (с. 195-196). Вторая поддержка: «Японцы – захватчики, но отнюдь не колонизаторы. Этот факт обусловлен также собственно носителем японской экспансии. Им является не торговля и не частный хозяйственник, который пользуется государством, как это имеет место в европейских странах. Действительно решающим носителем идеи экспансии в Японии являются вооруженные силы а, точнее говоря, армия. Тем самым обусловлены направленность экспансии на континент, а также практические цели экспансии. Наряду с потребностью любой армии расширить сферу своей власти на первом месте стоят военно-экономические и стратегические потребности. Для японской армии частнохозяйственные интересы Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и многих других представляют собой скорее прискорбные побочные явления успешной экспансии, а не ее главные аргументы. Армия нуждается в сырье для военной промышленности и определяет границы своих завоеваний из стратегических соображений» (с. 204)

¹⁰ См.: В. Глушков, А. Шаравин. Цит. соч. с. 393.

¹¹ Там же с. 394.

¹² Б. Славинский. Советская оккупация Курильских островов (август – сентябрь 1945 года), М., 1993, с. 128.

¹³ http://www.ln.mid.ru/website/brp_4.nsf/9f9f2a6497b5822f43256a2900463456/60c46c.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ МЭ и МО, №8, 1988 с. 127.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Вызовы и угрозы национальной безопасности России в АТР. М., 2001, с. 28.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 28–29.

²¹ Там же, с. 29.

²² Там же, с. 30.

²³ Там же, с. 141.

²⁴ Там же, с. 141

²⁵ Там же, с. 141–142. Пара далеко не одинока в оценке положения на дальневосточных окраинах России. «Наш спецкор Николай Варсегов, – пишет неувядающая Комсомолка, – побывал на дальневосточном театре предстоящих российско-японских боевых действий и оценил готовность местных патриотов к схватке с врагом». Сообщение бравого спецкора начинается так: «Наш Дальний Восток готовится к войне. К настоящей, кровавой – и это не шутки» (Комсомольская правда, 2.10.2001). Ох, не случайно все эти КП и МК не меняют названий!

О национальной гордости японцев

В. Молодяков

Понятие «японский национализм» давно стало не только привычным, но как бы само собой разумеющимся. О нем уже доброе столетие говорят и пишут политики, публицисты, историки, философы и просто праздные люди. Однако, читая написанное ими, порой испытываешь странное ощущение, что речь они ведут о совершенно разных вещах и явлениях, называя их одним и тем же — емким, но постепенно теряющим смысл — именем. В результате складывается образ некоего многоглавого чудовища, называющегося «японский национализм» и являющегося средоточием всех мыслимых и немыслимых зол, мрачным наследием прошлого, которое надлежит «преодолевать» и «искоренять».

Безусловно, национализм в Японии, как и во всех других странах, всегда существовал и существует. Ничего уникального и уж тем более ничего особо опасного в этом нет. Однако известный французский философ Р. Генон еще три четверти века назад прозорливо заметил: «Когда в дело вмешиваются страсти, одни и те же вещи могут быть оценены весьма различным, а подчас даже

прямо противоположным образом. Так, к примеру, когда западные народы противятся иностранному вторжению, это называется «патриотизмом» и всячески приветствуется. Но когда то же самое делают народы Востока, это становится «фанатизмом» и «ксенофобией» и вызывает к себе только ненависть и презрение¹. История Японии последних полутора столетий, точнее ее восприятие и трактовка «цивилизованным миром», наводит на мысль, что Р. Генон был не так далек от истины, хотя писал не о Дальнем Востоке, а преимущественно об Индии и мире ислама.

Что есть японский национализм сегодня? Это ощущение себя японцем (национальная самоидентификация), это гордость за свою страну и готовность служить ей (патриотизм), это чувство известной закрытости, отгороженности от остального мира (сознание «островной страны»), это, наконец, и латентная ксенофобия, становящаяся все слабее с каждым новым поколением, но не исчезающая полностью. Но не существует и никогда не существовало единого японского национализма как философского учения, политического движения, социальной силы или типа сознания, как бы ни утверждали обратное просвещенные и не очень просвещенные люди. Даже применительно к «темному веку» 1930–1940-х гг. речь может идти лишь о совокупности – но никак не о единстве, которого никогда не было, – движений, доктрин или организаций националистической ориентации как оппозиции интернационалистам, о степени распространенности этих идей или массовости базы соответствующих организаций. Что там говорить о послевоенной Японии...

Тем не менее тревожные возгласы о том, что «японский национализм поднимает голову», за последние полвека раздавались не раз и не два в разных концах планеты – от СССР и КНР до США и Филиппин. Их содержание, форма и политический контекст были различны в зависимости от конкретной идеологической необходимости, но все вместе они привели к появлению соответствующего стереотипа. Попробуем разобраться, что же стоит за ним.

И для Японии, и для России – здесь, на мой взгляд, сходство очевидно – проблема национализма как идеологии или общественного сознания (вопрос о вдохновляемых им политических движениях оставим в стороне) связана прежде всего с восприятием национальной истории, с трактовкой собственного прошлого, которое может восприниматься и как сокровище, и как

позор. Историки Е. Зубкова и А. Куприянов справедливо отмечают: «Любое общество в периоды кризисов сталкивается с явлением актуализации прошлого. В такие моменты история страны, народа более всего подвержена соблазну нового прочтения, при этом речь не идет о поступательном развитии исторической научной мысли, которой (если она претендует на статус науки) вообще свойственно сомневаться и критически оценивать собственные достижения. Во всяком случае не потребности истории как науки играют здесь решающую роль, на первый план выходят скорее конъюнктурные соображения и политические интересы»². Поэтому не удивительно, что дискуссии по проблемам национальной истории и ее интерпретации – прежде всего в сфере образования, формирующей интеллектуальный багаж, но и лично сть будущих граждан страны, – не утихают в Японии все послевоенные годы. То замирая, то усиливаясь, они вовлекают в споры не только ученых и педагогов, но и политиков, публицистов, общественных деятелей всех лагерей. А это говорит о том, что интерес к проблеме носит отнюдь не только академический характер.

Трактовка отечественной истории в подчеркнута национальном ключе была присуща официальной японской историографии от древнейших хроник до 1945 г. Другой важной особенностью этой трактовки было постоянное подчеркивание этического аспекта национальной истории, понимавшейся не просто как сумма знаний, но прежде всего как средство гражданского и патриотического «морального воспитания». Можно по-разному оценивать содержание конкретных учебников по истории, появившихся в то время, но нельзя не отметить высокой результативности такой идеологической обработки. Конечно, с течением времени патриотизм в официальной трактовке национальной истории нередко подменялся шовинизмом и ксенофобией, а на место этических и моральных истин ставились милитаристские лозунги, но в целом у большинства японцев была воспитана законная гордость за свою страну. Здоровое чувство национальной гордости является одним из условий успешного развития нации и государства, что в полной мере подтверждается опытом Японии в период после радикальных преобразований «Мэйдзи исин» (1868 г.). Однако перерастание этого чувства в шовинизм привело, как известно, к трагическому финалу Второй мировой войны.

Военное поражение Японии и его многообразные последствия, как политические и социальные, так и духовные, открыли новую эру не только в самой национальной истории, но и в ее восприятии. В один момент были сокрушены или, по крайней мере, радикально поколеблены, поставлены под сомнение практически все фундаментальные ценности национального самосознания и самоидентификации: «небесное» происхождение и сакральный характер императорского дома, вера в божественную и историческую миссию Японии в мире, в национальную исключительность японского народа и в непобедимость японской армии. Отмена цензуры, амнистия политических заключенных, реформа системы образования, проведенная под жестким давлением и контролем оккупационных властей, в корне изменили восприятие национальной истории японским обществом. Раньше в нем царил принудительный консенсус, нарушать который было «непатриотично», да и просто опасно.

Новые власти, как оккупационные, так и японские, ни в коей мере не отказались от воздействия на общественное мнение и манипулирования им, но были вынуждены предоставить свободу слова оппонентам как справа, так и слева. Впрочем, отмена цензуры осенью 1945 г. не означала равной свободы для всех. Среди арестованных, интернированных или попавших под «чистки» были не только военные, чиновники и политики, но и публицисты, философы, деятели просвещения, ученые, отлученные от университетских кафедр и страниц массовых журналов и газет. Замечу, однако, что ряд деятелей довоенного национализма из числа воинствующих антикоммунистов (Н. Киси, Ё. Кодама, Б. Акао) быстро нашел общий язык с оккупационной администрацией и охотно помогал ей в противодействии «красным».

Прокоммунистически настроенные историки и идеологи сразу же начали интенсивно продвигать свои идеи в университеты и школы, особенно по окончании американской оккупации в 1952 г. В академической и университетской среде их позиции были весьма сильны, даже несмотря на «чистку «красных» во время войны в Корее, а в школах рупором этих настроений стал созданный в 1947 г. Всеяпонский профсоюз учителей. Вскоре после войны была отменена система обязательного государственного одобрения школьных учебников по общественным дисциплинам, включая национальную историю, что дало учителям право выбора учебников для преподавания. В условиях широкой популярно-

сти марксистских и коммунистических идей в учительской среде это привело к радикальному «полевению» школьного образования и наложило сильный отпечаток как минимум на два поколения послевоенных школьников. Только в 1956 г. правительству удалось провести закон об обязательном одобрении учебников Министерством просвещения, которое получало право цензурирования и даже запрета для использования в школах уже изданных книг. Сразу же были запрещены восемь учебников по истории, что было интерпретировано не просто как «вылазка» реакции, но как покушение на гарантированные конституцией 1947 г. свободы слова и научной деятельности. Замечу, что включение этих статей в послевоенную конституцию было принципиальным новшеством по сравнению с предшествующим периодом.

Правящая элита страны, в которой доминировали политики и чиновники с довоенным прошлым, естественно, не была заинтересована в распространении левых, прежде всего коммунистических и марксистских учений среди молодежи. В университетах, включая государственные, изучение марксизма было полностью легализовано, а противостоять его пропаганде репрессивным путем в условиях повышенной политической ангажированности общества стало практически невозможным.

Однако в сфере школьного образования в руках у государства оставались рычаги не только интеллектуального, но и административного воздействия. Элите нужен был ответ на вызов марксистов, причем настолько всеобъемлющий и основательный, чтобы он устроил всех: чиновников и учителей, интеллектуалов и школьников. Министерство просвещения оказалось перед сложной задачей, для решения которой было необходимо сочетание «кнута и пряника». «Пряником» стало невозвращение к системе «единого учебника» по национальной истории, как предлагали некоторые, привлечение к сотрудничеству представителей различных научных направлений и политических сил, кроме радикалов «слева» и «справа», а также введение в 1963 г. системы бесплатных учебников. «Кнутом» оставалось право цензурировать тексты, представленные на одобрение в министерство, будь то рукопись или уже изданная книга. Эта система остается в действии и сегодня.

Одностороннее оправдание политического курса довоенной Японии и ее милитаристского прошлого было, разумеется, невозможным, поскольку решения Международного военного трибуна-

ла для Дальнего Востока (МВТДВ) и вся так называемая «историческая концепция Токийского процесса» стали одной из основ идеологии послевоенного японского истеблишмента, хоть и не столь явно, как в обеих частях разьединенной Германии. Поэтому распространявшиеся в советской печати уже с конца 1940-х годов утверждения, что правящие круги Японии всеми силами стремятся к пересмотру и переоценке этих решений и концепций, были, мягко говоря, некорректны: послевоенная элита нисколько не стремилась рубить сук, на котором сидела, хотя и предпринимала попытки скорректировать отдельные неприятные для нее «частности».

Основанное на решениях Токийского процесса, «мазохистское», как называют ее некоторые современные авторы, восприятие национальной истории вызывало нарекания уже в 1950-е годы, поскольку и политики, и администраторы, и многие педагоги прекрасно понимали, что невозможно вести воспитание молодежи только на одном «негативе», который к тому же чреват распространением радикальных идей. Они акцентировали внимание на таких несомненных фактах, как отличие политического режима довоенной Японии от итальянского фашизма и германского национал-социализма, воинственно антияпонская позиция Китая, США и Великобритании в 1930-е годы, поддержка Японией национально-освободительных и антиколониальных движений в Азии, содействие экономическому развитию колоний и оккупированных территорий и т.д. Ведь со всем этим в свое время была непосредственно связана деятельность многих представителей правящей элиты, определявших государственную политику в послевоенные десятилетия. Они смирились с осуждением политического прошлого Японии в целом, но старались выделить в нем все возможные позитивные моменты. Именно это громогласно объявлялось оппонентами «возрождением японского национализма и милитаризма».

Такой линии старались придерживаться правительство и Министерство просвещения, на помощь которым пришла либеральная историография, стремившаяся взять реванш и лишить марксистов интеллектуальной и академической монополии на интерпретацию национальной истории. Тотальная критика прошлого сменилась, разумеется, не тотальной его апологией, но вполне искренними попытками разобраться в происшедшем. Эту работу взяло на себя поколение историков, пришедших в науку в конце 1950-х годов и свободных от марксистской догматики: Т. Хосоя,

Т. Ито, И. Хата и другие, почитаемые теперь как «отцы-основатели» нынешней японской академической историографии. С их именами связаны фундаментальные исследования 1960–1970-х годов, задавшие новое направление восприятию и осмыслению национальной истории в Японии.

К рубежу 1960–1970-х годов влияние марксистских и коммунистических идей в академической и университетской среде значительно ослабело, напоследок вылившись в пароксизм студенческих волнений 1968–1969 гг. Левый радикализм и марксистская догматика становились все менее убедительными и привлекательными и для преподавателей, и для студентов, уступая место более умеренным концепциям и трактовкам, которые казались более адекватными периоду высоких темпов экономического роста. Вчерашние «леваки» все более открыто шли на компромиссы и уверенно встраивались в истеблишмент. Однако в более бюрократизированной и менее свободной сфере школьного образования процесс переосмысления национальной истории протекал куда менее гладко. Министерство просвещения всегда стремилось к примирительному сглаживанию «острых углов» путем «советов» и «рекомендаций», прибегая к прямой цензуре только в крайних случаях. Подобные меры применялись, как мы увидим, и к «правым», и к «левым» авторам, но правый радикализм до сих пор не пользуется ни популярностью, ни уважением в образованном японском обществе (сколько бы ни утверждали обратное и советские, и американские СМИ!) и даже в консервативных правящих кругах считается более опасным, чем левый. Поэтому и меры воздействия, применявшиеся к «прогрессивным» авторам, вызывали несравненно больший общественный резонанс.

Особенно широкую огласку в Японии и за ее пределами (в том числе в СССР) получили судебные процессы историка С. Изнага против Министерства просвещения. В начале 60-х годов. министерские цензоры потребовали внести ряд исправлений в написанные им школьные учебники по национальной истории, что было вполне рутинной практикой, но автор сразу же обратился в суд, чтобы обжаловать незаконные, неконституционные, по его мнению, действия чиновников. Битва С. Изнага с Министерством просвещения продолжалась более тридцати лет (с 1964-го по 1997 г.) в судах различной инстанции и закончилась официаль-

ным признанием незаконности отдельных требований чиновников, но не неконституционности цензуры учебников как таковой.

С. Изнага не был коммунистом, но полностью разделял распространённые в первые послевоенные десятилетия негативистские оценки «фашистского» и «милитаристского» прошлого Японии. Исправления, внесенные Министерством просвещения, касались общих оценок войны в Китае и на Тихом океане как «агрессивной», а также характеристик отдельных событий вроде «нанкинской резни» 1937 г. Министерство потребовало смягчения формулировок и изъятия ряда фрагментов, «позорящих» японскую армию и страну в целом. Автор не согласился с предложенными поправками и решил опротестовать решение в суде, желая создать прецедент и привлечь к проблеме внимание общественности. Одновременно он продолжал работать над новыми учебниками, стараясь прийти к определенному компромиссу с властями. Однако отношения историка с Министерством просвещения были окончательно испорчены: по итогам очередного рассмотрения его учебников в начале 80-х годов от автора потребовали внести около пятисот поправок.

После нескончаемых споров 29 августа 1997 г. Верховный суд квалифицировал как законные и правомерные поправки Министерства просвещения к учебникам Изнага по трем главным пунктам: сопротивление корейского народа Японии во время японо-китайской войны 1894–1895 гг., «нанкинская резня» и битва за Окинаву. Изнага удалось отстоять право на включение в учебники информации об «отряде 731», занимавшемся разработкой биологического оружия, хотя Министерство просвещения настаивало на изъятии любых упоминаний о нем. Не удалось решить и вопрос о конституционности цензуры учебников, которая по-прежнему остается в силе. Японские и некоторые иностранные СМИ подробно освещали и комментировали все перипетии и этапы процесса (особенно ранние), который стал символом борьбы честного и независимого ученого против произвола «реакционных» чиновников и «возрождения национализма»³. Однако со временем интерес к подобным событиям ослабел: постепенно в японском обществе распространялись идеи умеренного (или, как его нередко называют, «здорового») национализма, Министерство просвещения проводило все более гибкую и взвешенную политику, а позиции прокоммунистической и марксистской историографии неуклонно ослабевали.

События начала 80-х годов, особенно приход к власти в 1982 г. правительства Я. Накасонэ, стали началом «неоконсервативной» волны, которая немедленно отразилась и в сюжетах, связанных с исторической и культурной проблематикой. Именно в те годы возникают и распространяются так называемые «теории о японцах» (*нихондзинрон*), призванные подчеркнуть уникальность (заметим, не превосходство!), а потому непостижимость для иностранцев японской культуры и цивилизации. Пик их популярности пришелся на 80-е годы, но потом они быстро ушли в тень и ныне в целом забыты.

В сфере практической политики новые тенденции обозначились еще явственнее. Вызвавшие многочисленные протесты общественности в Японии и за границей, демонстративные официальные визиты Я. Накасонэ в токийский синтоистский храм Ясукуни – место символического упокоения душ всех, павших за Великую Японию, не исключая и «военных преступников», – стали символом перемен в государственной политике, ограничившихся, впрочем, подобными жестами. Действительно, консервативные и националистические круги в эти годы все чаще выступали с требованиями реформы образования, в том числе преподавания национальной истории, но это было не в последнюю очередь связано с общим обострением «холодной войны» в глобальном масштабе.

Следуя общей политической и идеологической линии кабинета Накасонэ и учитывая поднимавшуюся волну неоконсервативных и националистических настроений, Министерство просвещения в 1982 г. распорядилось выпустить ряд учебников по национальной истории для средних школ, в которых действия японской армии в Китае в 1937 г. деликатно назывались «продвижением»; употребление в учебниках слова «агрессия» (*синряку*) применительно к войнам, которые вела Японская империя, было формально запрещено. Последовавшие за этим официальные дипломатические протесты ряда азиатских стран вынудили правительство «сбавить обороты». Развернулась очередная кампания критики «слева», которую направляло Общество граждан, озабоченных проблемой учебников. Но сразу же оформилось и оппозиционное гражданское движение справа. Следует обратить внимание на то, что в обоих случаях инициатива принадлежала частным лицам, а не представителям государственных структур.

В октябре 1981 г. был создан Народный совет в защиту Японии, объявивший в числе своих целей и задач реформу народного образования и гражданского воспитания в духе патриотизма, включая пересмотр послевоенного Основного закона об образовании и Конституции 1947 г. Представители Народного совета несколько раз встречались с премьер-министром Я. Накасонэ и передавали ему петиции и обращения, на которые он реагировал, как правило, с одобрением, в том числе и публично. Среди руководителей и идеологов Народного совета было немало общественных деятелей, педагогов и ученых с довоенным прошлым, что позволяло критикам обвинять их в «милитаризме» и «фашизме». Однако наряду с откровенными шовинистами в верхушку Народного совета входили такие идеологи атлантизма и сторонники японо-американского союза, как Т. Касэ, бывший дипломат и автор популярных книг по проблемам международных отношений, пользовавшийся личным доверием Я. Накасонэ.

Именно Касэ стал официальным редактором программного издания Народного совета – «Нового курса истории Японии», выпущенного в качестве школьного учебника по национальной истории⁴. Однако, вопреки возможным ожиданиям, судьба книги и ее путь в школьные классы оказались нелегкими. Еще до того, как «Новый курс» попал к читателям, против него резко выступили не только центральный орган компартии Японии «Акахата», но и либеральная «Асахи симбун». 7 июля 1986 г. Министерство просвещения утвердило книгу в качестве школьного учебника, но сделало в ней ряд цензурных купюр, продемонстрировав свою надпартийность и верность принципу «золотой середины». Внешнеполитические ведомства КНР и некоторых других азиатских стран выступили с официальными протестами против издания книги. Несмотря на это, уже в 1986/87 учебном году 32 школы приняли «Новый курс» в качестве базового учебника по истории, что нельзя не признать несомненной победой его авторов в условиях доминирования левых в педагогической среде. Как показали последующие события, это было только начало новой волны гражданского движения.

Чем же не угодил «Новый курс» своим оппонентам? Да прежде всего тем, что попытался лишить «министерство правды» – истэблишмент и его лево – либеральных попутчиков – монополии на обладание исторической истиной и на трактовку исторического прошлого. Это был именно вызов академическому и даже от-

части политическому истеблишменту, может, не во всем удачный, но смелый и масштабный. Авторы открыто замахнулись на такие «святыни» официальной послевоенной идеологии и зависящей от нее историографии, как «нанкинская резня» и односторонняя ответственность Японии, точнее кабинетов Коноэ и Тодзё, за начало войны на Тихом океане, а также утверждали, что война Японии в Азии была направлена против «белого империализма» и имела «освободительный характер».

Коммунистические критики, утверждавшие, что «содержание учебника... полностью совпадает с политической линией премьер-на Накасонэ»⁵, были одновременно и правы, и не правы. С одной стороны, сам Накасонэ еще в июле 1985 г. полуофициально заявил, что японцам надо «полностью очиститься от привнесенных из-за рубежа взглядов на историю с позиций Токийского трибунала, с позиций марксизма»⁶. С другой стороны, ориентация администрации Накасонэ была откровенно проамериканской, за что премьер-на внутри самой ЛДП критиковал влиятельный политик и публицист С. Исихара, нынешний мэр Токио. Купюры, сделанные Министерством просвещения в тексте «Нового курса», отражали позицию правительства не в меньшей степени, чем факт одобрения учебника. Поэтому некритически приравнивать позицию его авторов к позиции тогдашней администрации нельзя.

Правда, в середине 80-х годов эти позиции были действительно близкими. Расхождения начались с началом 90-х, когда обстановка в мире радикально изменилась. Ослабление и распад СССР сняли с повестки дня «советскую угрозу». Внешнеторговые конфликты с США заставили усомниться в оправданности полного подчинения политики Японии диктату «Большого Брата». «Четыре дракона», особенно Республика Корея, стали предпринимать откровенно антияпонские акции, в том числе апеллируя к событиям прошлого. Поражение либерал-демократов на выборах 1993 г. – первое со времени основания партии в 1955 г. – показало, что «в датском королевстве» далеко не все благополучно. После смены власти темы истории и национализма снова вышли на первый план в текущей политике.

Новый премьер-министр М. Хосокава начал серию японских «извинений» перед азиатскими странами за действия Японии в 30 – 40-е годы, но его линия вызвала явное недовольство консерваторов, которые считали вопрос давно решенным и закрытым⁷. 15 ав-

густа 1993 г., вскоре после вступления в должность, выступая в годовщину капитуляции Японии, премьер назвал ее действия «агрессивной войной». Во время визитов в Китай, Корею и страны АСЕАН Хосокава и министр иностранных дел Ц. Хата (будущий премьер-министр) снова и снова каялись за прошлое. «Дипломатию извинений» продолжил и их преемник Т. Мураяма, основной темой внешнеполитической риторики которого стал приближавшийся пятидесятилетний юбилей окончания войны на Тихом океане. 23 августа 1994 г. премьер отправился с официальным визитом на Филиппины, в Сингапур, Малайзию и Вьетнам именно для того, чтобы принести извинения за японскую агрессию в прошлом и подтвердить оказание этим странам экономической помощи в будущем. Эти же темы занимали главное место в его программной речи в парламенте 20 января 1995 г. А 15 августа того же года, в полувековую годовщину императорского рескрипта о капитуляции (этот день считается в Японии днем окончания войны), Мураяма принес окончательные извинения всем странам Азии, пострадавшим от японской экспансии.

Однако волна извинений вызвала в некоторых странах Азии не одобрение и понимание, как логично было бы предположить, а, напротив, новую вспышку антияпонских настроений. Извинения были сочтены проявлением слабости, чем попытались воспользоваться отдельные политики и общественные деятели. Думая, не будет ошибкой применить к этой ситуации характеристику, данную положению дел в постсоветской России: «Дегероизация истории России *изнутри* и вызов национальных историй *извне*»⁸. На таком фоне в Японии поднялась новая волна гражданских движений, стремящихся к переоценке прошлого. Вчерашние левые, успешно интегрировавшиеся в истеблишмент, поддерживали «дипломатию извинений» и критиковали правительство только за ее недостаточно активный характер.

Прежде всего это касается так называемых «женщин комфорта» – преимущественно кореянок, использовавшихся в годы войны для удовлетворения сексуальных потребностей солдат японской армии. Некоторые авторы утверждают, что женщины были мобилизованы, во-первых, *официально*, а во-вторых, *насиленно*, а потому имеют полное моральное и юридическое право требовать денежную компенсацию от японского правительства, не говоря о формальных извинениях и признании полной ответ-

ственности за преступные действия. Несмотря на усиленные поиски, первое утверждение не получило документального подтверждения, поскольку прибыльным «секс-бизнесом» занимались частные лица, а официальные органы пользовались услугами последних. Эти торговцы «живым товаром» и должны нести ответственность за свои, мягко говоря, неприглядные деяния. Что касается утверждений о насильственном характере вовлечения женщин в «секс-бизнес», то и они остаются спорными, поскольку основаны не на документах эпохи, а почти исключительно на заявлениях самих бывших «женщин комфорта», в том числе сделанных через много десятилетий после войны⁹. Сомнительный характер этой аргументации очевиден любому беспристрастному историку. Конечно, это не означает, что не следует выслушать и жертв, — многие из женщин действительно стали жертвами обмана, а порой и прямого насилия — однако щепетильность ситуации, непосредственно связанной с отношениями Японии и соседних стран, требует особенно тщательной проверки всех фактов. Японские суды уже рассмотрели ряд исков бывших «женщин комфорта», удовлетворив одни и отказав в других. В каждом случае суд подробно мотивировал свое решение, однако любое удовлетворение иска встречалось бурными восторгами японской и американской прессы (с которой, заметим, солидаризовались и некоторые российские авторы японофобской ориентации), а любой отказ — гневным осуждением. Это едва ли способствует установлению исторической истины, равно как и достижению общественного согласия.

Проблема «женщин комфорта» оказалась в центре внимания группы японских ученых и общественных деятелей, основавших в декабре 1996 г. Общество по созданию новых учебников истории, которое возглавил профессор К. Нисио. Несколько ранее, в июле 1995 г., возникла Ассоциация за развитие свободного взгляда на историю во главе с профессором Н. Фудзиока, специалистом в области педагогики. Решение Министерства просвещения от 27 июня 1996 г. оставить рассказ о «женщинах комфорта» в учебниках национальной истории для средней школы стало поводом для их организационного объединения. Фудзиока не только публично подверг сомнению достоверность распространяемых сведений, но и решительно выступил против любых упоминаний о «женщинах комфорта» в школьных учебниках, мотиви-

руя это прежде всего соображениями морали и опасениями за детскую психику¹⁰. Можно не соглашаться с сомнениями Фудзиока-историка относительно достоверности сведений о «женщинах комфорта» и оспаривать его аргументы, но убежденность Фудзиока-педагога в том, что подобным сюжетам не место в учебниках для 12–15-летних детей, по-моему, вполне оправданна. И дело даже не в коронной фразе Фудзиока о том, что «народ, не имеющий истории, которой он мог бы гордиться, не может существовать как нация», хотя оспорить ее трудно. Дело в том, что едва ли стоит акцентировать внимание школьников на «низменных» проявлениях человеческой натуры. Не знаю, согласятся ли со мной японские учителя, но их российские коллеги, думаю, согласятся.

Но наибольший международный резонанс получили споры вокруг «нанкинской резни», вспыхнувшие в последние годы с особенной остротой¹¹. Значение дискуссии далеко вышло за пределы обсуждения конкретного факта, а вопрос приобрел принципиальное значение для международного престижа Японии, для национальной гордости японцев и, в известном смысле, для их национальной самоидентификации. Справедливости ради замечу, что с этой дискуссией связывают рост националистических настроений не только в Японии, но и в Китае¹². Если версия Токийского процесса о сознательном и хладнокровном уничтожении японцами более двухсот тысяч китайцев (подлинное число жертв достоверно не известно до сих пор, а вопрос вызывает жаркие споры), преимущественно военнопленных и мирных жителей, после взятия Нанкина в конце 1937 г., полностью подтвердится, то совершившееся ляжет несмываемым позором не только на армию, но и на всю страну.

Япония уже не раз приносила официальные извинения китайскому народу за ущерб и страдания, причиненные японской агрессией, и признала свою полную ответственность за содеянное (например, в совместной декларации правительств КНР и Японии в ноябре 1998 г.), не вдаваясь, однако, в конкретные подробности. Поэтому японские историки-ревизионисты во главе с Н. Фудзиока не устают повторять, что поведение императорской армии во время войны, конечно, не лишено «эксцессов», но они сопоставимы с тем, что совершали в Европе армии союзников, а не нацистской Германии. Антияпонски настроенные авторы как раз настаивают на обратном. Поэтому вопрос о том, что же на са-

мом деле произошло в Нанкине, имеет для Японии и японцев отнюдь не отвлеченный характер.

«Детонатором» нового витка дискуссии стали амбициозная книга «Нанкинская резня» американской журналистки китайского происхождения А. Чен и публикация дневника свидетеля событий немецкого коммерсанта И. Рабэ, которого пресса поспешила окрестить «добрым человеком из Нанкина» и «нанкинским Шиндлером»¹³. Рассчитанная на сенсацию, если не на скандал, тщательно разрекламированная книга А. Чен сразу же стала бестселлером в Соединенных Штатах. Однако, не впадая в преувеличение, ее можно охарактеризовать прежде всего как вызов национальной истории Японии, тот самый «вызов извне», о котором говорилось выше. Эмоционально взвинченный, вызывающе антияпонский тон книги бросается в глаза с первых же страниц.

Известие о подготовке ее японского издания вызвало немедленные протесты тех, кто считал ее оскорбительной для национальной гордости японцев. Но дело даже не в оскорбленных чувствах. Такие авторитетные специалисты, как И. Хата и его американский коллега А. Кукс, автор классических работ о конфликтах на Хасане и Халхин-Голе, насчитали в «Нанкинской резне» множество исторических ошибок и откровенных фальсификаций, включая махинации с фотографиями, а Н. Фудзиока и С. Хигасинакано дали наиболее полную и аргументированную критику этого сочинения, посвятив ему отдельную книгу¹⁴. Даже представители японского академического истеблишмента в частных беседах с автором этих строк отзывались о книге А. Чен с неодобрением, сетуя на ее низкий исторический уровень и политическую ангажированность. Дневник И. Рабэ, который СМИ попытались превратить в сенсацию мирового масштаба, тоже подвергся основательной историографической критике.

Но довольно о тонкостях полемики. Куда важнее то, что она разворачивается не в малотиражных академических изданиях, а на страницах наиболее популярных журналов – «Сёкун», «Бунгэй сундзю», «Сэкай», «Сэйрон». Невольно приходят на память отечественные дебаты вокруг «исторических фантазий» Д. Волкогонова, Э. Радзинского, В. Суворова (В.Б. Резуна), затрагивавших наиболее чувствительные моменты национальной истории. Сходство ситуации налицо: события исторического прошлого исполь-

зуются для политических и идеологических «разборок» дня сегодняшнего. Все-таки тысячу раз прав немецкий историк Э. Нольте: прошлое для нас так и не прошло.

Реакция академического и политического истеблишмента по обе стороны Тихого океана не заставила себя ждать. Призраком «японского национализма» никого уже не испугать, поэтому влиятельный американский историк Г. Мак-Кормэк прибег к более действенному в наши дни средству, поспешив назвать деятельность Н. Фудзирока и его единомышленников «отрицанием Холокоста по-японски»¹⁵. Следует пояснить, что так называемое «отрицание Холокоста» (Holocaust denial), т.е. наличия в нацистской Германии официально разработанной и одобренной Гитлером программы уничтожения евреев по этническому признаку, является уголовно или административно наказуемым деянием в ряде европейских стран (Германия, Австрия, Франция и др.), а в тех же Соединенных Штатах, как правило, ведет к изгнанию «виновных» с работы и отлучению их от СМИ. Таким образом, Г. Мак-Кормэк, во-первых, поместил деятельность японских историков-ревизионистов в максимально отрицательный контекст, а во-вторых, постарался опровергнуть их принципиально важный тезис о несопоставимости деяний нацистской Германии и довоенной Японии. Кстати, А. Чен тоже дала своей книге многозначительный подзаголовок – «Забытый холокост Второй мировой войны», немедленно оспоренный оппонентами.

Мнение японской правящей элиты четко выразил в частной беседе с автором этих строк видный аналитик, посол в отставке и бывший заместитель министра иностранных дел. По его мнению, ревизионистское освещение национальной истории Японии не только неверно, но и опасно. Япония должна стыдиться своей истории 1930–1940-х годов, в которой нет ничего позитивного, и полностью покаяться за все свои деяния, если хочет стать полноправным членом мирового сообщества. Поведение японской армии во время войны, особенно в Китае и на Филиппинах, было варварским и бросает тень на весь японский народ, хотя и другие страны совершали подобные деяния – например, США во время войны во Вьетнаме. Однако сравнивать жестокости японской армии с уничтожением евреев нацистами все же нельзя. Яснее не скажешь.

Люди «попроще» например, связанные с Коммунистической и Социал-демократической партиями, реагируют на попытки

переосмысления национальной истории более решительно и непосредственно: например, отключая в знак протеста электричество в кинотеатрах, когда там в 1998 г. демонстрировался нашумевший фильм «Пурайдо» (от английского «Pride»), в котором были подвергнуты радикальному пересмотру расхожие представления о «героях» и «злодеях» Токийского процесса. Сделанный почти безукоризненно с точки зрения исторических деталей и отличающийся несомненным кинематографическим мастерством, этот фильм далеко не бесспорен по своей концепции, особенно в отношении героизации в качестве «рыцаря без страха и упрека» бывшего премьер-министра Х. Тодзё, японского «военного преступника номер один». Однако оппоненты, которых, кажется, напугал сам факт появления подобного фильма в современной Японии и впечатляющие кассовые сборы (несмотря на обилие отрицательных рецензий в самых влиятельных газетах вроде «Асахи симбун»), предпочли противопоставить ему не научные, а сугубо эмоциональные и силовые аргументы.

Наконец, самый последний пример. В июле 2001 г. Общество по созданию новых учебников истории наконец-то выпустило свой альтернативный учебник по национальной истории для средней школы, разрешенный к использованию Министерством просвещения с незначительными поправками. Этот факт вызвал бурю возмущения в КНР и Республике Корея, причем протесты приносились на уровне министерств иностранных дел. Когда премьер-министр Д. Коидзуми напомнил о свободе слова и информации и о праве на разные точки зрения, правительство Республики Корея объявило о замораживании политических и культурных контактов с Японией. Чем закончится этот конфликт, покажет будущее.

Так что же, «поднимает» или «не поднимает голову» японский национализм? С одной стороны, дискуссиям о проблемах национальной истории в сегодняшней Японии не видно конца; накал их не снижается, они все более активно вторгаются в текущую политику, но в то же время рядовых японцев, занятых своими повседневными делами, похоже, особо не волнуют. Тенденция к радикальной переоценке событий прошлого очевидна, но этот процесс не выходит за рамки «образованного сословия» и тем более не поощряется истеблишментом и подавляющим большинством СМИ (из влиятельных общенациональных газет исключением яв-

ляется только традиционно консервативная «Санкэй симбун»). Правые радикалы, шумные, но весьма немногочисленные демонстрации которых любили описывать обличители японского национализма, существуют и по сей день, но никакого веса в японском обществе (не говоря об элите) не имеют и иметь не будут, оставаясь безнадежными маргиналами. Что касается отдельных, пусть даже откровенно вызывающих высказываний частных лиц, так на то и существует свобода слова...

Однако новый виток процесса рефлексии по поводу собственного прошлого, свидетелями которого мы являемся, — не просто очередное «переписывание» истории в угоду сиюминутным политическим интересам, но подход к принципиально важным вопросам национального самосознания и национальной самоидентификации: будут японцы гордиться своей историей, а значит, и своей страной, или стыдиться ее? Подход еще робкий, неуверенный и как бы стыдливый. Большинство японцев вообще предпочитает не говорить на подобные темы, особенно с иностранцами, но и оставлять события прошлого вовсе без внимания тоже нельзя. Интенсивную пропаганду японской культуры, причем не только традиционной, но и современной, японской литературы, искусства, языка, ведущуюся ныне в мировом масштабе, можно рассматривать как своего рода ответ на постоянные напоминания из-за границы о «грехах отцов» вроде «нанкинской резни» и «женщин комфорта». В то же время современная Япония — давно не «страна самураев» и «Признания маски» Ю. Мисима здесь куда популярнее, чем его восторженный комментарий к «Хагакурэ» — средневековому кодексу воинской этики.

В качестве своеобразной пары к «поднимающему голову» японскому национализму существует и стереотип «полностью интернационализировавшейся Японии». В них нетрудно увидеть две стороны одной медали — но это уже совсем другая проблема.

Примечания

¹ Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991, с. 101–102.

² Е. Зубкова, А. Куприянов. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история. — Национальные истории в советском и постсоветских государствах. (К. Аймермахер, Г. Бордюгов-ред.) М., 1999, с. 299.

³ Подробности «дела» и анализ некоторых купюр и поправок, сделанных Министерством просвещения в его учебниках.: G. Hicks. *Japan's Wartime Memories: Amnesia or Concealment?* Aldershot, 1997, ch. 7. (Книга написана в защиту Иэнага.)

⁴ Нихонси. Синхан. (Новый курс истории Японии). Токио, 1986.

⁵ Дзэнъэй, 1986, № 9, с. 166. (Цит. по: А. Кошкин. Правые силы Японии и история. — Япония. Ежегодник. 1987. М., 1989., с. 101.)

⁶ Цит. по: там же, с. 97. Точный источник цитаты не указан; сообщает-ся, что это выступление Накасонэ «на семинаре для членов ЛДП в г. Кару-идзава в июле 1985 г.».

⁷ Ё. Вакамия. Сэнго хосю-но Адзиакан (Послевоенный взгляд консерваторов на Азию). Токио, 1995.

⁸ Е. Зубкова, А. Куприянов. Цит. соч., с. 300.

⁹ G. Hicks. *The Comfort Women*. New York, 1995; Report on the «United Nations Human Rights Committee» Mission to the Democratic People's Republic of Korea, the Republic of Korea and Japan on the Issue of Military Sexual Slavery During Wartime. Geneva, 1996. (Доклад основан на книге Дж. Хикса, не имеющей научного характера, зато отличающейся анти-японской ориентацией. Критика доклада: I. Hata. *The Flawed U.N. Report on Comfort Women*. — *Japan Echo*, vol. 23, № 3, 1996 и др.)

¹⁰ К. Нисю, Н. Фудзиока. Кокумин-но юдан. Рэкиси кёкасе-га абунай! (Наша неосмотрительность. Учебники истории представляют опасность!). Токио, 1996; Н. Фудзиока. Кингэндэйси кёйку-но кайкаку. Дзэндама-аку-дама сикан-о коэтэ (Реформа преподавания новой и новейшей истории. Отказ от концепции «героев и злодеев»). Токио, 1996.

¹¹ Историография проблемы: В. Молодяков: 1) Между гордостью и стыдом. Восприятие национальной истории в послевоенной Японии. — Япония: снова на марше? М., 2001; 2) «Мазохисты» против «патриотов»: дискуссии о «нанкинской резне» и послевоенное японское общество. — Япония: экономика, политика, общество. М., 2002.

¹² C. Rose. «Patriotism Is Not Taboo»: Nationalism in China and Japan and Implication for Sino-Japanese Relations. — *Japan Forum*. L., vol. 12, № 2, 2000.

¹³ I. Chang. *The Rape of Nankin: The Forgotten Holocaust of World War II*. New York, 1997. (Дневник Рабэ, впервые опубликованный на немецком в 1997 г., был немедленно переведен на английский и японский языки).

¹⁴ Н. Фудзиока, С. Хигасинакано. «Дза рэйпу обу Нанкин»-но кэнкю (Исследование нанкинской резни). Токио, 1999.

¹⁵ G. Mc Cormack. *Holocaust Denial a la Japonaise*. (Japanese Policy Research Institute, the New Mexico US – Japan Center. Working Paper № 38. October 1997.)

Японская правовая система¹

В. Е р е м и н

К концу войны на Тихом океане Япония оказалась в условиях, когда функционирование государства и общества регламентировалось псевдоправовой системой Закона о всеобщей мобилизации нации, тоталитарный характер который находился в прямом противоречии с конституцией Мэйдзи. Вследствие этого существовавшая ранее правовая система фактически разрушалась. «Закон о всеобщей мобилизации нации был направлен на то, чтобы поставить под контроль государства все – от материальной сферы жизни народа до области прав человека»², «возникло положение, когда Конституция фактически отсутствовала»³.

После того как Япония потерпела поражение в войне, оккупационные власти при участии японской стороны провели радикальные политические и социальные реформы, которые превратили страну в мирное демократическое государство. Неотъемлемой частью послевоенных преобразований была правовая реформа. Важнейшее место среди ее результатов занимало провозглашение 3 ноября 1946 г. новой Конституции,

которая вступила в силу 3 мая 1947 г. «Примерно в одно время с принятием Конституции были приняты или подверглись изменениям различные законодательные акты более низкого уровня, в которых конкретизировался высший закон»⁴. Некоторое количество сохранявшихся законов было принято еще старым парламентом, но законодательная активность нового была значительно выше, что во многом объяснялось необходимостью приведения текущего законодательства в соответствие с послевоенной Конституцией.

Установление и совершенствование конституционной демократии, динамичное социально-экономическое развитие общества, появление новых многочисленных проблем социального регулирования явились факторами формирования послевоенной правовой системы. Важную позитивную роль в построении ее фундамента сыграла политика американских оккупационных властей.

Трудно не согласиться с Д. Макартуром, заявившим 1 января 1947 г., что «минувший год был годом юридической реформы, почти несравнимым ни с каким периодом на пути цивилизованного общества»⁵. В то же время нельзя не признать, что развитие национальной правовой системы после поражения Японии во Второй мировой войне продолжает линию, ведущую от демократических и гуманистических начал, которые в той или иной степени были присущи стране как на домэйдзийском этапе, так и в период после реставрации Мэйдзи, до вступления на путь реакции, милитаризации и агрессивных войн. Как писал К. Такаянаги, «...верховенство исполнительной власти, предполагавшееся по старой Конституции, в новой было заменено верховенством законодательной. Этот шаг не был ни в каком смысле радикальным нововведением. Он явился развитием того, что имело место в период, популярно именуемый демократией Тайсё (1920–1930 гг.). Потсдамская декларация гласит: «Японское правительство должно будет устранить все препятствия для возрождения и укрепления демократических тенденций среди японского народа». Слово «возрождение», как нам говорили, включено по предложению британского правительства. Исторически мыслившие британцы, вероятно, думали о том курсе конституционного развития, которого японские политики придерживались в 20-е годы»⁶.

Происходило третье по счету восприятие зарубежной правовой мысли и институтов, в котором японская сторона не была пассивным реципиентом. Западные правовые концепции при переносе на японскую почву адаптировались к условиям страны.

Правовая реформа не являлась «англосаксонизацией» японского права. При всей значительности послевоенного влияния на правовую систему Японии со стороны англосаксонского права в целом и его американского компонента, в частности, это влияние было не настолько сильным, чтобы полностью «перетянуть» японское право в орбиту англосаксонской правовой системы.

Дело еще в том, что в японском праве сохранились элементы преемственности по отношению к праву докапитуляционного периода, и в том, что вносившиеся изменения не были кардинальными, осуществлялись с различной интенсивностью в разных областях и подобластях права, не затрагивали некоторых видов общественных отношений. Вводились и такие новации, которые не имели «корней» в англосаксонском праве.

Преемственность реформированного японского права по отношению к довоенному объясняется и достаточно высоким уровнем правовой культуры в довоенной Японии для того, чтобы часть институтов и норм могла сохраниться; отсутствием у оккупационных властей намерения американизировать японское право; участием в реформировании права японских представителей, которые использовали новые возможности для претворения в жизнь своих довоенных идей, и т.п. По словам японских специалистов, «в конституции был заложен новый курс, имевший новую основу в виде мира и демократии. В соответствии с ним стало отлаживаться и все законодательство. При всем этом дело не обстояло так, что законодательство, принятое в период со времен Мэйдзи и Тайсё и до 1945 г., когда еще шла война, полностью, в корне, изменялось и отменялось»⁷.

Как указывалось выше, правовая система Японии оказалась под сильнейшим воздействием американского законодательства. Послевоенная Конституция отразила положение «due process of law», включила идею о праве на «стремление к счастью», установила институт судебного надзора за конституционностью законов. «В немалой степени вобрал англо-американские правовые нормы» УПК 1948 г.⁸. Влияние англосаксонской

системы проявилось также в конституционном праве – в установлении принципа парламентских кабинетов и в принятии закона о неприкосновенности личности (1948 г.); в торговом праве – в формулировании норм Коммерческого кодекса об акционерных компаниях; в хозяйственном праве – в принятии антимонополистического законодательства; в трудовом праве – в принятии закона о регулировании трудовых отношений (1946 г.); в судебном праве – в выведении органов суда из подчинения министерству юстиции и в возложении функций административной юстиции на общие суды⁹.

Американское влияние в области правового регулирования предпринимательства проявилось, кроме подготовки проекта Конституции, также в частичном пересмотре закона о компаниях, благодаря чему обеспечивалась защита акционеров и определялись юридические обязанности директората, и в принятии нового закона о реорганизации корпораций.

Естественно, что специалисты штаба оккупационных войск были активными проводниками западных юридических концепций, прежде всего американских. Однако они учитывали объективные потребности японского общества, добросовестно адаптировали внедряемое к условиям страны, принимали во внимание мнения японских представителей и т.п. Японские правоведы вносили и отстаивали свои предложения. Некоторые результаты правовой реформы, не вполне отвечавшие специфике национальных критериев, были пересмотрены после прекращения оккупации и восстановления суверенитета Японии. В свете этого выглядит несостоятельной встречающаяся в японском и советском японоведении оценка послевоенной правовой реформы как половинчатой и «американской».

Послевоенные реформы, включая правовую реформу, не были преподнесены японской нации американскими властями как дар свыше; они не были навязаны Японии оккупантами; они не были вырваны у последних японским народом. Следует говорить о японском обществе как о соавторе преобразований, причем об обществе, взятом в целом.

Много верного в рассуждениях М. Ито и И. Като, когда, описывая перемены в Японии после войны, они квалифицируют послевоенное право как продукт правовой эволюции, начавшейся с реставрации Мэйдзи¹⁰.

При всей масштабности заимствований извне, несомненно характерных для послевоенной правовой реформы, может быть приведено немало примеров, когда японское начало присутствовало в конкретном реформировании конкретных институтов правовой системы.

Используя выражения «новая послевоенная система», или «новая правовая система послевоенного японского общества», Ё. Ватанабэ пишет, что эта система «в общем установилась приблизительно к середине 50-х годов, пройдя через послевоенные реформы в условиях американской оккупационной политики и изменения, внесенные после японской стороной»¹¹.

Если следовать за теми японскими правоведами, которые считают, что современная правовая система Японии сложилась в основном к середине 50-х годов, то нельзя одновременно не признать, что к моменту окончания оккупации эта система успела миновать почти весь процесс своего становления. Было бы неверно не замечать дальнейшего развития японского права, в котором, например, возникли и выросли такие блоки, как природоохранительное право, защита правовыми средствами интересов потребителя и т.п. Однако основной содержательный массив этого права сформировался в оккупационный период.

Корректировка первоначальных результатов реформ, осуществленная на втором этапе оккупации и после ее прекращения, не означала, как это утверждается в ряде работ, «реакционного отката», «выхолащивания демократического содержания» и т.д.

Реформа правовой системы заложила основу для продвижения страны к правовому государству – процесса, приведшего в настоящее время к значительным результатам.

Развитие японского общества во всех областях его социального бытия после прекращения оккупации и восстановления суверенитета страны вызвало соответственное развитие правовой системы. Выше отмечалось, что для ее развития решающее значение имели и имеют установление и совершенствование конституционной демократии, выдающееся по масштабам социально-экономическое развитие общества, появление новых многочисленных объектов и проблем социального регулирования. Непрерывно совершенствуемая правовая система является одним из главных факторов социального прогресса в стране. Осуществляется довольно широкое участие граждан в функцио-

нировании правовой системы. Япония близка к статусу правового государства.

Не соответствуют действительности утверждения, в которых японская правовая система преподносится как инструмент политической власти меньшинства и закрепления эксплуатации, отрицается ее демократический характер, подвергается сомнению соблюдение в ней принципа равенства перед законом. Как пишет С. Танака, «на правовую систему возлагаются надежды, что она и в XXI в. будет играть роль столпа свободного и справедливого общества, функционируя как форум, который надлежащим образом регулирует все более усложняющиеся многослойные и многомерные отношения, такие, как взаимосвязь международных и внутригосударственных отношений, взаимоотношения центра и периферии, государственно-муниципального и частного сектора, сообществ по месту жительства, на предприятиях, в семьях и т.п.»¹².

Сохраняется значительная национальная специфика японской правовой системы, что порой безосновательно трактуется как проявление отсталости и недемократичности.

Традиции живучи, и нельзя считать, что все они – вредные пережитки. Корни некоторых тенденций сегодняшних реформ, намечаемых и проводимых в стране и нацеленных, к примеру, на утверждение «маленького правительства», на обеспечение саморегуляции общества, – можно усмотреть в токугавских принципах государственного управления.

Допустимо констатировать наличие двух плоскостей регулирования жизни японцев, в одной из которых происходит регулирование официальными средствами, а в другой – традиционными. Главное состоит в том, что эти типы регулирования не противостоят друг другу, а органически связаны между собой. Официальное регулирование подкрепляется традиционным, и это тоже способствует поддержанию стабильности в обществе, получению максимально возможного эффекта от усилий социума, прилагаемых во имя блага каждого и всех.

Центральная идея книги Д. Хейли, отраженная в ее названии («Власть без силы»), состоит в том, что правовое регулирование в Японии охватывает лишь минимальную часть общественных отношений, властные полномочия государственных органов реализуются в весьма ограниченной степени и в то же время эффек-

тивно функционируют такие средства неформального социального контроля, как общественное согласие, обычаи и традиции. Он утверждает, что отделение власти от силы и сопутствующая сдержанность принудительного правового контроля обеспечили развитие и авторитет контроля неформального, общественного, который опирается на консенсус в отношении необходимости поддерживать порядок, отличающийся стабильностью в сочетании со значительной степенью автономии индивидов, сообществ и предприятий¹³.

Для правильного понимания специфики японской правовой системы необходимо адекватное восприятие баланса двух регулятивных «пластов». Так, «традиционные предписания, нормы морали и этики продолжают оказывать существенное влияние на процесс регулирования общественных отношений, возникающих в сфере государственного управления. Однако современному состоянию государственного управления соответствует система источников административного права, в которой ведущее место занимают правовые предписания»¹⁴.

Идея естественности и необходимости традиционного, национально специфического сочетания правовых и иных методов социального регулирования вплоть до активного проникновения последних в области, регулируемые на Западе полностью или преимущественно правом, остается в правовой мысли и по-прежнему реализуется на практике. Однако ныне все чаще звучат предупреждения против чрезмерного акцента на внеправовые методы.

П. Родац, подводя итоги научной конференции в Берлине, лейтмотивом которой были сетования на трудности сотрудничества с японской правовой системой, сумел выделить главное из обильного материала докладов: «Нам рассказали, что, несмотря на многие неадекватности ... японская система работает хорошо». В своеобразной форме Родац дал оценку сочетанию формальных и неформальных инструментов регулирования: «Частичное, но не полное отсутствие права не означает, что Япония менее гибка, толерантна или эффективна. Напротив, один из участников, опираясь на свой опыт в обеих странах, даже предпочел японскую правовую среду американской, которая для многих выглядит матерью всего права (по меньшей мере, для всех юристов)». Наконец, Родац пореко-

мендовал любителям давать японцам советы (границащие порой с нажимом), как им лучше строить национальную правовую систему, прекратить такую практику и сосредоточиться на приспособлении своей деятельности в Японии к местным правовым реалиям: «Принятое японцами право... определяет важные аспекты отношений между ними. Ввиду общего успеха системы внешнее давление не вызовет больших изменений. И, может быть, этого и не нужно, несмотря на блестящий призыв профессора Хендерсона, сделанный в ходе заключительной дискуссии, усилить роль права в Японии. По моему мнению, японское право является барьером настолько, насколько мы хотим навязать наши системы, как бы хорошо они ни работали в наших собственных странах. В Японии мы должны адаптироваться к японской системе»¹⁵.

Японским юристам свойственно понимание необходимости творческого развития правовой системы. По словам С. Танака, «современная правовая система есть ценное наследие, которое создали наши предки, заплатив высокую по тем временам плату и совершив немало проб и ошибок, но у нас нет необходимости обращаться с ней наподобие строгих хранителей, словно ее запрещено шевельнуть. ...Мы должны не жалеть сил для того, чтобы постоянно проверять все аспекты правовой системы, устанавливать, подходит ли их механизм для надлежащего разрешения стоящих сейчас перед нами многообразных насущных проблем, творчески приводить в действие правовую систему соответственно требованиям новой эпохи, при необходимости преобразовывать ее и передавать следующим поколениям»¹⁶.

Путь, пройденный японской правовой системой, и перспективы ее дальнейшего развития могут быть символически обозначены следующим сопоставлением. Когда правовая система Нового времени переживала процесс деградации, связанный с реакционной и агрессивной политикой правящих кругов Японии, одной из наиболее негативных тенденций этого процесса было возникновение и развитие колониальной подсистемы – отражение имперских амбиций руководителей японского государства, пренебрежения ими судьбы других народов. В наши дни, когда Япония вносит огромный вклад в дело помощи развитию нуждающихся в том стран и пользуется за это заслуженным уважением и благодарностью со стороны народов, японские правительственные

службы оказывают содействие прогрессу правовых систем в странах, которые при ином повороте событий могли стать жалкими японскими колониями.

Так, во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе формированию эффективных правовых систем помогают японские специалисты – судьи, адвокаты, прокуроры, университетские профессора. Знание истории японской правовой системы, особенно пережитых ею рецептов иностранного опыта, позволяет им лучше понять потребности и позиции тамошних государств и обществ. С. Муто, работавший во Вьетнаме, говорит: «Япония создала свои собственные законы путем модификации законов западных стран более ста лет назад. Вьетнам хочет узнать “секрет” создания японской правовой системы. ...Подобно Японии, Вьетнам выслушивает мнения специалистов из как можно большего числа стран, чтобы иметь возможность создать лучшую систему для своей страны. Я старался не заставлять моих партнеров принять какие-либо специфические идеи японского права»¹⁷.

Правовые взгляды и правовая культура

Поражение Японии во Второй мировой войне явилось поворотным пунктом в формировании, развитии и функционировании правовых взглядов и правовой культуры. Прежний тоталитарный режим возвел в абсолют апологетическую, служившую ему правовую идеологию, правосознание, юридическую науку и культуру. Прогрессивные общественные деятели подвергались гонениям. Послевоенный период характеризовался взрывом дискуссий на юридические темы, в которых отразилось раскрепощение духа и мысли японских юристов. Большое значение имел приток информации о развитии правовых взглядов и правовой культуры на Западе, а также появление огромного количества самой разнообразной юридической литературы. Современная японская правовая идеология, правосознание, юридическая наука и правовая культура формировались в обстановке тесных японо-американских и японо-западноевропейских контактов. Активный характер приобрели и контакты японских правоведов-марксистов с советскими учеными-юристами.

Ныне в Японии существует и развивается зрелая правовая мысль, постоянно обогащаемая «вкладами» из зарубежных источников.

Правовая идеология в той или иной степени дифференцируется в зависимости от социально-политических позиций ее носителей и выразителей. Господствующее положение занимает идея права как универсального регулятора общественных отношений, средства обеспечения социального консенсуса, одного из средств достижения высоких экономических результатов и развития политической демократии.

Важным компонентом правовой системы является развитое правосознание широких масс общества. Как пишет Н. Тоситани, «изначально в либералистическом обществе существуют, с одной стороны, независимый индивид, а с другой – поддерживающее его твердое государство нового времени. В соответствии с этим право повсеместно дисциплинирует общество и вместе с тем поддерживается логикой, опирающейся на самопроизвольность индивида. Следовательно, эффективность права не только проистекает из силы государственного принуждения, но и обеспечивается самопроизвольным духом законопослушания народа»¹⁸.

Традиционное законопослушание, дисциплинированность японцев образовали прочный сплав с идеями, заложенными в Конституции и во всей послевоенной правовой системе. Резкий скачок к идеальной цели господства права усилил роль последнего в двуединстве права и традиции. Однако неформальные социальные регуляторы продолжали занимать видное место вообще и в разрешении гражданско-правовых споров, в частности.

Высокий уровень правосознания японского общества во многом объясняется повседневной практикой обращения японцев к правовым реалиям, широким распространением юридического образования и юридической литературы, высоким уровнем общей культуры граждан и т. п. (в этой связи совершенно несостоятельными являются утверждения некоторых западных и японских специалистов, нередко воспринимавшиеся советскими авторами, об индифферентном и даже негативном отношении японцев к праву, об исключительно полюбовном разрешении споров на основе норм социального регулирования *гири*, которые, впрочем, действительно продолжают присутствовать в правовом сознании).

На высоком уровне находится сегодняшняя японская юридическая наука. Заимствовав многие научные концепции Запада,

она творчески использовала их применительно к специфическим японским реалиям.

После войны в Японии проходили громкие дискуссии в научных и общественных кругах, слушания в судах и процедуры принятия законов в парламенте. Общим для них была острейшая социально-политическая и социально-экономическая тематика. В период оккупации наиболее значимыми были дискуссии, связанные с принятием Конституции (1946 г.) и с пересмотром разделов Гражданского кодекса о семье и наследовании (1947 г.).

По поводу возникшей в Японии после Второй мировой войны и продолжающейся до наших дней дискуссии о «юридической науке как науке» Ё. Ватанабэ говорит следующее: «Настало послевоенное время, и вместе с восстановлением свободы научной деятельности вопрос о связи между юридической и другими науками стал заново и по-новому подниматься. Социология права, которая в отличие от юридической науки стремится стать буквально «социальной наукой права», после войны по-настоящему выступила на арену, получила развитие в качестве одной из самостоятельных научных областей, оказала большое влияние и на юридическую науку, сообщив ей сильный развивающий стимул.

Взаимоотношения юридической науки и социологии права по сегодняшний день остаются предметом дискуссии в научных кругах. Однозначный вывод из этой дискуссии пока не получен, но можно, вероятно, сказать, что в настоящее время ... укоренилось мнение, согласно которому и для исследований в области юридической науки имеют значение самостоятельные исследования в области социологии права, когда отдельно от толкований и изучения судебных прецедентов (приговоров), законотворческой политики и других специфических для юридической науки проблем ведется поиск социальных закономерностей фактического состояния и изменений правовых явлений, объективно существующих в качестве одного из видов общественных феноменов»¹⁹. И еще: «Социология права на первом этапе послевоенного периода центральное место в исследованиях отводила «праву выживания» прежде всего земледельческих, горных и рыболовецких поселков. Поэтому можно было видеть, что у нее мало точек соприкосновения с юридической наукой, если не считать исследований обычного права, прямо связан-

ных с дискуссиями о праве вступления в сообщества и другими дискуссиями о толковании законов.

Однако начиная с 60-х годов обстановка в японском обществе изменилась, благодаря чему, с одной стороны, юридической науке также пришлось задуматься над принадлежащем обществу “правом выживания”, поскольку возникли конфликты нового типа, не разрешимые в рамках и понятиях уже существующих законов, а с другой стороны, и социология права обратила внимание на это новое “право выживания”, сложившееся внутри современного общества, стала настойчиво ставить новые вопросы перед юридической наукой или заниматься такими правовыми категориями, как полиция, судебное разбирательство, судебный прецедент, юрист и т. п. В результате точки соприкосновения юридической науки и социологии права умножились и приобрели «объемность»; в качестве эффективного метода юридической науки стала применяться юридическая наука с оттенком науки социальной, появился своего рода мост между юридической наукой и социологией права»²⁰.

Почти сразу за прекращением состояния оккупации начались судебные рассмотрения и дискуссии, касавшиеся Сан-Францисского мирного договора и японо-американского Договора безопасности, а также конституционности или антиконституционности существования Сил самообороны. В 1960–1970-е гг. большое научное и практическое внимание вызывали судебные рассмотрения и законоотворчество, связанные с проблемами экологии (о привлечении к ответственности за загрязнение окружающей среды и об обеспечении помощи потерпевшим) и основных трудовых прав (о правомерности или неправомерности ограничений трудовых прав публичных должностных лиц). В 80-е годы аналогичное значение имели судебные рассмотрения и законоотворчество, связанные с устранением дискриминации женщин при найме на работу.

По отдельным юридико-техническим параметрам правовой системы, характеризующим степень развития правовой культуры, Япония опережает многие другие страны (мирные положения конституции, институты общественного контроля за прокуратурой и полицией и т.п.), по другим – отстает от ряда стран (отсутствие институтов присяжных и омбудсмена, неоправданно широкие возможности управления судебным процессом со стороны пред-

седательствующего и т. п.). В социальном, политико-правовом плане правовая система соответствует довольно высокому уровню демократии, существующей в Японии в настоящее время. Рядовой гражданин наделен правовыми средствами социальной защиты, а политическая оппозиция имеет юридические возможности для активной деятельности.

Право и его источники

С точки зрения классификации «мировых правовых семей» довоенное японское право относилось, по большому счету, к романо-германской семье. Послевоенное влияние англо-саксонского права в его американской разновидности сделало положение японского права в романо-германской семье довольно своеобразным. Д. Хейли характеризует систему права Японии как уникальную в сравнении даже с аналогичными системами других стран Азии²¹.

Однако обособленность места японского права в мировой классификации ни в коей мере не означает его отсталости, несовершенства, примитивности и т.п., да и сама обособленность не должна гиперболизироваться.

Японская правовая система располагает всеми (или почти всеми) институтами современного права. Однако в нее входят и специфические институты, уходящие своими корнями в более или менее далекое прошлое. В гражданском праве это, например, институты общинного членства, опекуна-блюстителя над опекуном несовершеннолетнего и др. Н. Тоситани приводит следующее замечание африканских студентов, обучающихся в Токийском университете: «Мы очень хотим изучать юридические институты японского государства, потому что это весьма полезно для нас... Институты японского права не идеологизированы. Поэтому они весьма легки для заимствования»²².

Японское право системно и непротиворечиво, и нет оснований соглашаться с теми (правда, немногими) японскими юристами, которые рассуждают о его расколе на две части с взаимно противоречивыми нормами. По их мнению, одна из этих частей опирается на Конституцию, а другая – на договор безопасности. Ко второй части, подрывающей, на их взгляд, независимость национальной правовой системы, эти юристы относят Закон о Силах самообороны, Закон об учреждении Управления националь-

ной обороны, Особый уголовный закон, охраняющий тайны американских войск в Японии и карающий за несанкционированное проникновение в расположение этих войск, и Закон об охране оборонной тайны, действие которого распространяется на секреты, связанные с американской военной техникой, поступающей в японские Силы самообороны.

Так, Ц. Инако пишет, что «японское право включает в себя законодательство, принятое после 1952 г. под сильным нажимом США и основанное на японо-американском Договоре безопасности. К этой части относится ряд законодательных актов военного характера, и прежде всего закон о Силах самообороны 1954 г. Это законодательство находится в противоречии с Конституцией Японии»²³.

Отрасли права обогатились новыми подотраслями, целый ряд которых претендует на конституирование в качестве отраслей (страховое право, экологическое право, право нематериальной собственности и др.). Японские юристы по-разному выстраивают систему права, варьируют набор образующих ее отраслей и подотраслей, не всегда единодушны в том, к какой из отраслей законодательства отнести тот или иной закон.

Основным источником права в современной японской правовой системе признается закон (*хорицу*). Кроме закона в законодательство (*хорэй*) включаются такие подзаконные акты, как правительственные указы (*сэйрэй*) и правила (*кисоку*) нескольких государственных органов. Дебатируется вопрос о включении в понятие «законодательство» также источников права местного значения – обязательных постановлений (*дзёрёй*) муниципальных собраний. Определенное значение в качестве источников права имеют правовые обычаи (*хотэки кансю*), проявляющиеся преимущественно в форме судебного прецедента (*ханрёй*). «Что касается источников права, то в нашей стране и других странах семьи континентального права, где принят принцип писаного права, центральным источником права является процедурно принятое право (*сэйтэйхо*), а исконная компетенция суда юстиции состоит в применении этого процедурно принятого права. Однако в действительности важную роль играет и прецедентное право, и тенденция его такова, что и за судами, в определенных пределах, признается правоформирующая компетенция»²⁴.

Сформировалась стройная иерархия законов, которую венчает Конституция (*кэмпо*) – основной закон страны. Законодательство подразделяется на отрасли и подотрасли. Во многих отраслях функционируют кодексы или основные законы, например, Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, Основной закон о защите потребителей, Основной закон об образовании и др.

Ряд законодательных актов регулирует общественные отношения, связанные с японо-американским Договором безопасности и с поставками американской военной техники Силам самообороны.

Готовность Японии внести соответствующий вклад в установление нового миропорядка отразилась, в частности, в принятии закона об участии в миротворческих операциях ООН.

Конституционное право. Среди японских правоведов существует мнение, согласно которому практически отрицается какая бы то ни было связь между довоенной и послевоенной конституциями и вообще между двумя правовыми системами. Например, в коллективной монографии по истории японского права утверждается, что послевоенная Конституция, «если рассматривать ее содержание, полностью вобрала в свои основополагающие принципы прогрессивные аспекты буржуазной демократии. В ней по сравнению с конституцией Мэйдзи был осуществлен радикальный пересмотр ценностей»²⁵.

Но есть и иная точка зрения. В послевоенной Конституции Японии, по словам А. Ватанабэ, соединились иностранное вмешательство и японский исторический опыт: «...Не имеет значения, кто готовил документ и каковы были его намерения. Если бы основа Конституции была оторвана от реальной действительности и опыта самих японцев, то долго она бы не просуществовала»²⁶. Когда в книге о современном японском праве при разборе особенностей послевоенной Конституции говорится, что она «по сравнению с конституцией Мэйдзи реализует принципы конституционного права Нового времени»²⁷, это с очевидностью указывает на связь Нового времени и Современности и двух конституций: на долю послевоенной приходится решение задач, не решенных мэйдзийской. К. Такаянаги следующим образом характеризует послевоенную Конституцию: «Не считая статьи 9-й – об отказе от войны... она является не столь радикальным документом, как это часто предполагается. ...Ее внешняя форма подобна той,

которую имела старая конституция, но содержание, несомненно, более демократично»²⁸.

Имеются данные о том, что в проекте послевоенной Конституции, подготовленном в штабе оккупационных войск, были приняты во внимание соображения Общества исследований конституции, в которых отразилось влияние конституционного проекта мэйдзийского деятеля Э. Уэки²⁹.

Японские специалисты усматривают элементы преемственности между довоенной и послевоенной конституциями даже в их положениях о статусе императора. Казалось бы, ничего менее общего нельзя представить: Конституция Мэйдзи устанавливала, что «император – глава государства, он обладает верховной властью», а по послевоенной Конституции император является лишь «символом государства и единства народа». Однако, говорят эти специалисты, японцы традиционно относились к императору в прошлом и относятся в настоящее время «скорее как к объекту почитания, нежели как к политическому авторитету». С этой точки зрения «статьи Конституции Мэйдзи, которые подчеркивали политический авторитет Императора, являлись скорее буквальным переводом западных идей», одним из примеров «пропасти, существовавшей между тем, что декларировалось, и тем, что было в реальной жизни»³⁰. Таким образом, в этом вопросе послевоенная Конституция придавала тому же содержанию новую, адекватную форму.

Сходной точки зрения придерживается К. Такаянаги. По его словам, «в феодальной Японии император теоретически рассматривался как глава нации, но его политическая власть была номинальной и даже более слабой, чем у европейских королей. Он был не более чем символическим главой японского государства. Государственные деятели Мэйдзи использовали традиционную систему для того, чтобы сцементировать нацию, и наделили *тэнно* полубожественными свойствами... Даже после реставрации Мэйдзи символическая ценность императора была более важной для единства всей нации, чем его суверенная политическая власть, которая на практике оставалась в руках его советников – конституционных и неконституционных. Его prerogatives, гарантированные Конституцией, в реальности были prerogatives исполнительной власти. В свете этого положения относительно *тэнно* в новой Конституции являются не столь революционными, как это может показаться ревностным сторонникам теории *кокутай*»³¹.

Закрепленные в послевоенной Конституции «концепции «гражданских свобод» и «верховенства закона» были в какой-то степени перенесены из довоенной практики, но послевоенные реформы сделали их непоколебимыми»³².

Если под политической системой понимать взаимоотношения законодательной и исполнительной властей, то результатом принятия послевоенной Конституции «стала политическая система парламентско-кабинетного, а не президентского типа, принятого в Америке»³³. При этом не только не произошло переориентации на опыт США, но сохранились традиционные японские установки, в основе которых лежали японизированные заимствования: «реальная политическая система, предусматриваемая новой Конституцией, была ориентирована, скорее, на японскую традицию парламентарной демократии в британском стиле, нежели на американскую систему сдержек и противовесов»³⁴. Установившаяся в Японии после войны «парламентско-кабинетная система продолжает традиции, существовавшие до войны»³⁵.

Тот факт, что правовая реформа не означала американизации всей системы, подтверждается, в частности, «англизированным» порядком роспуска нижней палаты японского парламента и куда более прочными, чем в США, связями депутатов по признаку партийной принадлежности³⁶.

Рассматривая предусмотренный в статье 17 Конституции институт ответственности государства за ущерб, нанесенный в результате неправомерных действий государственного публичного должностного лица, Ё. Ватанабэ пишет: «Этого установления не было в макартуровском проекте. Оно появилось как поправка-мнение японского парламента. До Второй мировой войны институт государственной компенсации отсутствовал и в американском праве, начало которого лежит в праве английском. ...Следовательно, нельзя считать, что проект Конституции Японии имел моделью англо-американское право, его моделью, скорее, была германская Веймарская конституция, с которой японские юристы были знакомы еще с довоенного времени»³⁷. Действительно, данный институт был предусмотрен в части 1-й статьи 131 Веймарской конституция

Что касается вопроса о разделении компетенции между центром и местами, то, как считала американская администрация, «Япония является централизованным государством, в

котором политическая власть сосредоточена в руках части бюрократии и военщины, и для упрочения демократии необходимо рассредоточить политическую власть». Такая мера была действительно необходима, особенно с учетом отсутствия институтов местного самоуправления до войны и гипертрофированных функций довоенного министерства внутренних дел по управлению местными административно-территориальными единицами (в ходе послевоенной реформы это министерство было ликвидировано). «Однако во времена правления сёгуната Токугава дела местной администрации были в основном поручены местным княжествам, и поэтому нельзя сказать, что и впоследствии полностью отсутствовала децентрализованная система». Следовательно, создание развитого местного самоуправления было осуществлено не на голом месте. Принятая оккупационными властями косвенная система управления сохранила за чиновничеством его роль. Чиновники «добились успехов в культивировании новых принципов и полномочий по чисто японскому образцу, не противоречащему принципам американской демократии»³⁸.

Известно, что японские политики сыграли заметную роль при включении в Конституцию «мирной» статьи девятой. Д. Дауер подчеркивает, что «должна оставаться в памяти роль, которую сыграл Ёсида». Так, «часто забываемый» факт состоит в том, что «при обсуждении проекта новой Конституции в парламенте в 1946 г. Ёсида энергичнее всех настаивал, чтобы статья 9 запретила всякую милитаризацию»³⁹. В двухтомной «Истории Японии» говорится: «Надо отдать должное оккупационным властям — они не пытались принудительно трансплантировать на японскую почву американские и иные западные стереотипы общественного устройства. По свидетельству Ёсиды, при подготовке новой японской Конституции они внимательно выслушивали японских экспертов и официальных лиц, ответственных за эту работу, и во многих случаях принимали предложения японской стороны. В частности, положение об отказе от войны было включено в конституцию по предложению Сидэхара»⁴⁰.

Основными принципами, провозглашенными Конституцией 1947 г., являются суверенитет народа, пацифизм и гарантии основных прав человека (под гарантиями понималось провозглашение этих прав нерушимыми и вечными, в то время как «права

подданных» по конституции Мэйдзи могли ограничиваться текущим законодательством). Конституция предусматривает двухпалатный парламент (без палаты пэров, существовавшей по Конституции Мэйдзи), систему сдержек и противовесов между законодательной и исполнительной властью, избрание премьер-министра из членов парламента, запрет использовать военную силу как средство разрешения международных споров.

Важной характеристикой японского права является воплощение в послевоенной Конституции одного из основополагающих политических принципов – принципа пацифизма: девятая статья Конституции предусматривает отказ от создания сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил и от использования военных средств разрешения международных споров. Эта норма не уникальна, но и не столь часто встречается в правовых системах мира. В то же время целый ряд нормативных актов, регламентирующих создание и функционирование Сил самообороны или вытекающих из японо-американского военно-политического союза, вызывает среди японских правоведов вопрос о возможном противоречии с девятой статьей Конституции.

Собственно правовые принципы не всегда отражены в Конституции в прямой постановке. Это относится, в частности, к уголовно-правовому принципу «нет преступления и нет наказания без указания на то в законе».

Конституция 1947 г. решительно изменила те положения Конституции 1889 г., которые существенно затрудняли продвижение по пути к господству права. Во-первых, был окончательно утвержден принцип разделения властей, чему способствовала ликвидация административного суда. Во-вторых, была введена американская система судебного контроля за конституционностью законов посредством наделения судов правом конституционного надзора. Возрастающая мощь этого контроля в сочетании с осознанием независимости юстиции (что имело свое начало еще в эпоху Мэйдзи) показывала, что публичное право становится эффективным средством внедрения в общество представлений о непреходящем значении прав человека. В-третьих, новая Конституция включила широкий набор норм, защищающих гражданские свободы.

Император получил статус «символа государства и единства нации». Кабинет министров лишился постов министра внутрен-

них дел, военного и военно-морского министров и стал ответственным перед парламентом. Население приобрело широкие права избирать и быть избранным в представительные органы всех уровней, начиная с парламента. Конституция запретила создание специальных судов, т.е. ликвидировала военные трибуналы и административный суд, отнеся любые дела к компетенции судов общей юстиции. Появилась неизвестная в довоенной Японии система местного самоуправления с муниципальными собраниями и главами муниципий, избираемыми населением.

Принятием новой Конституции был положен конец существованию «имперского парламента», состоявшего из палаты представителей и палаты пэров, в котором на началах всеобщего избирательного права (в урезанном варианте) формировалась только палата представителей. Новая Конституция предусмотрела парламент из двух избираемых палат – представителей и советников, провозгласила принципы подлинно всеобщего избирательного права.

Долгая жизнь послевоенной Конституции, изменения во внутренней обстановке в Японии и ее международном положении, узаконивание или конституирование в правосознании «новых прав человека» породили у многих граждан мысли о целесообразности приведения Конституции в соответствие со временем.

В ходе послевоенной правовой реформы в области конституционного права были приняты Статут императорской фамилии (*косицу тэмпан*), Закон о парламенте (*коккай хо*), законы о выборах депутатов палаты представителей и палаты советников, которые в 1950 г. были заменены Законом о выборах на публичные должности (*косёку сэнкё хо*), Закон о местном самоуправлении (*тихо дзити хо*), Закон о регулировании политических фондов и расходов (*сэйдзи сикин кисэй хо*). Не боясь преувеличений, можно сказать, что конституционное право было демократизировано особенно сильно.

Положения Закона о парламенте в сочетании с конституционными положениями устанавливали его верховенство, приоритет палаты представителей, самостоятельность палат, личные гарантии депутатам, отведение центрального места комиссиям палат. Нормы Закона о местном самоуправлении вместе с нормами Конституции и Закона о выборах на публичные должности предусматривали создание реальной системы местного

самоуправления, включая введение прямых выборов муниципальных собраний и глав муниципий (губернаторов и мэров), наделение муниципий правом устанавливать местные налоги и принимать обязательные постановления (нормативные акты местного значения).

Закон о выборах на публичные должности детально определял нормы проведения избирательных кампаний и процедуру выборов в целях обеспечения подлинной состязательности кандидатов. Он предусматривал порядок уголовно-правовой защиты процесса формирования представительных органов. Внимание привлекает широта круга наказуемых деяний, дифференцированный подход к субъектам преступлений (к ним относятся организаторы кампании кандидата, должностные лица избирательных комиссий), довольно удачно выбранные «вилки» санкций, редкие для Японии нормы лишения прав.

В недавнее время состоялось принятие закона, позволяющего гражданам быть осведомленными о планах и действиях исполнительной власти.

Главными в политической реформе 90-х годов стали пять новых законов, изменяющих порядок избрания нижней палаты парламента с тем, чтобы более адекватно отражалось волеизъявление электората, а также правила финансирования политической деятельности, призванные поставить более надежный заслон коррупции. Однако в Японии не существует общего законодательства о политических партиях или об общественных объединениях в целом, и общество, насколько можно судить, не испытывает потребности в законодательстве такого рода.

Механизм исполнительной власти за весь полеокупационный период не претерпевал никаких принципиальных изменений. Однако сейчас в процессе административной реформы в нем наблюдаются существенные подвижки.

Административное право. В ходе послевоенной реформы были приняты Закон о кабинете министров (*найкакү хо*), Закон об организации государственной администрации (*кокка гёсэй сосики хо*), Закон о государственных публичных должностных лицах (*кокка комуин хо*)⁴¹, Закон о специальных правилах процесса по административным делам, Закон об обжаловании (*соган хо*), который в 1962 г. был заменен Законом о рассмотрении жалоб на административные действия (*гёсэй фуфуку синса хо*), Закон о го-

сударственной компенсации, Закон о судах (*сайбансё хо*), Закон о прокуратурах (*кэнсацутё хо*), Закон о полиции (*кэйсацу хо*), который в 1954 г. был заменен новым аналогичным законом, Закон о выполнении чинами полиции служебных обязанностей.

Нельзя не указать на развитие норм, регулирующих отношения между административной властью и гражданином, в том числе предусматривающих порядок рассмотрения исков граждан против органов управления, условия компенсации гражданам ущерба, понесенного из-за неправомерных действий администрации, и т.п.

Закон о выполнении чинами полиции служебных обязанностей определил (пусть не так четко, как хотели бы оппозиционные силы) виды административных действий полицейских в отношении граждан.

Основным содержанием законодательства о публичных должностных лицах было признание за ними статуса наемных работников, установление для них личных гарантий и улучшение условий их труда, а в целом – демократизация их специфического положения. В соответствии с Конституцией, публичные должностные лица стали рассматриваться не как чиновники императора, а как слуги всего народа.

Серьезные перемены произошли в области правового регулирования организации правоохранительных служб. Были отменены законы о военных и военно-морских трибуналах. Поскольку Конституция запретила создание специальных судов, Закон о судах определил построение системы судов общей юстиции. При этом судебная система обрела самостоятельность, выйдя из подчинения министерству юстиции. Прокуратура отделилась от судебной системы. Полиция была децентрализована (хотя впоследствии новый Закон о полиции 1954 г. предусматривал известный возврат к централизации, она все же не стала абсолютной).

Гражданское право. Действующий Гражданский кодекс 1898 г. сохранился, хотя и модернизировался. Были полностью пересмотрены его разделы, посвященные семейному и наследственному праву. Изменения кодекса были направлены на приведение гражданского права, пронизанного идеей патерналистской семьи, в соответствие с положениями Конституции об уважении личности и равенстве полов. Вместо патриархальной «семьи» признавалась реальная семья в составе родителей и их не-

совершеннолетних детей. Провозглашалось равенство полов в брачно-семейных отношениях.

В то же время в ходе послевоенной правовой реформы «избежали больших и радикальных изменений, например, сохранилась часть Гражданского кодекса, касающаяся имущественных институтов, часть Коммерческого кодекса, касающаяся торговых сделок, и многие другие законы, имеющие к этому отношение». Причина этого «состояла в том, что из-за сохранения в прежнем виде экономического механизма капитализма в рамках частного права, относящегося к повседневной жизни широких масс народа, сохранялся в неизменном виде каркас прежних институтов частной собственности»⁴².

Хозяйственное право. В ходе послевоенной реформы были приняты Закон о запрещении частной монополии и об обеспечении справедливых сделок (*ситэки докусэн-но кинси оёби косэй торихики-но какухо-ни кансуру хорицу*) 1947 г., сокращенно именуемый Законом о запрещении монополий, или Законом о запрещении частной монополии, а также Закон о ликвидации чрезмерной концентрации экономической мощи. Главная цель принятия этого «антитрестовского» законодательства состояла в роспуске *дзайбацу* и в недопущении их возрождения.

Важное место в обеспечении экономической и социальной жизни общества занимает законодательство о среднем и мелком предпринимательстве.

Аграрное право. Крупнейшую реорганизацию аграрных отношений принесло послевоенное реформирование аграрного права, выразившееся в принятии двух законов о поправках к Закону об упорядочении сельскохозяйственных земель, а также Закона об особых мерах по созданию хозяйств крестьян-собственников. Сократилось число арендаторов, фактически исчез класс помещиков, «частное крестьянское хозяйство на собственной земле стало преобладающей формой хозяйства»⁴³.

Трудовое право. Что касается области трудового права, то в ходе послевоенной реформы были приняты Закон о профсоюзах, Закон о трудовых стандартах, Закон о регулировании трудовых отношений. В соответствии с конституционным правом на жизнь были приняты Закон о страховании рабочих для получения пособий по травматизму, Закон об обеспечении занятости, Закон о пособиях по безработице.

Первый закон о профсоюзах (*родо кумиай хо*), который был принят в 1945 г. и вступил в силу в 1946 г., практически не ограничивал право государственного и муниципального персонала на забастовку. Не изменили это положение Конституция 1947 г. и Закон о государственных публичных должностных лицах, принятый в 1947 г. и вступивший в силу в 1948 г. Однако в соответствии с предписанием оккупационных властей правительство указом № 201 от 31 июля 1948 г. запретило забастовки государственных и муниципальных рабочих и служащих и установило систему наказаний за нарушение запрета. Положения этого указа были отражены в Законе о государственных публичных должностных лицах (путем поправок) и в Законе о местных публичных должностных лицах (1950 г.).

Закон о регулировании трудовых отношений (*родо канкэй тёсэй хо*) 1946 г. ограничивал возможности борьбы трудящихся в конфликтных ситуациях. В результате пересмотра в 1949 г. Закона о профсоюзах и Закона о регулировании трудовых отношений рабочие оказались целиком или частично лишены ряда ранее предоставленных им прав в области профсоюзной деятельности.

Право науки и просвещения. Принятие Основного закона об образовании (*кёйку кихон хо*) и Закона об образовании в учебных заведениях (*гакко кёйку хо*) явилось главным событием в области правового регулирования просвещения. В соответствии со статьей 1 Основного закона перед послевоенной системой образования ставилась цель «воспитать в качестве созидателя мирного государства и общества здоровый душой и телом народ, любящий истину и справедливость, уважающий ценности индивида, придающий важное значение труду и ответственности, исполненный духом независимости». Законы об образовании закрепляли демократические сдвиги в этой важной социальной и идеологической области.

Недавно принят Основной закон о науке и технике.

Право социального обеспечения. В области правового обеспечения социальной защищенности граждан был принят Закон о защите жизни. Исходя из конституционного права на жизнь, этот закон провозгласил, что государство оказывает необходимую защиту всем гражданам, испытывающим жизненные лишения, в зависимости от степени этих лишений обеспечивает им минимальный уровень жизни, а вместе с тем способствует их самостоятельности.

После длительной задержки, довольно странной для японской действительности, принят закон о правах потребителей. Также принят закон, защищающий информацию о личной жизни человека.

Уголовное право. Основные изменения уголовного права состояли в отмене тех положений Уголовного кодекса и тех специальных уголовных законов, которые были особенно одиозны как воплощение курса правящих кругов на внешнюю агрессию и внутриполитический антидемократизм. Почти сразу же после того, как в сентябре 1945 г. Япония безоговорочно капитулировала, были отменены такие специальные уголовные законы, как Закон об охране военной тайны, Закон об охране тайны военных ресурсов, Закон о режиме государственной обороны, Закон о поддержании общественного спокойствия, Полицейский закон об общественном спокойствии. В 1947 г. была проведена частичная реформа Уголовного кодекса 1907 г. (ныне действующего), в ходе которой были отменены такие главы Особенной части, как глава 1 (преступления против императорской фамилии) и глава 7-II (преступления против общественного спокойствия и порядка); значительным изменениям подверглась глава 3 (преступления, относящиеся к внешним осложнениям). Были отменены нормы относительно супружеской измены со стороны жены (ст. 183), усилены наказания за посягательства на здоровье и жизнь человека и за злоупотребление властью. Состав нанесения ущерба чести был изменен так, чтобы им не ограничивалась свобода выражения мнений.

Основное содержание всех этих изменений состояло в приведении уголовного права в соответствие с отказом от суверенитета императора и признанием суверенитета народа, с наделением граждан политическими правами и свободами, с принятием конституционного принципа пацифизма.

Отмена главы о преступлениях против императорской фамилии мотивировалась главным образом ее несоответствием конституционному принципу равенства перед законом. «Положение относительно адюльтера было также исправлено в свете конституционного установления о равенстве полов. По УК 1907 г. жена и ее любовник могли быть наказаны по требованию мужа, в то время как муж, совершивший измену с другой женщиной, не подлежал наказанию. Альтернатива, вставшая перед законодателями в условиях Конституции 1947 г., состояла в следующем: или

сделать подлежащими наказанию и мужа и жену, или совсем декриминализировать адюльтер. После долгих дебатов в парламенте был избран последний вариант»⁴⁴.

Был принят Закон о малозначительных преступлениях (*кэй-хандзай хо*).

Юридическая и вся общественность Японии по-разному относится к послевоенной реформе УК. Так, К. Такаянаги считает, что «немногочисленные поправки, внесенные после Второй мировой войны, не оказали фундаментального воздействия на характер УК 1907 г.»⁴⁵.

Развитие японского уголовного права продолжалось и после прекращения оккупации, продолжается оно и по настоящее время. Например, посредством соответствующих изменений Общей части УК были еще более смягчены условия для отсрочки приведения приговора в исполнение; институт подстрекательства оказался скорректированным в результате принятия в 1952 г. Закона о предотвращении подрывной деятельности, который имеет целью недопущение применения силы в области политики. Особенная часть уголовного права заметно пополнилась новыми специальными законами ввиду появления новых видов преступных посягательств на жизнь, здоровье, имущество, права и честь граждан. Так, в 1970 г. (раньше соответствующего обращения ООН) был принят Закон о наказаниях за захват воздушных судов. Продолжается теоретическая подготовка широкой реформы УК. Однако в целом уголовное право сохраняет те основные черты, которые оно имело после реформы УК в 1947 г.

Уголовно-процессуальное право. Подобная перестройка осуществлялась и в области уголовно-процессуального права. В 1947 г. были отменены пресловутые Правила ускоренного разрешения дел о полицейских деликтах и принят Закон о неотложных мерах в области уголовного процесса. Последний предусматривал укрепление права обвиняемого на защиту, вводил процедуру разъяснения причин ограничения физической свободы, последовательно проводил принцип обязательности судебного ордера на осуществление принудительных следственных действий, отменял печально известное предварительное рассмотрение дел, ограничивал доказательственное значение признания обвиняемого и т.п.

Большое значение имело принятие в 1948 г. нового Уголовно-процессуального кодекса. Оно означало, что в области уголовно-процессуального права кодифицированная часть была изменена более радикально, чем в области материального уголовного права, где сохранился, хотя и с изменениями, УК 1907 г. Однако в процессуальном праве почти все нормы были сосредоточены в кодексе, в то время как в материальном праве важную роль играли специальные законы.

Новый кодекс привел уголовно-процессуальное право в соответствие с нормами послевоенной Конституции относительно прав подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе, а также учел результаты реформы юстиции и демократизации полицейской деятельности.

Законы о несовершеннолетних, о семейных судах и о благосостоянии детей были пронизаны принципами защиты подрастающего поколения, преимущественного неприменения к несовершеннолетним уголовно-судебной процедуры, примата воспитательных мер и т.п., в результате чего вплоть до настоящего времени «юстиция для несовершеннолетних и правовая структура обращения с ними отличаются такими особенностями, как направление всех дел несовершеннолетних в семейный суд и приоритет применения мер защиты. Само по себе это, вероятно, близко к идеалу»⁴⁶.

Правотворчество и осуществление права

С принятием новой Конституции в Японии были закреплены и соответственно перенесены на всю правовую систему принципы господства права и разделения властей, институт конституционного контроля, широкий круг прав граждан, примат этих прав, их ненарушимость текущим законодательством и судебная защищенность. «То, что в Конституции Японии было предусмотрено разделение властей и институт контроля за конституционностью законодательства, имело конечной целью гарантировать для народа основные права человека. основополагающая идея при этом заключалась в понятии господства права. В соответствии с этим понятием, содержание принимаемых парламентом законов не должно нарушать основные права человека, а также должно быть придано большое значение функции судов общей юстиции по защите граждан от посягательств на права человека со стороны исполнительной власти»⁴⁷.

В систему юридических гарантий прав и свобод вошли в качестве ее неотъемлемых компонентов новый Уголовно-процессуальный кодекс, где значительное внимание уделено правам подозреваемого и обвиняемого, и пакет законов, защищающих трудовые права.

Четкий язык законодательства помогал широким массам понять задачи момента и приобщиться к работе по их разрешению. Таким образом, право способствовало трансформации общественного сознания.

«В понятиях и институтах произошли большие изменения: от государства, которое, опираясь на существование сильной армии, признает внешнюю агрессию способом повышения национального престижа, – к пацифизму, провозглашающему отказ от войны; от суверенитета императора – к парламентской демократии, основанной на суверенитете народа; от “прав” подданных, предоставляемых и ограничиваемых государством, – к утверждению основных прав человека; от местной администрации под властью центра – к местному самоуправлению»⁴⁸.

Правотворчество и осуществление права значительно демократизированы по сравнению с довоенным периодом.

Законотворческая деятельность парламента профессиональна и продуктивна. Велика роль постоянных комиссий, обеспечивающих должную проработку законопроектов.

Процесс правотворчества в Японии нельзя представлять как свободное и ничем не ограниченное воплощение в законах воли представителей какой-либо части общества. Правящая в стране и располагающая большими возможностями в парламенте Либерально-демократическая партия стремится проводить законопроекты при согласии оппозиции, хотя порой она добивается принятия законов, не считаясь с ее сопротивлением, а иногда, напротив, оказывается вынужденной отказаться по этой же причине от своих законодательных планов.

В ходе принятия законов в парламенте как правящая партия, так и оппозиция используют все возможности, не противоречащие Конституции, Закону о парламенте и внутреннему регламенту, принятому в палатах. Применяются активные депутатские интерpellации, бойкот заседаний, используется большинство в комиссиях и председательствование в них и т. п.

Предметом дискуссий в обществе стали частые подготовка и принятие законов не по формуле «депутатский законопроект – комиссия палаты – пленарное заседание». Вместо этого законопроекты то и дело создаются в министерствах с помощью состоящих при них совещательных или консультативных органов. Причем участие в этих органах специалистов, привлекаемых извне, создает иллюзию одобрения этих законопроектов общественностью, что в значительной степени предопределяет положительное отношение к ним в парламенте. В то же время в обществе широко распространено понимание необходимости участия в законопроектной деятельности квалифицированных кадров чиновничества.

В процессе правотворчества законодатели стремятся с большей или меньшей последовательностью откликаться на социальные потребности японского общества. Вместе с тем существуют законы, принятие которых проходило в достаточно острой борьбе мнений и которые до сих пор негативно воспринимаются в какой-то части общества. При том что большинство социума считает необходимыми Закон о Силах самообороны (1954 г.) и Закон об учреждении Управления национальной обороны (1954 г.), слышна и критика, квалифицирующая их принятие как отход от конституционного принципа пацифизма.

Общественное признание важности для страны военно-политического союза с Соединенными Штатами распространяется на связанные с этим союзом законы. В то же время, например, входящий в этот пакет Особый уголовный закон 1952 г. порой критикуется как якобы ущемляющий суверенитет Японии в пользу США. Встречается негативное отношение к Закону о предотвращении подрывной деятельности 1952 г. и к «постановлениям об общественной безопасности» местных законодательных собраний под тем предлогом, что они имеют целью ограничение политической деятельности определенного сегмента оппозиционных сил. Объективный подход к этим актам не позволяет согласиться с такими обвинениями, поскольку Закон о предотвращении подрывной деятельности направлен лишь на недопущение использования в политической борьбе насильственных методов, а выше-названные постановления лишь устанавливают должный порядок проведения уличных шествий, митингов на городских площадях и т.п. Иногда выражается несогласие с нормативными акта-

ми, в соответствии с которыми часть тружеников государственного и муниципального сектора лишена права на забастовку, хотя такое ограничение связано с особым значением функционирования этих категорий персонала для стабильности и безопасности общества.

От юристов и более широкой общественности поступают предложения о придании формы закона «трем неядерным принципам» (в настоящее время они фактически являются политической декларацией правительства), о законодательном восстановлении института присяжных и введении института омбудсмана, отмене смертной казни, принятии законов о предварительной экономической и экологической экспертизе крупных народнохозяйственных планов и т. п.

Применение законодательства необъятно, и я коснусь такой важной области, как правовое обеспечение политических, социально-экономических и личных прав граждан.

В Японии государство постоянно занято обеспечением гражданину условий для жизни и труда, реализации его прав и свобод, его защищенности от посягательств. В стране существует зрелая система обеспечения гражданам основных прав человека, которая включает в себя нормы законодательства о правах и свободах, меры по их реализации и совокупность государственных органов защиты этих прав.

Объем прав, принадлежащих народу, шаг за шагом увеличивается. Формально закрепилось путем принятия соответствующего закона в 1988 г. право хранить в тайне сведения о личной жизни. Еще раньше аналогичные акты принимались муниципальными собраниями. По словам К. Нагаи, «информация об индивидуе приобретает характер половодья. Порой она ведет себя самостоятельно вопреки воле самого индивида. Поэтому возникли требования признать право хранить в тайне сведения о личной жизни как современное право человека»⁴⁹.

Все большее признание на фактической основе приобретает «право знать», под которым имеется в виду право народа получать информацию о планах и действиях правительственных органов, прежде всего о таких существенно важных, которые относятся к государственной, военной, дипломатической и иной тайне⁵⁰.

Что касается права на участие граждан в осуществлении власти, то оно реализуется в основном через представительные ин-

ституты и гораздо меньше – через институты непосредственного участия. Конституцией предусмотрены две формы непосредственного участия граждан в осуществлении власти: подача петиций о принятии, изменении или отмене каких-либо законов и голосование в ходе референдумов об изменении Конституции.

Проведение демонстраций, митингов, шествий и т. п., в том числе политических, регламентируется упоминавшимися выше «постановлениями об общественной безопасности» (*коан дзёрэй*) муниципальных собраний. Эти постановления, порой критикуемые как противоречащие конституционному праву на выражение мнений, предназначены для того, чтобы не допустить ущерба общественному порядку при проведении массовых публичных мероприятий политического характера.

В японском праве практически отсутствует регламентация процесса формирования и деятельности политических партий. Существует конституционная норма, в соответствии с которой предоставляется право на объединение и которая рассматривается как основание для создания партий. Законодательно регламентируются лишь отдельные важные аспекты функционирования партий. Избирательный закон определяет рамки предвыборных кампаний и другие возможности проведения партиями своих кандидатов на выборах. Закон о фондах политических партий требует обнародования сумм поступлений в партийную кассу и расходов из нее. Упомянутым Законом о предотвращении подрывной деятельности запрещена «насильственная подрывная деятельность», преследующая политические цели.

Современное японское право играет важную роль в системе демократических институтов. Оно само демократично по форме и содержанию, предоставляет широкие демократические права и свободы гражданам, обеспечивает демократичность организации и функционирования властных структур и, будучи сформулировано четко и ясно, гарантирует информированность всех заинтересованных лиц и учреждений о принципах и конкретике демократии. Право стоит на страже соблюдения демократических порядков. Как отмечает В. Рамзес, демократические нормы в Японии «строго охраняет беспристрастный закон, и любые их нарушения, кем бы они на свой страх и риск ни были совершены, чреваты в принципе весьма тяжелыми последствиями для нарушителей»⁵¹.

Защищаются правом и социально-экономические права граждан. Среди источников трудового права важную роль играют Закон о трудовых стандартах (1947 г.), определяющий минимальные стандарты условий труда рабочих, устанавливающий принцип равной оплаты за равный труд мужчин и женщин, предусматривающий наказание для нанимателей, нарушающих этот закон, и т. п., Закон о минимальной зарплате (1959 г.), Закон о безопасности и гигиене труда (1972 г.) и др. Вместе с тем в Японии постоянно звучат требования усовершенствовать и полнее применять соответствующее законодательство с целью снизить уровень производственного травматизма, усилить профилактику профессиональных заболеваний, ликвидировать на предприятиях дискриминацию по половому признаку и т. п. В апреле 1999 г. вступил в силу Закон о равенстве условий при найме мужчин и женщин.

В области обеспечения гражданских прав в Японии хорошим примером законодательного реагирования на общественное мнение стало разрешение проблемы сохранения индивидом в тайне своей личной жизни. Общественность все чаще выражала недовольство по поводу того, что в государственных и муниципальных органах без ведома граждан накапливается большое количество информации об их личной жизни, которая может иметь искаженный характер и использоваться во вред гражданам. Выдвигавшиеся требования о законодательном обеспечении права каждого гражданина на ознакомление с собранной о нем информацией воплотились сначала в соответствующих обязательных постановлениях, принятых рядом муниципальных собраний, а затем в Законе об охране личностной информации, содержащейся в органах управления и подлежащей обработке на ЭВМ (1988 г.).

Гражданско-правовые споры могут разрешаться непосредственно сторонами или через примирительные комиссии при семейных судах, но это совершенно не исключает судебной процедуры.

По расхожей версии, японцы составляют договоры о сделках лишь в самой общей форме, а в случае споров, связанных с выполнением условий договора, избегают обращения в суд. Правовое оформление договоров и правовое разрешение связанных с ними споров позволяют высветить общую картину отношения японцев к праву и суду, т.е. отношения, которое может проявить-

ся и в случаях, конкретно связанных с обеспечением политической демократии. Вместе с тем защищенность гражданско-правовых договоров является важным компонентом социальной стабильности в стране.

Как отмечает Х. Ода, японцы оставляют обращение к суду на крайний случай не из-за какой-либо специфической антипатии к нему, а прежде всего по причине медлительности судебного разбирательства. Что же касается японских компаний, занятых в международном бизнесе, то «не следует представлять их себе разделяющими неюридический подход среднего японца. Более реалистично было бы представлять их полностью обеспеченными юридическими знаниями и опытом»⁵².

По справедливому мнению А. Козырина, «склонность японцев к полюбовному решению споров не следует переоценивать. В ряде случаев нежелание японцев обращаться в суд объясняется не традиционными установками, а такими причинами, как перегруженность японской судебной системы, непомерная продолжительность процессов в судах первой инстанции»⁵³.

Преступность в Японии по сравнению с другими развитыми странами находится на низком уровне. Сравнительно невелики масштабы и отклоняющегося поведения несовершеннолетних. В этом плане значительную роль сыграли особенности национального характера японцев: групповая сплоченность, уважение авторитетов, прочность семейных уз и т. п. Но важное значение имеют также правильно сконструированное законодательство и его разумное применение.

Стержневая линия уголовной политики, осуществляемой в современной Японии, состоит в профилактике преступности – как первичной, так и повторной. С целью предотвращения повторных преступлений в Японии стремятся не допускать излишнего «клея» лиц, преступивших закон, чтобы избежать формирования у них комплекса «преступной личности», «изгоя общества». Это достигается путем вывода (на стадии досудебного расследования) из сферы применения уголовного законодательства лиц, совершивших не столь тяжкие преступления; применения к подавляющему большинству подсудимых, признанных виновными, наказаний, не связанных с лишением свободы, или осуждения их к лишению свободы на непродолжительные сроки; дифференцированного подхода к обращению с заключенными; осуществления

широкой программы «защитного надзора» – контроля и воспитания в отношении лиц, условно осужденных и условно-досрочно освобожденных из мест заключения.

«В ходе реорганизации защитного надзора (1949–1954 гг. – **В.Е.**), которая проходила, как и другие послевоенные изменения в сфере права, под большим влиянием США, японские юристы высказывали суждение о том, что защитный надзор должен быть организован на базе профессиональной службы, т.е. аналогично многим другим капиталистическим странам. Однако в итоге он был создан на смешанной профессионально-добровольной основе. Таким образом, внедрение западного метода борьбы с преступностью было соединено с использованием традиционных особенностей японского общества»⁵⁴.

Гордостью японской правовой системы является обособление, начиная с 20-х годов XX в., системы юстиции для несовершеннолетних от системы юстиции для взрослых. «Японское законодательство, так же как и законодательство многих других стран, предусматривает различное обращение с несовершеннолетними делинквентами и взрослыми преступниками. Первым основным законодательным актом, принятым в этой области, был “старый” Закон о несовершеннолетних от 1922 г. Считается, что в нем за основу был взят принцип приоритета защиты несовершеннолетних (принцип протекционизма), распространенный в то время во всем мире. Этот закон воспринял традиции континентального права». В законе «были разработаны разнообразные меры защиты (воспитательно-исправительные меры неуголовного характера. – **В.Е.**), благодаря чему обеспечивалась индивидуализация обращения, уделялось больше внимания изучению личности несовершеннолетнего и т.д. ...После Второй мировой войны Закон 1922 г. был полностью пересмотрен (на этом энергично настаивали оккупационные власти), и в 1948 г. был принят новый, ныне действующий Закон о несовершеннолетних. В нем нашла выражение концепция протекционизма по американскому образцу. Закон обеспечивал усиление принципа *due process of law* благодаря созданию судебного органа для несовершеннолетних». Таким органом стал семейный суд, возникший путем слияния существовавших до этого судов для несовершеннолетних и судов по семейным делам. «Идея приоритета защиты несовершеннолетних

получила свое воплощение в следующем: был принят принцип направления в этот судебный орган всех дел несовершеннолетних. В целях развития научной основы защиты несовершеннолетних были введены должности исследователей при семейных судах с функциями case-worker (от case-work – индивидуальное изучение несовершеннолетнего и воздействие на него с применением социальных и психотерапевтических методов. – В.Е.), а также созданы пункты классификации несовершеннолетних для изучения их личности и определения оптимального способа обращения с ними»⁵⁵.

Система юстиции для несовершеннолетних предусматривает направление всех дел несовершеннолетних в семейный суд, процедура слушания в котором гуманизирована, проникнута идеей защиты несовершеннолетнего. В подавляющем большинстве случаев принимается решение о неприменении к несовершеннолетнему никаких мер или о принятии мер защитно-воспитательного характера: редкими являются решения о направлении дела в обычный уголовный суд.

Юридические органы, учреждения и организации

Основу системы практических органов – субъектов правовой системы – образуют министерство юстиции, органы суда и прокуратуры, полиция, пенитенциарные учреждения (тюрьмы). Кроме них в эту систему входят органы защитного надзора, «исследователи» и примирительные комиссии при семейных судах, классификационные пункты для несовершеннолетних и т. д. К практическим учреждениям относится и адвокатура, однако она занимает особое положение.

Существует и ряд общественных организаций практического характера.

Если до войны министерство юстиции имело в своем подчинении судебные органы, то в послевоенной Японии последние образуют самостоятельную систему во главе с Верховным судом. Министерство юстиции через Генеральную прокуратуру поддерживает субординационные отношения с системой органов прокуратуры. В состав министерства входит пенитенциарный департамент, осуществляющий контроль над тюрьмами. При министерстве действует Управление расследований по делам об обществен-

ной безопасности, задача которого состоит в «предотвращении подрывной деятельности». Существенный вклад в развитие уголовной статистики, криминологии и криминалистики вносит Комплексный научно-исследовательский юридический институт министерства юстиции, который ежегодно издает «Белые книги о преступности».

При министерстве юстиции создан Консультативный совет по вопросам системы законодательства, состоящий из секций по отраслям права.

Иерархия судебных органов в Японии имеет четырехзвенную структуру: Верховный суд (*сайко сайбансё*); высшие суды (*кото сайбансё*); районные суды (*тихо сайбансё*) и семейные суды (*катэй сайбансё*); первичные суды (*канъи сайбансё*). Выделяя особо Верховный суд, закон объединяет остальные суды под названием «нижестоящих» (*какю*). Правовой основой судоустройства в Японии служат Конституция и Закон о судах (1947 г.). Конституция запрещает создание специальных судов (ст. 76).

Верховный, высшие, районные и первичные суды рассматривают гражданские и уголовные дела. При этом (как это принято во всем мире) чем выше исковая сумма, тяжелее преступление и т. п., тем на более высоком уровне судебной системы рассматривается дело. Суды наделены исключительным правом выдачи ордеров на задержание и арест.

Верховный суд является не только высшим судебным органом. Он также выполняет функции органа отраслевого управления в рамках судебной системы. Важную административную роль в этой системе играет генеральный секретариат Верховного суда. При Верховном суде действуют юридические курсы, имеющие исключительно большое значение для подготовки кадров не только для судебных, но и для других юридических органов.

Из нижестоящих судов особый интерес представляют семейные и первичные суды. Семейные суды выполняют две основные функции: разрешение отнесенных к их компетенции определенных категорий гражданско-правовых дел и ведение дел несовершеннолетних. Как вспомогательные органы (для выполнения первой функции) при семейных судах существуют примирительные комиссии, в каждую из которых входят судья и представители населения. Осуществлению второй функции семейных судов способствует наличие в их штатах исследова-

телей (тёсакан), в обязанности которых входит изучение на научной основе личности несовершеннолетнего, окружающей его социальной среды, обстоятельств совершения им преступления или иного антиобщественного деяния и т. п. При необходимости получить более полную характеристику несовершеннолетнего семейный суд направляет его в классификационный пункт для несовершеннолетних (сёнэн камбэцусё). Эффективность семейных судов достаточно высока, но порой их перегруженность мешает индивидуализации подхода к несовершеннолетним.

Первичные суды были задуманы при формировании послевоенной судебной системы как органы, наиболее близкие к населению и наиболее доступные в плане разрешения гражданско-правовых споров с относительно небольшой исковой суммой, а также уголовных дел (если речь не идет о тяжких преступлениях) и т. п. Однако реализация этой идеи столкнулась с определенными трудностями в связи с осуществлением программы слияния и даже ликвидации некоторых первичных судов.

Членов Верховного суда назначает кабинет министров, председателя Верховного суда – император по представлению кабинета. Судья Верховного суда должен быть смещен при неблагоприятном для него результате всенародной аттестации, которая проводится во время первых парламентских выборов после его назначения, а затем – во время первых выборов по истечении десяти лет пребывания судьи на посту. Судьи нижестоящих судов назначаются кабинетом министров из списка кандидатов, представляемого Верховным судом. За порочащие действия судьи нижестоящих судов могут смещаться судом импичмента, состоящим из депутатов парламента.

Законом предусмотрены различные формы участия граждан в отправлении правосудия. Так, районные суды ежегодно отбирают из населения лиц, которые должны присутствовать при рассмотрении гражданско-правовых дел в первичных судах, высказывать свое мнение, содействовать попыткам примирения (привлекать ли этих лиц к участию, решает в каждом случае суд). Семейные суды ежегодно отбирают из населения лиц, которые должны присутствовать при рассмотрении этими судами вопросов, отнесенных к их компетенции, и высказывать свое мнение. Районные и семейные суды ежегодно отбирают из населения

лиц, которые должны входить в состав примирительных комиссий по гражданско-правовым делам и вопросам, отнесенным к компетенции семейных судов.

Правовой основой организации прокуратур является Закон о прокуратурах 1947 г. Определенное противоречие между принципом независимости прокуратур и их субординационными отношениями с министерством юстиции формально разрешается тем обстоятельством, что относительно конкретных дел министр может давать указания лишь генеральному прокурору, но не нижестоящим прокурорам. Четырехзвенная структура органов прокуратуры обеспечивает ее «стыковку» с судебной иерархией: Генеральная прокуратура (*сайко кэнсацутё*) соответствует Верховному суду; высшие прокуратуры (*кото кэнсацутё*) – высшим судам; районные прокуратуры (*тихо кэнсацутё*) – районным судам; участковые прокуратуры (*ку кэнсацутё*) – первичным судам.

Основные функции прокуратуры: предварительное (досудебное) расследование уголовных дел (при этом прокуратура берет на себя расследование лишь наиболее важных и сложных дел); разрешение ряда уголовных дел без передачи их на судебное рассмотрение (эта мера, именуемая «отсрочкой предъявления обвинения», применяется даже при наличии улик, достаточных для направления дела в суд); возбуждение уголовного преследования, т. е. направление дела в суд; поддержание обвинения в суде; надзор за разрешением дел полицией (когда дела не передаются в прокуратуру); надзор за следствием в органах полиции; надзор за исполнением наказаний, назначаемых судом.

Из числа граждан, имеющих право голоса на выборах в нижнюю палату парламента, по жребию формируются комиссии, рассматривающие правомерность решений прокуроров о невозбуждении уголовных дел. Прокурор учитывает мнение комиссии, которое, однако, не имеет обязывающей силы.

Полиция существует как самостоятельное ведомство. «Общегосударственную» часть полицейской системы составляет Главное полицейское управление (*кэйсацутё*) и состоящие при нем учреждения (штаб дворцовой полиции, полицейская академия, НИИ полиции), а также его периферийные органы. «Префектуральную» часть полицейской системы образуют полиции

префектур. Полиция в основе своей состоит из относительно самостоятельных префектуральных полицейских сил, а государство лишь координирует их деятельность и осуществляет в необходимых случаях мероприятия, выходящие по масштабам за рамки одной префектуры. Однако часть общественности и средств массовой информации утверждает, что полиция чрезмерно централизована.

Правовую основу организации японской полиции составляет Закон о полиции 1954 г.

Своеобразным звеном полицейской системы являются комиссии общественной безопасности (*коан иинкай*). Их официальная задача – осуществление общественного контроля за деятельностью полиции с целью недопущения отклонений от «демократического курса». Комиссии санкционируют кадровые перестановки в аппарате полиции (в пределах своей компетенции), от их имени выдаются удостоверения водителям автотранспорта и т. п. Формируются комиссии из представителей различных слоев общества. У комиссий нет своего рабочего аппарата, независимого от соответствующих полицейских органов. Существуют городские и префектуральные комиссии, а также Государственная комиссия общественной безопасности (*кокка коан иинкай*), председателем которой должен быть министр.

В систему полицейских органов входят следующие звенья. В первую очередь, это высший орган общегосударственного значения – Главное полицейское управление, которое имеет управления полицейских округов (каждый округ охватывает территорию нескольких префектур, за исключением префектуры Хоккайдо, полиция которой подчинена непосредственно центру). Полицию каждой префектуры возглавляет штаб (*хомбу*), префектуральным штабам подчинены отделения полиции (*кэйсацусё*) – основные «рабочие» органы полицейской системы. В некоторых крупных городах дополнительно созданы городские полицейские отделы, руководящие отделениями полиции. Низовыми звеньями системы, образующими ее фундамент, являются полицейские будки (*хасюцусё*, или *кобан*) и посты (*тюдзайсё*).

Полицейские будки дислоцируются в населенных пунктах городского типа. Являясь служебным помещением для нескольких полицейских, они размещаются в наиболее оживленных местах.

Полицейские посты создаются в населенных пунктах сельского типа. Здание поста разделено на две части, одна из которых является служебным помещением (штат поста состоит из одного полицейского), а другая – жильем для него и его семьи. Будки и посты, будучи как бы интегрированы в гущу кварталов, являются местами сбора информации и обращения жителей по самым разнообразным вопросам.

Основные функции полиции состоят в поддержании общественного порядка, борьбе с уголовной преступностью, организации дорожно-транспортного движения и контроле за техническим состоянием транспорта, осуществлении ряда административных режимов (предпринимательства, затрагивающего нравственность; владения огнестрельным и холодным оружием; пребывания и деятельности иностранцев и т. п.). В сфере борьбы с уголовной преступностью на полицию возложены профилактические, оперативно-розыскные, следственные функции. При этом по ряду малозначительных преступлений полиция сама может разрешать дела (при более серьезных преступлениях дела передаются в прокуратуру). Специальная полицейская служба, именуемая «полицией охраны и общественной безопасности» (*кэйби коан кэйсацу*), ведет наблюдение за политическими организациями, представляющими угрозу для «общественной безопасности». В полиции имеются военизированные «маневренные отряды» (*кидотай*) для обеспечения порядка в местах массового скопления народа.

Система пенитенциарных учреждений (тюрем) включает пенитенциарные округа, в которых и располагаются тюрьмы трех видов: обычные, для несовершеннолетних и следственные. В каждом округе имеется классификационный центр с задачей индивидуализации обращения с заключенными. Организацию и функционирование пенитенциарных учреждений регламентирует Закон о тюрьмах 1908 г.

Большое развитие получила в Японии система органов защитного надзора. Их задача – установление контроля над лицами, осужденными условно, отбывшими наказание в тюрьмах, а также условно-досрочно освобожденными, обеспечение их социальной адаптации и предупреждение рецидивизма. В службе защитного надзора состоит значительное количество добровольных сотрудников со статусом государственных служащих.

Управление расследований по делам общественной безопасности (*коан тёсатё*) осуществляет административный контроль за организациями, наделенными потенциальными возможностями осуществления «насильственной подрывной деятельности». Через Жюри общественной безопасности (*коан синса иинкай*) Управление может требовать принятия ограничительных мер к организациям и их ответственным деятелям. Правовой основой для организации и деятельности Управления являются Закон об учреждении Управления расследований по делам об общественной безопасности и Закон о предотвращении подрывной деятельности (оба 1952 г.).

Организацию и функционирование адвокатуры в Японии регламентирует Закон об адвокатах 1949 г. Лица, намеревающиеся заниматься адвокатской практикой, регистрируются в Японской федерации адвокатов, вступая таким образом в ту или иную их коллегию. Коллегии имеют статус юридических лиц, создаются на участках районных судов (как правило, по одной на каждом).

Общественные организации практического характера, получившие в Японии большое распространение, занимаются вопросами самозащиты в местах потенциальной преступности, информирования полицейских органов о совершенных преступлениях, работы с условно-осужденными и условно-досрочно освобожденными, отбывшими наказание и подростками с неправильным поведением, организации безопасного перехода детей через дороги, налаживания нормальной атмосферы в отношениях между родителями и детьми в семье и т. п.

В Японии существуют государственные научно-исследовательские юридические учреждения, главное место среди которых занимают Комплексный научно-исследовательский юридический институт министерства юстиции и Научно-исследовательский институт полиции при Главном полицейском управлении. Разнообразная научная работа ведется на юридических факультетах государственных, муниципальных и частных университетов. Активную деятельность осуществляют многочисленные научно-юридические общества.

Развитую в Японии систему органов защиты прав человека образуют прежде всего департамент защиты прав человека министерства юстиции и отделы защиты прав человека местных ор-

ганов этого министерства, а также уполномоченные по делам защиты прав человека. Уполномоченные назначаются министром юстиции на срок в три года в каждом городе или поселке и в каждой сельской общине из числа граждан, рекомендованных главами этих территориальных единиц с учетом мнения губернаторов префектур, коллегий адвокатов и др. В компетенцию уполномоченных входит изучение обстоятельств нарушений прав человека, информирование министра юстиции, направление рекомендаций соответствующим органам и другие подобные виды деятельности.

Примечания

¹ Правовая система Японии рассматривается в данной работе как совокупность четырех компонентов, которыми являются: 1) правовые взгляды (правовая идеология, правосознание, юридическая наука, включая научное толкование права) и правовая культура; 2) право (принципы, институты, нормы) и источники права; 3) правотворчество и осуществление права (включая его практическое толкование); 4) юридические органы, учреждения и организации (включая подготовку кадров для них).

² Э. Хисада. Тэйкоку кэмпо си (История имперской конституции). Киото, 1983, с. 143.

³ Ё. Исио, Ё. Икада, Э. Яманака (ред.). Нихон киндайхо 120 ко (120 лекций о японском праве Нового времени). Киото, 1992, с. 188.

⁴ Ё. Ватанабэ, М. Хасэгава, Н. Катаока, М. Симидзу. Гэндай Нихонхо си (История современного японского права). Токио, 1982, с. 32.

⁵ Цит. по: Ц. Инако. Современное право Японии. М., 1981, с. 72.

⁶ К. Такауанаги. A Century of Innovation: The Development of Japanese Law, 1868-1961. In: Law in Japan. The Legal Order in a Changing Society. Cambridge, 1963, p. 13-14.

⁷ Х. Суэкава (ред.). Хогаку нюмон (Введение в науку права). Токио, 1972, с. 15.

⁸ Т. Касиваги. Кэйдзи сосё хо (Уголовно-процессуальное право). Токио, 1971, с. 10.

⁹ См.: Т. Минэмура. Хогаку гайрон (Общий очерк науки права). Токио, 1970, с. 142-143; Хогаку нюмон, с. 97-98.

¹⁰ М. Ито, И. Като. Гэндай хогаку нюмон (Введение в современную науку права). Токио, 2000, с. 222.

¹¹ Ё. Ватанабэ (ред.). Гэндай Нихон-но хо кодзо (Структура права современной Японии). Киото, 1989, с. 6.

¹² С. Танака. Хоригаку коги (Лекции по философии права). Токио, 1999, с. 10.

¹³ J. Haley. Authority without Power (Law and the Japanese Paradox). New York, Oxford, 1991.

- ¹⁴ А. Козырин. Административное право Японии. – Административное право зарубежных стран. М., 1996, с. 153.
- ¹⁵ Н. Baum (ed.). Japan: Economic Success and Legal System. Berlin – N.Y., 1997, p. 393, 395.
- ¹⁶ С. Танака. Цит. соч., с. 38.
- ¹⁷ О. Sawaji. Vietnam Law. – Look Japan, September 2000.
- ¹⁸ Н. Тоситани. Нихон хо-о кангаэру (Размышления о японском праве). Токио, 1989, с. 177.
- ¹⁹ Ё. Ватанабэ. Хорицугаку-э-но табидати (Введение в юридическую науку). Токио, 2000, с. 148–149.
- ²⁰ Там же, с. 149.
- ²¹ J. Haley. Op.cit.
- ²² Н. Тоситани. Цит. соч., с. 80.
- ²³ Ц. Инако. Цит. соч., с. 173.
- ²⁴ С. Танака. Цит. соч., с. 36.
- ²⁵ Ё. Ватанабэ, М. Хасэгава, Н. Катаока, М. Симидзу. Цит. соч., с. 31.
- ²⁶ А. Ватанабэ. Правительство и политика в современной Японии. Токио (год издания не указан), с. 9.
- ²⁷ М. Мори, С. Ёда (ред.). Нихон-но гэндайхо (Современное право Японии). Киото, 1983, с. 228.
- ²⁸ К. Такауанаги. Op. cit., p. 13.
- ²⁹ См.: Х. Маки, А. Фудзивара. Нихон хосэй си (История японской системы законодательства). Токио, 1995, с. 453.
- ³⁰ А. Ватанабэ. Цит. соч., с. 9.
- ³¹ К. Такауанаги. Op. cit., p. 13. *Кокутай* – в широком смысле слова означает государственный строй. «Понятие *кокутай* широко использовалось в условиях конституции Мэйдзи как выражение основных особенностей японского государства» [Хорицу ёго дзитэн (Словарь терминов законодательства. Токио, 1974, с. 64)], которые состояли в том, что в Японии «царствует и осуществляет общий контроль над управлением страной император, принадлежащий к роду, продолжающемуся вечно» [Син хорицугаку дзитэн (Новый словарь юриспруденции. Токио, 1972, с. 409)].
- ³² А. Ватанабэ. Цит. соч., с. 10.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Kodansha Encyclopedia of Japan. Vol. 3. Токио, 1983, p. 204.
- ³⁵ А. Ватанабэ. Цит. соч., с. 10.
- ³⁶ См.: Нихон коккай (Японский парламент). Токио. 1988, главы 2 и 3.
- ³⁷ Ё. Ватанабэ. Цит. соч., с. 43–44.
- ³⁸ М. Нака. Процесс определения политики в Японии: институт заместителей министров по административным делам. – Япония о себе и мире, 1993, №15, с. 8.
- ³⁹ Д. Дава (J. Dower). Ёсида Сигэру-но ситэки ити (Историческое место Ёсида Сигэру). – Сэкай си-но нака-но Нихон сэнрё (Оккупация Японии в мировой истории). Токио, 1985, с. 150.
- ⁴⁰ История Японии. Том II. М., 1999, с.505.
- ⁴¹ Закон о местных публичных должностных лицах был принят в 1950 г.

⁴² Х. Суэкава (ред.). Цит. соч., с. 15.

⁴³ История Японии. 1945–1975. М., 1978, с. 45. См. также: В. Попов Формирование социально-экономической структуры японской деревни. М., 1987.

⁴⁴ К. Такауанаги. *Op. cit.* р. 18.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ К. Уэда. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989, с. 234.

⁴⁷ Ё. Ватанабэ, М. Хасэгава, Н. Катаока, М. Симидзу. Цит. соч., с. 34–35.

⁴⁸ А. Фудзивара, С. Аракава, Х. Хаяси. Нихон гэндай си (Современная история Японии). Токио, 1986, с. 49.

⁴⁹ К. Нагаи. Дзтитай-ни окэру пурайбаси-но кэнри хого (Защита муниципиями права хранить в тайне сведения о личной жизни). – Хогаку синрин, 1993, т. 90, № 3, с. 89.

⁵⁰ См.: Сиру кэнри. Масукоми то хо (Право знать. СМИ и право). Токио, 1974.

⁵¹ Демократия в Японии: опыт и уроки. М., 1991, с. 51.

⁵² Н. Oda. The Land of Rising Lawyer. – Financial Times. 20.08. 1987.

⁵³ А. Козырин. Цит. соч., с. 183.

⁵⁴ О. Белявская. Уголовная политика в Японии. М., ИНИОН, 1992, с. 29.

⁵⁵ К. Уэда. Цит. соч., с. 226–227.

Японская демократия

Э. Молодякова
С. Маркарян

В настоящее время Япония, вне всякого сомнения, является полноправным членом клуба мировых индустриальных демократий. Страна шла к этому своим особым путем, опираясь на традиции и ускоренную модернизацию. Поистине революционные события в истории страны – такие, как реставрация Мэйдзи (Мэйдзи исин) или демократизация в послевоенные годы – имели столь непривычные с европоцентристской точки зрения характер, что порождали многочисленные и разноплановые оценки: от определения Мэйдзи исин как незавершенной буржуазной революции до отрицания демократии в настоящее время. Своеобразие развития Японии делает не вполне корректным применение западных дефиниций при анализе тех или иных явлений жизни японского общества. Не в малой степени это относится и к определению характера демократии в стране.

На протяжении последних ста пятидесяти лет, т.е. с момента включения Японии насильственными методами в мировое капиталистическое хозяйство, страна являет собой неординарный

пример формирования политической системы и общества в целом, где достаточно мирно уживаются традиции и инновации. Оценивать политическую и общественную роль столь разнородных элементов этой системы, как институт императорской власти и представительная демократия, можно лишь в историческом контексте, учитывая, как будет показано ниже, особенности политической культуры народа.

Вступив в 70-х годах XIX в. на путь кардинальных преобразований с тем, чтобы подняться до уровня промышленно развитых в то время стран, правящие круги выбрали единственно возможный и правильный курс – на ускоренную модернизацию, что позволило избежать судьбу колоний или полукolonий, сохранить национальную независимость и идентичность.

В ряду системных реформ, которые были проведены японскими правящими кругами в крайне сжатые сроки, первостепенное значение в то время было уделено экономическому блоку, на базе которого решались внешнеполитические задачи (отмена неравноправных договоров и колониальная экспансия). Именно тогда были заложены основы теснейшей взаимосвязи экономики и внешней политики. Ускоренная модернизация была объективной экономической необходимостью, а не «лишь политическим капризом» правительства, как справедливо отметил японский историк С. Изнага. Однако если результаты модернизации были достаточно впечатляющими, то продвижение на общественно-политическом поприще – намного более скромным, поскольку оно не являлось приоритетом государственной политики.

Процесс создания фактически заново политической системы значительно растянулся во времени, и самые серьезные изменения были отнесены к 90-м годам XIX в. Главным звеном в политической системе был признан институт императора, а не институты парламентской демократии по западному образцу при формальном их заимствовании. Несмотря на введение представительных органов власти, избирательное право распространялось на очень ограниченное число лиц, кабинет министров нес ответственность не перед парламентом, а перед императором; особа последнего была объявлена «священной и неприкосновенной», ему были предоставлены неограниченные права главы государства, конституция была, пожалуй, наименее демократической из тогда существовавших.

По удачному выражению английского социолога Дж. Фалчера, она была принята для придания Японии респектабельности в глазах Запада. Точнее сказать, Япония рождала миф о себе, внушая миру иллюзию, что она становится похожей на передовые демократические страны того времени. На деле японской политической элите с ее устремлениями к милитаризации и внешне-политической экспансии демократические атрибуты были вовсе не нужны.

В первые десятилетия XX в. даже само слово «демократия» в императорской Японии было предано анафеме. Тем не менее постепенно расширялись избирательное право и социальные гарантии, сокращался рабочий день, появлялись рабочие и крестьянские организации, политические партии левого толка. Таким образом, происходила модернизация сознания населения на фоне перемен в социально-экономической жизни. В стране достаточно эффективно действовала административная система, был высокий уровень грамотности населения, существовала хорошая организация производства и имелся более чем полувековой опыт функционирования парламентских институтов. С этим багажом Япония подошла к послевоенной модернизации и демократизации.

В первые оккупационные годы демократизация оказалась единственным способом сохранить власть в руках правящей элиты. Она была осуществлена прежними консерваторами-бюрократами так называемого второго ряда, поскольку высший многочисленный слой политической элиты подвергся «чистке» в годы оккупации. Укоренение демократии персонифицировалось в личностях ряда первых послевоенных премьеров конца 40-х – середины 60-х годов: С. Ёсида (до войны занимал пост заместителя министра иностранных дел), Н. Киси (был министром торговли и промышленности), Х. Икэда (был директором главного налогового управления), Э. Сато (был директором управления по надзору за железными дорогами). Эти люди и возвышались над уровнем простых политиков. Их опыта сильно не хватало последующим руководителям страны.

Демократия, как известно, – форма управления современным государством. Главное состоит не в том, чтобы ввести представительную демократию ради нее самой, а в том, чтобы обеспечить ей нормальное функционирование в соответствии с социально-экономическими и политическими реалиями страны. С

представительной демократией связано наличие в обществе различных политических институтов – всеобщие выборы, парламент, являющийся высшим законодательным органом, разделение властей, многопартийная система, система сдержек и противовесов, обеспечивающая главенство законодательной власти при соблюдении принципа принадлежности суверенитета народу. Вместе с тем существование тех или иных государственно-правовых форм имеет значение не столько само по себе, сколько в той степени, в какой они обеспечивают вовлечение основных масс населения в демократические процессы, способствуют выработке политики, обеспечивающей экономическое развитие.

Не следует забывать, что демократия никогда не была свойственна японской политической культуре, как, впрочем, и культуре других азиатских стран, находящихся в зоне распространения конфуцианства. Несмотря на заявку на демократию де-юре в Конституции Мэйдзи (1889), де-факто она была привнесена в страну лишь после сокрушительного поражения во Второй мировой войне. При этом не произошло утраты традиций и национальной идентичности, потому что политическая элита проявила максимум прагматизма и реально оценила сложившуюся ситуацию.

Само понятие «демократия» для западных и азиатских стран не равнозначно. В частности, в Японии сложилась своя специфическая модель, на которую огромное влияние оказали социокультурные особенности народа, этико-правовая специфика, традиции политической культуры. Хотя японская демократия имеет все необходимые юридические основания и институты, необходимые для нормального функционирования (демократическое законодательство, парламент, политические партии, организации трудящихся и т. п.), нельзя не заметить ее исторического своеобразия. Япония, как и другие азиатские страны, заимствовала западные политические структуры, но их содержание под влиянием конкретной политической практики претерпело весьма серьезные изменения. И это вполне закономерно, ибо «... наиболее зрелые формы демократии в любом обществе должны опираться на специфические характеристики данного общества. Нет единой формулы, которая может быть предложена странами Запада, так же как нет единой модели, которая может быть предложена азиатскими обществами»¹.

Казалось бы, заимствуя в условиях оккупации западную экономическую модель развития, Япония должна была воспринять и

западное политическое устройство. Однако особенностью политического развития Японии явилось то обстоятельство, что все главные достижения демократии, связанные на Западе с социал-демократической моделью развития (ядро ее – концепция «государства благосостояния»), были здесь результатом реформ, проведенных консервативно ориентированной политической элитой при непосредственном участии оккупационных властей США. Для осуществления политики демократизации власти достаточно широко использовали различные социальные слои и политические силы (рабочих, крестьян, пацифистов, либералов, социалистов, определенную часть консерваторов), стремившиеся к радикальным переменам. Стараниями всех заинтересованных сторон в Японии и была создана система представительной, или парламентской, демократии.

Системный кризис, разразившийся в Японии в связи с поражением в войне, поставил страну перед необходимостью проведения политических и экономических реформ. По замечанию профессора университета Тюо С. Рида, в каждом периоде исторического развития в той или иной степени происходят изменения, а «вот провести определенные специфические реформы оказывается чрезвычайно трудно. Целенаправленные изменения требуют огромных затрат и редко дают предполагаемый или желаемый результат»².

В Японии же послевоенные реформы, решающая роль в проведении которых принадлежала администрации США, – яркий пример получения желаемых результатов. Кроме того, успех реформ, направленных на демократизацию и модернизацию страны, во многом был обязан тому, что они осуществлялись руками японского правительства и законодательно подтверждались парламентом. К тому же экономические и политические предпосылки для них уже существовали в стране.

Успех или неуспех внедрения системы представительной демократии в традиционных восточных обществах во многом зависит от уровня экономического развития. Известный американский политолог С. Липсет писал: «Чем более зажиточен народ, тем больше у него шансов обладать демократией... В современном мире экономическое развитие ... является основным условием успешного функционирования демократии»³. При анализе трансформаций, происходящих в упомянутых обществах, исследователи обычно больше всего внимания уделяют «азиатским ценностям», считая их

важнейшим психологическим импульсом для производственной деятельности, и упускают из вида значение экономических реалий. Но, как показывает практика, «эти ценности начинают по-настоящему “работать” в производственном плане только в определенных исторических условиях, в определенной экономической и политической среде, благоприятной для их воплощения в конкретные дела: ведь иначе отсталость и бедность на просторах Азии были бы преодолены давным давно — века тому назад»⁴.

В послевоенной Японии для развития экономики по западному демократическому образцу потребовались системные преобразования. Было необходимо ликвидировать существовавшие политическую и экономическую структуры с частичной заменой соответствующих элит, разрушить финансово-промышленные монополистические группы (*дзайбацу*) и создать условия для внедрения свободного предпринимательства и рыночных механизмов. С этой целью и были проведены кардинальные экономические и политические реформы, что привело к изменению всего общественного строя. «Суть послевоенных реформ в Японии, — пишет Я.А. Певзнер, — заключалась в том, чтобы, нанеся удар по силам монополизма, воссоздать и упрочить противомонопольные силы, действующие на основе политической демократии, рыночных отношений и частной собственности»⁵.

Необходимым условием для успешного осуществления реформ, которые создавали условия для ускоренной модернизации и демократизации, была политическая стабильность, которая обеспечивалась оккупационной администрацией США. Демократические принципы, гарантированные конституцией, раскрепощали человека, стимулировали инициативу, проявление способностей, предприимчивости, содействовали активизации экономической и общественной жизни. Особо важное значение для развития прежде всего экономики имели отказ Японии от войны как средства разрешения международных конфликтов, наличие представительных органов власти, опирающихся на широкую социальную базу, комплексность послевоенных реформ.

В результате проведения реформ модернизация приняла новое направление, сблизившее Японию со странами Запада. Быстрая замена после войны старых социально-экономических и политических структур новыми, демократическими оказалась единственным средством восстановления страны. Этот процесс

сопровождался стремительным усвоением достижений западных стран. Тем не менее политическая система, сложившаяся в стране, наделена специфическими чертами, выделяющими ее в общемировом ряду. Одна из этих черт – долголетнее нахождение у кормила правления Либерально-демократической партии (ЛДП), обеспечивающее, в частности, определенное превалирование исполнительной власти над законодательной. Парламент в Японии не столь влиятелен, как, например, аналогичный орган в Англии или конгресс в США. Решения по важнейшим вопросам готовятся не на его трибуне, а в кулуарах, что делает этот процесс практически недоступным для публичного контроля.

За все годы единоличного правления ЛДП сменилось полтора десятка премьер-министров, но и политическая система, и генеральный политический курс оставались неизменными, ибо у руля всегда оставалась одна и та же элита консервативного толка. Недаром известный политолог Т. Иноуги охарактеризовал японскую демократию как «демократию караокэ» (исполнители меняются, а песня остается⁶).

Такие особенности японской демократии, как, например, отмеченное превалирование исполнительной власти над законодательной, а также всевластие бюрократии, известная ангажированность некоторых СМИ, нарушения выборного законодательства, иногда порождают сомнения на ее счет. Но фундаментальные ее основы – регулярность проведения выборов, действенность вынесения вотума недоверия правительству, способность к реорганизации той же избирательной системы – сохраняются в неприкосновенности. Кроме того, существуют механизмы защиты демократических принципов, пусть и не всегда работающие с нужной эффективностью.

Участие населения в политическом процессе, основной формой которого являются выборы, – один из главных показателей политической трансформации общества. Опыт исторического развития азиатских стран показывает, что столь нетрадиционный для них институт, как выборы, органично вошел в их политическую культуру, но не заменил существовавшие традиционные отношения, а дополнил их, о чем много писал С. Хантингтон⁷. Адаптация институтов парламентской демократии происходит тем быстрее, чем выше уровень образования населения, что продемонстрировала Япония и в послеэмэйзийский, и в послевоенный периоды.

Каждая страна формирует избирательную систему, которая в наибольшей степени соответствует уровню развития демократии в тот или иной период, а потому она всегда динамична. До 1994 г. в Японии действовал достаточно специфический вариант средних избирательных округов (обычно формируются либо малые округа, от которых избирается один кандидат, либо округа пропорционального представительства, когда сразу определяется большой список прошедших депутатов).

Японский вариант – дань традиционной политической культуре и избирательной практике довоенных лет, когда у власти сменялись мало отличавшиеся друг от друга две политические партии. Избирательный закон 1925 г. гарантировал каждой из них хотя бы одно-два места во всех без исключения избирательных округах. Это был компромисс между партиями, старавшимися не допустить усиления друг друга и потери голосов избирателей.

В отличие от системы пропорционального представительства многомандатная система относительного большинства не соответствует действительному соотношению партий. Она ведет к завышению парламентского представительства крупных партий и вызывает обильную «потерю» голосов, особенно у тех партий, доля электората которых в общем избирательном корпусе невелика. Отсюда неравенство «веса голосов», явно противоречащее демократическим принципам. Тем не менее многомандатная система в принципе обеспечивает многопартийность представительных органов власти, а потому и была закреплена в законе «О выборах общественных должностных лиц» (1950)⁸.

Эта система функционировала достаточно продуктивно до начала 90-х годов, отражая реальную расстановку политических сил в стране в соответствии с политической структурой 1955 г., при которой на одном полюсе сосредоточились все консервативные силы в лице ЛДП, а на другом – все социал-демократические в лице Социалистической партии Японии (СПЯ), ныне Социал-демократической партии Японии (СДПЯ). ЛДП сразу создавалась как парламентская партия избирательного типа, преследующая цели завоевания и удержания власти. Поэтому основной упор в ее деятельности всегда делался на решение прагматической задачи получения депутатских мандатов, а идеология как бы отступала на задний план. В известной мере цели и задачи создания

ЛДП, а также ее роль как объединителя разных сил можно уподобить предназначению довоенной Ассоциации помощи трону⁹.

Биполярная политическая структура порождала иллюзию, что в стране может сложиться двухпартийная система классического европейского образца. И основания для этого имелись. Так, на выборах в палату представителей парламента в 1958 г. СПЯ получила 166 мандатов (35,5% от общего числа), а ЛДП – 287 (61,5%). Но почти на сорок лет утвердилась власть ЛДП, поскольку она представляла общенациональные интересы, а СПЯ и другие оппозиционные партии – интересы отдельных, относительно небольших групп населения.

В формате системы 1955 г. постепенно менялось соотношение сил не только между основными партиями (ЛДП и СПЯ), но и между ними и вновь появившимися. Если на выборах 1958 г. они совокупно получили 91% голосов избирателей, то в 1986 г. – только 66,6 %. Оппозиция в стране никогда не была строго социально детерминированной силой. Первоначальный успех СПЯ был связан с послевоенной бурной демократизацией общества. В условиях же периода высоких темпов экономического роста партия не сумела адаптировать свою политику к переменам, происшедшим в сознании и образе жизни людей, что постепенно подрывало ее социальную базу.

В японской парламентской демократии работает уже упоминавшаяся модель доминантной партии. Она практически срослась с административным аппаратом, долгое время получала достаточное число голосов для формирования однопартийного правительства. Но это не мешает сохранению плюралистичности общества, поскольку в нем свободно действуют различные политические партии и объединения и каждая политическая сила занимает свою нишу. Однако стоит заметить, что в стране никогда не было оппозиции равновеликой правящей партии.

ЛДП, несмотря на свое большинство в парламенте, старается избегать лобовых столкновений с оппозицией и предпочитает достижение консенсуса. Например, число законопроектов, принятых с поправками оппозиции, намного больше, чем это можно было ожидать в условиях правления доминантной партии. Безусловно, процесс достижения такого консенсуса требует большого искусства, но игра стоит свеч. В то же время япон-

ский парламент не контролирует административную бюрократию в обычной для представительной демократии степени.

Из американского опыта Япония позаимствовала принцип «сдержек и противовесов», обеспечивающих разделение властей. Его введение помогло свести к приемлемому минимуму диктат исполнительной власти и зависимость от нее власти судебной. Естественно, как и в любой стране, система разделения властей в Японии действует с учетом политических реалий. В данном случае – с учетом наличия доминантной партии¹⁰.

Подобная политическая ситуация, отражающая характер японской демократии, в 70–80-е годы действовала по большей части в интересах крупного бизнеса, а воля большинства в обществе ограничивалась определенными рамками, наличие которых объяснялось социопсихологическим типом поведения японцев, другими словами, группизмом и конформизмом.

Диверсификация национальных интересов, усложнение социальной структуры общества и возникновение гражданских движений в начале 70-х годов (например, движений в защиту окружающей среды или потребителей) впервые заставили доминантную партию задуматься о необходимости внесения коррективов в свою идейно-политическую платформу. Подвижки в социально-экономической структуре (размывание системы пожизненного найма, оплаты по старшинству и пофирменных профсоюзов, усиление индивидуалистических настроений у молодых поколений, старение населения) обусловили сокращение электората ЛДП. Но сокращение это – следствие протеста не против консервативной идеологии, а против конкретной политики либерал-демократов, которые не учитывают интересы так называемых новых городских слоев, появившихся в результате процессов миграции и урбанизации. Голосуя за оппозиционные партии, избиратели твердо знают, что они ни в коем случае не только не придут к власти, но и не составят серьезную конкуренцию правящей. Таким путем электорат побуждает либерал-демократов ликвидировать накопившиеся негативные явления, прежде всего внутри партии, и обратить внимание на его проблемы.

Изменившаяся социально-экономическая ситуация повлекла за собой заметную поляризацию политических пристрастий у городских и сельских избирателей. Всеобщие выборы 2000 г. отчетливо показали, что ЛДП встречается с возрастающими труд-

ностями в больших городах, а нынешняя главная оппозиционная партия – Демократическая партия Японии (ДПЯ) укрепляет именно здесь свои позиции. В частности, она сумела одержать победу во всех пяти одномандатных округах в Нагоя и получила гораздо больше голосов, чем ЛДП, при пропорциональном голосовании в девяти округах, в том числе в Токио, Осака, Фукуока и на Хоккайдо¹¹. Это очевидное свидетельство недовольства городских избирателей нынешней правительственной коалицией.

На сегодняшний день все оппозиционные партии, вместе взятые, уступают либерал-демократам по размерам поддержки и со стороны электората. Например, согласно итогам опроса общественного мнения, проведенного газетой «Асахи симбун» перед выборами в палату советников парламента летом 1998 г., 31% поддерживал ЛДП, 5% – ДПЯ, а прочие партии остались далеко позади¹². Постоянно растет и число тех, кто вообще не поддерживает ни одну партию. Их удельный вес перевалил за 50%. И это несмотря на то, что основная задача проводимой в стране реформы политической системы – повысить значимость партий среди электората.

Следует также заметить, что оппозиция никогда не выдвигала действенной альтернативы политике ЛДП, а ограничивалась ее огульной критикой. Потому-то в обществе и сложилось восприятие ЛДП как единственной ответственной силы. Утратив в 1993 г. власть (она оставалась в руках бывших либерал-демократов, лишь недавно образовавших новые партии), ЛДП вскоре вернула ее себе. Но ее возвращение не было возвратом к прежнему положению вещей. Теперь, не располагая устойчивым большинством в палате представителей парламента, она вынуждена выступать в коалиции с весьма разнородными партнерами.

В 90-е годы под давлением накопившихся деструктивных элементов в политической системе правящей элиты пришлось провозгласить курс на утверждение норм чистой политики, свободной от коррупции и зависимости партий от крупного бизнеса. Создание практически новой системы выборов, являющейся одним из важных звеньев политической реформы, было всеобщим требованием.

Ради сохранения политической и социальной стабильности правительство избрало компромиссный вариант избирательной системы, в которой мажоритарное представительство сосущест-

вует с пропорциональным, что обеспечивает избрание в парламент кандидатов малых партий и сохраняет плюрализм.

Господствующей идеологией в обществе остается консерватизм. Поэтому реорганизация политической системы могла, казалось, завершиться лишь введением двухпартийной системы американского образца, где друг друга сменяют консервативно ориентированные партии. Однако появление в апреле 1998 г. ДПЯ дает возможность предполагать, что правящая ЛДП может оказаться перед лицом не консервативной, а центристской оппозиции. ДПЯ близка модель левоцентристской коалиции Olive Tree, созданная в свое время премьер-министром Италии Р. Проди (тот в свою очередь сравнивал ее с Новой лейбористской партией Т. Блэра)¹³. Один из лидеров ДПЯ – Н. Кан, считает, что партия должна быть чем-то средним между партиями М. Тэтчер и Т. Блэра. Однако в Японии не исключена ситуация, при которой именно партии правящей коалиции (в данный момент ЛДП – Новая Комэйто – Консервативная партия), в целом консервативно ориентированные, могут, по выражению политического обозревателя «Ёмиури симбун» Ё. Хиронака, «трансплантировать Olive Tree Coalition на отечественную почву»¹⁴.

В представительных демократиях западного образца избиратель имеет возможность выбора одной платформы из предложенных, а личность кандидата имеет малое значение. Поэтому политика в этих странах достаточно деперсонализирована. В большинстве восточных стран, и в первую очередь в Японии, электорату присущ персонально-ориентированный и партийно-индифферентный менталитет, что связано с социопсихологическими особенностями народов конфуцианского культурного ареала. По замыслу авторов реформы избирательной системы, эпицентр предвыборных баталий должен сместиться в сторону борьбы партий, а не отдельных кандидатов.

При старой системе выборов основное внимание уделялось не партийной принадлежности или ориентации кандидата, а его личным качествам, связям, положению, имиджу. В общении с избирателями ему помогало использование таких черт национального характера японцев, как коллективистское сознание, ощущение причастности к группе, коллективу, чувство долга по отношению к лидеру. До сих пор новым лицам, если это не сыновья или родственники уходящих на покой избранников, довольно трудно по-

пасть в ряды кандидатов. Зачастую в случае болезни или смерти депутата округ фактически передается по наследству его сыну, дочери, зятю, доверенному лицу (например, помощнику или секретарю). В известной степени депутатство стало семейным бизнесом. Так, в палате представителей одновременно заседают три поколения Накасонэ, два – Коно и Хатояма, а дочь премьера К. Танака была даже министром иностранных дел.

Возможно, постоянно усиливающийся абсентеизм населения является одним из показателей недовольства подобным положением вещей. В 1995 г. на выборах в палату советников парламента впервые за всю послевоенную историю страны число не принявших участие в выборах превысило число голосовавших. В следующем, 1996 г. на выборах в палату представителей к урнам пришло лишь 59,65% из 98 млн. избирателей (самый низкий уровень участия избирателей в подобных выборах)¹⁵. Число «потерянных» голосов, т.е. поданных за провалившихся кандидатов, которые партии не могут записать в свой актив, в 2000 г. составило 31,53 млн. в одномандатных округах, или 51,8% от их общего числа¹⁶. Такое положение дел говорит о необходимости дальнейшего совершенствования избирательной системы.

Японская демократия функционирует в условиях тесного альянса политиков, бюрократии и бизнеса. Схема сотрудничества партнеров проста: бизнес обеспечивает финансовую поддержку политиков (читай – доминантную ЛДП). Политики в свою очередь контролируют деятельность бюрократии в интересах бизнеса. При относительной самостоятельности чиновничьего аппарата и его роли в выработке государственной политики высшее звено бюрократии находится, безусловно, под непосредственным влиянием доминантной партии. Об этом не раз упоминал в своих трудах американский политолог Т. Дж. Пемпел: «При перемещении кадров внутри бюрократического аппарата ЛДП осуществляет строгий контроль над этим процессом. Поэтому практически никто, не связанный с этой партией, не может подняться выше уровня начальника департамента»¹⁷.

На протяжении последнего десятилетия нередко раздаются голоса о том, что японская демократия пробуксовывает, что она чуть ли не «изящная фикция». Это, разумеется, неверно. Но политическая система Японии, безусловно, находится в процессе перестройки, которая, очевидно, сблизит ее с западной моделью,

даст возможность оценивать ее, как отмечает профессор Токийского университета С. Китаока, по глобальным стандартам¹⁸. Однако политика в любой стране в значительно большей степени, чем экономика, связана с культурой народа. Поэтому при всех переменах японская политическая система сохранит свое своеобразие. Иначе говоря, японская представительная демократия будет эволюционировать, не утрачивая свою специфичность.

Примечания

¹ Toward a New Asia. – Восток. 1995, № 3, 141.

² S. Reed. An Introduction to Special Topic: Political and Administrative Reform in Japan. – Social Science Journal. 1999. Vol. 2. № 2, p. 155.

³ Цит. по А. Зубов. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990, с. 14.

⁴ В. Васильев. Восточно-западные мотивы в проблематике и оценке государственности и модернизации в странах ЮВА. М., 1997, с. 15.

⁵ Я. Певзнер. Природа современных общественных отношений и японский опыт. – Япония: полвека обновления. М., 1995, с. 75.

⁶ Т. Иногути. Караокэ сэйдзи кара-но дассицу (Выпадение из политики караокэ). – This is Yomiuri. 1995. February, p. 62–71.

⁷ S. Huntington Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968; S. Huntington, J. Nelson. No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries, N.Y., 1976; S. Huntington. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. 1991.

⁸ Подробнее см.: Э. Молодякова. Избирательная система в Японии. – Японский опыт для российских реформ. М., 1998. Вып. 3, с. 45–54.

⁹ Создана осенью 1940 г. для реализации плана создания Новой политической структуры. Подробнее см.: История Японии. 1968–1998. Т. 2. М., 1998, с. 378–388.

¹⁰ Подробнее см.: В. Молодяков. Принцип разделения властей в современной Японии. – Японский опыт для российских реформ М., 1995. Вып. 4, с. 59–67.

¹¹ Nikkei Weekly. 03.07.2000.

¹² Асахи симбун. 20.05.1998.

¹³ Подробнее см.: У. Фусава. «Орибу-но ки» сэйсэн сэнряку (Стратегия политической власти Olive Tree). Токио, 1998.

¹⁴ Ёмиури симбун. 31.05.2000.

¹⁵ Japanese Politics Today, p. 30, 40.

¹⁶ Nikkei Weekly, 03.07.2000.

¹⁷ T. Pempel The Bureaucratization of Policymaking in Postwar Japan. – American Journal of Political Science. 1977. № 18, p. 653.

¹⁸ Тьюокорн, 1988. № 11. с. 36.

Императорская система

Э. Молодякова

Существование в Японии императора, признанного, согласно Конституции, «символом государства и единства народа», в стране зрелой демократии, второй экономической державе мира, в стране, само название которой ассоциируется с самыми новейшими достижениями практически во всех областях, может показаться анахроничным. Более того, и в самой Японии отношение к институту монархии далеко неоднозначно.

Однако на протяжении двух с лишним тысяч лет императорский дом сохраняет более или менее устойчивое положение в системе государственной власти. Разного рода перипетии в личных судьбах императоров следует рассматривать и оценивать только в контексте исторического процесса. Ведь японская императорская династия – не только самая старинная из существующих в мире, но и самая древняя из всех известных.

Согласно мифологизированной истории страны, официальной датой основания японского императорского дома считается 660 г. до н.э. День восшествия на престол первого легендарного

105

императора Дзимму — 11 февраля. Полагают, что эту дату вычислил великий реформатор древности принц Сётоку. И по сей день в Японии эта дата является официальным праздником — Днем основания государства.

Конечно, говорить о непрерывности императорской династии можно только с учетом практики усыновления, конкубина-та, а также возведения на престол представителей боковых ветвей императорского дома. Да и при существовавшей многие века двойственной структуре государственной власти «император — сёгун», особенно на первых порах, вопрос о престолонаследии иногда решался волюнтаристски по указанию военного правителя.

Судя по археологическим, этнографическим, историческим и другим материалам, достоверно известно, что протогосударственные объединения во главе с императором появляются в Японии не позднее VIII в. Процесс формирования японской государственности сопровождался проведением крупномасштабных реформ, ибо требовалась замена принципа кровнородственной организации на административную в связи с изменением системы землевладения и землепользования. Образцом для нового государственного устройства служил Китай.

Этому предшествовала ожесточенная борьба за власть между различными племенными объединениями, которая привела к выделению главного рода — царского, возглавившего первое крупное государственное объединение Ямато, давшее имя императорской династии. Таким образом, в Японии император занимал трон по праву происхождения, что связано с его сакральной генеалогией. И это чрезвычайно важно. Ведь понять значение роли и места императора в японском обществе вообще невозможно без обращения к мифологизированной истории.

106 В основе ее лежит концепция появления японских островов, людей, а затем и государства не в результате творческого акта богов (как это постулировано в религиях единобожия), а в результате рождения, т.е. акта естественного. Согласно этой концепции, Японские острова были созданы двумя верховными божествами местного пантеона — Идзанаги и Идзанами. Дочь Идзанаги — богиня солнца Аматаэрасу стала прародительницей японской нации. Ее внук Ниниги спустился с неба на землю, и именно его сыном был император Дзимму.

Соединение богов с людьми, породило в национальной религии синто культ царственных предков. Императоры всегда выступали первосвященниками синто, обладающими магической силой общения с божествами. Это помогало им сохранять свое место в иерархии общества, даже будучи отстраненными от реальной власти, и во многом способствовало сохранению роли национальной религии как общей для всех японцев даже в период укоренения и широкого распространения буддизма и конфуцианства.

Из китайской концепции государственного устройства японцы почерпнули идею совмещения в лице императора религиозной и реальной власти главы государства. При этом они отказались от конфуцианского представления о «мандате неба», который вручается правителю, но может быть и отнят, если он не соответствует этому мандату. Для японцев с их верой в божественное происхождение императора такое было абсолютно неприемлемо. Поэтому в Японии было исключено занятие трона какой-либо новой сильной личностью, принадлежащей к другому роду, как это имело место в большинстве стран Европы.

В Японии с ее синтоистской традицией рассматривать первоначальные отношения людей как связанных божественной кровью, сложилась не личная харизма императора, а наследственная. Эта харизма передавалась ему как душа первопредка царского рода по наследству от богини Аматаэрасу. Она определялась как «общединастийный запас силы». Поэтому в периоды удаления императора от политической власти ни одному реальному правителю страны не приходило в голову основать новую династию, ибо в таком случае она утратила бы императорскую харизму.

Харизма японского императора отождествлялась с магической силой царского рода, обеспечивающей сакральное единство правителя и народа. Именно это единство позже явится главным элементом такого важного для японской государственности понятия, как кокутай.

С наследственной харизмой царского дома связаны и стремления других сильных родов не столько занять место царского рода, сколько приобрести реальную власть как его «покровителя» или «защитника». Нередко они добивались этого путем сложных брачных комбинаций, что в свое время выросло в традицию японской политической культуры.

М. Воробьев подробно проанализировал концепцию власти правителей Ямато, согласно которой «правитель становился символом национального единства, и эта его позиция всячески подерживалась», а реальная власть находилась в руках приближенного рода. Эта концепция укладывалась в русло древней традиции почитания правителя прежде всего как духовного лидера, чья власть более вечна, чем временное политическое влияние¹.

По мере укрепления императорского дома появляется настоятельная необходимость опираться не только на сакральную генеалогию, но и на исторические хроники. А потому в VIII в. по инициативе императора Тэмму создаются «Записи о деяниях древности» — *Кодзики*. В этом памятнике прослеживается идея преемственности от богов-демиургов к земным, а от них — к легендарным императорам и к предкам ныне здравствующих. Как пишет Н. Конрад, «устанавливая приоритет императорского дома, бывшего по существу лишь одним из наиболее могущественных среди всех прочих домов родовых старейшин, Кодзики способствует централизации государственной власти в Японии, помогает идеологически тому процессу, который уже шел полным ходом в экономической и политической областях. Наделяя монархов божественным происхождением от самой Аматэрасу, Кодзики делает возможным установление прочного общегосударственного культа, как средства той же централизации общего «огосударствления» Японии. Кодзики укрепляет позиции центральной власти и исторически, и политически, и религиозно»².

На формирование японской государственности и укрепление императорской системы как ее основного компонента несомненно оказал огромное влияние буддизм. В ходе его восприятия сформировалась концепция создания централизованного государства во главе с императором. Она нашла отражение в «Уложении 17 статей» (собрание основополагающих морально-этических принципов и политических наставлений, на которых должно строиться государство), задачей которого были показ внешнему миру (Китаю, Корее) могущества правящего рода, имеющего божественное происхождение, давнюю историю и создавшего сильное государство, а также обоснование легитимности правления царского рода. Идеи, содержащиеся в «Уложении», и «прежде всего концепция гармоничных отношений правителей и подданных, питали культ императора на протяжении всей дальнейшей истории страны»³.

Концепция государя как абсолютного монарха, заимствованная из Китая, базировалась не только на сакральной генеалогии, но и на его роли в качестве арбитра при решении правовых и этических вопросов. Заявленная впервые в «Уложении 17 статей», она получила дальнейшее развитие в «Указе о реформах» 646 г. В нем утверждалась государственная собственность на землю, вводились новые налоги, устанавливалось новое административное деление, облегчающее их сбор. Все это усиливало власть императора⁴.

Названные реформами Тайка (Великие перемены), «Уложения» и «Указ» открыли путь к созданию бюрократической монархии. Тайка – девиз годов правления императора Котоку. Именно с него на многие века устанавливается официальное летосчисление по годам правления императоров. Одновременно при восшествии императора на престол вводилась передача знаков его власти – «трех божественных регалий» – зеркала, меча и яшмовых подвесок.

Дальнейшее развитие японской государственности привело в IX в. к установлению правления придворной аристократии (*кудзё*) во главе с политически пассивным императором. Разложение системы государственного землевладения, увеличение частных поместий (*сёэн*) открывали путь к ускоренному формированию феодальных отношений. Этот процесс привел к появлению в стране системы политической власти *сёгуната*, т.е. системы, когда власть оказалась в руках военных правителей – *сёгунов*.

Этот порядок существовал с 1192-го по 1867 г. Де-юре главой государства оставался император, а де-факто вся полнота власти принадлежала *сёгуну*, который получал эту власть из рук императора. Для придания себе большей значимости некоторые *сёгуны* присваивали себе титул *тайкун* (великий правитель). *Сёгуны* управляли страной без каких-либо консультаций с императором, а начиная с 1634 г. они вообще перестали появляться при его дворе и запрещали это делать крупным феодалам – *даймё*. И тем не менее ни один *сёгун* не посягнул на императорский трон, ибо его сохранение гарантировало легитимность их правления в глазах народа. Институт императора, несмотря на утрату политической власти, придавал устойчивость государственной конструкции.

Императоры не раз предпринимали попытки вернуть себе полноту власти. Но возвращение это состоялось лишь 3 января

1868 г., когда были обнародованы документы, фиксировавшие переход властных полномочий от сёгуна к императору. Самым важным из них был Рескрипт о реставрации императорской власти: «Сим объявляем монархам и подданным всех иностранных держав, что сёгун Токугава Кэйки отрекся от административной власти и отныне все управление будет вестись под Нашим непосредственным контролем и все общественные дела будут исполняться именем Императора, а не Тайкуна, как было доселе»⁵.

В марте того же года во время религиозной церемонии император произнес Клятву, обращаясь к богам и народу. В ней, в частности, отмечалось, что «публичные собрания будут организуемы и административные дела будут решаемы по общему совещанию», а «из внешнего мира будут заимствованы полезные сведения и таким путем будут укреплены основы империи»⁶.

Реставрация императорской власти была логическим итогом борьбы националистических сил страны с изжившим себя тоталитарным феодальным режимом сёгуната, борьбы против угрозы потери национальной независимости, в ходе которой реализовывался лозунг «богатая страна – сильная армия» (*фукоку-кэйэй*). Цель нового режима заключалась в достижении Японией уровня западных держав. Император явился своеобразным знаменем возрождавшегося самосознания, символом национального единства.

Несмотря на юный возраст, император Мэйдзи активно включился в государственную деятельность. Молодой монарх оказался незаурядной, харизматической личностью, подлинным лидером нации и государства. Благодаря личным достоинствам он значительно укрепил авторитет своих предков.

В основу обновленной государственной идеологии легла концепция *кокутай* – концепция государственной общности, объединявшая императора (первосвященника *синто* и сакрального вождя), японский народ и собственно Японские острова в единое органическое целое. Концепция подчеркивала уникальный характер государства и народа Японии со ссылками на божественное происхождение страны и императорского дома.

В апреле 1868 г. был провозглашен и законодательно оформлен принцип «единства ритуала и управления» (*сайсэй-итти*). Этот политический акт ознаменовал собой возврат к древнейшему сакральному понятию единства царских и жреческих функций. Именно на основе признанного *сайсэй-итти* в японском народе

культивировалось восприятие императора как живого бога. Конечно, в мэйдзийскую эпоху абсолютное единство государства и религии было уже недостижимо, но в официальной идеологии этот принцип признавался как неотъемлемая часть функционирования государственного организма. Император Мэйдзи провозглашался «живым богом», равным по религиозному статусу богине Аматаэрасу. Для возвеличивания роли императора как первосвященника *синто* создавались новые религиозные ритуалы, которым нередко придавался характер государственных актов⁷.

Значительная часть новых государственных праздников была связана с императором, его предками, его божественным происхождением – День смерти легендарного императора Дзимму, День смерти императора Комэй, День рождения здравствующего императора, День устройства императором Новогоднего банкета, День основания империи, День приношения благодарности богине Аматаэрасу. Возвеличиванию императора способствовало и введение новых государственных символов – гимна и флага. Слова гимна «Кими-га-ё» («Ты – весь мир») были взяты из поэтической антологии X века «Собрание старых и новых песен Ямато». Символика флага «хи-но мару (красный круг на белом фоне)» связана с отождествлением Японии со Страной восходящего солнца⁸.

Через целых двадцать лет после реставрации Мэйдзи Япония приняла Конституцию. Она была провозглашена на торжественной церемонии в императорском дворце в День основания империи – 11 февраля 1889 г. Император передал ее текст в руки премьер-министра, подчеркивая факт ее дарования своим подданным. Во время церемонии он заявил: «Мы в силу верховной власти, унаследованной Нами от наших царственных предков, сим обнародуем настоящий неизменный основной закон для нынешних наших подданных и их потомков... Права государственного верховенства Мы унаследовали от наших предков и завещаем их нашим потомкам. И Мы, и они будут осуществлять их согласие с положениями конституции, ныне нами даруемой и жалуемой народу»⁹.

Первая глава конституции, состоявшая из 17 статей, касалась места и роли императора в системе государственной власти. Было зафиксировано, что власть императорской династии существует извечно, а «особа императора священна и неприкосновенна». Ему, как главе государства, принадлежало право утверждать законы и отдавать приказы об их использовании, созывать парла-

мент, объявлять войну и заключать мир, подписывать международные соглашения, определять принципы организации и численный состав армии и флота в мирное время, назначать и увольнять всех высших гражданских и военных должностных лиц, жаловать дворянские звания, чины, ордена и иные знаки отличия. Император являлся верховным главнокомандующим армии и флота. Престол наследовался по мужской линии и допускалось регентство.

В стране учреждался двухпалатный императорский парламент (*тэйкоку гикай*), состоящий из палаты пэров (*кидзокуин*) и палаты представителей (*сюгин*). Это был абсолютно новый орган в системе японской государственности. Отдельного упоминания заслуживает палата пэров, положение о которой конкретизировал специальный указ. В ее состав входили члены императорской фамилии, представители титулованной знати и лица, назначаемые императором. К последней категории относились имевшие особые заслуги перед государством видные специалисты в той или иной области и крупнейшие налогоплательщики, т.е. богатейшие представители помещиков и буржуазии.

Конституция предусматривала и определенные ограничения власти императора. Наиболее значимые из них были сформулированы в ст. 4 («Император – глава государства. Он обладает верховной властью и осуществляет ее согласно постановлениям данной Конституции») и в статье 5 («Император осуществляет законодательную власть в согласии с императорским парламентом»).

Отношения императора и парламента были конкретизированы в целом ряде статей. Например, необходимо было получить согласие парламента на введение законов в действие: «Ни один закон не может быть издан без одобрения парламента» (ст. 37). Согласно статье 8, императорские указы считались недействительными без одобрения парламента. Однако фактически эти статьи не действовали. Ограниченная де-юре власть японского императора оставалась неограниченной де-факто.

По Конституции кабинет министров был ответственен не перед парламентом, а перед императором, высшим консультативным органом при последнем стал тайный совет (*сумицуин*), состоявший из 27 человек. Он должен был давать рекомендации монарху по просьбе последнего. Совет был независим от парламента и правительства и подчинялся только императору. Фактически каждое сколько-нибудь важное решение правительства или парла-

мента должно было получать одобрение этого органа, а также неконституционного совета старейшин (*гэнро*), которые назначались пожизненно императором из числа крупнейших деятелей – творцов новой Японии.

Политическая элита Японии, для которой Конституция отнюдь не была жизненно важна, а была во многом принята как витрина для западного мира, достаточно ловко использовала ее статьи в своих интересах. Для принятия важнейших решений проводились «совещания с участием императора», где обсуждались уже заранее подготовленные решения. За всю первую половину XX в. император ни разу не воспользовался правом вето, чтобы не быть втянутым в политическую борьбу, не подорвать свой престиж и сохранить веру народа в его богоизбранность.

До окончания Второй мировой войны императорская система существовала в том виде, в котором она была создана после реставрации Мэйдзи. Но если император Мэйдзи отнюдь не был марионеткой в руках своего окружения, то его сын – император Тайсё во многом был склонен передоверять управление страной своим приближенным – узкому кругу военной и придворной бюрократии (кстати, он был тяжело болен и не мог в полной мере заниматься государственными делами). С именем его наследника (с 1921 г. – регента, а с 1926 г. – императора) Хирохито связаны многие кардинальные перемены в положении императорского института.

В 30-е годы концепция *кокутай* была оформлена в документе «Основные принципы кокутай». «Это был своего рода сакральный и идеологический кодекс императорской системы, выработанный на основе как традиционалистской философии и идеологии и всего исторического опыта японской идеи, так и конкретных политических и идеологических событий и движений последних лет. Кодекс стал обязателен для всех, включая самого императора, который отныне фактически был обязан соизмерять с ним все свои действия... он был не только не свободен во многих своих действиях, но добровольно выбрал эту несвободу и принял на себя всю ответственность за нее», – пишет отечественный японовед В. Молодяков⁴⁰. С этим мнением трудно не согласиться. Вспомним лишь два факта, – решение императора принять ультиматум союзников и объявить о безоговорочной капитуляции и принятие им на себя ответственности за все происшедшее. Из

воспоминаний маркиза Кидо известно о секретной встрече императора Японии и генерала Макартура по просьбе первого 27 сентября 1945 г. «Я пришел к Вам, генерал Макартур, – сказал император, – чтобы предать себя в руки правосудия тех держав, которые Вы представляете, как единственный, на ком лежит ответственность за каждое принятое военное и политическое решение и за каждое деяние, совершенное моим народом в течение войны. Что касается моей личной судьбы, то это не имеет значения. Я отдаю себя в Ваши руки. Я приму любое решение». Такая позиция императора произвела сильное впечатление на полновластного хозяина побежденной Японии, и он не только проводил его до автомобиля, но и в своих мемуарах назвал его «первым джентльменом Японии».

Немаловажную роль в том, что император не был признан военным преступником, сыграло его Новогоднее обращение к нации 1 января 1946 г. Это был совместный американо-японский документ, который предопределил сохранение института императора. В нем император Хирохито публично отказался от своего божественного происхождения: «Связи между мною и моим народом всегда основывались на взаимном доверии и взаимной любви. Эти отношения не зависят лишь от легенд или мифов. И они не основываются на ложной концепции, что император является божеством и что японцы – высшая раса, предназначенная повелевать миром»¹¹.

Все же наиболее значимым в этом обращении было утверждение о совместимости монархии в Японии с демократией еще со времен Клятвы императора Мэйдзи 1868 г. Это положение император Хирохито развил на одной из пресс-конференций в 1977 г., заявив, что в его Новогоднем обращении 1946 г. «главным была Императорская клятва из пяти статей, а вопросы о его божественном происхождении и другие были вторичными. Причина, по которой я обратился к Клятве, состояла в следующем. В то время, когда в Японии была сильна власть Соединенных Штатов и других иностранных государств, я был очень обеспокоен тем, что японский народ подвергнется их сильнейшему влиянию. Мы приняли демократию потому, что это было желание императора Мэйдзи... Конституция Мэйдзи была выстроена на этой основе, и поэтому, я думаю, было крайне необходимо показать, что демократия не является чем-то импортированным»¹².

Новогоднее обращение императора было высоко оценено в США. Газеты писали, что этим выступлением император заявил о себе как о величайшем реформаторе в истории Японии, что оно открыло путь для политических реформ, которые могут превратить Японию в подлинно конституционное государство, что оно означает переход страны от восточной деспотии к современной демократии¹³.

Вопрос о личной судьбе Хирохито и об императорской системе, решался в США еще до окончания войны. Существовало два полярных мнения – за и против сохранения этого института. Представители первой группы, идеологом которой был бывший посол США в Японии (1932–1942 гг.) Дж. Грю, полагали, что необходимо сохранить монархию как гаранта спокойствия и мира в стране после капитуляции. «Императорский трон, – писал Грю, – единственный краеугольный камень, на котором можно выстроить что-то здоровое в будущем. Что касается нынешнего императора, то он, конечно, должен понести ответственность за войну. Но я имею все основания полагать, что лично он был против того, что произошло, и делал все возможное, что было в его власти, чтобы избежать этого»¹⁴.

Дж. Грю, будучи знатоком Японии, учитывал социопсихологические черты японского народа, далеко не совпадающие с западными. Император, считал он, как харизматическая личность способен сыграть ключевую роль в прекращении войны и в сравнительно безболезненном принятии безоговорочной капитуляции. Тем самым, по его мнению, можно было бы избежать хаоса в стране.

Часть сторонников сохранения императорской системы настаивала на весьма серьезных ограничениях власти императора. Речь шла о конституционной монархии западного типа. Эту точку зрения разделял Дж. Сэнсом, который отметил, что не будет удивлен, если при благоприятных условиях японцы создадут более современный демократический тип конституционной монархии.

Мнения американских противников сохранения императорской системы разделяли в Советском Союзе, Китае, Австралии, Новой Зеландии и некоторые политические силы в самой Японии¹⁵. Однако при принятии Конституции 1947 г. возобладала точка зрения о необходимости ее сохранения, правда, с серьезными коррективами. В статье 1 Основного закона было записано: «Император является символом государства и единства наро-

да, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть»¹⁶. Таким образом, в политической системе современной Японии были соединены учреждение феодального происхождения – монархия и главный постулат демократии – принадлежность суверенитета народу.

В Конституции были четко прописаны все положения, касающиеся императора. В частности, в статье 3 говорится: «Все действия Императора, относящиеся к делам государства, могут быть предприняты не иначе как с совета и одобрения Кабинета, и Кабинет несет за них ответственность». В статье 4 указывается: «Император осуществляет только такие действия, относящиеся к делам государства, которые предусмотрены настоящей Конституцией и не наделен полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти». При этом в Основном законе были определены все prerogatives Императора (ст. 7)¹⁷.

Отношение большинства японцев к императору Хирохито с окончанием войны не изменилось, подтверждением чего может служить успех его поездок по стране начиная с февраля 1946 г. В течение 8 лет он объездил фактически всю страну. Пожалуй, в истории не было другого случая, чтобы монарх поверженной страны встретил столь доброжелательное отношение своего народа.

Традицию продолжает и нынешний император Акихито. Он объездил всю страну, за исключением пяти префектур, посетил с официальными визитами восемь стран¹⁸.

На поддержание благоприятного имиджа императорской системы в сознании японцев работают практически все средства массовой информации. Это особенно наглядно наблюдается в такие моменты, как, например, свадьба кронпринца, похороны императора Сёва и коронация Акихито, проведенные с соблюдением древних ритуалов.

Ритуалы, конечно, были объявлены частным делом императора и вначале совершались им только в дворцовых святилищах. Однако после окончания оккупации страны в 1952 г. были предприняты попытки вывести религиозную деятельность императора за пределы дворца и придать некоторым ритуалам характер государственных актов. Например, в июле 1952 г. император посетил древний храм *Исэ-дзингу* и «сообщил», как это полагалось по синтоистскому канону, богине *Аматэрасу* о подписании Сан-Францисского мирного договора. Состоявшейся в том же году

церемонии совершеннолетия и введения в ранг наследного принца Акихито, проводившейся также по синтоистскому обряду, был придан официальный статус. То же повторилось при его бракосочетании в 1959 г., когда обряд оповещения *ками* императорской фамилии об этом событии рассматривался как важное государственное дело.

С середины 50-х годов возрождается традиция направления специального посланника императора в святилище *Касивара* на празднование отмененного и тогда еще не восстановленного государственного праздника Дня основания империи. Начиная с 1974 г. во время ежегодных паломничеств императорской четы в *Исэ-дзингу* возобновляется ритуал перемещения священных регалий: во время путешествия меч и яшмовые подвески сопровождают императора.

Еще отчетливее подобная тенденция проявилась при первой церемонии престолонаследия, когда Акихито спустя три часа после смерти императора Сёва вручили священные регалии хризантемового трона вместе с императорской и государственными печатями. Решением правительства эта церемония проводилась, как государственный акт. Тот же статус получила и вторая церемония престолонаследия – прием императором высокопоставленных чиновников и должностных лиц и провозглашение им занятия трона. Она совершалась 12 ноября 1990 г. после 22 месяцев траура двора в соответствии с ритуалом, установленным еще в VII в.

Строго говоря, отношение к этим церемониям как к государственным актам вступало в противоречие с Конституцией, но правительство сочло возможным сделать отступление от основного закона. Впрочем, в церемонии были введены некоторые новшества. В частности, премьер-министру было разрешено во время второй церемонии престолонаследия находиться в Сосновом зале, где император в старинных одеждах восседал на своем троне.

В трехминутной речи император заявил о желании «вместе со всем японским народом соблюдать конституцию, в которой провозглашается отказ Японии от войны на вечные времена, а император характеризуется как символ государства и единства народа»¹⁹.

В ночь с 22 на 23 ноября 1990 г., в соответствии с существующей с древности четко разработанной схемой, был совершен ритуал *дайджёсай* (великий праздник вкушения первого урожая)²⁰.

Дайдзёсай, несмотря на внешнюю простоту, – самый торжественный и таинственный ритуал, поскольку представляет собой акт духовного общения с богиней Аматаэрасу, божествами небес и земли. Он проводится императором в полном уединении.

Основное содержание *дайдзёсай* – вкушение риса нового урожая сначала императором, затем членами императорской фамилии, придворными, представителями священных мест, где специально для этой церемонии рис и был выращен. Обычно выбираются районы к западу и востоку от столицы. В древности эти земли определялись гаданием на черепашьем панцире – при нагревании он покрывался трещинами, по которым и устанавливали направление. В 1990 г. выбор пал на участки земли в префектуре Акита в Восточной Японии и в префектуре Оита в Западной Японии.

Отношение к ритуалу *дайдзёсай* было в стране неоднозначным. Газета «Асахи симбун», например, писала: «Такая церемония восшествия на трон подчеркивает скорее историческую, традиционную роль императора, нежели его более недавнее, предположительно символическое положение»²¹. А работник Ассоциации синтоистских святилищ К. Сибукава отмечал: «Узнав о церемонии *дайдзёсай* по телевидению и из других источников, японский народ получил определенные знания об особенностях своей страны, дотоле ему неизвестные... Современные школьники... смогли почувствовать “божественную Японию”, о которой до сих пор ничего не могли почерпнуть из школьных учебников»²².

Средства массовой информации не устают подчеркивать, что члены императорского дома живут той же жизнью, что и миллионы простых японских семей с их радостями и горестями. Образ императора и самого института монархии всячески «демократизируется».

Нынешний император Акихито сформировался как личность уже в новой демократической Японии, он – человек современной формации и заявляет о себе как о приверженце демократической пацифистской монархии.

Благожелательное отношение к императору подпитывается системой морального воспитания в общеобразовательной школе. Ему придается чрезвычайно большое значение начиная с 60-х годов, когда была разработана «Программа формирования

желательный образ человека»²³, которая стала базой идеологической обработки подрастающего поколения. В этом документе четко определены черты «идеального японца», как личности, гражданина, члена семьи и общества. В отдельном разделе программы говорится об уважении государственных символов. А коль скоро император является «символом государства и единства нации», то каждый японец должен любить и уважать императора и это неотделимо от любви к Японии²⁴.

В определенной степени подобные рекомендации совпадали с теми, которые адресовались японцам и ранее. Прививая чувства справедливости, лояльности, сыновней почтительности, уроки морали воспитывали прежде всего верноподданничество в отношении императора.

После войны сложилась абсолютно иная ситуация, да и император отрекся от божественного происхождения. Однако, как замечает Т. Сила-Новицкая, «...поскольку император, формально выступавший как частное лицо, фактически продолжал отправлять обряды как первосвященник национальной религии Японии, и после его отречения от “божественного” происхождения оставалась база для почитания императора как хранителя традиционной духовной культуры, что позволяло конституционному монарху Японии сохранять в неявном виде важное место в системе националистической символики»²⁵.

В других странах (например, в Великобритании или Швеции) монархи также являются главами национальных церквей, но только в Японии император лично отправляет религиозные ритуалы. Его участие в этих ритуалах лишено личностного момента. Он испрашивает благоволения божеств (*ками*) не для себя лично, а для всего народа. Поскольку *синто* в широком понимании представляет собой базу формирования мировосприятия и мироощущения японцев, то можно говорить о том, что в определенной степени он является ядром национальной культуры. Японский историк Я. Охара говорит об этом так: «Императорская фамилия самыми разнообразными путями была непосредственно вовлечена в японскую культуру, увенчиваемую императорским ритуалом. В этом смысле она центр японской культуры и, даже не обладая действительной политической властью, обеспечивает единство нации. В этом – ее позитивное значение»²⁶.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: М. Воробьев. Япония в III–VII вв. М., 1980, с. 114.
- ² Н.И. Конрад Японская литература в образцах и очерках. М., 1991, с. 61, 62.
- ³ Т. Сила-Новицкая. Культ императора в Японии. М., 1990, с. 10.
- ⁴ Там же, с. 148, 149.
- ⁵ Японцы и Япония. СПб, 1906, с. 3.
- ⁶ Там же, с. 3, 4.
- ⁷ Подробнее см. Т. Сила-Новицкая. Цит. соч., гл. 2; В. Молодяков. Консервативная революция в Японии. Идеология и политика. М., 1999, гл. 1–3.
- ⁸ Подробнее см.: С. Маркарян, Э. Молодякова. Праздники в Японии. М., 1990, гл. 7.
- ⁹ Японцы и Япония, с. 8.
- ¹⁰ В. Молодяков. Цит. соч., с. 90, 91.
- ¹¹ Синтоистские лидеры, однако, рассматривали этот отказ от концепции божественного происхождения императорского дома как не затрагивающее основ *синто*, ибо серьезных перемен в обрядах императорского двора не было, ритуал был сохранен. Но все церемонии, проводимые императорским домом, утратили общественный характер и были признаны частными ритуалами [см.: D.B.S. Picken Shinto: Japan's Spirituals Roots. Tokyo, 1980, p. 11; Синто-но како, гэндай, мирай (Прошлое, настоящее и будущее синто). Токио, 1988, с. 32].
- ¹² Х. Такахаси. Хэйка – о тадзунэ мосиагэмас (Ваше величество, разрешите обратиться). Токио, 1988, с. 252–253.
- ¹³ M. Nakamura. The Japanese Monarchy. L., 1992, с. 112.
- ¹⁴ Ibid., p. 18–19.
- ¹⁵ Подробнее см.: И. Латышев. Конституционный вопрос в послевоенной Японии. М., 1959.
- ¹⁶ Современная Япония. М., 1973, с. 756.
- ¹⁷ Там же, с. 757.
- ¹⁸ Ёмиури симбун. 12.11.1999.
- ¹⁹ Т. Сила-Новицкая. Цит. соч., с. 172.
- ²⁰ Этот ритуал подробно описан в работе Л. Ермаковой Норито. Сэммё. М., 1991, с. 227–230, и в главе 7 Энгисики.
- ²¹ Асахи симбун 10.11.1990.
- ²² Синто-но како, гэндай, мирай, с. 42
- ²³ См.: Китайсарэру нингэндзо (Желательный образ человека). Токио, 1967.
- ²⁴ Подробнее см.: Э. Молодякова. Моральное воспитание в японской школе. – Японский опыт для российских реформ. М., 1999, вып. 4, с. 53–60.
- ²⁵ Т. Сила-Новицкая. Цит. соч. с. 124–125.
- ²⁶ Shinto – Its Universality. Tokyo, 1997, p. 107.

Японская бюрократия

С. Маркарян

По определению, которое дают многие политические и энциклопедические словари, бюрократия – это специфическая форма политических, экономических, социальных и идеологических организаций в обществе. Центры власти в них (с привилегированной небольшой группой во главе) оторваны от основной массы участников. С развитием капитализма бюрократия превращается в универсальную форму социальной организации вообще.

В данном очерке речь пойдет об административном бюрократическом аппарате, представляющем собой совокупность государственных органов (центральных и местных) и лиц, занятых в них, т.е. о всей многомиллионной армии чиновников, руководящая роль в которой принадлежит узкой элитарной прослойке. Теоретически бюрократы призваны проводить политику, определяемую законодательной и исполнительной властями. Но на практике во многих случаях они действуют достаточно независимо.

Бюрократия имманентно присуща практически всем видам государственности. Формируется она в виде иерархического чи-

новничьего аппарата в период становления централизованного государства. В каждой стране бюрократия имеет свои особенности при общих характерных чертах.

Следует сразу отметить, что в традиционном японском обществе статус чиновника всегда был чрезвычайно высок. Это свойственно всем странам конфуцианской культуры. Система государственного управления была привнесена в Японию из Китая в VI–VII вв, но, как и все заимствования, подверглась адаптации к местным условиям. В это время в стране на основе родства или приближенности к императорскому дому, а также в соответствии с выполнением определенных управленческих функций складывается чиновничий аппарат.

Для упорядочения его работы вводится система 12 рангов. Ранг присваивался персонально каждому претенденту, что давало возможность подбирать способных и преданных людей. Титул мог и не приниматься в расчет, происхождение чиновника не всегда влияло на высоту ранга. Однако китайская система экзаменов для занятия государственных должностей в Японии не прижилась, и ранговая система спокойно сосуществовала с наследственной системой титулов.

На долгие годы формирование армии бюрократов становится привилегией одного клана, монополизировавшего влияние на императора. Подобное положение наблюдалось, пожалуй, только в Японии. В результате образовалась так называемая аристократическая бюрократия. В дальнейшем (XII в.) в стране установилась дихотомия государственной власти, при которой император обладал номинальными полномочиями (при сохранении функции первосвященника *синто*), а военный правитель – *сёгун* – реальными. Вследствие этого на смену аристократической бюрократии приходит военная, элитарный слой чиновников из приближенных уже не к императору, а к *сёгуну*. С развитием феодализма уходит в прошлое все влияние государственных чиновников центрального аппарата, которые курировали провинцию, и соответственно возрастает роль местных крупных феодалов – *даймё*.

За 250 лет мирного развития страны в период токугавского сёгуната (XVII в. – середина XIX в.) самураи сменили статус воинов на статус чиновников, лояльных, исполнительных, хорошо образованных. Уже тогда образовательный уровень населения Японии был весьма высок. Примерно половина мужчин и около

15% женщин получали систематическое образование. Были школы для самураев, торговцев и прихрамовые – для простого люда, т.е. к образованию приобщались представители разных слоев общества. Экономическая направленность образования отличала Японию того времени от европейских стран, где оно носило преимущественно религиозный характер, хотя светское образование уже пробивало себе дорогу¹.

По мере изменения социально-экономических условий в бюрократический слой наряду с самураями начинают включаться представители богатого купечества и зажиточных крестьян, своего рода городской и сельской элиты. Во многом это было обусловлено потерей основной массой самурайства прав на владение землей и фактическим переходом ее в руки нарождавшейся буржуазии. Впрочем, и некоторые самураи проявляли не только интерес, но и способность (несмотря на традиционные предрассудки) к торговле и производственной деятельности.

Низкоранговые самураи становятся значительной социальной силой, и между этой частью военно-феодального сословия и купечеством устанавливаются тесные отношения. Их усилиями осуществляется реформирование наиболее экономически сильных княжеств токугавской Японии, что обусловило переход их на рельсы торгового капитализма². Именно в этих княжествах возникают новые формы взаимоотношений бюрократов и местных военных правителей. И именно здесь низкоранговое самурайство станет опорой противников феодального правления.

Из клановых бюрократов выросли наиболее способные, бескорыстные и преданные императору подданные. Их лидеры понимали необходимость проведения радикальных экономических и военных реформ, чтобы противостоять иностранному вторжению. И они же способствовали укреплению крупных торгово-ростовщических домов – Мицуи, Сумитомо, Ясуда. Позже эти бюрократы станут основной массой служащих в системе исполнительной власти. Даже в 20-е годы XX в. примерно половина всех государственных чиновников, которых обычно называют бюрократами, т.е. «карьерными чиновниками», были выходцами из среды самураев.

После реставрации Мэйдзи (1868 г.), открывшей путь ускоренному развитию капитализма, в Японии была проведена реформа государственного устройства по европейскому образцу.

Страна вновь заимствовала систему организации власти, приспособив ее к своим реалиям, с тем чтобы укрепить государственность, основанную на монархическом строе и власти олигархии. Несмотря на то, что самые ключевые посты в новой государственной системе заняли представители придворной аристократии и семей высокоранговых самураев, политику правительства контролировали именно низкоранговые чиновники. По словам Мак Ларена, «они-то и осуществляли политическую власть, хотя и не занимали высших должностей в правительстве»³.

Иерархическую структуру чиновничества стал в нарастающей мере определять уровень образования. «Сливки» окончивших государственные университеты шли на государственную службу. Для занятия должностей была разработана система экзаменов, которые должны были сдавать все, кроме чиновников высших рангов. Эта система была основана на оценке качества знаний, полученных в университетах и колледжах. Дальнейшее продвижение по службе, помимо результатов экзаменов, зависело также от возраста, состояния здоровья и способностей претендентов.

Чиновничество объединялось вокруг императора и обеспечивало управление на общенациональном и местном уровнях. Корпоративный дух способствовал бюрократизации гражданской службы и мешал проникновению в среду бюрократов «аутсайдеров». Бюрократы зачастую противопоставляли себя политикам и стремились подавать себя общественности в качестве независимых выразителей национальных интересов и поборников справедливости, не замешанных в политических играх.

Новая система гражданской службы строилась на выслуге лет и табели о рангах (4 класса и 14 подразделений). Впоследствии она не раз пересматривалась, но базовые нормы деятельности чиновников долгое время оставались неизменными. В соответствии с высочайшим указом № 39, «японские чиновники рассматривают лояльность по отношению к императору и правительству Его Величества, а также прилежание в исполнении своих обязанностей наиважнейшим долгом и отправляют их в согласии с законами страны»⁴.

Бюрократы играли большую роль в административном аппарате, будучи ответственными перед императором, а не перед парламентом. Трудно переоценить значение бюрократов в создании современной на то время экономики. На первых этапах индустриали-

зации страны их значимость была особенно велика ввиду дефицита ресурсов, что требовало строгого регулирования их использования. Кроме того, страна ощущала острую нехватку квалифицированных специалистов, которую зачастую восполняли чиновники.

Носители новых экономических отношений были в значительной степени выпестованы протекционистской политикой государства. Бюрократия сыграла ведущую роль в процессе модернизации потому, что буржуазия была еще очень слаба, а крупное купечество не было склонно инвестировать капитал в промышленность. В итоге бремя развития экономики взяло на себя правительство. Государство построило крупные промышленные предприятия, ему принадлежали военные заводы, судостроительные верфи, военно-морской флот и большая часть железных дорог. Оно укрепило денежное обращение, модернизировало налоговую и бюджетную систему и обеспечило политическую стабильность. В ранний период Мэйдзи именно на государственных предприятиях формируется часть новой бюрократии – управляющие, директора. Причем «японская бюрократия вынуждена была заниматься переустройством страны не только с ограниченными ресурсами, но и в условиях угрозы вторжения иностранных держав»⁵.

Многовековая традиция строгого регламентирования жизнедеятельности общества обеспечила восприятие частным капиталом государственного руководства как само собой разумеющегося.

После реставрации Мэйдзи бюрократизация стала одним из организационных принципов государственного управления. Чиновничество укрепляло свои позиции во всех сферах жизнедеятельности страны. Но по мере того как с 80-х годов государство начало передачу промышленных предприятий частному капиталу, позиции эти временно и относительно ослабли. Линия на развязывание частной инициативы, надо сказать, выдерживалась не столь уж последовательно, несмотря на установки ряда творцов экономической политики того периода. Один из них, М. Мацуката, например, указывал: «Правительство никогда не должно конкурировать с лидерами промышленности и торговли. Сфера его деятельности – образование, армия и вооружение, полиция»⁶. Но даже временная тенденция к приватизации определенных сфер государственного предпринимательства в 80-х годах прошлого (XIX. – С.М.) века имела место на фоне расширения сферы дейст-

вия государства в других отраслях (военное производство, кредитно-финансовая деятельность)»⁷.

Между тем бюрократия легко находила общий язык с либерально настроенными помещиками, аристократами и предпринимателями. Именно благодаря наличию в правящей элите высококвалифицированной бюрократии модернизация страны проходила успешно. С введением в конце прошлого века парламентаризма закладываются основы для получивших в послевоенные годы название «железной триады» отношений между политиками, предпринимателями и чиновниками.

С начала XX в., по мере усиления значимости политических партий усиливается их влияние на бюрократию, точнее, на занятие ею должностей в государственном аппарате. Особенно заметным это становится в 20-е годы. Возникает также тенденция к перемещению чиновников из государственного аппарата в партийный. Нередко они становятся видными партийными функционерами, членами палаты пэров.

Стремительный «взлет» влияния бюрократии четко обозначился в промежуток между двумя мировыми войнами. Она стала связующим звеном между промышленными и военными кругами. Ей поручается контроль сначала над отдельными отраслями промышленности, а потом (после создания так называемых контролирующих ассоциаций) фактически над всей экономикой. На предприятиях, которые находились под непосредственным правительственным контролем, большинство руководящих кадров назначалось или утверждалось правительством. А деятельность частных компаний находилась под наблюдением прикомандированных к ним правительственных чиновников.

Появилась своего рода военная бюрократия, которая, по определению Т. Сакаия, «пересмотрев и ужесточив законы и постановления, создала систему своего кураторства. Она была полностью сформирована к 1941 г.»⁸. Военно-чиновничья бюрократия, поддерживавшая националистические настроения в обществе, содействовала появлению значительного числа националистических организаций. Они вербовали своих сторонников по большей части из рядов мелкого и среднего чиновничества.

Сформированная в первых десятилетиях XX в. бюрократическая система вполне отвечала социо-экономическим условиям Японии, которая в то время была «страной догоняющей», адапти-

ровавшей все достижения Запада. И в этих условиях типичной для Японии стала «культура лидерства бюрократии», как ее охарактеризовал Т. Сакаия.

Эта система осталась в принципе неизменной и после Второй мировой войны, несмотря на демократические реформы. Преобразования осуществлялись бюрократами так называемого «второго ряда», поскольку высший слой правящей элиты подвергся «чистке» в годы оккупации. Бюрократия эффективно руководила страной, четко определяя во взаимодействии с политиками национальные приоритеты.

Нынешний статус государственных служащих определяется Конституцией 1947 г. и целым рядом других законов. Среди них – Закон о кабинете министров (Найкаку хо), Закон об организации государственного управления (Кокка гёсэй сосики хо), Закон о государственных должностных лицах (Кокка комуин хо), Закон о служащих местного самоуправления (Тихо комуин хо)⁹ и др.

Как и прежде, служебное положение чиновников зависит от должности в соответствии с рангом (всего 8) и разрядом (всего 15). По численности государственных служащих (к которым относятся не только чиновников, но и лиц, работающих на предприятиях государственного сектора, в армии, полиции и т.п.) Япония значительно уступает странам Западной Европы и США, что связано прежде всего с относительно небольшими размерами государственного сектора в стране. Во второй половине 90-х годов общее число государственных служащих составляло 4,4 млн. человек, в том числе в центральном аппарате было занято 1,1 млн., в местных органах власти – 3,2 млн. человек¹⁰.

Все государственные служащие делятся на две категории – работники «обычной» и «особой» служб. К первой относятся те, кто сдает экзамены на должность; их жалование определяется тарифной сеткой. Ко второй – не связанные с экзаменами и тарифной сеткой (премьер-министр, министры, главы местных органов власти, парламентские заместители министров, сотрудники аппарата парламента, судов, сил самообороны и др.).

В настоящее время власть японской бюрократии опирается не только на общестрановые, но и на так называемые ведомственные законы, определяющие компетенцию каждого министерства (*сэтти хо*). Например, деятельность министерства внешней торговли и промышленности регламентируется 109 законами¹¹.

Чиновники первых трех высших рангов (начальники департаментов, отделов, секторов) располагают всеми рычагами административной власти, в то время как остальные являются лишь исполнителями, но настолько квалифицированными, что их зачастую называют ходячими энциклопедиями.

Для поступления на государственную службу и продвижения по служебной лестнице чрезвычайно большое значение имеет диплом престижных вузов, в первую очередь Токийского и Киотоского. Например, в первой половине 90-х годов 70–80% чиновников высших рангов в министерствах финансов, иностранных дел, транспорта составляли выпускники Токийского университета. За небольшим исключением все послевоенные премьер-министры были также его выпускниками. На сегодняшний день среди 20 высших правительственных чиновников подавляющее большинство закончило юридический факультет этого университета. В начале 90-х годов бывший премьер-министром К. Миядзава попытался поломать эту практику, а в 1997 г. даже было принято соответствующее решение, но ничего не изменилось¹².

Для занятия определенного места в системе административной бюрократии огромное значение имеют неформальные связи. Они не имеют никакого отношения ни к Конституции, ни к другим законам, ни к официальным регламентациям министерств, корпораций или правящей партии. Это – связи между высшими бюрократами, политиками и бизнесменами на основе кровного или семейного родства, принадлежности к какому-нибудь престижному клубу, учебному заведению и т.д. Достаточно вспомнить, что бывший премьер-министр К. Танака основным спонсором финансово-политической империи которого был строительный бизнес, в 1973 г. устроил брак одного из нынешних видных политиков И. Одзава с дочерью строительного магната из своей родной префектуры Ниигата, чем сразу обеспечил ему мощную финансовую поддержку¹³. Семейными узами с несколькими финансово-промышленными группами связан с К. Миядзава.

Наиболее значимую и многочисленную часть японской бюрократии образует бюрократия экономическая, т.е. высокопоставленные чиновники основных министерств финансово-экономического блока. Конечно, весьма сложно с аптекарской точностью

определить влияние этих чиновников. Мнения специалистов по этому вопросу существенно расходятся. Одни считают, что бюрократы этих министерств играют очень важную, подчас решающую роль в принятии решений. Ч. Джонсон оценивает их власть как «мягкую» форму авторитаризма¹⁴. Есть и те, на взгляд которых Япония является «авторитарным бюрократическим государством, где власть экономической бюрократии особенно сильна»¹⁵. В период осуществления жесткого государственного регулирования так оно и было.

Однако сегодняшняя политика дерегулирования дает основания для иных выводов. Так, Р. Дж. Самуэльс полагает, что экономическая бюрократия делит власть с другими актерами на политической сцене. А У. Фридман, к примеру, придерживается мнения, согласно которому влияние бюрократии на экономику ограничено определенными рамками и она не может контролировать стратегические решения, находящиеся в компетенции доминантной партии, т.е. в ЛДП¹⁶.

Важным средством укрепления позиций бюрократии является использование так называемого административного руководства (*гёсэй сидо*). Оно предполагает неформальные контакты какого-либо государственного органа и бизнеса. Наиболее распространенные виды «административного руководства» – рекомендации и советы, принимаемые, так сказать, в добровольно-принудительном порядке. Предпринимательская община отлично знает, что отказ следовать им чреват непредсказуемыми, но наверняка неблагоприятными последствиями.

Показателем значимости бюрократии может служить и ее участие в законотворческой деятельности. Все законы, инициаторами которых выступают как правительство, так и отдельные министерства, готовятся бюрократами. Например, в 80-е годы из общего числа законопроектов, рассмотренных в парламенте, примерно две трети были предложены правительством. Чиновники государственного аппарата оказывают также техническую помощь парламентариям при выработке ими своих законопроектов. Еще более активно участвуют бюрократы в подготовке различных указов правительства (*сёрэй*) и распоряжений министерств (*сэйрэй*)¹⁷.

Неотъемлемой частью многомерных связей бюрократии с бизнесом является практика *амакудари* – переход высокопоса-

вленных бюрократов из правительственных структур в предпринимательские по достижении предельного возраста работы в государственном аппарате (45–55 лет). В начале 90-х годов бюрократы-отставники занимали свыше 50% постов директоров в 92 корпорациях. Правительство не раз предпринимало меры, чтобы перекрыть этот поток. Так, в соответствии со ст. 103 (п.2) Закона о государственных служащих им запрещается в течение двух лет занимать должности в компаниях, с которыми они были связаны последние пять лет по долгу службы¹⁸. Часто, однако, эти ограничения удается обходить.

Государственные чиновники неплохо представлены и в так называемых вспомогательных органах (*гайкаку дантай*), имеющих тесные связи с центральной или местной администрацией (различные НИИ, Международный дом Японии, Японский центр экономических исследований). Причем это не всегда экс-бюрократы, а лишь временно откомандированные в эти органы действующие работники министерств¹⁹.

При относительной самостоятельности чиновничьего аппарата и его важной роли в выработке государственной политики высшее звено испытывает сильное влияние ЛДП. Именно она осуществляет строгий контроль над процессом перемещения кадров внутри бюрократического аппарата. И практически никто, не связанный с ней, не может подняться выше уровня начальника департамента. Поэтому многие чиновники лояльны к правящей партии из карьерных соображений.

Некоторые подразделения ЛДП в определенной степени дублируют функции административного аппарата и при выработке политики или подготовке законопроектов тесно сотрудничают с ним – участвуют (совместно с экспертами из научно-исследовательских институтов и центров) в многочисленных консультативных советах (*сингикай*) при канцелярии премьер-министра, министерствах и управлениях.

Чиновничество далеко не однородно в своих политических пристрастиях. Особенно это относится к чиновникам местного уровня. Среди них немало тех, кто поддерживает оппозиционные политические партии. В отдельные периоды, например в 70-е годы, число таковых равнялось примерно трети служащих. В конце XX в. спектр политической ориентации служащих центрального и местного аппаратов значительно расширился.

«Железная триада» казалась несокрушимым образованием. Однако в 90-е годы, в обстановке глубокой рецессии, скрепляющие ее узы заметно истончились. В настоящее время на бюрократию списывают многие негативные явления, накопившиеся в японском обществе. Ее обвиняют в том, что она препятствует развитию свободной конкуренции, мешает функционированию демократических механизмов. Именно бюрократию многие считают виновной в создании экономики «мыльного пузыря» и последующей рецессии. Касаясь ее причин, Т. Сакаия отметил: «Это не провал рынка, а провал бюрократии»²⁰.

Ко всему прочему не миновали клан бюрократов и коррупционные скандалы. Череда этих скандалов поставила вопрос о разработке законодательной базы для предотвращения коррупции. Не раз в стране возникали дебаты о принятии Закона об этике для государственных служащих, но дальше них дело не шло. Министерствам и ведомствам было предложено разработать свои «этические нормы». По содержанию они были довольно жесткими, но почти не соблюдались на практике.

В январе 2001 г. правительство предприняло первые серьезные шаги по реорганизации органов государственной власти: вместо 22 министерств и управлений осталось 12. К 2010 г. предполагается сократить на 25% численность государственного аппарата. Одной из главных целей реформы является расширение функций премьер-министра в части проявления законодательной инициативы, что призвано ослабить роль бюрократии. Еще одна важная черта предполагаемой реформы – использование в государственном аппарате методов и стиля работы частного сектора, а также привлечение предпринимателей в качестве советников и консультантов. Но реорганизация одного только центрального аппарата не сможет оказать радикального воздействия на существующую систему.

В бытность Р. Хасимото премьер-министром был образован Комитет по проведению административной реформы. В его состав не вошли представители бюрократии, но в секретариате этого Комитета они были, и один из них даже в ранге заместителя генерального секретаря. Он позволил себе заявить, что никто, кроме бюрократов, не в состоянии понять, как должны функционировать государственные органы²¹. И, скорее всего, был недалек от истины.

Примечания

- ¹ Э. Молодякова, С. Маркарян. Японское общество: книга перемен. М., 1996, с. 53, 54.
- ² Подробнее см.: Г. Норман. Возникновение современного государства в Японии. М., 1961, с. 44.
- ³ Цит. по: Г. Норман. Цит. соч., с. 56.
- ⁴ Цит. по: Г. Квигли. Правительство и политическая жизнь в Японии. М., 1934, с. 157.
- ⁵ Г. Норман. Цит. соч., с. 71.
- ⁶ T. Smith. Political Change and Industrial Development in Japan: Government Enterprise, 1868–1880. Stanford. 1955, p. 95.
- ⁷ А. Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии. М., 1988, с. 59.
- ⁸ Т. Сакаия. Что такое Япония? М., 1992, с. 288.
- ⁹ См.: Компакуто роппо (Краткий свод законов). Токио, 1988, с. 99–183.
- ¹⁰ The Asahi Shimbun Japan Almanac, Tokyo, 1998, p. 68.
- ¹¹ B. Richardson. Japanese Democracy. New Haven and London. 1997, p. 108.
- ¹² The Daily Yomiuri. 7.07.1999.
- ¹³ G. Shchlesinger. Shadow Shoguns. Tokyo, 1989, p. 180.
- ¹⁴ The Political Economy of New Asian Industrialism. N.Y. 1982, p. 137.
- ¹⁵ The Politics of Industrial Policy. Washington. 1986, p. 187–205.
- ¹⁶ B. Richardson. Op. cit., p. 110.
- ¹⁷ Ibid, p. 112–113.
- ¹⁸ Компакуто роппо, с. 114.
- ¹⁹ Подробнее см.: А. Кравцевич. Цит. соч., с. 118–126.
- ²⁰ Japan Echo. 1998, February, p. 23.
- ²¹ T. Shinoda. Hashimoto's Leadership in Administrative Reform. Working Paper, № 13, Niigata, October 1999, p. 4.

«Государство и бизнес в Японии»: эволюция темы и эволюция подходов

Е. Леонтьева

Как и все экономически развитые страны, Япония – страна смешанной экономики. Государство выполняет в ней разнообразные функции, от регулирования конъюнктуры и обеспечения стабильности национальной валюты до воздействия на управленческие решения частного бизнеса и даже прямого административного регулирования этих решений. Будучи одной из стран, поздно вступивших на путь капиталистического развития, Япония в конце XIX – начале XX века во многом полагалась на государственное предпринимательство с целью быстрой модернизации: казенные предприятия создавались на бюджетные деньги, пока частное накопление было недостаточно развито, и затем продавались в частные руки¹. Подобно всем странам, решающим задачи развития, Япония активно поддерживала национальное предпринимательство. По окончании Второй мировой войны страна пережила очередной этап модернизации и к концу 70-х годов стала второй промышленной державой мира.

133

Когда экономический успех Японии стал очевиден, наблюдатели, находившиеся за ее пределами, объясняли его хорошо организованной государственной политикой, нацеленной на всемерное пестование отечественного бизнеса. Но как только она превратилась в экономическую сверхдержаву, зарубежные наблюдатели заговорили об аномалии в области отношений «государство – бизнес»: между фирмами и государством установлены особо тесные связи, царит государственный патернализм, чиновники помогают становлению, развитию и свертыванию целых отраслей, что дает японским компаниям несправедливые преимущества в международной торговле, свободная конкуренция не работает – не она определяет стратегические приоритеты компаний.

В 1989 г. обвинения в нарушении свободной конкуренции и в закрытости внутреннего рынка были предъявлены Японии на высоком дипломатическом уровне – на японо-американских переговорах о «структурных барьерах» в экономических связях двух стран.

Отношения между государством и частным бизнесом и их конкретное воплощение – промышленная политика (этим термином принято называть выборочную государственную поддержку отраслей экономики, которые считаются стратегически важными для экономического развития страны) постоянно привлекают внимание экономистов, социологов и политологов. По этому предмету за вторую половину минувшего века накопилась огромная литература².

Подойдем к книжной полке и попробуем дать краткий обзор представлений об этом предмете, не пытаясь, разумеется, объять необъятное. Посмотрим на него глазами наблюдателей, и, как сказать, может быть, станет понятнее, каковы отношения между государством и бизнесом в Японии и как они эволюционировали за последние полвека.

1. Советская традиция

Отношения между государством и частным предпринимательством были не просто центральной, но идеологически особо важной темой исследований японской экономики, выполненных и опубликованных в советские годы. Это неудивительно: согласно марксистской экономической теории, в «системе государственно-монополистического капитализма (ГМК)» государственная со-

ставляющая должна нарастать по экспоненте, вплоть до полного огосударствления хозяйственной жизни, которое считается «материальной предпосылкой социализма». Идеологическое начальство требовало от ученых, чтобы они иллюстрировали данный тезис материалом наиболее развитых капиталистических стран. Жесткость этого требования зависела от идеологической погоды в стране: после хрущевской «оттепели» наступило «похолодание», когда цензура могла свирепствовать над малотиражными научными публикациями, а на исходе советского периода марксистская идеология стала быстро терять власть над умами.

Но в руках исследователей-японоведов была конкретная, живая информация о подлинной эволюции изучаемой страны, требовавшая понимания и более тонкой, не лобовой интерпретации. Многое зависело и от личной позиции авторов, от их идеологической самоцензуры или умения обходить цензурные рогатки ради научной добросовестности.

Накопление знаний о стране постепенно вытесняло идеологические штампы. Все авторы-страноведы говорили о национальной специфике ГМК в зависимости от экономической истории изучаемых стран и их места в мировой капиталистической системе. О том, что отношения между государством и бизнесом являются частью национальной модели экономики, речи не было – такого понятия еще не существовало в научном обиходе.

Согласно канону «ленинской теории империализма», в экономике Японии, как и любой другой развитой капиталистической страны, господствовали монополии. Это название присваивалось крупным корпорациям вообще, безотносительно к их позициям на рынках. Отношения между крупными корпорациями и государственной властью описывались в терминах господства и подчинения. В жестком варианте государственный аппарат подчинялся «монополиям», обеспечивая им максимальные прибыли, а «финансовому капиталу» – безраздельное господство. Например, в учебном пособии «Монополистический капитализм – империализм» под редакцией Э. Брегеля монополии просто-таки подминают под себя буржуазное государство. Они подкупают высоких чиновников и скрытно, и в открытую и имеют ставленников в правительстве, законодательной и судебной власти³.

В советской экономике собственность и власть были нераздельны, и эта идеологема выглядит как перевертыш советской

системы: собственность и власть слиты вместе, но не государство стоит над крупными предприятиями, а наоборот, монополии над государством. Такое изображение называется обратной проекцией. Государство в этом тандеме – подчиненная сторона и, по видимому, слабосильный институт.

М. Лукьянова в изданном массовым тиражом справочнике «Современная Япония» (1967 г.) вывела формулу: «японский монополистический капитал превратил государственный аппарат в орудие своей власти и обогащения за счет огромного большинства японского народа»⁴. Но это не помешало ей изображать государство как всемогущий институт. «...По мере развития производительных сил частное предпринимательство оказывается все менее способным обеспечивать общественные нужды. Япония – не исключение, – писала она, предвидя светлое будущее японского народа. – И в Японии обеспечение населения все большим числом видов товаров (нормирование цен на рис, монополия на соль и т. п.) и услуг начинает зависеть от предприятий и учреждений, принадлежащих муниципалитетам и государству. Расширение предпринимательской деятельности государства отражает объективную необходимость замены старых рыночных отношений новыми, свободными от частнособственнических пут, основанными на общественной собственности на средства производства».

Доходы от предпринимательской деятельности японского государства были мизерны в народнохозяйственном масштабе (3% национального дохода), но М. Лукьянова объяснила это обстоятельство злой волей монополий: «Крупный капитал допускает государство только в те отрасли, которые капиталистам выгодно возложить на государство»⁵.

В варианте, считавшемся более либеральным, использовалось определение «сращивание» или «переплетение». В этом варианте собственность и власть соединены, но не так плотно. Между переплетающимися сторонами могут быть и отношения паритетного сотрудничества, и даже конфликтные отношения. Например, С. Выгодский признавал, что государство может вести наступление на бизнес и покушаться на его интересы, а бизнес может сопротивляться огосударствлению. «Оберегая как зеницу ока священный принцип частной собственности, они, как правило, сопротивляются всякой национализации» – а все

из-за того, что капитализм слаб, и механизм его расстроен, считает Выгодский⁶.

В 1961 г., спустя 14 лет после того, как были распущены довоенные концерны дзайбацу, Я. Певзнер все еще видел их наяву, как фантом. «В экономике страны господствуют магнаты дзайбацу, – писал он, – и они не могут господствовать, не прибегая к помощи государства для преодоления противоречий, возникающих в процессе капиталистического воспроизводства»⁷. Во всех звеньях государственного аппарата, в руководстве Либерально-демократической партии, в составе парламентского большинства, в местных органах власти есть прямое представительство деловых людей, и оно постоянно растет, писал Я. Певзнер. Это констатация того бесспорного факта, что элита делового мира Японии активно участвует в выработке приоритетов экономического развития страны и принятии ключевых решений.

Деловые люди подчиняют себе государственный аппарат через четыре крупных организации частного бизнеса (прежде всего через «Кэйданрэн»), которые Я. Певзнер называет «квазиправительственными», не считая, правда, что они вытесняют государственную власть или сливаются с нею в некую единую машину. Но уйти от канона никак нельзя: «сращивание монополий и государственного аппарата представляет собой лишь одну из форм подчинения государственного аппарата монополиям»⁸. При этом государственный аппарат – не марионетка «монополистической верхушки». Государственный аппарат «не может эффективно функционировать иначе, как в ходе столкновения антагонистических интересов». Эта формула означает, что правительство не единая команда, ведомства соперничают друг с другом под давлением лоббистских интересов, а их представляют предпринимательские союзы – организации частного бизнеса. Непонятно, как такое правительство может работать эффективно. Но зато понятно, что автор осторожно балансирует между формулами «подчинение» и «сращивание».

Прошло еще семь лет, и Е. Пигулевская в специальной работе об организационных формах и структуре крупного бизнеса показала, что дзайбацу больше нет: в Японии появились новые, послевоенные объединения крупных корпораций. Они составляют костяк предпринимательских союзов, и их отношения с государственной властью описываются в тех же терминах, но чуть менее

жестко. «Государство никогда не является и не может являться простым исполнителем воли монополий», – писала Е. Пигулевская. Как у государства, так и у монополистических объединений есть свои, раздельные интересы. Финансово-монополистические группы соперничают в борьбе за гегемонию, а государственная бюрократия лоббирует интересы отдельных групп⁹.

Это представление о методах государственного вмешательства строится на крайне скептическом отношении к правовой основе капиталистического хозяйства и к юридическим пределам компетенции сторон. Если между государственной властью и собственностью стерта граница, как полагалось в рамках марксистской политической экономии, то власть защищает только интересы частного бизнеса (пусть даже групп, соперничающих за защиту и поддержку) и отвечает по его обязательствам. Это тоже проекция советской системы. Если государственная власть и собственность соединены, то какие-то правила соперничества частных предприятий за деньги потребителя, установленные государством, – не более чем дымовая завеса.

Законов слишком много – свыше тысячи, из которых добрая треть приходится на экономические, писал Я. Певзнер, а «чрезмерное количество законов, которые вводятся в действие под флагом укрепления правопорядка, на деле может служить для беззакония». К тому же законы непостоянны – они меняются с переменами в общей обстановке и конъюнктуре. Законы вырабатываются «не самим правительством, а при активном участии монополий». Короче говоря, «исключительная сложность юридической системы служит интересам монополистического капитала»¹⁰.

Поэтому конкуренция всегда называется «монополистической», а свободное предпринимательство, либеральные идеи называются «совершенно оторванными от реальности, как воспоминания о «золотом веке», как поиски синей птицы. На самом деле они только свидетельствуют о маневрах «государственно-монополистического капитализма» перед «возрастающей объективной необходимостью государственного регулирования»¹¹.

Венцом государственного воздействия на частную экономику в марксистской литературе считалось «индикативное планирование» или, шире, составление программ развития – народнохозяйственных, отраслевых и региональных. «Применяя его (про-

граммирование. — Е. Л.) с целью достижения стабильного экономического роста, японское буржуазное государство этой цели не достигает и достигнуть не может», — писал о нем В. Зайцев¹². Планирование, конечно, не настоящее, и не потому лишь, что настоящее — только социалистическое, но также потому, что оно бес- сильно против экономического цикла.

Программирование развивается по восходящей линии от со- ставления неофициальных экспертных прогнозов (1948–1951 гг.) вплоть до все более детальных официальных правительственных программ (1955–1976 гг.), которые составлялись на основе ог- ромной статистической информации и использовали аппарат сре- днесрочных макроэкономических и межотраслевых моделей. Но все напрасно: программы все время отрывались от реальности. Они не предусмотрели ни кризисные спады производства в 1958 и 1965 гг. (а по марксистским понятиям спады суть абсолютное зло), ни бурный рост экономики после каждого спада. Ибо если фактические темпы роста превышали показатели программы, это было вовсе не перевыполнение, а «провал в деле обеспечения до- стоверности долгосрочных правительственных прогнозов и пла- нов развития»¹³.

Таким образом, очевидный экономический успех страны — это фиаско государственного регулирования, которое велось не- праведными способами (какой же план может быть достовер- ным, не имея силы закона для предприятий?) и для несправедливых целей (для обогащения «монополистической верхушки»).

В самом деле, все тексты, выдержки из которых приведены выше, относятся к периоду высоких темпов экономического ро- ста. Именно в то время государственная власть в Японии участ- вовала в решении задачи догоняющего развития и помогла стране добиться колоссальных успехов. Япония преодолела эко- номическую отсталость, создала современную индустрию и экс- портный потенциал, а благосостояние ее граждан приблизилось к уровню самых богатых стран. Об этом говорится сквозь зубы: «Японский государственно-монополистический капитализм до- бился известных успехов». Японский опыт, писал Я. Певзнер, по- казал, что «на основе стихийности и анархии современная эко- номика не может функционировать» и что «отсутствие постоян- ного эффективного регулирования означало бы неизбежный и скорый крах» японской экономики и японского капитализма¹⁴.

То есть государственное регулирование только удержало страну на плаву. Значит, все-таки успех? Вовсе нет – «государственно-монополистическое регулирование» экономики несостоятельно и переживает глубокий кризис. Почему? Потому что «государство неоднократно пыталось... умерить экономический рост или придать ему большую пропорциональность. Достигнуть этих целей не удалось»¹⁵. За этим ходом экономической мысли явственно видна химера «планомерного и пропорционального» развития экономики при социализме.

Позднее, в коллективной работе «Государственно-монополистическое регулирование в Японии», опубликованной в 1985 г., уже чувствуется, что давление идеологического пресса слабеет и анализ живой действительности подсказывает иные, новые формулировки, выходящие за рамки марксистских клише. В центре внимания авторов оказались не мифические закономерности «общего кризиса капитализма», а реальные особенности национального экономического уклада Японии.

Уже можно было написать, что «не воспроизводство (это еще марксистский термин. – Е.Л.) следует за государственной политикой, а наоборот, государственная политика следует за воспроизводством», что структуру частного предпринимательства формирует частный капитал и что не государство определяет цены товаров, услуг и кредита, а рынок. «Несмотря на то, что переплетение монополий и государства в Японии зашло очень далеко, – сказано во введении к книге, тоже принадлежащем перу Я. Певзнера, – государственное участие не выводит экономику за пределы действия рыночных законов. Как и в других капиталистических странах, общий и постоянный курс регулирования заключается в минимизации государственного участия, в обращении к нему только в меру необходимости»¹⁶.

В книге констатируется, что удельный вес государственной собственности в национальном богатстве Японии невысок и стабилен (порядка 20%), что эта собственность состоит главным образом в активах экономической и социальной инфраструктуры, а вклад государственного предпринимательства в ВВП совершенно мизерный (2,1%)¹⁷. Впервые в советской литературе как таковой (не только в советской литературе о Японии) описываются устанавливаемые государством правила конкуренции (на примерах ограничения доступа в отдельные отрасли, регулируемой кар-

тельной практики, регламентации деятельности естественных монополистов).¹⁸ При этом Антимонопольный закон и политика поддержки конкуренции больше не заключаются в кавычки, как было принято в канонических марксистских текстах. Подробно рассказывается о «необратимых шагах на пути либерализации» внешнеэкономических связей»¹⁹, то есть показывается, что уровень государственного регулирования важнейшей сферы экономической деятельности может снижаться.

Наконец, в последней работе советского времени, вышедшей в свет уже на излете «перестройки», прозвучал отказ от трактовки современного японского капитализма как «государственно-монополистического». Здесь даже говорится, что «государственное регулирование не только не ослабляет, а, наоборот, усиливает конкурентный характер экономики»²⁰.

Советская традиция состояла в варьировании марксистского классового подхода к реальности, от ортодоксального доказательства «общего кризиса капитализма» до не слишком свободного анализа национальных особенностей ГМК. Она распалась, когда политическое давление на ученых пошло на убыль. Советское японоведение все же смогло пройти путь от иллюстрации положений «всесильного, потому что верного» учения к анализу реальных процессов в реальной стране. Положительный запас знаний, который оно успело накопить, отказавшись от идеологических шаблонов, ограничивается описанием положения в первой половине 80-х годов. Только в постсоветской публикации – сборнике «Япония: мифы и реальность» (1999 г.)²¹ А. Кравцевич в небольшой статье показал, что дальновидность и эффективность действий японской бюрократии в период высоких темпов роста сильно мифологизирована, а в 90-х годах эта бюрократия допустила ряд серьезных и непростительных ошибок.

2. Западная традиция

В западной, точнее, англоязычной литературе японская разнovidность отношений «государство – бизнес» (вариант: «бизнес – государство») является объектом пристального внимания и оживленной дискуссии²². Уникальны эти отношения или нет, откуда они произошли, действительно ли Япония своим успехом обязана этим отношениям, возможно ли использование этого опыта

вне Японии? Наблюдатели и исследователи, не отягощенные марксистским мышлением, спорят об этом много лет.

Старейшина американских экономистов-японоведов профессор Колумбийского университета Х. Патрик, вспоминая собственный путь в науке, пишет, что, впервые оказавшись в Токио в 1957 г., испытал «сильный интеллектуальный шок» — он увидел экономику, совершенно не похожую на то, чему учили американские учебники и лекционные курсы. «Чтобы уловить все различия между японской практикой и американской теорией и объяснить их причины, требовались немалые интеллектуальные усилия», — пишет он. Университетский багаж приходилось пересматривать. Х. Патрик говорит о себе и своих коллегах: «Мы сначала экономисты и только во вторую очередь специалисты по Японии. Это соответствует тому, как развивается сама отрасль экономических знаний. ... В то время, когда эта экономика росла очень быстро, что продолжалось до начала 70-х годов, мы были просто не в состоянии полностью переварить все факты и последствия этого процесса»²³.

Столкновение западных экономических и социологических взглядов с японской действительностью было плодотворнее, чем столкновение с ней марксистской политэкономии. В отсутствие идеологической монополии, естественно, появилось множество суждений и оценок самого различного свойства, зависевших от личных взглядов авторов (экономистов и политологов), а иногда выражавших прямой социальный заказ.

До тех пор пока Япония не вошла в круг наиболее развитых стран, ее экономика рассматривалась в привычном контексте понятий, выработанных историками для анализа проблем развития. В сборнике «Государство и предпринимательство в Японии» (1965 г.), самой ранней из заметных американских работ, экономическая история страны выглядела как линия непрерывной модернизации. Начавшись переворотом Мэйдзи (к столетию которого составлялась книга), эта линия ненадолго прерывалась трагедией Тихоокеанской войны и возобновилась как только «обломки были расчищены». Составитель и редактор книги У. Локвуд писал о «пионерной роли государства» в модернизации (как и было принято в работах о проблемах развития), проводил параллель между индустриализацией Японии и Европы в конце XIX в., а касаясь современности, ограничивался упоминанием «духа со-

трудничества, прагматически соединяющего усилия деловых и правительственных кругов». Имея в виду характер предпринимательства в стране (преимущественно частного), Локвуд считал государственные планы развития (он говорил, в частности, о «плане удвоения национального дохода» за 1961–1970 гг.) «не более чем графиками надежд и ожиданий» частного сектора²⁴.

Первые подходы к пониманию новой Японии, внезапно «выскочившей» перед глазами Запада, определил вполне практический интерес к феномену «японского экономического чуда»: кто его сотворил?

Когда стало очевидно, что «японское чудо» состоялось, поначалу было легче «пришить» ему яркую этикетку, чем серьезно разобраться в его механизмах. Этикеткой стала формула «корпорация Япония» (Japan Incorporated). Ее ввели журналисты и политики, изучавшие механизмы принятия решений на государственном уровне. Она появилась на свет в обзоре экономики Японии, напечатанном в лондонском «Экономисте» (1967 г.). «Конечная ответственность за планирование развития промышленности, за решения о том, куда направлять развитие, за пестование и защиту бизнеса, когда он следует этим направлениям, лежит на правительстве», – писал английский журналист. А правительственные чиновники Японии – лучшие, умнейшие и честнейшие в мире слуги общества²⁵.

Формула «Japan Incorporated» была подхвачена западной прессой и вошла в широкий оборот в западной литературе о Японии. Нашелся даже охотник (в 1970 г.) напомнить о родстве между «корпорацией Япония» и плановой экономикой, правда, с признанием превосходства первой над второй: «Японская экономика – самая управляемая в мире, она подчиняется более совершенному контролю, чем все, о чем могли бы мечтать Карл Маркс, В. И. Ленин или Иосиф Сталин»²⁶.

Доклад ОЭСР о промышленной политике Японии, опубликованный в 1972 г., подкрепил традицию рассматривать экономику страны как нерыночную или не вполне рыночную и вполне уникальную – частнокапиталистическую экономику, подчиняющуюся воле сильной государственной власти²⁷.

Формуле «Japan Incorporated» была суждена долгая жизнь. Она оказалась востребованной в начале 70-х годов при крупном международном конфликте по поводу японской торговой экспансии.

В разгар «текстильной войны» Департамент торговли США заявил, что текстильный демпинг поддерживается государством и вся экономика Японии управляется по принципу единой компании.

Ее разворачивание пошло по двум линиям: одна – хвалебная, в которой японская система отношений между государством и частным бизнесом рассматривалась как положительная модель, а другая – отторгающая эту систему как безусловное зло.

Американец Дж. Эбегглен в книге «Стратегии бизнеса для Японии» (1970 г.) сравнил японское правительство со штаб-квартирой корпорации, ответственной за выработку долгосрочной стратегии и координацию действий крупнейших фирм, работающих на правах автономных отделений «Japan Incorporated»²⁸. Более развернутое определение описывает правящую элиту как триумвират бизнеса, бюрократии и Либерально-демократической партии (ЛДП)²⁹.

Пример пропаганды «японской модели» дал гарвардский социолог Э. Вогель в книге «Япония, как страна номер один» (1979 г.). Он популяризировал «японскую модель» в качестве главного фактора экономических достижений этой страны и высоко ставил японскую бюрократическую элиту, которая, не в пример американской, несет ответственность за процветание национального бизнеса³⁰. Государство – лидер, у него отличные чиновники, в то время как американская государственная машина только отслеживает мошенничества, а политическая сфера неспособна на слаженные действия. Японская система используется американцами как урок, как материал для критики своей собственной. Сильное государство в Японии обеспечило и высокий уровень жизни, и высокие уровни образования и социальной безопасности. Очевидно, Э. Вогель не сомневался в возможности «трансплантировать» эту модель – была бы на то политическая воля. Это нельзя объяснить ничем, кроме идеализма автора и магии успеха Японии, так как 70-е годы были не самыми худшими в послевоенной экономической истории США.

Эта книга, как и более поздняя монография американского политолога и историка Ч. Джонсона «МВТП и японское экономическое чудо» (1982 г.)³¹, – примеры представлений о Японии как о стране с сильной государственной властью.

Книга Вогеля вызвала большой резонанс в американском научном сообществе и в прессе. В 1982–1985 гг. прошла дискуссия

(при активном участии авторов из Японии) о японской промышленной политике и состоянии экономических отношений между Японией и США³². Состоялись даже слушания в Конгрессе, где объяснения давал Х. Патрик³³. По итогам слушаний был составлен доклад Главного контрольно-финансового управления США Объединенному экономическому комитету Конгресса.

Это предельно деловой документ, лишенный даже намека на хвалу или хулу японской модели. В нем констатировалось, что сотрудничество между государством и бизнесом было фактором экономического роста в начале послевоенного пути. Но по мере демонтажа прямого контроля над внешней торговлей и движением капиталов правительство (конкретно – Министерство внешней торговли и промышленности) теряло рычаги управления, а частные корпорации набирали финансовую мощь и получали самостоятельный доступ на международные рынки товаров и капитала. Правительство испытывает трудности в деле помощи свертываемым отраслям (текстильной промышленности, судостроению) и не берет на себя ответственности за успех соответствующих программ. «Это не значит, что правительство игнорирует нужды бизнеса или что его помощь незначительна. Государственные деньги идут в промышленность, и система сотрудничества между нею и правительством продолжает действовать», – утверждалось в докладе. Но «рабочие отношения между правительством и бизнесом не так тесны, как прежде, и тенденция к менее прямому воздействию государства на индустриальное развитие может усиливаться», – говорилось в резюме доклада³⁴. И никаких рекомендаций или «уроков» для США.

Пример того, как экономические достижения страны могут вызвать глубокое отвращение и даже страх, – книга голландского журналиста К. ван Вольферена «Загадка японской мощи», вышедшая десятью годами позже. Бестселлер, переведенный на многие языки, эта работа выдержана в тоне объявления Японии холодной войны. «Пугающее экономическое присутствие» Японии в мире подрывает промышленность Запада, ее экономика процветает благодаря бюджетным вливаниям и торговому протекционизму, свободная конкуренция в этой стране – фикция. Отношения правительственной администрации с деловыми кругами он назвал «системой», которая целиком держится на личных связях³⁵. Центральная идея книги: японский экономический взлет

деструктивен для остального мира, эта сверхдержава – угроза. Ее истоки в уникальности японского общества и национальных традиций. Япония противостоит миру, и здесь ван Вольфен, по существу, видел цивилизационный конфликт.

По его мнению, государство в Японии исключительно слабое. Этот тезис предельно заострен в подзаголовке его книги – «Народ и политическая жизнь в стране без государства». Политическую элиту страны составляют бюрократия и так называемые деловые круги (руководство крупнейших отраслевых предпринимательских союзов). Они уравнивают друг друга, и поэтому в японской политике ничего нельзя понять. У японского государства нет «единства цели», о котором так пекутся Департамент торговли США и Э. Вогель.

Авторы этого направления не задавались вопросом, кто управляет в «Системе» – правительство, имеющее политические цели, или бизнес, ориентирующийся на рыночные силы. Они указывали только на политическую составляющую. Самой яркой работой этого жанра была уже упоминавшаяся монография Ч. Джонсона³⁶. Он в принципе не принимал объяснения «экономического чуда» ссылками на национальный характер и социальные ценности японцев. Он рассматривал отношения между государством и бизнесом и, в частности, промышленную политику³⁷ как прямое наследие системы военного контроля: это наследие «оставалось в умах элиты того поколения, которому выпала задача организации экономического чуда. Система военного контроля не может исчезнуть сразу и полностью, считал Джонсон.

Чтобы государственная система поддержки частного предпринимательства на деле обеспечивала экономический рост, нужно равновесие между сторонами. Если равновесие нарушено в пользу бюрократического контроля, теряются преимущества конкурентной экономики. Если оно нарушено в пользу частного сектора, теряют силу общенациональные приоритеты. В Японии необходимый баланс был. «Тенденцию к настоящему сотрудничеству... предопределило сочетание послевоенной разрухи и реформ оккупационного периода». Стороны поняли необходимость в политическом разделении усилий³⁸.

Однако канадский исследователь Ч. Макмиллан отыскал корни отношений «бизнес – государство» в эпохе Токугава, когда в Японии сложился мощный бюрократический аппарат, и в эпохе

Мэйдзи, когда «государственная машина самурайской администрации» объединилась с торговцами и предпринимателями под национальным лозунгом «богатая страна – сильная армия»³⁹.

Один из старейших японоведов Р. Дор увидел источник этих отношений в национальном менталитете, в культурном наследии и особых социальных ценностях. «Проблема с японцами в том, что они так и не доросли до Адама Смита, – писал он. – Они не верят в невидимую руку». Их главная сила – в устойчивых партнерских отношениях на всех уровнях. Именно поэтому активное вмешательство государства в решения корпораций оправданно и работоспособно⁴⁰.

Культурное наследие есть категория уникальная, и она не подлежит трансплантации. Многие западные авторы не приняли ссылки на культурную специфику всерьез. Американский политолог Дж. Кэртис упрекает немарксистские концепции правящей элиты в Японии «в попытке приписать культуре Японии то, что определяется конкретным сочетанием условий особого исторического периода». Он не без иронии замечает, что «марксистская теория – как бы скептически мы ни относились к ее соответствию эмпирическим фактам – сильна хотя бы тем, что ставит Японию во всеобщий и сравнительный контекст: Японией правит определенная властная элита, так как в этой стране капиталистическая экономика. У немарксистских защитников теории правящей элиты никакой сравнительный анализ невозможен: Японией правит определенная властная элита в силу особых черт национальной психологии и социальных институтов этой страны⁴¹».

Х. Патрик в цитированных выше воспоминаниях апеллирует к личному опыту. «Я рано понял, – пишет он, – что большинство отличий японской экономики связано с уровнем развития и темпами роста... и что поведение японцев так же рационально, конкурентно и диктуется собственными интересами, как и поведение американцев, так что «культура», – что бы ни означало это слово – никогда ничего толком не объясняет. Нечего и говорить, что идет неизбежное сближение Японии с другими развитыми странами»⁴².

Американский экономист Р. Самуэльс, как и Дор, считал, что в Японии не признается принцип свободной торговли, хотя частная собственность на факторы производства и преобладает в ее экономике. Япония – одна из «наиболее приватизированных

стран в мире» в том смысле, что государственная собственность «не имеет особого значения, так как если чиновники могут эффективнее властвовать, направляя действия частных фирм на цели общества, то зачем им государственная собственность?», – спрашивает он. Как и Дор, Самуэльс находит, что взаимодействие двух элит – деловой и чиновничьей – держится на «обоюдном согласии», но объяснил его «не нормой культуры, а проявлением договорных, деловых отношений». Они держались не на особом менталитете и ценностях, а на «политической стабильности национальных институтов Японии»⁴³. Политическая стабильность институтов тоже не подлежит трансплантации. Но она, равно как и относительная независимость и сила государственной власти, – явление преходящее.

Многие западные экономисты не разделяли упрощенное представление о «руководящей и направляющей» силе японского государства – тем более что первые серьезные экономические работы вышли в свет после того, как период высоких темпов роста в Японии закончился. «Концепция сращивания различных групп элиты непригодна для понимания жестокой конкуренции внутри отраслей промышленности и разногласий между государством и бизнесом, – писал Ч. Макмиллан. – Для чужеземца тесный диалог деловых и государственных кругов имеет некоторый оттенок тайного сговора – бюрократическая пирамида, держащая иностранцев на расстоянии. На самом деле существует огромное разнообразие интересов внутри частного сектора и жестокая конкуренция между основными компаниями в каждой отрасли»⁴⁴.

В предисловии к известному проекту Брукингского института Х. Патрик и Х. Розовски впервые заявили, что японская модель вовсе не уникальна. Напротив, «типом отношений между государством и бизнесом Япония во многом напоминает Францию, Западную Германию и другие страны континентальной Европы; скорее всего, Соединенные Штаты нетипичны»⁴⁵.

Участники этого проекта не разделяли представление о том, что границы между крупным бизнесом и государственной властью «стерты до степени гомогенной власти, которая целеустремленно защищает национальные интересы»⁴⁶, и сомневались в непременной действенности государственного вмешательства. Так, Ф. Трезайс осторожно отметил, что альянс между консервативны-

ми политиками, высшей бюрократией и лидерами делового мира, который в годы послевоенного восстановления держался на общих интересах и ценностях, становится неоднозначным: правительство занято не только экономическим ростом, большой бизнес – только одна из групп политического давления, чьи интересы неоднородны. Программы свертывания угледобывающей и текстильной промышленности шли с большим трудом из-за того, что правительство слишком долго субсидировало шахтовладельцев и ткачей. «Очевидно, что за малыми исключениями все повседневные экономические решения принимаются в частном секторе – разумеется, в рамках закона и обычая, но никак не по плану, выработанному в Токио»⁴⁷.

Американец японского происхождения Д. Окимото уже прямо сказал, что «представление о последовательности и слаженности японской промышленной политики преувеличено», так как оно основано только на рассказах о ее успехах, и указал на дорогие стоившие ошибки и тяжелые последствия, которые обнаружились после нефтяного кризиса 1974–1975 гг.⁴⁸ Япония, как и Соединенные Штаты, придерживается рыночных принципов, писал Окимото. Если у японского правительства «тяжелая рука», то это только потому, что японские чиновники расширительно понимают общепризнанные дефекты рыночного механизма, относя к ним примат интересов отдельных компаний над интересами страны, недальновидность частного предпринимательства, потенциальное засилье иностранных конкурентов и т.д.⁴⁹.

Наконец, в начале 90-х годов линию разоблачения мифа о всемогущем и эффективном государстве в экономике Японии продолжил К. Кэлдер. Он считал, что в несостоятельности некоторых решений и действий правительственных чиновников виноваты и они сами, и крупный бизнес. Чиновники недооценили потенциал таких отраслей, как автомобилестроение и потребительская электроника, и они развивались практически без государственной поддержки. Чиновники слишком долго поддерживали океанское судоходство и угледобычу, и эти отрасли с трудом удалось свернуть до оптимальных размеров. Хорошо организованный частный сектор более динамичен и более дальновиден, чем разработчики государственной стратегии промышленного развития. «Даже когда, в конце концов, государство вмешивалось, – писал он, – обычно именно частная инициатива была ведущей

силой промышленного развития, а государство заботилось о сдерживании слишком быстрого роста»⁵⁰.

Р. Юриу специально изучал, как действовала государственная власть при свертывании «структурно больных» отраслей и пришел к заключению, что «крайние представления о “господстве бюрократии” в японской экономике» — это заблуждение, так как промышленники в этих отраслях не слишком поддавались руководству, и даже напротив, чиновники склонны были поддаваться давлению с их стороны⁵¹.

Появились работы, в которых исследуются процесс распада прославленного консенсуса и уход в прошлое слаженных действий бюрократии и деловых кругов. Например, С. Кэллон⁵² поведал об этом распаде на примере судьбы высокотехнологичных отраслей. Он прослеживает, как и когда МВТП — центральное звено государственного аппарата, ответственного за промышленную политику, — потеряло и цель, и средства под давлением США, потребовавших, чтобы оно прекратило помогать повышению конкурентоспособности японских компаний, ограждая их от иностранной конкуренции.

И все-таки как живуча надежда на то, что в современном мире есть место для совершенной экономической системы — системы, для которой важны стабильность и консенсус! Р. Браун в книге о министерстве финансов Японии высказал уверенность в том, что японская модель «регулируемой рыночной экономики» превосходит американскую, где, как по Дарвину, выживает сильнейший. Он недоумевает, почему японская модель не востребована Россией и другими странами с переходной экономикой. Он полагает, что американская модель навязана Японии силой, но надеется, что она найдет свой особый путь, и «не правы те, кто верит, будто бюрократическому государству приходит конец»⁵³.

150 Западные работы укладываются в некую традицию только в том смысле, что в разноголосице представлений об отношениях государства и бизнеса в Японии, выработанных за пределами этой страны, можно услышать определенные политизированные мотивы. Это и мотивы принятия или непринятия рыночной свободы в качестве основной ценности капиталистического общества, и просто пристрастное отношение к японскому экономическому успеху.

Для одних безусловным стандартом является англо-саксонская модель рыночной экономики, в которой государство отстоит

от частного бизнеса на расстоянии вытянутой руки. Следовательно, японская модель – свидетельство отсталости или результат действия уникальных культурных и исторических факторов. Другие не признают этого стандарта, и в их глазах «японская модель», как брэнд, как марка успеха, до сих пор заслуживает внимания и подражания. Соответственно, японская модель воспринимается со знаком «плюс» или со знаком «минус». Когда темпы экономического роста Японии снизились и тема «экономического чуда» оказалась исчерпанной, закончилась и эта традиция – западные исследователи стали воспринимать предвзятое отношение к деятельности японского государства с большим скептицизмом.

3. Японская традиция

В 50–60-х годах среди японских экономистов была большая группа марксистов, много работавшая в области экономической истории. Основной посылкой этих ученых был тезис о подчинении японского капитализма американскому империализму, о чем они писали с завидным постоянством и тогда, когда Япония стала экономической сверхдержавой. Эта группа не создала своей школы и не оставила ничего, что отличалось бы от постулатов советских марксистов.

Что касается немарксистских работ, то японская литература на тему «государство и бизнес» неисчерпаемо богата. Она строится на огромных массивах информации, что вполне естественно – кому и карты в руки, как не японцам. До начала 80-х годов еще можно было найти людей, занимавших не последние должности в государственном аппарате, и их воспоминания записывались и публиковались. Затем наступила пора сбора, публикации и анализа документов. В 80-х и начале 90-х годов была опубликована 17-томная официальная «История промышленной политики»⁵⁴, охватившая период с 1955 до 1971 г. Интерес к этой теме в начале 90-х годов был подогрев событиями в бывшем СССР и странах Восточной Европы. Советы странам переходной экономики следовать опыту Японии давались очень охотно⁵⁵.

Люди старшего поколения, имевшие в своем распоряжении информацию из первых рук и опыт работы чиновниками или советниками при государственном аппарате, имели свой взгляд на предмет. Как вспоминает один из виднейших экономистов

Р. Комия, в первые послевоенные годы ни правительственные чиновники, ни правительственные экономисты вообще не пользовались языком экономической теории. Этот язык был им чужд. У них было понимание национального престижа, и они действовали из прагматических соображений о ресурсах и ограничениях. В Японии мало земли, говорили они, нет минеральных ресурсов, население страны многочисленно, и нужно соответственно выбирать приоритеты развития, чтобы догнать более богатые страны. Это были люди «доисторической эпохи»⁵⁶, пишет Комия, сохранившие мышление времен военного контроля. Между экономической теорией, реальными мотивами действий и лозунгами «всегда были большие зазоры». Когда на Западе начались резкие выступления против протекционистской промышленной политики, дающей японским компаниям несправедливые преимущества в международной торговле, у власти было уже другое поколение. «Я почувствовал, — пишет Комия, — что зазор между экономической теорией и идеологией бюрократов быстро сократился»⁵⁷.

Не только активные участники реального процесса, но и специалисты по экономической истории ведут происхождение особых отношений между государством и бизнесом от военной экономики. По мнению историка Т. Накамура, в современных экономических институтах Японии осталось наследие системы военного контроля. Он назвал МВТП «перевоплощением» военных министерства промышленности и торговли и министерства военного снабжения⁵⁸.

Современные специалисты по экономической истории называют эту экономическую модель «системой 40-х годов». Этот термин ввел в оборот Ю. Ногуты. «Основные элементы этой конструкции были построены во время войны», — пояснял Ногуты в предисловии к своей книге. «Живучесть этой системы удивительна: она сохранилась в сознании правительственных чиновников и людей делового мира», — писал он, почти дословно повторяя мысль Ч. Джонсона⁵⁹. Многие институты, которые принято относить к национальной специфике, — экономический рост как главная ценность, приоритет производства над потреблением, представление о предприятии (компании) как об основной социальной ячейке, отношение к конкуренции как к разрушительной силе — берут начало в мобилизационной экономике.

Из этой же посылки исходят авторы специальной работы об исторических корнях японской экономической системы. Ее соавторы и редакторы, Т. Окадзаки и М. Окуно-Фудзивара, в противоположность американским историкам (тому же У. Локвуду) доказывают на фактах, что в межвоенный период страна жила в режиме свободного предпринимательства. «Трансформация классической рыночной экономики в то, что мы сейчас называем японской экономической системой, началась в годы войны, – пишут они. – Точнее, с целью мобилизации ограниченных ресурсов для ведения «тотальной войны» применялось их распределение по планам... которые составлялись Плановым управлением кабинета министров и выполнялись частным сектором. Система, специально созданная для решения этой задачи, была прототипом современной экономической системы»⁶⁰.

В Японии не было идеологов свободного рыночного хозяйства, подобных Л. Эрхарду в ФРГ или Л. Эйнаути в Италии. Люди «доисторической эпохи», стоявшие у руля в 50-х годах, не скупилась на аргументы, подчеркивавшие их власть. Вот, например, характерное заявление Ё. Мородзуми, одного из высших чиновников МВТП, сделанное в 1962 г.: «Свободная конкуренция оказывает удушающее действие на экономику. Мы не можем позволить себе опираться на нее в распределении плодов высоких темпов роста – цен, зарплат, прибылей... Наша первоочередная, срочная задача – создать предпринимательскую систему, которая будет поддерживать экономический рост»⁶¹. «Воспитательная» деятельность правительства – предмет личной гордости таких людей, как Мородзуми. Они любили говорить, что послевоенное «экономическое чудо» в их стране основано на отторжении – сразу по окончании оккупации – западной модели, которая была навязана американцами.

О том, откуда взялись основные идеи и конкретные инструменты промышленной политики, глядя из сегодняшнего дня, рассказали современные авторы Т. Киккава и Т. Хикино. Это просто итог обучения правительства и отдельных предпринимателей на собственном опыте, пишут они. Не было никакой модели государственной политики на микроуровне, и ее разработкой никто специально не занимался. Отчасти это объяснялось отсутствием в то время теоретической базы в виде неоклассической экономической парадигмы, в центре которой находится идея конкурентных

как в нем участвовали три стороны – правительство, отраслевые союзы предпринимателей и финансисты. Именно этот механизм принятия решений за границей, особенно в Америке, и был назван «корпорацией «Япония», поскольку этот своеобразный «правительственно-промышленный комплекс» непрозрачен, непроницаем для наблюдателей со стороны, считал Х. Уэно, один из лучших знатоков японской экономической системы⁶⁴.

Подробный анализ того, какими способами выполнялись эти решения, занимает центральное место в упоминавшейся книге о промышленной политике⁶⁵. В этой работе конкретные приемы помощи разворачиванию одних отраслей и свертыванию других рассмотрены на примерах черной металлургии, автомобильной промышленности, производства компьютеров, угольной, алюминиевой, текстильной промышленности и судостроения.

Авторы объясняют принципы легализованной картельной практики на стадии разворачивания новых и перспективных отраслей. Антимонопольный закон разрешал компаниям согласовывать между собой масштабы снижения производства и недогрузки мощностей до тех пор, пока избыток продукции не будет распродан. Эта мера широко применялась в качестве поддержки новых отраслей на стадии становления. Компаниям, делавшим вложения в крупномасштабные технологии, давалась возможность фиксировать цены и ограничивать выпуск продукции до того момента, когда на внутреннем рынке страны возникал достаточный спрос. Таким путем можно было избегать разрушительной конкуренции во время освоения мощностей. Смысл этого разрешения состоял в том, что хотя картель и защищает экономически слабые предприятия, при резком падении спроса могут оказаться в критическом положении и сильные, – могут начаться цепные банкротства, и в конечном счете концентрация рынка будет выше, чем до кризиса. Поэтому картельная практика, ограничивающая конкуренцию, была принята на вооружение именно как способ сохранения конкурентной структуры рынков.

Наряду с этим видом картелей, называвшихся «антидепрессивными», разрешались «картели для рационализации» (более точно было бы говорить о модернизации производственных мощностей). Это были соглашения о совместных закупках сырья группами предприятий, о совместном использовании техноло-

гий, закупке побочных продуктов и пр. В олигополистических отраслях с относительно небольшим числом поставщиков эта схема работала очень эффективно⁶⁶. Государство участвовало в выработке соглашений и составлении отраслевых программ и отвечало главным образом за их сроки, чтобы разрешенные соглашения не становились «вечными». Но в ряде отраслей (черная металлургия, автомобильная промышленность, производство компьютеров) чиновники делали попытки – не всегда удачные – руководить слияниями и поглощениями компаний, чтобы добиваться укрупнения масштабов предприятий и формировать структуры олигополистических рынков.

В отраслях, где есть много небольших поставщиков – предприятий, картельные соглашения трудно заключать, а будучи заключены, они не соблюдаются. Потому эта схема и не годилась для помощи свертыванию угольной, текстильной промышленности и производства алюминиевого проката – отраслей, потерявших перспективы. Когда энергетическое хозяйство перешло на нефть и газ, алюминий не выдержал подорожания электроэнергии, а текстиль не перенес конкуренции товаров из развивающихся стран. Для этих отраслей предназначались бюджетные субсидии администрациям префектур на создание новых рабочих мест и государственные гарантии кредитов тем фирмам, которые демонтировали оборудование и закрывали заводы.

Р. Комия, М. Окуно и К. Судзумура не признавали, что Япония отказалась от западной модели свободного предпринимательства. Напротив, еще в 50-х годах основой японской экономики стала такая свобода, хотя и ограниченная «рамками внешнеторгового протекционизма». И действительно, в 50–60-х годах, когда иена не была обратимой и в казну продавалось 100% экспортной выручки по фиксированному курсу, валюта для оплаты импорта в административном порядке распределялась по приоритетам. Тогда правительство могло поддерживать отечественных производителей, жестко ограничивая конкурирующий импорт и помогая приобретать новые технологии. После либерализации внешних расчетов из набора инструментов промышленной политики ушло административное, по существу, карточное распределение самого дефицитного ресурса – иностранной валюты.

М. Окуно и К. Судзумура разделили послевоенную экономическую историю на три этапа по убывающей степени государствен-

ного вмешательства⁶⁷. К начальному этапу они отнесли послевоенное восстановление и первые десять лет бурного экономического роста (примерно до середины 60-х годов). Это были годы преимущественно «бюрократического контроля, который был сильно окрашен пережитками военной экономики». Принцип этого контроля – выборочные льготы при распределении дефицитных денежных ресурсов. Инструментами этого периода они называли «отраслевые программы «рационализации», дешевые кредиты государственных финансовых учреждений, льготное налогообложение и прямое распределение иностранной валюты для оплаты импорта.

Кстати сказать, эту оценку в Японии разделяют до сих пор, относя ее, разумеется, к прошедшему времени. Например, эксперт научно-исследовательского института банка Номура М. Идэ уверен, что Япония дала пример наиболее успешной смешанной экономики. По преобладанию частной собственности это была капиталистическая рыночная экономика, но по типу распределения ресурсов это было нечто близкое к плановой экономике под руководством элиты. Она распределяла ресурсы по целям, назначаемым правительством. Это была уникальная система выработки приоритетов⁶⁸.

Второй этап (с середины 60-х годов до «нефтяного кризиса» 70-х) Окуно и Судзумура называли «периодом конфликтов между разработчиками политики и фирмами». Фирмы добивались самостоятельности – «опоры на предпринимательский дух менеджеров и рыночный механизм». Законопроект, разрешавший правительству применять типовые «пакеты» помощи к целым группам отраслей (налоговые стимулы, льготное финансирование, поощрение слияний фирм и легальная картелизация), предложенный в 1963 г. Советом по промышленной структуре, не прошел через парламент. Промышленники предпочли разовые решения для каждой отрасли. Они опасались, что если закон будет принят, он даст правительственному аппарату полную власть над ними, сопоставимую с прямым контролем.

Правительство, утратившее большинство легитимных способов прямого воздействия на фирмы, еще пыталось вмешиваться в процесс принятия управленческих решений при помощи согласований и бюрократического торга – так называемого административного руководства. Эта инфраструктура, состояв-

шая из формальных и неформальных связей между политиками, чиновниками и лидерами делового мира, вырабатывавшими приоритеты распределения ресурсов, была совершенно непрозрачной для сторонних наблюдателей и вызывала раздражение на Западе.

На третьем этапе этот способ координации применяется только в качестве помощи свертыванию структурно-депрессивных отраслей и при организации крупных научно-исследовательских программ с выходом на прикладные результаты. Подробному анализу этой функции государства и были посвящены три работы американских авторов, упоминавшиеся выше⁶⁹.

Японские исследователи настаивают: это была только помощь, а не подмена частной инициативы указаниями чиновников. «Такие явления, как быстрый экономический рост, модернизация промышленности, расширение экспорта и поддержание положительного сальдо по текущим статьям торгового баланса, не были, конечно, следствием постоянного государственного вмешательства. Это результаты хорошо работающей системы цен и развития конкурентной рыночной среды, – писал Т. Цурута. – Концепция Japan Incorporated, согласно которой все это достигнуто благодаря направляющей руке правительства, просто не в состоянии объяснить, что произошло в экономике Японии в 60-х годах». Многие отрасли развивались чрезвычайно быстро, но не проходили должной проверки иностранной конкуренцией на внутреннем рынке. Правительство вмешивалось, так как не вполне доверяло способности фирм адаптироваться к изменениям⁷⁰.

Но и те, кто говорил об отходе или отказе от западной модели, были не так уж неправы. Дело в том, что американское антимонопольное законодательство строго запрещает специальные преференции и «пакетные сделки» между сторонами. Условия рынка должны быть одинаковы для всех. Японская экономическая система не принимала этого принципа гомогенности, универсальности и открытости рынка. Вместо твердых правил открытого рынка здесь действовали переговоры между сторонами об условиях сделок и приоритеты, установленные на основе политических соображений и стратегических представлений элиты.

Авторы работы о промышленной политике специально занялись ее экономической теорией⁷¹. Предполагая рациональность

выбора, они исходили из принятых в институциональной экономике понятий о «дефектах» или «ошибках» рынка, которые должны исправляться или предотвращаться вмешательством государства. Они резонно отмечали, что в реальной жизни те, кто выбирал цели и средства, не занимались теоретическим объяснением своих действий. Действительно, решения вырабатывали и принимали не профессора. И руководствовались они чисто прагматическими соображениями: «административное руководство и селективная поддержка должны обеспечить «развитие» отраслей и навести в них «порядок»⁷².

Основанием для вмешательства были не волевые решения чиновников, озабоченных карьерным ростом и/или судьбой своей страны, и не обслуживание государственной властью частных групповых интересов того или иного бизнеса.

На практике власти занимались не столько обеспечением роста предприятий (это делали сами предприниматели), сколько предотвращением «системных рисков», а именно, цепных банкротств и массовых увольнений. Поэтому организацию поддержки и финансовой подпитки целых отраслей Окадзаки и Окуно-Фудзивара называют «convoy system», что можно перевести на русский язык как «система прикрытия, система подстраховки», или «принцип поддерживающего и охранительного конвоя»⁷³.

«Принцип конвоя» — это принцип группового саморегулирования в отрасли под руководством и надзором со стороны министерства. Он восходит к массовой разрешенной картельной практике 60–70-х годов, когда министерства совместно с отраслевыми союзами предпринимателей разрабатывали программы модернизации или стабилизации отрасли в зависимости от цели и срока картеля.

«Принцип конвоя» в отношениях ведомств с частным бизнесом означал, что при возникновении трудностей все предприятия отрасли могли рассчитывать на солидарную государственную поддержку. Это противоречит капиталистическому принципу индивидуальной ответственности экономического агента по своим обязательствам и препятствует рыночному отбору — отбраковке слабых предприятий. Но государство никогда не оказывало компаниям индивидуальной поддержки. Оно не занималось выращиванием лучших компаний в стране и не отвечало по обязательствам предприятий, т.е. не «спасало» банкротов.

рынков. Не было и рекомендаций Международного валютного фонда, Мирового банка и ОЭСР о том, что должна и что не должна брать на себя государственная власть в рыночном хозяйстве. Из-за этого-то становятся в тупик те из ученых, кто хочет найти в японской промышленной политике великий замысел или общий принцип, которым руководствовались государственные чиновники, принимавшие решения⁶².

Что касается отказа от западной модели свободного предпринимательства, как только из страны ушла оккупационная администрация, то К. Ямамура показал ошибочность этого вывода. Поворот в экономической политике Японии – центральная тема его книги⁶³. «Японская линия» в начале подъема (1951–1952 гг.) состояла в пересмотре некоторых принципиальных направлений, заданных реформами, но делалось это с согласия оккупационных властей, писал Ямамура. Америке нужен был союзник на Дальнем Востоке вместо вчерашнего врага, она была заинтересована в экономическом росте Японии. Корректировка результатов реформ была необходима потому, что чересчур радикальная демополизация экономики, проведенная оккупационными властями, ослабила крупное предпринимательство, подорвала возможности крупномасштабного производства и инвестирования.

«Если экономика проявляет стремление к восстановлению и росту, кто-то должен взять на себя функцию, выполнявшуюся дзайбацу», – подчеркивал Ямамура. Правительство отвергло не западную модель целиком, а только самые жесткие положения первоначальной версии Антимонопольного закона от 1947 г., а именно, разрешило картельные соглашения под контролем министерств и отменило запрещение отраслевых ассоциаций. Так был создан механизм промышленной политики – легализованная картельная практика. Тогда же сложился аппарат оперативного сотрудничества – сеть консультативных советов на уровне министерств и ведомств, в которых сторону бизнеса представляют предпринимательские организации и аппарат совместной выработки стратегических решений на уровне кабинета министров – Совет по промышленной структуре (Санкосин), в котором деловое сообщество представляет Федерация отраслевых союзов Кэйданрэн.

Согласование государственных и частных интересов в Японии получило название «трехстороннего сотрудничества», так

М. Аоки назвал треугольники «ведомств – консультативных советов – отраслевых ассоциаций» «ведомственным плюрализмом» (*bureau-pluralism*)⁷⁴. Это значит, что интересы частных компаний сначала сводились и «усреднялись» в отраслевых союзах, а затем передавались в департаменты или отделы министерств, которые отвечают за те или иные отрасли, т.е. в своего рода «ведомственные окошки». Департаменты (отделы) защищали интересы своих подопечных перед руководством министерства, а министерство – перед Минфином и бюджетной комиссией парламента. Это был своеобразный «многооконный дом» в три этажа – такая конструкция из трех ярусов лоббистов.

Консультативные советы, о которых пишут все кому не лень, были вспомогательным звеном в этой конструкции. Что касается выработки текущих и стратегических решений, то, по мнению Т. Цурута, они были успешны только в одном: «Совет по промышленной структуре» в 60-х годах выпустил множество докладов, и на первый взгляд может показаться, что правительство действовало методами прямого контроля и направляло и координировало развитие отраслей вполне успешно, но на самом деле предложения чиновников обычно ограничивали самостоятельность предприятий настолько, что представители отраслевых союзов очень часто ставили им палки в колеса. «Консультативные советы тормозили те решения, которые предлагались в попытке изменить организацию отраслей прямым вмешательством»⁷⁵.

Рассматривая уже в ретроспективе две версии о характере административного вмешательства в дела частного бизнеса (первая – что оно было открытым и опиралось на принуждающую силу закона, как в плановой экономике или как в модели «Japan Incorporated», и вторая – что оно было индикативным и опиралось на обычай), Я. Мураками счел оба вида вмешательства существующими. Но министерства и ведомства не имели законных прав наказывать нарушителей, и государственная политика проводилась через отраслевые союзы – добровольные организации. «Успех административного руководства был обеспечен тем, что оно адаптировало организационное наследие прошлого к требованиям быстрого экономического роста и преодоления отсталости, и оно было неформальным, гибким и эгалитарным – восходило к прототипу “мура” (организации традиционной японской деревни. – Е.Л.)»⁷⁶.

Т. Окадзакки определяет момент, когда система обветшала и перестала работать. «Многооконный дом» был удобен, пока можно было строить отношения по отраслевому принципу. Но в начале 80-х годов он уже мешал Японии приспособиться к изменениям в мировой экономике. «Во-первых, – пишет Окадзакки, – новые и растущие сферы деятельности, информационные технологии и технологии связи, пересекали границы существовавших до того отраслей, а следовательно, и границы ведомственной юрисдикции, что вызывало серьезные конфликты между ведомствами по поводу компетенции. Во-вторых, реформы, необходимые для приспособления к глобальным переменам, вступали в противоречие с интересами отраслей и министерств. Споры по поводу компетенции и столкновения интересов неразрешимы при ведомственном плюрализме»⁷⁷.

Это то, что произошло на верхних этажах конструкции. Но это было не все. Информационная функция, которую выполняла промышленная политика, больше не нужна. При «догоняющем развитии» всегда есть образцы в виде структуры более развитого хозяйства, более продвинутых технологий и более развитых экономических институтов. Когда есть такие образцы, естественно, ниже уровни неопределенности. Правительство определяет приоритеты, разрабатывает программы и выстраивает концепцию развития – информационную основу промышленной политики. Но в открытой экономике правительство перестало быть обладателем наиболее полной информации, активным координатором, направляющим действия частных предприятий. Оно не знает и не может знать нужные направления развития для всех секторов экономики.

На нижнем этапе конструкции тоже произошли необратимые перемены. Во-первых, сектор крупных корпораций долгое время нуждался в финансовой поддержке и подстраховке, так как он работал в режиме очень жестких финансовых ограничений. У корпораций была слабая финансовая база, и они находились в большой зависимости от банковского финансирования. К началу 90-х годов их финансовая база упрочилась (по расчетам М. Идэ, уровень самофинансирования, т. е. отношение акционерного капитала и накопленных нераспределенных прибылей ко всем активам корпораций сравнялся с американским)⁷⁸, и потребность в государственной финансовой поддержке отпала.

Во-вторых, к концу 80-х годов Япония, обогнав Великобританию, стала вторым после Соединенных Штатов международным инвестором. Крупнейшие промышленные корпорации Японии – практически весь сектор публичных компаний (более 2000), кроме неэкспортных, – стали транснациональными, повторив путь европейских и американских ТНК. Они ориентируются на условия глобальных рынков и больше не ждут от правительства патернализма и гарантии рисков.

Эти события обесценили систему особых отношений между государством и бизнесом и в 80-х годах положили конец японской промышленной политике. О ней не жалели. По определению Х. Одагири, приведенном в его книге о соотношении конкуренции и роста в японской экономике, «Японии помогла не промышленная политика как таковая, а та скорость, с которой японское правительство умерило вмешательство в работу предприятий, чтобы они могли лучше использовать рыночный механизм. Парадоксально, что успех Японии предопределен не ростом, но снижением государственного вмешательства»⁷⁹.

Государственное вмешательство в частную экономику Японии строилось на сочетании законодательной основы со своеобразным обычным правом, о чем много писали упоминавшиеся выше исследователи. Но обычное право не было безграничным, и бюрократический аппарат не мог проводить по своему усмотрению через парламент любые законы. Обычное право отмирает со временем, но законы отменяются только другими законами. Обычное право гибко, но законы создают постоянный режим, регламентирующий предпринимательскую деятельность.

Автор фундаментальной работы о японском экономическом укладе Х. Уэно систематизировал правовую базу государственного вмешательства в экономику⁸⁰. Во вводной статье к своей книге он писал, что «регулируемый блок» в Японии значительно больше, чем в США, и набор регулируемых отраслей очень велик. Уэно различал «активную промышленную политику», цель которой – улучшение структуры экономики, и «пассивный протекционизм», защиту слабых звеньев экономики от конкуренции при помощи ограничений доступа на соответствующие рынки.

Когда потеряла всякий смысл и ушла в прошлое селективная помощь крупным корпорациям по отраслевому принципу, мощная государственная поддержка продолжала действовать в фи-

нансовом секторе, где государство не допускало финансовые учреждения до банкротств, и в неэкспортных отраслях с преобладанием мелких предприятий. В конце 90-х годов под давлением длительной депрессии и финансового кризиса в общественном мнении страны (и уж конечно, в среде профессиональных экономистов) сложилось мнение, что государственное вмешательство и регулирование – источники многих бед.

В духе этого суждения выступили М. Портер и Х. Такэути. Свой критический разбор результатов деятельности правительства они выразительно озаглавили «Японская модель правительства как образчик провала»⁸¹. С их точки зрения, приписывать значительную часть экономических успехов в послевоенной Японии государственной политике, которая связывается с «японской моделью правительства», – большая ошибка.

«В Японии принято считать, – пишут они, – что правительство страны было основой экономического развития и достижения высокой конкурентоспособности. Но во многих сферах конкуренция оставалась невостребованной, в других – ее просто избегали или сильно ограничивали». Принято также считать, что роль государства в экономическом развитии была активной и распространялась на широкие сферы деятельности; что государство сыграло ключевую роль в создании экспортного потенциала и своей промышленной политикой внесло большой вклад в общее повышение благосостояния граждан. Ориентированные на экспорт предприятия под прикрытием государственного патернализма смогли дорасти до нужных размеров и т. д. Но набор отраслей, на которых строится данная оценка (в 60-х годах это были черная металлургия и машиностроение, в 70-х – полупроводники, в 80-х – компьютеры), слишком узок и не репрезентативен для экономики страны. Если взять более широкий набор отраслей, очевидно, что никакой классической промышленной политики не было. В экономике осталось много участков, не набравших конкурентоспособности. Более того, нагрузка неэффективных отраслей на экономику продолжает возрастать, пишут они.

Портер и Такэути нашли, что есть большая группа отраслей, в успешном развитии которых правительство вообще никакой роли не играло. Они приводят список этих отраслей и продуктов, достигших высокой конкурентоспособности без всяких субсидий и защиты от конкуренции⁸²:

- электронное машиностроение: полупроводники, видеомагнитофоны, факс-модемы, домашние и автомобильные аудиосистемы, пишущие машинки, СВЧ-печи, спутниковые антенны, электронные музыкальные инструменты;
- машиностроение: промышленные роботы, бытовые кондиционеры, швейные машинки;
- производство материалов: синтетические ткани;
- приборостроение: фото- и киноаппараты;
- транспортное машиностроение: легковые и грузовые автомобили, шины и камеры, самосвалы;
- компьютерное программное обеспечение и игры;
- пищевая промышленность: соевый соус.

Иногда поддержка давалась только на начальной стадии и ограничивалась открытием нового спроса (так, Управление самообороны, полиция и Государственные железные дороги, а также МВТП и Метеослужба первыми начали пользоваться факсимильной связью; была организована государственная компания по лизингу роботов для льготного обслуживания мелких клиентов). Гораздо больше правительство делало в неудачно развивавшихся отраслях – и было виновато в их неудачах.

Таких примеров очень много на карте отраслевой структуры Японии, пишут они. Химическая промышленность; производство готового платья; некоторые финансовые услуги (брокерское дело); такая крупномасштабная отрасль, как гражданские авиационные перевозки (хотя японская авиационная промышленность в годы Второй мировой войны была весьма развитой); производство шоколада – еще один пример (в пищевой промышленности мировую конкурентоспособность имеют только соевый соус и лапша быстрого приготовления)⁸³.

В этой группе отраслей правительство действовало очень активно. Например, в гражданской авиации долгое время ограничивалось число перевозчиков и типов самолетов («Боинг 767»). В химической промышленности МВТП долгое время практиковало контроль над ценами на удобрения (с 1946 до 1989 г.). В производстве химических удобрений, синтетических смол, нефтехимии использовались льготные налоговые ставки и государственное финансирование. В нефтехимии было обязательное лицензирование бизнеса. Была установлена очередность расширения мощностей для отдельных предприятий. В химии и нефтехимии разре-

шались антидепресссионные картели (чтобы не обрушился рынок). В 70–80-е годы в нефтехимии, производстве синтетических волокон и химических удобрений применялись картели для сброса избыточных мощностей. В 80-х годах была организована компания по совместной продаже хлорвиниловых смол и полиолефинов, она была монополистом на этом рынке. И все это ничего путного не дало.

Неэффективные отрасли, работающие на внутренний спрос, сильно зарегулированы и так или иначе ограждены от конкуренции. Например, для доступа на рынок грузовых автомобильных перевозок требуются лицензии, которые в США давно уже отменены, а тарифы регулируются Министерством транспорта по уведомительной схеме. Отсюда завышенный уровень издержек. Есть и более серьезная проблема: структура этих отраслей крайне специфична. Действующие в них компании, не встречающие должной конкуренции, управляются архаичными методами.

Иногда ведомственная конкуренция задерживала появление новых отраслей и нового спроса. Например, в Министерстве финансов банковский департамент враждовал с департаментом ценных бумаг. Рынки были строго разграничены, и новые финансовые продукты не появлялись.

Принято считать основой «японской модели правительства» успешные отрасли, но правительство почти ничего не сделало для их успехов. «Японской модели правительства» нечем похвастаться, кроме распространенной картельной практики. Оно не только не устраняло провалы, но даже само их устраивало, включают М. Портер и Х. Такэути⁸⁴.

М. Аоки ополчился на «железный треугольник» отраслевых союзов, министерств и лоббистов-парламентариев. Тот институт, который он сам ранее назвал «ведомственным плюрализмом», все труднее поддерживать в рабочем состоянии. Причин тому две. Во-первых, острая конкуренция в открытой экономике не дает возможности подпитывать отрасли с низкой конкурентоспособностью. Во-вторых, при новых информационных технологиях традиционные закрытые «железные треугольники» стали тесны — «как старая одежда, из которой мы выросли»⁸⁵.

В японской традиции меньше всего склонности к умозрительным суждениям и созданию мифов. Особая роль государственно-

го вмешательства в дела частного бизнеса – не более чем необходимость в тот период, когда национальное предпринимательство нуждалось в помощи. Как максимум, героическое прошлое тех лет. Чем ближе к современности, тем критичнее отношение к этой роли.

4. Несколько слов в заключение

Как видно, «японская модель» уходит в прошлое, ее хоронят сами японцы, даже с некоторым шумом. Она не пережила открытой экономики и глобализации хозяйственной жизни.

Глобализация пришла и в экономическую науку. Еще проект Брукингского института был задуман и осуществлен как международный. Его соредактор Х. Патрик вспоминает, что замысел состоял в соединении в одной команде американских специалистов в отдельных областях с лучшими из японских экономистов (тогда еще молодых)⁸⁶. Был и другой международный проект – трехтомник «Политическая экономия Японии» (1987 г.). Лучшие работы японских экономистов издаются в английских переводах и доступны широкому кругу читателей. В американских университетах учатся японские студенты и аспиранты, преподает японская профессура. Все это способствует тому, что места для экономической мифологии, подобной той, о которой шла речь выше, остается все меньше. И разделение между западной и японской традициями исчезает.

Можно только с горечью вспоминать об условиях, в которые были поставлены советские японоведы – за железным занавесом, без свободного обмена идеями и работами, под прессом идеологии и цензуры и под недреманным оком «наблюдателей» за нашим научным и человеческим общением. Сколько мы могли бы сделать, будь мы свободны!

Примечания

¹ Подробнее об этом можно прочесть в монографиях: Дж. Орчард. Экономическое развитие Японии. М., 1934; К. Yamamura (ed.). *The Economic Emergence of Modern Japan*. Cambridge, 1997.

² Так, аннотированная библиография англоязычных книг и журнальных статей на эту и смежные с нею темы, составленная К. Богером, насчитывает 520 названий. К. Boger. *Postwar Industrial Policy in Japan: An Annotated Bibliography*. Metuchen, N.Y. and London, 1988.

³ Э. Брегель (ред.). Монополистический капитализм – империализм. М., 1961, с. 135–136.

⁴ Современная Япония. Справочник. М., 1968, с. 142.

⁵ М. Лукьянова. Государство и монополии. – Монополистический капитал Японии. М., 1977, с. 127–128.

⁶ С. Выгодский. Современный капитализм (опыт теоретического анализа). М., 1969, с. 314.

⁷ Я. Певзнер. Государственно-монополистический капитализм в Японии. М., 1961, с. 3–4.

⁸ Там же.

⁹ Е. Пигулевская. Монополии и финансовая олигархия в современной Японии. М., 1968, с. 227, 240.

¹⁰ Я. Певзнер. Государство в экономике Японии. М., 1976, с. 89, 92–93.

¹¹ Там же, с. 230.

¹² Там же, с. 22. Вот характерные примеры из этой же работы. Государственный протекционизм в отношении мелкого и среднего предпринимательства есть не что иное, как «поддержка мелкой собственности в интересах монополистического капитала», чтобы путем селекции превращать мелкие предприятия в «рассеянные цеха» крупных предприятий (с. 81). Про защиту малого бизнеса как значительной части среднего слоя в обществе и про заботу о сохранении конкурентной среды здесь нет ни слова. Больше того, антимонополистическое законодательство помещается в незримые кавычки и называется демагогией, обращенной к мелкой и средней буржуазии. Реальная эффективность антимонопольного закона невелика, считает автор, потому что «его формулировки весьма растяжимы и допускают широчайший произвол при их толковании», а также потому, что их можно обходить (с. 83).

¹³ Там же, с. 233, 270, 272.

¹⁴ Там же, с. 274.

¹⁵ Там же, с. 280.

¹⁶ Государственно-монополистическое регулирование в Японии, М., 1985, с. 16, 18.

¹⁷ Там же, глава 1 (автор В. Росин).

¹⁸ Там же, главы 4 (автор Е. Пигулевская.) и 5 (Е. Леонтьева).

¹⁹ Там же, глава 8 (автор Ю. Столяров).

²⁰ «Японская экономика в преддверии XXI века». М., 1991. Следует оговориться, что это – многотомный сборник, в котором нет специального раздела об отношениях «государство – бизнес». Цитата просто отражает изменившуюся позицию редакторов и авторского коллектива.

²¹ А. Кравцевич, И. Лебедева (ред.). Япония: мифы и реальность. М., 1999, с. 10–18.

²² Я ставлю знак равенства между западной и англоязычной экономической литературой о Японии, так как работ на других западных языках нет или почти нет – американская экономическая школа обеспечивает публикациями весь западный мир. В данном разделе встречаются японские фамилии. Эти авторы – американцы японского происхождения.

²³ H. Patrick. A Personal Odyssey. – M. Aoki and G. R. Saxonhouse (eds.).

Finance, Governance, and Competitiveness in Japan. New York, 2000, p. 261, 264, 274.

²⁴ W. Lockwood (ed.). The State and Economic Enterprise. Princeton, 1965, p. 3–6, 474–475 (цитируется по переизданию 1970 г.).

²⁵ N. Macrae. The Risen Sun. – The Economist, 5.27.1967.

²⁶ R. Halloran. Japan: Images and Realities. Tokyo, 1970, p. 133.

²⁷ The Industrial Policy of Japan. Paris, 1972.

²⁸ J. Abegglen. Business Strategies for Japan. Tokyo, 1970. Дж. Эбегген – специалист по менеджменту, много лет проживший в Японии.

²⁹ C. Yanaga. Big Business in Japanese Politics. New Haven, 1968, p. 28–29.

³⁰ E. F. Vogel. Japan as No. 1: Lessons for America. Cambridge, 1979, p. 65.

³¹ C. Johnson. MITI and the Japanese Economic Miracle. The Growth of Industrial Policy. Stanford, 1982, Chapter 1. Правда, Джонсон считал штаб-квартирой не все правительство, а только Министерство внешней торговли и промышленности (МВТП), на котором он сосредоточил свое внимание.

³² См., например: G. R. Saxonhouse. What is All This About "industrial Targeting in Japan"? – World Economy, Vol 6, № 3, Sept. 1983; S. Sekiguchi and T. Horiuchi. Myth and Reality of Japan's Industrial Policies. – World Economy, Vol. 8, № 4, Dec. 1985.

³³ H. Patrick. Japanese Industrial Policy and Its Relevance for United States Industrial Policy (Testimony before the Joint Economic Commission of the U. S. Congress). Washington, 13.08.1983.

³⁴ United States Congress, Joint Economic Committee. Industrial Policy: Japan's Flexible Approach. Washington, 1982, p. iv, 64.

³⁵ K. Van Wolferen. The Enigma of Japanese Power. People and Politics in a Stateless Nation. New York, 1989, p. 1–3, 109–139.

³⁶ C. Johnson. Op. cit.

³⁷ Подробное описание промышленной политики на русском языке см.: глава 5 в монографии Государственно-монополистическое регулирование в Японии (автор Е. Леонтьева).

³⁸ C. Johnson. Op. cit., p. 195–196.

³⁹ Эта работа, вышедшая в 1984 г., опубликована в переводе на русский: Ч. Макмиллан. Японская промышленная система. М., 1988, с. 75–78.

⁴⁰ R. Dore. Flexible Rigidities. Industrial Policy and Structural Adjustment in the Japanese Economy, 1970–1980. Stanford, 1986, p. 1, 6.

⁴¹ G. L. Curtis. Big Business and Political Influence. – Modern Japanese Organization and Decision-Making. E.F. Vogel (ed.). Berkeley and Los Angeles, 1975, p. 36–37.

⁴² H. Patrick. A Personal Odyssey, p. 275.

⁴³ R. J. Samuels. The Business of the Japanese State. Energy Markets in Comparative and Historical Perspective. Ithaca, N.Y., 1987, p. ix, x.

⁴⁴ Ч. Макмиллан. Цит. соч., с. 86, 93.

⁴⁵ H. Patrick and H. Rosovsky (eds). Asia's New Giant. How the Japanese Economy Works. Washington, 1976, p. 48.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid, p. 759, 810.

⁴⁸ D. I. Okimoto. *Between MITI and the Market. Japanese Industrial Policy for High Technology*. Stanford, 1989, p. 1–11.

⁴⁹ Op. cit., p. 11–12.

⁵⁰ K. E. Calder. *Strategic Capitalism. Private Business and Public Purpose in Japanese Industrial Finance*. Princeton, 1993, p. 3–4.

⁵¹ S. Callon. *Divided Sun. MITI and the Breakdown of Japanese High-Tech Industrial Policy, 1975–1993*. Stanford, 1995.

⁵² R. M. Uriu. *Troubled Industries Confronting Economic Change in Japan*. Ithaca and London, 1996.

⁵³ J. R. Brown. *The Ministry of Finance: Bureaucratic Practice and the Transformation of the Japanese economy*. Westport, London, 1999.

⁵⁴ Цусё сангё сэйсаку си (История промышленной политики). Токио, 1985–1993.

⁵⁵ См.: J. Teranishi and Y. Kosai (eds). *The Japanese Experience of Economic Reforms*. N.Y., 1993; Economic Planning Agency. *Suggestions for Economic Reforms in Russia by Japanese Economists*, Tokyo, January 1994.

⁵⁶ R. Komiya, M. Okuno, K. Suzumura (eds). *Industrial Policy of Japan*. Tokyo, 1988, p. 5–6.

⁵⁷ Op. cit., p. 9.

⁵⁸ Т. Накамура. *Нихон-но кэйдзай тосэй* (Экономика прямого контроля в Японии). Токио, 1974, с. 164. Приемы государственного управления формально частными предприятиями в военной экономике Японии были построены на принципе отделения собственности от управления. Государство взяло на себя право пользования имуществом частных предприятий, право присваивать результаты и обязательство покрывать убытки, право изменять его состав (в порядке принудительной военной конверсии), но не отчуждало это имущество в свою пользу. Это привело к такому тесному сотрудничеству частных предприятий с властями, в котором границы собственности и даже границы публичных и частных правоотношений оказались стертыми.

⁵⁹ Ю. Ногуты. 1940 нэн тайсэй рон. Сараба “сэндзи кэйдзай” (Система 40-х годов. Прощай, военная экономика!). Токио, 1995, с. ii–iii.

⁶⁰ Из предисловия к английскому изданию. Т. Okazaki and M. Okuno-Fujiwara (eds.). *The Japanese Economic System and its Historical Origin*. New York, 1999, p. vii–viii. Японское издание: *Гэндай Нихон кэйдзай сисутэму-но гэнрю* (Источники современной японской экономической системы). Токио, 1993.

⁶¹ Цит. по: E. Hadley. *Antitrust in Japan*, Princeton, 1970, p. 397.

⁶² H. Murakami, T. Kikkawa, and T. Hikino (eds). *Policies for Competitiveness. Comparing Business-Government Relationships in the «Golden Age of Capitalism»*. Fuji Conference Series 3, New York, 1999, p. 23–24.

⁶³ K. Yamamura. *Economic policy in Postwar Japan*. Berkeley, 1967, p. 52–53, 85.

⁶⁴ Х. Уэно. Сангё сэйсаку то кэйдзай сэйдо (Промышленная политика и экономическая система). – Сэнго кэйдзай сэйсакурон-но сотэн (Дискуссионные проблемы послевоенной экономической политики). Токио, 1980, с. 286.

⁶⁵ R. Komiya, M. Okuno, K. Suzumuro (eds.). Op. cit.

⁶⁶ См.: H. Iyori and A. Uesugi. The Antimonopoly Laws and Practices of Japan. New York, 1994, p. 32–33, 93–95. Авторы сообщают, что эти типы картелей, разрешенные в 1953 г., вовсе не являются японским изобретением. Они фактически «списаны» с западногерманского законопроекта о картелях от того же года, который был отвергнут Бундестагом.

⁶⁷ R. Komiya, M. Okuno, K. Suzumura (eds.). Op. cit., p. 551–552.

⁶⁸ M. Ide. Japanese Corporate Finance and International Competition. Japanese Capitalism versus American Capitalism. New York, 1998, p. 55.

⁶⁹ См.: R. M. Uriu. Op. cit. D. I. Okimoto. Op. cit., S. Callon. Op. cit.

⁷⁰ R. Komiya, M. Okuno, K. Suzumura (eds.). Op. cit., p. 59.

⁷¹ Ibid, chapters 9–10.

⁷² Ibid, p. 233.

⁷³ Формулировка Окадзаки и Окуно-Фудзивара. Okazaki T. and Okuno-Fujiwara M., p. 11–12. Выражение «принцип конвоя» стало обиходным в Японии именно в указанном смысле.

⁷⁴ M. Aoki. Information, Incentives, and Bargaining in the Japanese Economy. N.Y.– Melbourne, 1998, Chapter 7. Выражение «bureau-pluralism» с легкой руки Аоки тоже вошло в японский экономический обиход.

⁷⁵ R. Komiya, M. Okuno, K. Suzumura (eds.). Op. cit., p. 58–59.

⁷⁶ См.: K. Yamamura and Y. Yasukichi (eds). The Political Economy of Japan. Volume 1. Domestic Transformation. Stanford, 1987, p. 46–47.

⁷⁷ T. Okazaki. Government – Firm Relationship in Postwar Japan: Success and Failure of the Bureau Pluralism. University of Tokyo, Discussion Paper № CIRJE-F-69, Tokyo, 2000, p. 3.

⁷⁸ M. Ide. Op. cit., 1998, p. 63.

⁷⁹ H. Odagiri. Growth through Competition, Competition through Growth. Strategic Management and the Economy in Japan. Oxford, 1992, p. 278–279.

⁸⁰ Х. Уэно. Нихон-но кэйдзай сэйдо (Хозяйственная система Японии). Токио, 1978.

⁸¹ M. E. Porter and H. Takeuchi. Japanese Government Model as a Cause of Failure. – Hitotsubashi Business Review, 2000. Vol. 48 № 1–2.

⁸² Op. cit., p. 57–58.

⁸³ Op. cit., p. 62.

⁸⁴ Op. cit., p. 65.

⁸⁵ M. Aoki. Beyond Bureau Pluralism. www.rieti.go.jp.

⁸⁶ H. Patrick. A Personal Odyssey, p. 265.

Японская система принятия правительственных решений

Д. Стрельцов

Можно назвать множество причин, по которым проблемы национальной системы принятия решений на правительственном уровне приобретают в Японии за последние годы первостепенное значение. Набирает силу процесс диверсификации и качественного усложнения административной деятельности. В основе этого процесса лежат хорошо известные явления: рационализация финансово-экономического управления; переориентация промышленной политики государства на высокотехнологичные сектора; информационная революция и связанный с ней переход на новую модель экономического развития; социальные проблемы (старение населения, рост безработицы, проблемы детской и молодежной преступности и т.д.); наконец, целый комплекс международных экономических и политических проблем, требующих адекватного реагирования со стороны правительственных органов. В то же время продолжает ослабевать роль бюрократии в системе государственной власти и усиливаться влияние политиков на административный

171

процесс, что выразилось, в частности, в появлении в составе министерств и ведомств “политической номенклатуры”.

Немаловажным фактором укрепления партийного начала в выработке решений явились качественные изменения внутри силового баланса так называемых групп по интересам, т.е. финансово-промышленных группировок, стремящихся оказывать воздействие на государственную политику. Рост могущества этих групп в высокотехнологичных отраслях экономики и ориентирование, скорее, на политические партии, чем на бюрократию, объективно создает потребность в политизации административного процесса.

В этих условиях процесс подготовки и принятия решений, переживающий трансформацию своих организационных и мотивационных основ, заслуживает особого внимания исследователей политико-административной системы Японии.

Приходится признать, что названная проблема – белое пятно в отечественной историографии, причем это касается не только последнего периода административной реформы, формирующей новую модель государственного управления, но и периода господства классической «системы 1955 г.». Если вопросы взаимоотношения политического и административного начал в процессе принятия решений получили определенное отражение в работах советских и российских политологов, то бюрократическая политика на организационно-иерархическом и мотивационно-психологическом уровнях не была, к сожалению, в должной мере исследована.

Имеется лишь несколько работ на эту тему. Так, мотивационные аспекты процесса принятия решений, связанные с особенностями национального характера, психологии, бытовых традиций, получили отражение в работах журналистов В. Овчинникова, В. Дунаева, В. Цветова. Они с полным на то основанием указывали на приоритетную роль – во многих социальных процессах, включая процесс принятия решений, присущих японскому традиционному социуму, – группизма, коллективизма, неконфликтности, стремления к «полюбовному» урегулированию всех спорных вопросов, склонности к компромиссам, «сглаживанию углов» и «подслащиванию пилюль». Одновременно достаточно много внимания уделялось вопросам иерархичности общества, взаимоотношениям старших и младших, патримониальной традиции «продвижения по старшинству».

Есть работы, посвященные проблемам принятия решений в экономической сфере, и прежде всего в сфере менеджмента. Так, в книге В. Пронникова и И. Ладанова, повествующей о национальном характере японцев, видное место отведено таким компонентам японской модели принятия решений, как *ринги* и *нэмаваси*. Особо подчеркивается роль системы *ринги* в создании ощущения психологического комфорта у участников группы, связанного с их сопричастностью к процессу принятия решений, а также в перераспределении ответственности на нижние этажи правления. *Ринги*, как указывается в работе, – это такой порядок, при котором «высшая администрация только намечает проблему, а конкретная ее разработка и выдвижение предложений по ее решению делегируются «низам»¹.

Что касается проблемы принятия решений на уровне правительства, а также организационных, мотивационных, психологических и иных аспектов проблемы разработки государственного курса, то в отечественном японоведении трудно назвать хотя бы одну работу, освещающую ее во всей полноте. Исследования в этой области в основном носят общий характер и детального анализа проблемы не содержат.

О негативных чертах секционализма японского государственного аппарата писали политологи А. Макаров, А. Сенаторов, И. Латышев, Э. Молодякова, В. Еремин. Например, А. Макаров отмечал, что «отдельные его (государственного аппарата. – **Д.С.**) звенья обладают определенной независимостью друг от друга, что выражается в непрерывных трениях между государственными ведомствами»².

В работах российских политологов рассматривались и движущие силы «внутренних» взаимоотношений участников различных групп японской бюрократии³. В ходе исследований японской правительственной бюрократии с макрополитологических позиций был сформирован важный тезис о ее исключительной роли в социально-экономическом регулировании, а также о том, что эта роль, по сути, представляет собой «мягкую форму авторитаризма»⁴. Некоторые аспекты указанной проблемы освещались и в моих работах.

Однако остаются без ответа следующие вопросы:

1) являются ли механизмы системы *ринги* универсальными и есть ли области принятия решений, на которые они не распространяются, а если есть, то в чем их особенность?

2) кто является субъектом инициативы в системе принятия решений в центральном правительственном аппарате?

3) как проходит согласование проекта решения на предварительной стадии?

4) каковы организационные особенности процесса подготовки решения на различных этапах его согласования?...

Некоторые постулаты теории системы *ринги* и ее критика

Теоретические основы роли системы *ринги* в японской административной практике были разработаны еще в 60-е годы профессором Токийского университета К. Цудзи⁵. Постулаты этой теории в целом сохранили свою актуальность и в наши дни и используются в учебных пособиях для студентов японских вузов, специализирующихся на административном праве.

Система *ринги* предполагает, что документ с проектом решения (*рингисё*), инициированный начальным подразделением, сопровождается специальным формуляром-бегунком. Проходя в соответствии с заранее определенным порядком через рабочие столы ряда чиновников министерства, *рингисё* получает оттиски их личных печаток и, таким образом, приобретает законченную степень согласованности. *Рингисё* может проходить свой путь как самостоятельно, в автоматическом режиме (метод обезличенного согласования), так и путем обхода, осуществляемого лично сотрудником подразделения-эмитента, призванного давать необходимые пояснения (метод персонифицированного согласования).

Если в первом случае проект решения носит преимущественно технический, рутинный характер и не затрагивает интересы большого круга заинтересованных лиц, то во втором речь чаще всего идет о важных вопросах, касающихся широкой сферы общественных интересов или требующих всестороннего рассмотрения с различных позиций. Кроме того, второй метод применяется в тех случаях, когда надо обеспечить срочность прохождения бумаги, ее конфиденциальность, а также учет мнения различных внутриведомственных подразделений, область компетенции которых затрагивается данным решением.

Отличительной чертой этого метода является наличие двух стадий подготовки документа – содержательной и формально-процедурной.

Для первой стадии характерна организация большого количества рабочих совещаний, на которых документ проходит обкатку, в него вносятся исправления и дополнения. Такие совещания проводятся с соблюдением правил субординации – от нижестоящего подразделения (сектор, отдел) до вышестоящего (управление, коллегия министерства). При необходимости нередко проводятся совместные совещания отдельных подразделений, позволяющие согласовать позиции смежных отделов и управлений данного ведомства.

Например, межсекторные и межотдельские совещания зачастую проводятся под эгидой начальника секретариата или заведующего общим отделом соответствующего управления. Чем сложнее и объемнее вопрос, требующий согласований, тем масштабнее и изощренней становится процедура согласования позиций. Общим моментом для процедуры коллегиального согласования является присутствие на всех совещаниях либо непосредственных исполнителей (авторов проекта решения), либо представителей начального подразделения, выступающего инициатором проекта. Именно они вносят ясность в суть вопроса, дают необходимые пояснения, на них же ложится обязанность по внесению принятых на совещании дополнений и изменений, а также по написанию конечного варианта проекта, который представляется на подпись руководителю ведомства.

Вторая стадия обычно носит информативный характер и не предполагает работы над содержанием документа. Ее цель – оповестить наибольшее число ведомственных подразделений и получить визы их руководителей, с тем, чтобы министру была представлена максимально согласованная позиция. Сам порядок прохождения, процедура получения визы и в данном случае не играют такой роли, как на первой стадии.

Наконец, принимаемые «методом персонифицированного согласования» решения должны пройти процедуру подписания министром (руководителем ведомства) или быть согласованными на уровне кабинета министров.

Система *ринги* имеет ряд положительных черт. Так, широкий охват процессом согласования документов сотрудников многих подразделений позволяет им быть в курсе подготавливаемых решений, даже если у них нет реальных рычагов воздействия на

его ход. На проводимых при подготовке *рингисё* совещаниях нижестоящие по должности сотрудники имеют шанс на равных высказывать свои соображения, которые потом учитываются в проекте, что обеспечивает им психологический комфорт. Это позволяет судить о *ринги* как об интегративном и компромиссном методе принятия решений, в котором соединяются и аккумулируются различные точки зрения⁶. Немаловажно и то, что после прохождения *рингисё* по кругу остается документальное свидетельство, позволяющее в дальнейшем судить об оценке проекта участниками процесса подготовки решения.

Вместе тем систему *ринги* часто критикуют за чрезмерную продолжительность процесса принятия решений, например, из-за отсутствия на рабочем месте нужных лиц, которые должны поставить на проекте свою визу. Кроме того, как отмечал К. Цудзи, эта система может использоваться и для искусственного затягивания процесса оппонентами данного проекта, которые в силу определенных причин не могут открыто выступить против, например, если решение носит политический характер и задано сверху или из-за риска заведомо остаться в меньшинстве (для этого они, в частности, надолго оставляют документ без движения у себя на рабочем месте)⁷.

Другим недостатком системы *ринги* считается порождаемая ею проблема обезличивания авторства проекта решения и разпыления ответственности. Как можно судить из изложенной выше схемы *ринги*, именно низшие звенья управления (сектора) несут основное бремя нагрузки по оформлению проекта, что помещает их в центр процесса подготовки решения. В то же время высшие должностные лица (начальники отделов, департаментов, советники и заместители министра) на практике редко высказывают принципиальные замечания или возражения в отношении содержательной стороны проекта и по большей части штампуют *рингисё* автоматически. В результате возникает явное противоречие между ответственностью лиц, компетенция которых охватывает лишь техническую сторону подготовки проекта решения, и лиц, берущих на себя ответственность за это решение в полном его объеме.

Еще одной негативной чертой системы *ринги* признается невозможность применения элементов активного командного администрирования нижними этажами управления. Соображения

начальства, по мнению К. Цудзи, для исполнителя являются не более чем «справочным материалом»⁸. В этих условиях система не создает адекватной среды для реализации политических решений, которые, по идее, должны просто спускаться вниз для безусловного исполнения. Иными словами, функционирование *ринги* порождает такие явления, как особая роль нижнего звена управления, «тирания письменного текста» (т.е. невозможность внести существенные поправки в проект при его согласовании), наконец, «бюрократическая диктатура» в широком смысле этого понятия.

С начала 80-х годов система *ринги* стала подвергаться критике за схематичность и отрыв от реальной жизни⁹. В целом ряде случаев, как указывают многие авторы, эта система не действует в той форме и с теми же эффектами, какие должны возникать в соответствии с теорией К. Цудзи. Речь идет о вопросах, имеющих важное стратегическое или политическое значение для данного ведомства, вопросах, решение которых является прерогативой высшей номенклатуры ведомства или политических структур правящей партии. Хотя около 90% принимаемых ведомствами решений подготавливаются с помощью системы *ринги*¹⁰, реальная схема их согласования резко отличается от предусмотренной «классической» теорией.

Во-первых, некоторые решения ведомств принимаются вообще без использования системы *ринги*. К их числу относятся, например, ответы на различные парламентские запросы, которые не проходят процедуру *ринги* из-за недостатка времени. По многим оперативным вопросам управления, особенно требующим срочного вмешательства, нередко отдаются устные приказы и распоряжения.

Во-вторых, при решении существенных вопросов с помощью *рингисё* существует обязательный этап предварительного согласования, призванный обозначить принципиальную схему процедуры и скоординировать ее с ключевыми структурами ведомства. Бывший административный заместитель министра внешней торговли и промышленности Й. Одзими отмечал, что в противоположность простым рутинным вопросам по важным проблемам «решения часто принимаются еще до момента написания и продвижения *рингисё*»¹¹. (Подробнее об особенностях этого этапа говорится ниже.)

В-третьих, по свидетельству очевидцев, во многих случаях руководители отделов, департаментов и секретариатов министерства вообще не считаются с *рингисё*, особенно если проект решения носит стратегический характер. Например, А. Ротхальдер лично видел, как начальник отдела «обрывал обложку документа с почти всеми проставленными на нем визами и выбрасывал ее в мусорную корзину, а затем возвращал перечеркнутый красной ручкой документ несчастному экспедитору»¹². Бывший административный вице-министр образования Ю. Кобаяси отмечал, что «*рингисё* готовится в отделе только после тщательных консультаций с директором департамента. Во время последних тот может дать свое одобрение или указания, как должно быть подготовлено или изменено данное предложение о проекте решения»¹³. Таким образом, даже заведующие секторами и отделами, не говоря уже о рядовых исполнителях, оказываются вынужденными не просто принимать к сведению мнение руководителей ведомства, но и реально учитывать их в своей работе.

В полной мере осознавая определенную ограниченность сферы применения системы *ринги*, было бы несправедливо полностью отрицать или умалять ее значение в административной практике современной Японии. Оставаясь ключевым формально-процедурным механизмом делопроизводства при решении подавляющего большинства рутинных вопросов управления, система *ринги*, как представляется, еще сохранит свою важную роль надолго.

Проблема субъекта инициативы в процессе подготовки решений

Вопрос об инициативе в разработке проекта решения в рамках правительственной системы управления, т.е. вопрос о том, кто конкретно берет на себя инициативу поставить тот или иной проект на повестку дня и какова роль отдельных категорий бюрократии в этом процессе, не имеет сколь-нибудь четкого однозначного или универсального ответа¹⁴. Он, скорее, решается в каждом конкретном случае по-своему, в зависимости от множества факторов: должности инициатора проекта решения и месте, занимаемом им в официальной иерархии, его профессиональной ориентации, принадлежности к формальным группам или к неформальным сообществам, которые стихийно возникают внут-

ри, ведомства и т.д. Можно выделить следующие виды группировок, принадлежность к которым косвенно объясняет факторы мотивации для процесса инициирования проекта решения.

1. Принадлежность к классу «карьерной» или «некарьерной» бюрократии, положение в должностной иерархии. В отношении стратегических вопросов, которые не охватываются системой ринги, основным правом голоса уже на раннем этапе разработки сценария решения располагает высшая номенклатурная бюрократия на уровне начальника отдела или департамента. В то же время нередко большую активность по части различных стратегических инициатив демонстрируют молодые бюрократы, 1-го класса, занимающие должность заведующего сектором (*катё*) и озабоченные перспективами своей дальнейшей карьеры. С другой стороны, по рутинным вопросам управления инициативу нередко берут на себя бюрократы 2-го класса, находящиеся на постах помощников заведующих секторами (*катё хоса*) и ниже. Именно эта прослойка является особо компетентной в «неполитической» тематике, так как в отличие от карьерных управленцев порой просиживает на своей должности не один десяток лет и, таким образом, бывает лучше информированной о большинстве тонких технических аспектов проблемы. Мнение этих бюрократов, будучи озвученным на внутрисекторских совещаниях, сплошь и рядом воплощается в реальный проект решения (*рингисё*) и начинает путешествовать по кабинетам ведомства в качестве «инициативы снизу». Попутно замечу, что именно в этом, по всей видимости, находит отражение в наши дни «классическая» теория К. Цудзи об особой роли рядового звена в инициировании решения.

2. Принадлежность к одной из неформальных группировок внутри ведомства, сформированных по признаку вхождения в число выпускников определенного университета (*гакубацу*), в одну возрастную прослойку, в «команду» поступивших на работу в одном году. Следует отметить, что японская коммуникационная культура придает большое значение «вертикальным» отношениям типа *сэмпай – кохай* (т.е. «старший – младший», не обязательно по возрасту, иногда – по стажу работы или пребывания на одной должности и т.д.). При прочих равных факторах голос «старших» в рамках этой культуры звучит весомее и имеет больше шансов «быть услышанным». Такого рода отношения, даже с учетом

определенных минусов с точки зрения интересов дела, ставят барьер на пути агрессивной конкурентной борьбы среди сослуживцев – членов неформальных группировок, оздоравливают психологическую атмосферу на рабочем месте.

3. Принадлежность к различным внутриминистерским фракциям, поддерживающим определенный сценарий решения насущной проблемы. Такие фракции, как правило, возникают на базе различных семинаров или форумов, которые проводятся под руководством или незримой опекой какого-либо крупного бюрократа из числа высшей номенклатуры. Участники фракций связывают свой карьерный рост с определенной фигурой в своем ведомстве, а сами фракции чаще всего отражают личные взгляды на решение проблемы этого лица. В прессу иногда просачиваются глухие сведения о подковерной борьбе между различными группировками за тот или иной сценарий решения в рамках одного министерства. Речь может идти, например, о соперничестве «фракции внешней торговли», ориентированной на интересы экспортеров и заинтересованной поэтому в максимальной либерализации рынков, и «фракции национальной промышленности», ориентированной на защиту национального производителя и заинтересованной в сохранении системы государственной поддержки промышленности в – теперь уже бывшем – министерстве внешней торговли и промышленности.

4. Попутно можно заметить, что противоречия между фракциями нередко используются политическим руководством ЛДП и правительства для изменения содержания определенной политики, например, путем кадровых перестановок и назначения на ключевые посты людей из политически более «правильной» фракции. Уместно привести высказывание известного русиста-политолога из университета Хосэй Нобуо Симотомай, в котором он анализирует процесс подготовки решений в отношении России. «Среди прочих, российское направление японской политики монополизировала т.н. «русская фракция» (*росиаха*). Это были карьерные дипломаты, подготовленные по российской проблематике в США и Великобритании и имеющие серьезный профессиональный интерес (*commitment*) в отношении Советского Союза и вопросов безопасности... Политика в отношении СССР была сконцентрирована главным образом в руках трех должностных лиц: вице-министра, главы Евразийского департамента и

руководителя советского сектора. Тем не менее в процессе развития политики перестройки кадровая политика была намеренно изменена с тем, чтобы исключить представителей «российской фракции» с ключевых постов. Послы в Москву назначались с европейского направления. Особенно верно это было в отношении Сумио Эдамура, бывшего посла в Испании и Индонезии, который возглавил деятельность по изменению образа Японии в Москве»¹⁵.

5. Профессиональная принадлежность. Данный фактор не может быть назван ключевым, поскольку управленческое звено министерств и ведомств, обладающее правом решающего голоса при определении сценария решения, практически полностью формируется из проходящих ускоренную ротацию генералистов – «карьерных бюрократов», и ему не свойственны узкие профессиональные преференции. Профессиональный фактор в процессе подготовки решений играет относительно небольшую роль и потому, что технократическое звено японской администрации не структурировано в профессиональные объединения (например, медицинских работников, работников лесного хозяйства и т.д.) и, соответственно, не располагает возможностями для дополнительного давления на руководство ведомств с помощью подобных организаций, как это, к примеру, имеет место в США и ряде других стран¹⁶. Впрочем, нужно признать, что, например, в министерстве строительства (влившегося в 2001 г. в министерство национальных дорог и коммуникаций) роль технократической касты всегда была настолько значительной, что за ней был зарезервирован даже пост административного вице-министра, высший в бюрократической иерархии. Заметную роль играет профессиональный фактор и в министерстве финансов, где принятие решений по многим вопросам зачастую требует узкоспециальных знаний.

Предварительное согласование проекта решения

Стадия согласования принципиальных положений того или иного проекта на предварительной, т.е. незадокументированной стадии, является важнейшей особенностью японской модели подготовки и принятия решений¹⁷. Стадия эта соответствует логике концепции *нэмаваси* («окучивание корней»), предполагающей

обязательность неформального согласования мнений всех заинтересованных в продвижении данного проекта лиц с целью нахождения компромиссного решения, наиболее приемлемого для большинства¹⁸, а также обеспечения рациональности и внутренней непротиворечивости проекта.

На предварительной стадии определяются не только общие контуры решения, но и процесс его подготовки и согласования: какое подразделение станет ведущим, интересы каких прочих подразделений или ведомств окажутся в зоне действия готовящегося решения, каким путем пойдет согласование (способ прохождения *рингисё*), наконец, откуда будет черпаться информация для текстуальной подготовки проекта. Решения по этим вопросам принимаются с учетом целого комплекса различных соображений: «покрывает» ли данный вопрос стратегическую линию ведомств или нет; является ли он «политически чувствительным» и, следовательно, требует ли согласования с профильными секциями Совета по политическим вопросам правящей Либерально-демократической партии (ЛДП); связан ли он с применением мер административного воздействия, основанных на законодательном принуждении или на действующих нормах неформального регулирования; много ли подразделений данного ведомства могут включить его в зону своей компетенции; требуется ли согласование с другими министерствами и ведомствами; требуется ли оперативная реакция ведомства или возможна неспешная проработка.

По достаточно важным вопросам, имеющим политический подтекст, ареной первичного согласования позиций служат специальные внутриведомственные совещания типа *конданкай* или *кэнкюкай*, в которых принимает участие широкий круг представителей управленческого звена. Главная цель этих совещаний – организация «мозговой атаки» на проблемы, что предполагает возможность высказывания самых нестандартных точек зрения, радикально отличающихся от общепринятых. Как отмечал профессор Токийского университета М. Нисио, на внутриведомственных совещаниях «учитываются точки зрения всех участников независимо от их положения в иерархической структуре, а принимается наиболее убедительное и обоснованное мнение, даже если это мнение нижестоящего»¹⁹.

Получив оформление в виде неофициальных «записей», черновой проект решения попадает в один из секторов, где начина-

ется подготовка его окончательного варианта. Работа над проектом, если он затрагивает целое направление государственной политики, чаще всего поручается одному или нескольким сотрудникам, специализирующимся на планировании (*кикакукан* и *тесакан* – «исследователи» и «разработчики планов»). На данной стадии проект решения практически никогда не становится официальным документом, а имеет вид предварительных набросков краткого меморандума и т.д. После этого начинается работа по его первичному согласованию, которое одновременно проходит и в «горизонтальной», и в «вертикальной» плоскостях ведомственной структуры.

В «вертикальной плоскости» согласование проходит путь от начальника группы к заведующему сектором, и – в зависимости от существа вопроса – к одному из руководителей департамента, ведущего соответствующую тематику в данном ведомстве. При «горизонтальном» типе согласования проводится ряд совещаний с участием представителей смежных подразделений, инициатором которых выступает головной сектор. На первом заседании только оглашается суть предполагаемого решения. Получив первоначальный неофициальный проект, представители смежников согласуют его в своих секторах, после чего созывается новое совещание. Предложенные на нем поправки и дополнения возвращаются в головное подразделение, которое вносит необходимые исправления в первоначальный проект и собирает очередное совещание для его утверждения. Подобная процедура может повторяться несколько раз, пока проект решения не устроит всех смежников. Если противоречия между ними носят непримиримый характер, возможно вмешательство общего сектора департамента, призванного быть посредником и координатором процесса согласования (подробнее о функциях общих секторов говорится ниже), или советника, а то и начальника департамента. Наконец, при наличии трений между департаментами вопрос в случае необходимости выносится на уровень начальника секретариата министерства (о секретариатах речь также пойдет ниже) или административного заместителя министра.

Большое значение имеет специфика ведомств, в каждом из которых сложились свои традиции делопроизводства и управленческой практики. Так, если в японском МИДе процесс принятия решений идет преимущественно в «вертикальной» плоско-

сти²⁰, то в большинстве прочих ведомств процесс этот развивается и в «горизонтальной» и в «вертикальной» плоскости. Во многих ведомствах сформировались и собственные специализированные структуры для «горизонтального» согласования позиций смежников.

Некоторые организационные особенности процесса принятия решений внутри ведомств

1. Особенности работы над проектом на уровне первичного подразделения

Для понимания организационной среды, в которой протекает процесс принятия решений, важно подчеркнуть, что базовой производственной ячейкой, где происходит оформление документа, является сектор (*ка*). Не случайно именно сектор является низшим звеном всех мероприятий административной реформы начиная с 60-х годов, когда были установлены количественные ограничения на рост секторов.

В связи с этим следует обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, именно сектор является главной «матрицей» процесса решений с точки зрения разделения полномочий и принятия ответственности, чему способствует особенность японской модели внутриведомственной организации административного процесса, обеспечивающая усиление управленческой самостоятельности и «самодостаточности» секторов. Эта организация структурирована по «линейному» принципу, предполагающему четкую иерархическую вертикаль: министерство (*сё*) – департамент (*кё-ку*) – сектор (*ка*). В противоположность этому, в большинстве западных стран, как правило, не существует системы независимых подразделений: они зависят либо от поддержки кадровых подразделений министерств, обеспечивающих его специалистами согласно поставленной задачи (так называемая «линейно-кадровая модель»), либо от других целевых структур, находящихся часто в иных «вертикальных плоскостях», например в рамках другого департамента (так называемая матричная модель).

«Самодостаточность» секторов и департаментов в японской «линейной модели», предполагающая четкость «горизонтального» распределения обязанностей между ними, является одним из факторов пресловутого «секционализма» внутри ведомства²¹. Если

на межсекторском уровне проблема не стоит столь остро – так как в рамках одного департамента взаимозависимость секторов (отделов) достаточно высока – то противоречия между отдельными департаментами одного ведомства приходится решать только с помощью кадровых методов: регулярной ротации управленческих кадров между департаментами, различными внутриминистерскими мероприятиями для культивирования «духа преданности» ведомству и т.д.

Во-вторых, именно сектор является конечным звеном в системе разделения сфер компетенции и управленческой ответственности за проект решения. На практике это означает коллективную и равную ответственность всего ведомства, а следовательно, ее обезличивание. И поощрение, и наказание за работу над проектом решения фактически адресуются всему подразделению, без выделения личного вклада отдельных исполнителей.

Подобное положение вещей подкрепляется отсутствием нормативных документов, регламентирующих общее распределение обязанностей между рядовыми сотрудниками сектора. Законы об организации ведомств, внутриведомственные инструкции и приказы, подробно регламентируя «вертикальную» иерархию управления, практически не затрагивают «горизонтального» разделения труда на низовом уровне.

Как отмечал М. Нисио, «внутриведомственные нормы разделения компетенции отдельных сотрудников трудно назвать четкими. Во многих частных случаях, связанных с судьбой отдельных проектов решений, по-прежнему приходится полагаться на существующие административные традиции. Кроме того, конечным звеном таких норм в основном является директор департамента, иногда – начальник отдела»²². Нормы не выделяют специальную управленческую ответственность даже помощника заведующего сектором (*катё хоса*), который, являясь некарьерным сотрудником с длительным стажем работы на одном посту, выполняет ключевые технические, а зачастую, и организующие функции в подготовке проекта решений. На это указывал и А. Ротальдер: «Заведующему сектором и его старшему помощнику по общим вопросам принадлежит четко очерченная профессиональная роль, и чаще всего они не участвуют в коллективной работе своего подразделения напрямую, а, скорее, исправляют директивно-контрольные обязанности»²³.

Такой порядок поддерживается системой рутинной организации труда внутри сектора. Значение этой организации в процессе принятия решений настолько велико, что многие японские исследователи посвятили ей ряд специальных работ, создав концепцию так называемого «синдрома больших комнат». Характерными ее чертами является такое положение, при котором все сотрудники одного подразделения (сектора или группы) работают все вместе в больших помещениях, где даже начальник не имеет собственного кабинета, а вся служебная документация, как правило, является общедоступной в виде файлов, находящихся в открытых стелажах. Комплекс конкретных управленческих эффектов от подобной организации труда заключается в следующем²⁴.

Во-первых, ответственность то и дело перекладывается с одного сотрудника на другого, вследствие чего происходит перекрывание сфер обязанностей рядовых сотрудников. При этом подготовка конкретных вопросов часто поручается не наиболее информированным и опытным в данной области сотрудникам, а тем, кто имеет для этого физическую возможность, т.е. занят менее других. В результате даже на низших звеньях иерархической пирамиды преобладают так называемые «генералисты» – управленцы общего профиля, а не «технократы» и «профессионалы». Во-вторых, непрерывная кадровая ротация с целью повышения компетентности в отношении конкретных участков работы и усиление ответственности за них, постоянная коммуникативность – в виде различных внутренних совещаний, на которых в детали проблемы посвящается весь персонал подразделения, или вне-рабочие общения (совместное посещение питейных заведений после работы и т.д.) – обеспечивают консолидацию подразделений в качестве цельных управленческих единиц, формирование общей позиции по всем рутинным вопросам управления.

В-третьих, колоссальную значимость приобретают психологические характеристики персонала, связанные с его способностью работать в команде, т.е. уровень кооперативности, уживчивости, конформизма, готовности переступить через собственное «я» в интересах коллектива и т.д. А. Ротальдер отмечал именно эти качества как залог карьерного успеха японской правительственной бюрократии: «Тот факт, что кооперативистское поведение и умение работать в группе получают высокую оценку при аттестации персонала, в то время как открытое проявление амбиций не

приветствуется и активно подавляется, ...возводит эффективную преграду поведению, характеризующему, как агрессивное соперничество»²⁵.

В-четвертых, аморфность индивидуального начала и приоритет работы в группе делают крайне затруднительной оценку вклада отдельных сотрудников в решение общей задачи. Поэтому в японской системе продвижения по службе и поощрения в течение длительного времени превалировали немеритократические критерии: возраст, диплом престижного университета, а также наличие указанных выше «кооперативистских» черт, умение ладить с начальством и т.д. и т.п.

Однако почти полное игнорирование фактора личного вклада в работу показало свою несостоятельность. Не случайно важной составной частью проводимой ныне реформы государственной службы является внедрение меритократических принципов в определение личного вклада служащих и учет последнего при продвижении по службе, оплате труда и т.д.

В-пятых, весьма сложной становится адекватная оценка эффективности работы отдельных подразделений с точки зрения так называемых человекозатрат, т.е. приложенных для решения конкретного вопроса усилий, количества привлеченных к нему исполнителей, затраченного рабочего времени и т.д. Коль скоро это так, любые попытки проведения рациональных реформ организационной структуры ведомств на микроуровне изначально сопряжены с существенными трудностями.

2. Система камбо²⁶

Отличительной чертой японской модели принятия решения является наличие в рамках министерств и ведомств специальной структуры, призванной преодолевать противоречивые местнические интересы «самодостаточных» подразделений и обеспечивать их координацию в соответствии с общей стратегической линией кабинета. Речь идет об особых полномочиях секретариатов и иных подразделений общего характера (система камбо). За этим названием скрывается совокупность секретариатов, канцелярий, общих отделов и иных подразделений министерств и ведомств. Развившись из обычной потребности решения информационных, кадровых и финансовых (т.е. рутинных) вопросов управления, система камбо стала исполнять функции, далеко выходящие за рамки обычного делопроизводства и охватывающие со-

держательную сторону проектов. Органы системы *камбо* начали контролировать вопросы всестороннего обеспечения деятельности тех управленческих структур, в состав которых они вошли в частности бюджетную сферу, документацию, предварительную экспертизу принимаемых решений, кадровые вопросы, вопросы координации процесса делопроизводства и согласования позиций отдельных подразделений. Постепенно система *камбо* стала неотъемлемой частью процесса подготовки и принятия решений, восполняя собой «секционалистский» характер «линейной модели» административного управления и придавая этой модели необходимую цельность и устойчивость.

Коротко об особенностях системы *камбо*

Во-первых, она представляет собой четко выражавшую иерархическую вертикаль: канцелярия кабинета министров – секретариат кабинета министров – секретариат министра – секретариат административного заместителя министра – общий сектор департамента (отдела). Организация секретариата министра, в рамках которого имеется множество профильных отделов, соответствующих специализации департаментов, повторяет структуру самого министерства. Эта структура позволяет руководителю секретариата министра и его заместителям доводить свою волю до низших звеньев управления и добиваться их безусловного подчинения.

Во-вторых, по своему функциональному назначению эта система выполняет задачу оперативного руководства всеми подразделениями, которое не просто дублирует работу официальной «вертикали» управления, но и обеспечивает координацию процесса подготовки решений. В секретариатах всех уровней особую роль играют те подразделения, которые занимаются работой с проектами решений и законопроектами. Являясь основными вспомогательными и консультирующими органами при руководителях различных звеньев управления (начальников департаментов, отделов и секторов), они берут на себя основную нагрузку по координации и оформлению принимаемых решений на окончательной стадии согласования, т.е. перед их одобрением главой ведомства.

В-третьих, система *камбо* призвана обеспечивать низшие звенья управления услугами по консультированию и внесению необходимых рекомендаций. Потребность в таких услугах осо-

бенно заметна на фоне «самодостаточности» секторов и отсутствия в рамках «линейной модели» управления целевых специализированных структур универсального назначения, которые играли бы вспомогательную роль в отношении всех подразделений ведомства.

В-четвертых, система *камбо* сильно политизирована. Многие японские исследователи указывают на то, что с момента окончательного оформления «системы 1955 г.» и формализации взаимоотношений парламента, ЛДП и высшей бюрократии она вошла составным элементом в механизм подготовки государственных решений участниками этой «триады». Поскольку руководство секретариатов является частью классической «политической номенклатуры», а кадровые назначения на высшие посты не обходятся без одобрения правящей партии, ЛДП, бесспорно, использует систему *камбо* для дополнительного и весьма эффективного контроля над указанной подготовкой²⁷.

Особый характер функций системы *камбо* позволил сделать вывод о том, что японским правительством по сути управляет не премьер-министр, а секретариат кабинета министров, отдельные управления канцелярии премьер-министра, а также финансово-ревизионный департамент министерства финансов²⁸.

При согласовании противоречивых интересов отдельных департаментов или управлений одного ведомства механизмы согласования не ограничиваются системами *ринги* и *камбо*. В дело вступают различные согласительные конференции, формат которых зависит от специфики ведомства, уровня представительства и характера обсуждаемых вопросов. Типичной формой согласительной конференции внутри департамента является совещание руководителей секторов и их помощников *кёкуги*, проводимое под эгидой начальника департамента или его заместителя, в то время как в некоторых ведомствах, например в министерстве финансов, имеется также формат т.н. «важного совещания» (*дзю-ёкёкуги*) с более широким уровнем представительства. Для общеведомственного уровня подобные совещания проводятся в форме коллегии (*камбу кайги*), а также собрания представителей департаментов *какүкёку рэнраку кайги*. Такие совещания нередко проходят довольно бурно, во всяком случае, обсуждение в них не носит формального характера. По свидетельству очевидцев, в некоторых департаментах даже налагаются штрафы на тех, кто за

все время совещания ни разу не высказался по существу поставленных проблем²⁹.

Здесь я специально не касался в подробностях проблемы так называемого секционализма ведомств. Речь идет о решениях правительственных органов, охватывающих сферу компетенции сразу нескольких ведомств, либо ущемляющих интересы какого-либо «смежного» ведомства. Появление межведомственных противоречий носит системный характер и вытекает из того факта, что в Японии, как и в другой стране с мощной экономикой и развитой системой административного управления, сложился рынок административных услуг, на котором идет постоянное соперничество отдельных ведомств за бюджетные ассигнования, сферу компетенции, право голоса при решении отдельных государственных задач и т.д. Наиболее отчетливо межведомственное соперничество проявляется в вопросах сферы компетенции, получившее в японском политическом сленге меткое название «перетягивание канатов» («*навабари*»). Расширение этой сферы, усиление прерогатив приносит ведомствам новые бюджетные, институционные и иные ресурсы, позволяющие усилить свое влияние в системе государственного управления³⁰. На протяжении многих лет министерство внешней торговли и промышленности вело ожесточенную борьбу по макроэкономическим вопросам – с министерством финансов, по проблемам развития экспортных отраслей и международной помощи – с МИД, по вопросам загрязнения окружающей среды – с министерством здравоохранения и социального обеспечения, по проблемам протекционистской политики – с министерством сельского хозяйства, водного и лесного промысла. Отдельные виды соперничества приобрели столь ожесточенный и затяжной характер, что вошли в качестве классических примеров во все учебники теории государственного управления, подобно «телекоммуникационной войне» (соперничеству за управленческие прерогативы в области телекоммуникаций), которая с переменным успехом шла на протяжении 80-х годов между министерствами почт и телекоммуникаций, с одной стороны, и МВТП – с другой.

Объектом «перетягивания канатов» могут быть целые сферы государственного управления, в которых переплетаются интересы различных ведомств. Для примера можно назвать полномо-

чия ведомств в отношении протекающих в Японии рек. Так, если в целом реки в послевоенный период были отнесены к компетенции министерства строительства (гидротехнические мероприятия, чистка русла рек и т.д.), а также управления государственных дорог (обслуживание мостов), то речная вода распределилась между министерствами сельского и лесного хозяйства и водного промысла (вода для агротехнических нужд), министерством здравоохранения и социального страхования (вода для водопровода), МВТП (промышленные воды) и вновь – министерством строительства (сточные воды).

Системный характер приобрело соперничество между ведомствами за долю бюджета. Естественно, что каждое из ведомств при ежегодной подаче бюджетных заявок стремится обеспечить увеличение бюджета. Поскольку бюджетный департамент министерства финансов не обладает достаточными организационными и кадровыми ресурсами для адекватной экспертизы поступающих заявок и, соответственно, не в силах защитить от «разбазаривания» основные общественные фонды, бюджетное планирование носит инкременталистский характер, обеспечивая пропорциональное увеличение заявок всех ведомств вне зависимости от их целесообразности. В таких условиях пыльным цветом расцвели исключительно расточительные и нерациональные общественные проекты, целью которых являлось обеспечить «освоение» средств бюджета текущего года, который в противном случае окажется урезанным в будущем году. Нередким для Японии явлением стало строительство дорог из никуда в никуда, рыбных портов, где нет никакой рыбы и рыбобакв, модернизация угольных шахт, которые будут закрыты, и т.д.

Вместе с тем следует отметить, что даже в условиях жестких противоречий между ведомствами механизмы согласования позиций на общеправительственном уровне достаточно отработаны. В японской административной практике сложился целый ряд конкретных институциональных механизмов, призванных обеспечить сглаживание противоречий между ведомствами, каждый из которых применим к определенной конфликтной ситуации. Но даже в условиях острых противоречий между ведомствами механизмы согласования позиций на общеправительственном уровне достаточно отработаны.

1. «Горизонтальный» тип согласования касается главным образом тех областей, которые имеют ключевое значение для всей

политики правительства и предполагают относительную «равноудаленность» всех ведомств с точки зрения сферы их компетенции (к примеру, «утряска» государственного бюджета, ратификация международных договоров и т.д.) Координационный процесс в целом носит неконфликтный характер и проходит под эгидой непосредственно премьер-министра одного из политических органов кабинета министров и охватывает в основном центральное руководящее звено министерств и ведомств.

2. «Вертикальный» тип согласования касается вопросов жесткого межведомственного противостояния. Координационный процесс проходит одновременно на разных управленческих уровнях – от заведующих секторами до административных вице-министров, которые проводят межведомственные согласительные совещания. К процессу могут подключаться органы системы *камбо*, и в первую очередь секретариаты министерств и отдельных департаментов.

О негативных чертах «вертикальной» административной системы, с соперничающими между собой ведомствами было сказано немало. Административные реформы, проводимые на протяжении более сорока лет, неизменно ставят своей целью борьбу с этим явлением. Последняя из них по времени, помимо реорганизации структуры министерств и ведомств, привела к созданию нового мощного механизма, призванного обеспечить гораздо более тесную, чем раньше, координацию правительственной политики, усиление политизированности процесса принятия решений указанными правительственными органами, и т.д.³¹.

«Секционализм» министерств и ведомств, как и борьба между особыми интересами отдельных группировок бюрократии, отражает процесс усложнения административных потребностей в эпоху высокотехнологичного и высокоинформатизированного общества. Противостояние различных бюрократических фракций в правительстве напрямую связано с различными вариантами решения конкретных вопросов управления, с многовариантностью и противоречивостью административного процесса. Конкуренция между разными подходами к выработке государственной политики не всегда является однозначно негативным фактором общественного развития, ибо она способствует повышению управленческой активности и инициативности, помогает предотвращать застой.

Примечания

- ¹ В. Пронников, И. Ладанов. Японцы. М., 1996, с. 262.
- ² А. Макаров. Политическая власть в Японии. М., 1988, с. 136.
- ³ См.: Э. Молодякова. Японская бюрократия: основные черты. – Японский опыт для российских реформ М., 1999, № 2.
- ⁴ Там же, с. 59.
- ⁵ К. Цудзи. Нихон канрёсэй-но кэнкю (Исследование японской бюрократической системы). Токио, 1992.
- ⁶ В японской политологической литературе применяется термин *цумиагэ хосики*, т.е. «метод нагромождения». Имеется в виду постепенное добавление новых и новых мнений, которое видоизменяет проект решения, синтезируя различные точки зрения [См.: Тьюсётё-но сэйсаку кэйсэй катэй (Процесс формирования политики министерств и ведомств)]. Токио, 1999, с. 67.
- ⁷ См.: К. Цудзи. Цит. соч., с. 158.
- ⁸ Там же, с. 160.
- ⁹ См.: С. Иноуэ. Рингисэй хиханрон-ни цуйтё-но иккосацу (Общий взгляд на теории критики системы *ринги*). Токио, 1981.
- ¹⁰ H. Park Yung. Bureaucrats and Ministers in Contemporary Japanese Government. Berkeley, 1986, p. 21.
- ¹¹ Цит. по В. Koh Japan's Administrative Elite. Berkeley, 1989 p. 196.
- ¹² A. Rothalder. The Japanese Power Elite. N.Y., 1993, p. 142.
- ¹³ Цит. по: Н. Park Yung. Цит. соч., p. 21.
- ¹⁴ Анализируя процесс принятия решений в отдельных министерствах и ведомствах с различных позиций (стратегического планирования, организации труда на местах, методов оценки проектов решения, коммуникационных методов с прочими ведомствами, авторы одного из упомянутых выше исследований приходят к выводу об огромном разнообразии этого процесса в различных правительственных органах. (см.: Тьюсётё-но сэйсаку кэйсэй катэй..., с. 989–274, с. 9).
- ¹⁵ Japan and Russia. The tortuous Path to Normalization, 1949–1999. Ed. by Gilbert Rozman. N.Y., St. Martin's Press, 2000, p. 111.
- ¹⁶ См.: Conflict in Japan. Honolulu, 1984, p. 304.
- ¹⁷ Например, С. Иноуэ указывал, что существует система предварительного согласования позиций до начала инициирования документа *ринги* (С. Иноуэ. Цит. соч., с. 21–24).
- ¹⁸ О роли принципов *нэмаваси* в подготовке правительственных решений см.: Д. Стрельцов. Элементы традиционализма в системе принятия решений правительственными органами. – Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000, с. 79–101.
- ¹⁹ М. Нисио. Гёсэйгаку (Теория административной политики). Токио, 1998, с. 276.
- ²⁰ М. Ханно Гэндай гайко-но бунсэки (Анализ современной дипломатии). Токио, 1971, с. 187.
- ²¹ См.: Conflict in Japan, p. 298.
- ²² М. Нисио. Цит. соч., с. 154.

²³ A. Rothhalder. Op. cit., p. 127.

²⁴ О «синдроме больших комнат», см.: М. Синдо. Гёсэй сидо – кантё то гёкай-но айда (Административное руководство – между правительством и бизнесом). Токио, 1992, с. 100.

²⁵ A. Rothhalder. Op. cit., с. 133.

²⁶ О системе *камбо* см.: М. Нисио. Цит. соч., с. 324–326.

²⁷ См.: И. Макихара. Найкаку, камбо, гэнкёку (Кабинет министров, секретариаты, департаменты) – Хогаку № 59, с. 533–534.

²⁸ См.: М. Нисио. Цит. соч., с. 150.

²⁹ B. Koh B. Japan's Administrative Elite. Berkeley, 1989, p. 198.

³⁰ Подр. см.: Conflict in Japan. Honolulu, 1984, p. 299.

³¹ См.: Д. Стрельцов. Новые контуры центральной системы административного управления. – Японский опыт для российских реформ. 1999, № 4; 2000, № 1.

Государство и СМИ в современной Японии

А. Александров

История «четвертой власти» в современной Японии насчитывает менее полутора столетий и, на первый взгляд, небогата событиями. Однако значение ее для политической и социальной жизни страны было и остается очень важным. Практически ни один взрослый японец (по некоторым данным, не менее 90%) не мыслит себе жизни без газет – без ежедневного чтения или, по крайней мере, без обязательного просмотра одного или двух общенациональных изданий, причем в обоих – утреннем и вечернем – выпусках. Телевидение в Японии – в общем-то не конкурент газете (разве что среди молодежи), хотя и его роль исключительно велика. Просто они занимают разные «ниши» и мирно сосуществуют, не соперничая, но дополняя друг друга.

Даже самый поверхностный анализ нынешнего состояния японских СМИ и их отношений с государством и обществом вынуждает обратиться к начальному периоду их истории – концу эпохи Эдо и первым годам эпохи Мэйдзи (1868–1912 гг.). Первая газета на японском языке «Канпан Батабия симбун» начала выхо-

195

доть в 1862 г. Она печаталась с деревянных досок в журнальном формате и содержала преимущественно переводы из голландской газеты «*Javasche Courant*». Годом раньше начала выходить первая в стране англоязычная газета «*Nagasaki Shipping List and Advertiser*». В 1868 г. появилось первое официальное издание «Дайдзёкан нисси» («Ведомости Государственного совета»). Таким образом, к моменту реставрации Мэйдзи газеты в Японии уже существовали, но выходили нерегулярно, бессистемно и заметного влияния на общество не оказывали. Тем не менее новая власть «на всякий случай» пошла на решительные меры, запретив законом от 28 апреля 1868 г. издание **всех** газет, как про-, так и антиправительственных. Новый закон о печати, разрешивший издание газет, но под достаточно жестким государственным контролем, был принят в феврале 1869 г.

Подлинная история японского журнализма начинается в 70-е годы XIX в. 28 января 1871 г. начала выходить первая в стране ежедневная газета «Иокогама майнити» (закрылась в 1940 г.). История крупнейших из ныне существующих ежедневных газет восходит к тому же десятилетию: «Токио нити-нити» (нынешняя «Майнити») и «Юбин хоти» (нынешняя «Хоти») издаются с 1872 г., «Ёмиури» с 1874 г., «Асахи» с 1879-го¹.

Первые японские газеты издавались под контролем и при участии властей, гласном или негласном. Власти, как центральные, так и местные, оказывали молодой японской прессе разнообразную поддержку – информационную, административную и финансовую. Государственные структуры были – да и остаются по сей день – главным источником политической информации для японских СМИ. Творцы новой Японии, чиновники и политики эпохи Мэйдзи, быстро осознали важность прессы и необходимость использовать ее в своих интересах, как государственных, так и личных. Газетной культуры в Японии еще не было, не было традиции регулярного чтения газет, следовательно, не было устойчивого рынка сбыта газетной продукции.

Поэтому правительство на первых порах организовывало систему государственной подписки на дружественные ему газеты, рассылавшиеся затем в центральные и местные органы власти. В некоторых случаях гарантированная государственная подписка покрывала до 20% тиража. Сближение прессы и власти происходило и на личном уровне: издатель «Токио нити-нити» Г. Фукути,

один из «отцов» современных японских СМИ, был в прошлом правительственным чиновником и пользовался поддержкой могущественного государственного деятеля Х. Ито, а редактор «Кокумин» С. Токутоми, один из известнейших журналистов эпохи Мэйдзи, сохранявший влияние в мире прессы вплоть до конца Второй мировой войны, был лично связан с влиятельными политиками маршалом А. Ямагата и генералом Т. Кацура, не раз возглавлявшими кабинет министров. Неудивительно, что он превратил свою газету в правительственный рупор националистической ориентации.

Правительственный контроль над прессой осуществлялся разными способами, которые в целом можно определить как политику «кнута и пряника». «Пряником» была финансовая поддержка и административное покровительство, в роли «кнута» выступала цензура. Принятый в 1875 г. новый «пакет» законов о печати существенно ограничивал ее свободу, в том числе критику действий правительства, путем последующей (не предварительной) цензуры, системы разрешения-запрещения властями выпуска периодических изданий, а также различных санкций в отношении провинившихся (штраф, арест издателя, приостановка выпуска и т.д.). Разумеется, любые критические или непочтительные, даже двусмысленные высказывания об императоре и царствующем доме рассматривались как «оскорбление трона» и вплоть до конца Второй мировой войны считались одним из наиболее тяжких преступлений. В 1875–1880 гг. различным репрессиям подверглось не менее 200 газет.

Интересно, что масштаб государственного контроля и, соответственно, применяемых санкций возрос в 80-е годы XIX в., после того как в 1881 г. император объявил о намерении в будущем даровать стране конституцию и парламент. Восьмидесятые годы – эпоха не только стремительной модернизации и вестернизации, но и «движения за свободу и народные права», эпоха ожидания конституции (провозглашена в 1889 г.) и парламента (созван в 1890 г.) – внесли огромные изменения в японскую политику, в жизнь общества и СМИ.

Именно тогда в Японии началось интенсивное формирование гражданского общества и массового политического сознания, стали создаваться первые политические клубы и партии, в том числе оппозиционные существующему режиму. По мере сил и

возможностей они старались пробиться в существующие издания и активно создавали свои собственные, прекрасно понимая силу массового печатного слова. Поначалу слабые, их позиции в ежедневной прессе постепенно укреплялись. Поэтому роль газет в социально-политических процессах последней четверти XIX в. была особенно велика. Оказавшиеся по разным причинам в оппозиции, политики имели мало шансов непосредственно влиять на курс государственного корабля и могли обращаться к народу только через парламент или печать. Однако, возвращаясь на государственную службу, они снова прилагали усилия для контроля за прессой. В разное время журналистской работой занимались такие видные деятели эпохи Мэйдзи, как М. Муцу, М. Ито, К. Инукаи, Ю. Одзаки, К. Сайондзи, не раз входившие в состав правительства. Газеты открыто критиковали деятельность кабинетов, отдельных министров, политических или финансовых олигархов. Но не дремала и цензура: только в период 1883–1887 гг., пик «движения за свободу и народные права», выпуск 174 периодических изданий приостанавливался на различные промежутки времени, 4 издания были запрещены, а 198 журналистов приговорены к тюремному заключению².

Наименьшей критике подвергалась армия – главным образом, ввиду того традиционного почета, которым она была окружена. Следует отметить, что во время японо-китайской (1894–1895 гг.) и русско-японской войн (1904–1905 гг.) практически вся пресса воздерживалась от «непатриотичной» критики действий правительства и армии. Более того, многие газеты провозгласили своей главной задачей сплочение нации и мобилизацию ее усилий для скорейшей победы над врагом. Нет никаких оснований утверждать, что это делалось по приказу или тем более по принуждению правительства, хотя власти, конечно, одобряли подобную позицию СМИ. Обратим внимание на это качество японской прессы, значение которого в будущем будет только возрастать.

По мере роста популярности и общественного значения газет происходили два параллельных процесса. С одной стороны, пресса стала превращаться в крупный доходный бизнес, с другой – власть проявляла к ней все большее внимание. Конечно, такие процессы в разное время происходили во всех странах, и в этом нет ничего удивительного. Однако из этого родился стереотип «буржуазная пресса – служанка властей и крупного капитала».

применявшийся советской пропагандой и к Японии. Доля правды в этом есть (совсем уж на пустом месте стереотипы не возникают), но в целом – это не более чем стереотип.

Во-первых, японская пресса не была «служанкой» Большого Бизнеса, потому что сама являлась его немалой и притом важной частью, хотя так и не выдвинула ни одного яркого «медиа-магната» мирового уровня: в Японии не появился свой Хёрст, Шпрингер или Берлускони. Однако темпы развития японских СМИ в XX в. не уступали Европе и Америке. К 1 января 1924 г. ежедневные тиражи «Асахи» и «Майнити» достигли рекордной отметки в миллион экземпляров, что делало их не только мощным средством воздействия на общественное мнение, но и просто выгодным предприятием. Крупные газетные концерны начинают также издавать журналы и книги, заниматься рекламной и антрепренерской деятельностью, используя не только свои возможности, но и «раскрученную» торговую марку. Именно газета «Асахи» организовала первую в Японии систему регулярной доставки почты по воздуху (1923 г.), а затем и первую в стране регулярную пассажирскую авиалинию Токио–Осака (1928 г.).

Во-вторых, пресса сама избегала открытых конфликтов с государственными властями: отлучение от источников информации и тем более любые карательные меры привели бы только к убыткам и усилению конкурентов в условиях все более обострявшегося соперничества крупных газет. В то же время полное отсутствие сенсаций, «жареных» фактов, не исключая и критику в адрес власть имущих, привело бы к потере читателей, снижению тиражей и опять-таки к убыткам.

У правящей элиты довоенной Японии долгое время не было необходимости «подкармливать» прессу, равно как и слишком сильно ее «обуздывать». Новый рост националистических настроений в стране отчетливо проявился в 1930 г., когда большинство периодических изданий осудило политику правительства, подписавшего Договор об ограничении морских вооружений. Однако действия Квантунской армии в Маньчжурии в 1931–1932 гг. (так называемый «маньчжурский инцидент»), поначалу не санкционированные ни кабинетом, ни военным министерством, получили почти единодушную поддержку прессы и общественного мнения без какого бы то ни было давления со стороны правительства³. Не власти дирижировали кампанией поддержки японской экс-

пансии на континенте — хотя часть правительственных чиновников и военных, безусловно, одобряла и поддерживала ее, — а, напротив, массовый энтузиазм СМИ и националистических организаций вынудил власти к более решительным действиям и привел к уходу с политической арены «умеренных» во главе с министром иностранных дел К. Сидэхара.

Необъявленная война на континенте и общее усиление политической и социальной роли армии в 30-е годы сказались и на отношениях государства и СМl. Армия старалась поставить их под свой контроль, ссылаясь на множество причин — от необходимости сохранения военной тайны и ограничения доступа к информации по соображениям государственной безопасности до требований обеспечить должный «моральный» и «патриотический» климат в стране. Однако полноценный государственный контроль над СМl стал реальностью в Японии только на рубеже 40-х годов, во время войны в Китае, а затем и на Тихом океане⁴.

Тогда наметились еще два важных процесса, последствия которых заметны и сегодня. Первый — сокращение общего числа газет за счет объединения и слияния (например, местных по принципу «одна префектура — одна газета»), их унификация и стандартизация. Аналогичные меры были приняты в отношении журналов и нерегулярно выходящих изданий газетного типа (вестников, бюллетеней различных обществ и организаций и т.д.). Второй — пропаганда «самоконтроля», т.е. самоцензуры журналистов, редакторов и издателей «в интересах государства». Речь шла не только о недопустимости критики в адрес правительства или армии, — газетам и журналам было предписано воздерживаться от любой негативной информации о том, что происходит в Японской империи, будь то финансовые махинации или адюльтер, катастрофы или самоубийства. С ухудшением экономического положения и падением уровня жизни под запретом оказалась реклама развлечений и предметов роскоши — ничто не должно было отвлекать граждан от «служения императору», каждого на своем посту.

Официально унификация (или, как ее предпочитали называть чиновники, «рационализация») мотивировалась необходимостью не только «мобилизации национального духа», но и экономии стратегических материалов в «чрезвычайное время». На практике это означало практически полное подавление свободы слова.

В годы войны ужесточилась цензура, теперь сочетавшая предварительный и последующий контроль. Проводником жесткой цензурной политики стало «министерство правды» – Информационное бюро кабинета министров, созданное в конце 1940 г. Массовый характер приняли издание перечней вопросов, не подлежащих освещению в печати (раньше подобные меры были единичными), а также прямое вмешательство государственных учреждений в работу редакций и издательств. Например, с мая 1941 г. всем крупным журналам предписывалось заранее сообщать в инстанции о своих редакционных планах, вплоть до намечаемых авторов статей. Затем специальным решением Информационного бюро группе видных и вполне «благонадежных» политических аналитиков и публицистов либеральной ориентации было запрещено печататься в массовых изданиях, гонорары за публикации в которых были основным источником их существования (большинство публицистов и писателей коммунистической ориентации попало под аналогичный запрет несколькими годами раньше).

Поражение Японии в войне открыло новую эру в истории страны. В один момент были сокрушены или, по крайней мере, поколеблены, поставлены под сомнение все главные национальные ценности: божественность императорского дома, вера в национальную исключительность японцев, в «святость» их исторической миссии, в непобедимость японской армии. Отмена цензуры, амнистия политических заключенных, реформа образования и, наконец, принятие новой Конституции радикально изменили атмосферу в обществе. Навязанное свыше единомыслие, над созданием которого немало потрудились и СМИ, ушло в прошлое, но и новым властям были нужны инструменты воздействия на общественное мнение и манипулирования им.

Эйфория «информационной вседозволенности» охватила страну уже осенью 1945 г., когда произошел моментальный и, казалось, полный отказ от всех прежних лозунгов и клише. Были полны оптимизма и деятели американской оккупационной администрации. Однако ветеран английского японоведения, ученый и дипломат Дж. Сэнсом, посетивший Японию осенью 1945 г., после бесед с ними писал: «Не думаю, что они понимают, насколько глубока и сильна японская интеллектуальная традиция; похоже, они полагают, что дать Японии новую систему образования так же просто, как портному – сшить новый костюм»⁵.

С этого момента в Японии официально существует свобода слова, печати и информации, гарантированная действующей Конституцией, хотя и ограниченная рядом законодательных актов, преимущественно по соображениям этики и общественной морали. Действительно, цензуры в Японии нет и возможное вмешательство государства в деятельность СМИ сведено до минимума. Однако «свобода» в отношениях СМИ и государства в современной Японии понимается отнюдь не как вседозволенность, но как взаимная ответственность, как баланс прав и обязанностей в соответствии с традиционной этической системой *гири* – *ниндзё*.

Руководители японских СМИ много раз подчеркивали, что их главная задача – не получение прибыли и даже не распространение информации, как логично было бы предположить, но «гармонизация» общества на всех уровнях; не осмысление конфликтов и тем более не разжигание страстей, но их смягчение; не противопоставление себя власти, но «помощь» ей; не механическое отражение всех точек зрения, но достижение национального консенсуса и укрепление общественной морали. Иными словами, гигантские газетные и телевизионные концерны, фактически являющиеся монополистами на распространение информации в стране, не скрывают, что они вполне сознательно идут рука об руку с политическим *mainstream*'ом как равный партнер, а не как слуга.

Замечу, что такой подход превосходно оправдывает и критическое отношение СМИ к отдельным действиям и отдельным представителям правящей элиты. По выражению медиа-аналитика Р. Ахеван-Маджида, СМИ «цементируют» элиту, сглаживая конфликты и противоречия между разными группами и слоями в ней⁶. Подытожив сказанное, можно сделать вывод: пресса и телевидение в Японии – часть элиты, а не ее придаток; в силу своей интеграции в элиту она полноправно участвует в ее политике, вполне оправдывая название «четвертой власти».

Когда четверть века назад известный японовед Ф. Гибни писал: «Ни в одной стране за пределами коммунистического мира нет такого пугающего единства мнений, как в японских газетах»⁷, единомышленники у него нашлись и в самой Японии. Видный медиа-аналитик Т. Ямамото однажды заявил: «Редко в какой капиталистической стране СМИ передают настолько однообразные новости, как в Японии. Не видя названия газеты, по содержанию практически невозможно определить, что именно вы читаете»⁸.

Конечно, реалии современной Японии радикально отличаются от реалий мэйдзийской или довоенной эпохи, но многие принципиально важные черты, исторически характерные для японских СМИ, присущи им и сегодня. На этом мы остановимся подробнее.

Во-первых, несмотря на распространение радио, телевидения и Интернета, ежедневные газеты сохраняют свою социальную и политическую роль, о которой говорилось выше. Чтение как минимум одной общенациональной и одной местной газеты – признак социального *comme il faut*, даже если практическая польза от этого невелика. В конце концов, новости можно с меньшими усилиями и затратами времени узнать по радио или телевидению. В некоторых случаях к этому может добавляться своя «партийная» газета, например, «Акахата» для коммунистов или «Сэйкё» для членов массовой буддийской организации Сока гаккай. Конечно, «для интереса» многие предпочитают комиксы или скандально-бульварные издания вроде спортивных газет, но без «серьезной» газеты «серьезному» члену общества не обойтись.

Вот несколько любопытных примеров из моего личного опыта. Моя русская знакомая, работающая в одном из самых элитных токийских хостесс-клубов на Гиндзе (основной контингент посетителей – крупные бизнесмены, правительственные чиновники, журналисты и интеллектуалы), сообщила мне, что менеджер заставляет их каждый день просматривать как минимум три крупнейших ежедневных газеты, чтобы не просто быть в курсе текущих новостей, но знать подробности их интерпретации тем или иным изданием для поддержания разговора с гостями на соответствующем уровне: что пишет о последнем заявлении премьера «Ёмиури», а что «Майнити». Другая моя знакомая, на сей раз японка (социальный портрет: 25 лет, работает в крупной фирме, не замужем, живет одна, в Токио), на вопрос о том, выписывает ли она вообще какие-то газеты, с удивлением ответила, что, конечно, выписывает, причем сразу же добавила, что выписывает «Асахи», потому что так было заведено в ее семье. «В детстве для меня слово «газета» ассоциировалось только с «Асахи», – заметила она. На «провокационные» вопросы о большем удобстве телевидения или Интернета для получения информации (ведь ту же «Асахи» можно читать и в Интернете, как и все другие крупные газеты!), она несколько неуверенно ответила, что надо читать

именно газеты. Разумеется, несколько отдельных примеров еще ни о чем не говорят, но они, на мой взгляд, удачно отражают общую тенденцию – с поправкой на то, что молодежь все чаще предпочитает газетам телевидение и Интернет именно как источник информации.

Значит, дело все-таки не только в том, откуда черпать сведения. Времена меняются, но социальное значение газеты остается, и не считаться с этим нельзя. «Средний японец» – гражданин-избиратель-налогоплательщик – по-прежнему еще и «читатель газет», причем отнюдь не в том уничижительном смысле, который придала этим словам Марина Цветаева в одноименном стихотворении. Премьер-министра Ё. Мори весной 2001 г. «свалило» не только телевидение – сыгравшее, конечно, огромную роль, – но и газеты, встречавшие дружным «улюлюканьем» его экстравагантные заявления. У телевидения больше шансов выставить того или иного политика (бюрократа, бизнесмена и т.д.) в невыгодном или, наоборот, в выгодном свете, но это, так сказать, слишком просто.

Телевидение апеллирует к зрению и слуху, к эмоциям, а не к анализу. Газета требует большего внимания, определенной работы мысли. Поэтому большинству японцев кажется, что она «честнее», что она дает более сбалансированный, объективный взгляд на людей и вещи. Действительно, «солидные» газеты всеми силами стараются «сохранять лицо» и подчеркивают свою «солидность» как социальную значимость и осознание своей ответственности перед обществом. Впрочем, доверие к телевидению в Японии тоже очень велико: по данным некоторых опросов, задачам государственной телерадиовещательной компании NHK японцы верят больше, чем таким институтам, как парламент, правительство и суд.

Во-вторых, несмотря на колоссальные тиражи, число ежедневных газет по названиям в Японии на удивление невелико. В 1998 г. здесь издавалась всего 121 газета. Для сравнения: в 1937 г. (начало «китайского инцидента» и ужесточения государственного контроля над СМИ) их было около 1200, а к 1943 г., в результате «рационализации», осталось 55, т.е. в два с небольшим раза меньше, чем сегодня. Банкротство газеты или появление новой в последние десятилетия – большое событие, так как это случается крайне редко. «Малое количество – высокий тираж» –

такова формула газетного мира сегодняшней Японии. Аналоги? 92 газеты в Италии, 99 газет в Великобритании, но... 398 в Германии, 402 в Индии, 702 в Китае, 1489 в США и 2635 в России, т.е почти в 22 раза больше при сопоставимом населении (разумеется, применительно к нашей стране речь идет об официально зарегистрированных газетах, число которых включает множество «однодневок»).

Однако эти цифры не должны вводить в заблуждение, потому что существует еще один, не менее примечательный показатель – количество экземпляров газет на душу населения. Вот здесь Япония почти что впереди планеты всей: 577 экземпляров на 1000 человек [столь же высоки в мировом масштабе и показатели, связанные с просмотром телепрограмм: в среднем 3 часа 35 мин. в сутки (данные 2000 г.)]. Выше этот показатель только в странах со сравнительно немногочисленным населением: Норвегия (610 экз.) и Швейцария (592 экз.). Далеко позади Великобритания (317 экз.) и Германия (303 экз.), тоже традиционно «газетные» страны, затем США (201 экз.) и Россия (141 экз.). Иными словами, в Японии несколько крупных газет или газетных концернов полностью удовлетворяют потребности абсолютного большинства читателей. А с учетом приведенных цифр такую массу граждан-избирателей-налогоплательщиков никак нельзя сбрасывать со счетов ни правящей элите, ни одному мало-мальски серьезному политику.

Отмечу еще одну особенность японских газет – роль подписки в их распространении. Современный российский читатель еще помнит «страсти по подписке», но по опыту последних лет знает, что большая часть прессы сегодня распространяется в розницу. В Японии положение дел совершенно иное. Во-первых, здешняя система подписки отличается от российской прежде всего тем, что доставкой газет занимается не почта, а сами газетные компании. Далее, удельный вес розничной продажи газет (но не журналов!) ничтожно мал. 93% тиража ежедневных газет (и 99% пяти главных из них!) доходят до читателей не через киоски, а через специальную службу доставки, создаваемой каждой из компаний на местах (это относится и к «партийным» газетам, которых в киосках не купить!). Между газетой и подписчиком никто не стоит. «Своя» газета сама приходит на дом, и это укрепляет у читателя чувство связи с ней.

Глядя на данные статистики, можно заключить, что пять крупнейших общенациональных ежедневных газет («Ёмиури», «Асахи», «Майнити», «Нихон кэйдзай», «Санкэй» – в порядке убывания тиражей) плюс несколько крупнейших региональных, охватывающих более чем одну префектуру с сопоставимыми тиражами («Тюнити», «Хоккайдо», «Ниси Ниппон»), обладают монополией если не на саму информацию, то на донесение ее до абсолютного большинства читателей. Их совокупный тираж (утренний и вечерний выпуски, имеющиеся у каждой из этих газет) превышает 46 млн. экз., охватывая больше половины взрослого населения страны. Добавлю, что все пять главных общенациональных ежедневных газет входят в десятку крупнейших газет мира. 11 «спортивных» газет Японии (тираж некоторых достигает миллиона экземпляров) удовлетворяют запросы любителей не только бейсбола или борьбы сумо, но и скандальных историй из жизни политиков и поп-звезд, немыслимых на страницах «серьезных» газет. Впрочем, половина «спортивных» газет – дочерние предприятия «серьезных», так что никакого противоречия здесь нет, а только разделение труда.

Поневоле возникает вопрос: а не есть ли это та пресловутая «унификация», о которой мечтали тоталитарно настроенные лидеры Японии военных лет?! И вообще, насколько велики различия в интерпретации событий разными газетами и телевизионными каналами?

Длительное регулярное чтение «серьезных» ежедневных газет, как общенациональных, так и местных («партийные» и «спортивно»-бульварные я оставляю в стороне), вызывает впечатление, что «введение единомыслия», о котором некогда мечтал Козьма Прутков, в Японии уже состоялось. Конечно, здешние «читатели газет» объяснят вам, что леволиберальная «Асахи», до сих пор не избавившаяся от влияния идей марксизма и социализма, выступает против пересмотра «мирной» Конституции, признает ответственность покойного императора Сёва за участие Японии в минувшей войне и неизменно критикует сокращение социальных статей бюджета, умеренная «Ёмиури» отражает мнение большинства либерал-демократов, а консервативная, антикоммунистическая «Санкэй» публично сомневается в справедливости официальной версии «нанкинской резни» и призывает к созданию в стране «настоящей» армии. («Санкэй» единственная газета

из «большой пятерки», которая не имеет представительства в КНР, но зато держит корпункт на Тайване, от чего другие газеты были вынуждены отказаться). Действительно, позиция «Санкэй» в отношении как прошлого (для Японии это важная и «больная» тема!), так и настоящего отличается от других крупнейших газет, но и влияние ее куда меньше: совокупный ежедневный тираж ее утреннего и вечернего выпусков в пять раз меньше, чем у «Ёмиури» и в четыре с лишним раза меньше, чем у «Асахи», т.е. на орган политического mainstream'a она никак «не тянет», все чаще и чаще критикуя политику правительства в 90-е годы.

Можно сказать, что «Ёмиури», «Асахи» и «Майнити» с совокупным ежедневным тиражом утреннего и вечернего выпусков 32 млн. 607 тыс. экземпляров воплощают – с учетом неизбежных нюансов – для японского общества сегодняшний вариант «политической корректности» (имеющая сопоставимый тираж «Нихон кэйдзай» уделяет преимущественное внимание проблемам экономики и бизнеса, а не политики). Конечно, разногласия по частным вопросам между ними имеются, ибо при полном единомыслии эти гиганты газетного мира рискуют утратить самый смысл существования. Они могут ориентироваться на разные группы внутри правящей элиты и по-разному оценивать те или иные действия властей, но все они прочно связаны с элитой, состав которой принципиально не поменялся даже после сенсационного поражения ЛДП на всеобщих выборах 1993 г. и распада «системы 1955 года», т.е. системы монопольного господства либерал-демократов. Это ярко показала, например, реакция прессы на проект закона об участии Сил самообороны Японии в миротворческих операциях ООН, который обсуждался в парламенте во время войны в Персидском заливе. Единства мнений по этому поводу не было даже в самой ЛДП (против него выступало не менее 10% депутатов от правящей партии). Поэтому «Ёмиури» поддерживала законопроект, «Асахи» была против, а «Майнити» и «Нихон кэйдзай» занимали нейтральную позицию.

Все сказанное выше о газетах можно отнести и к телевидению, причем не только в силу типологической общности. Связи между двумя главными видами СМИ самые что ни на есть прямые: «Санкэй» владеет компанией «Фудзи ТВ», «Нихон кэйдзай» – «ТВ Токио», «Асахи» – ABC, «Ёмиури» – один из главных акционеров «Нихон ТВ», а «Майнити» – TBS. Что же касается государ-

ственной телерадиокорпорации NHK, то это «государство в государстве» настолько четко отражает позицию правительственных кругов, что до недавнего времени сами телевизионщики иронически называли вечернюю семичасовую программу новостей «часом ЛДП»⁹.

В чем же причина подобного «единомыслия»? Как видим, ни о каком «подчинении диктату властей» здесь не может быть и речи, хотя определенная зависимость от них, конечно, имеется. Дело прежде всего в «самоцензуре», искусство которой доведено в японских СМИ до подлинного совершенства.

Руководители СМИ и большинство журналистов не только не отрицают наличия системы «самоцензуры», восходящей к рубежу XIX-XX вв., но как бы даже гордятся ею. Ничего подобного нет ни в одной из развитых демократических стран, даже в Соединенных Штатах с их пресловутой «политической корректностью», ни тем более в сегодняшней России, где разброс оценок и мнений в ведущих газетах и программах новостей показался бы типичному японцу просто шокирующим. Большинство японских журналистов до сих пор отличается коллективизмом и дисциплинированностью, воспитанными у них системой «журналистских клубов» (*ки-ся курабу*), которые до недавнего времени были главным, если не единственным, связующим звеном между СМИ и властью¹⁰. Поэтому о них следует сказать несколько подробнее.

Журналистские клубы появились еще в эпоху Мэйдзи при различных государственных учреждениях, позднее при политических партиях и общественных организациях, объединяя аккредитованных при них репортеров (первый в 1890 г. при парламенте). В 1931 г. в Токио был уже 51 такой клуб, а в 1939 г. – 84; сегодня их насчитывается 400 (и более 1000 по всей стране). Они были и остаются не только важнейшим связующим звеном между источником информации (прежде всего государственными или квазигосударственными структурами) и СМИ, но и действенным средством контроля и унификации информации, процесса, в котором в равной степени охотно участвуют обе стороны.

Разумеется, с течением времени клубы претерпевали различные изменения, но сама система в целом эволюционировала мало и медленно. Нынешним клубам присущи практически все те же сущностные признаки, что и их мэйдзийским «предкам»: закрытость, а значит, исключительность доступа к источнику инфор-

мации, корпоративность, «групповое сознание», чувство коллективной ответственности, причем не только перед обществом, но и перед источником информации. Клубы служат той же цели, что и СМИ в целом, а именно «гармонизации» отношений в обществе. Поэтому ограничения доступа в них строго мотивированы: там не должно быть «случайных людей» или потенциальных «скандалистов» (по этой причине доступ журналистам коммунистической газеты «Акахата» в большинство клубов закрыт). Почти повсеместно обязательным условием является членство во Всеяпонской ассоциации издателей и редакторов газет или принадлежность к крупнейшим телекомпаниям и двум информационным агентствам – Кёдо Цусин и Дзидзи Цусин. Это несомненный прогресс по сравнению с прошлым, когда клубы были открыты только для самых крупных газет (журналы до сих пор не имеют в них доступа).

Клубы дают журналистам возможность получать информацию из первых рук о деятельности различных учреждений – от парламента и канцелярии премьер-министра до городских полицейских управлений, причем информацию как официальную, так и конфиденциальную, в ходе так называемых «дружеских бесед» (*кондан*). Доступ в клуб – это прежде всего потенциальная возможность участия в «дружеской беседе», информация из которой ценится гораздо выше того, что было сказано на официальном брифинге или напечатано в пресс-релизе. Степень конфиденциальности бывает разной: сказанное информантом можно цитировать и атрибутировать, только цитировать без указания его имени, с эвфемизмом типа «руководящий работник такого-то министерства» или «влиятельный член такой-то фракции» (практика очень распространенная в японских газетах)¹¹, наконец, только пересказывать своими словами без намека на атрибуцию. Во время некоторых «дружеских бесед» журналистам запрещается не только вести видео– или аудиозапись, но даже делать заметки от руки. После беседы представители конкурирующих газет общими усилиями восстанавливают содержание сказанного и вместе корректируют свои записи, чтобы не допустить искажений (коллективная ответственность!). В этом еще одна причина однообразия новостей в японских газетах.

Клубы регулируют не только содержание, но и синхронность распространения официальной информации. Если время предполагаемого обнародования конкретной новости (допустим, со-

держания правительственного документа) объявлено заранее, члены абсолютного большинства клубов не имеют права предпринимать самостоятельные усилия, чтобы узнать ее содержание заранее – это серьезнейшее нарушение этики клуба, за которое из него могут исключить не только конкретного виновника, но и всех журналистов проштрафившейся газеты, даже если они не имели к этому никакого отношения. Все отвечают за свою газету или телекомпанию, и компания отвечает за них – перед товарищами по клубу и перед источником информации.

В некоторых случаях между журналистами и тем учреждением, при котором они аккредитованы, заключается формальное соглашение о правилах и сроках распространения (чаще – нераспространения) той или иной информации. Наиболее показательный пример – соглашения между Управлением императорского двора и «придворным» клубом прессы, например, о контроле над фотографиями императорской семьи или о непомещении любых спекуляций на тему будущей наследной принцессы во время сватовства наследных принцев Акихито (нынешний император) в 1956 г. и Нарухито в 1991–1992 гг. Интересно, что в нескольких случаях нарушители сами накладывали на себя своего рода епитимью, обязавшись на какое-то время вообще воздерживаться от освещения событий, связанных с жизнью императорской семьи.

До сих пор я говорил преимущественно о ежедневных газетах и телевидении. Теперь обращусь к миру еженедельных и ежемесячных журналов массовой циркуляции, составляющих немаловажную часть японских СМИ. Миру японских журналов в отличие от газет присущи необычайные пестрота и динамичность. По данным на конец 2000 г., совокупный тираж журналов составлял 3 млн. 405 тыс. экз., из которых 60% приходится на ежемесячники и 40% на еженедельники. Количество журналов, преимущественно ежемесячных, меняется постоянно: в 1995 г. начали выходить 202 новых журнала (в 1994 г. – 157) и закрылись 130 издававшихся ранее (в 1994 г. – 120). В 1995 г. в Японии издавалось 2545 ежемесячников и 78 еженедельников. Многие, особенно из еженедельных изданий, входят в состав крупнейших газетных концернов или журнального гиганта «Бунгэй сьондзю», выпускающего помимо одноименного ежемесячника еще множество изданий.

Одну категорию ежемесячников составляют «высоколобые» журналы для образованного читателя с разносторонними, преимущественно гуманитарными интересами («Тюо корон», «Бунгэй сюндзю», «Сёкун» и др.). Они печатаются на газетной бумаге с малым количеством иллюстраций, по формату и объему больше походя на книги, – это подчеркнуто «серьезное» чтение, потому что на их страницах, как правило, выступают видные политики, ученые, писатели, являющиеся, впрочем, желанными гостями и в «серьезных» газетах. Подобные издания охотно допускают полемику и часто проводят «круглые столы», пользовавшиеся популярностью еще в довоенные годы. Нередко именно там впервые озвучивается критика в адрес правительства или властей, которую потом могут подхватить (или не подхватить) ежедневная пресса и телевидение.

Другая важная, куда более многочисленная и популярная категория – «полезные» журналы, посвященные компьютерам (бум 90-х годов), поиску работы, домашнему хозяйству, кулинарии, отдыху и т.д. Это – зеркало «общества потребления», но к нашей теме они не имеют отношения, равно как и столь же многочисленные журналы, посвященные бейсболу, гольфу, автомобилям и эротике. К этой же категории можно отнести и молодежные журналы, ориентированные на пропаганду современной поп-культуры.

Наконец, остается еще одна категория журналов, которую можно условно назвать «сенсационной» или «скандальной»¹². Даже большинство читателей «серьезных» газет жаждет сенсаций, причем не обязательно сугубо политического свойства. Здесь любимые темы – финансовые махинации и взятки, бич японской политики и бюрократии, а также личная жизнь знаменитостей. В «серьезные» издания таким материалам хода нет, а «спортивные» газеты в силу ограниченности своих возможностей (темпы и объем издания) могут только «снять пенку». Часть журналов такого рода открыто противопоставляет себя mainstream'у (например, «Уваса-но синсо»), часть столь же открыто связана с ним.

Как работает подобное разделение труда, наглядно видно из самого что ни на есть политического примера. В 1989 г. в газету «Майнити» обратилась гейша, любовница тогдашнего премьер-министра С. Уно, только-только избранного на этот пост, и пожаловалась, что государственный муж платит ей слишком мало – всего две тысячи долларов в месяц, хотя в аналогичных случаях принято платить в три раза больше. Наличием у политика «офици-

альной» любовницы никого в Японии не удивить (давняя традиция!). Предметом сенсации стала именно скандальность почтенного премьера, одного из видных деятелей ЛДП. Солидная газета отказалась от столь сенсационного материала... направив гейшу в еженедельник «Сандэй майнити», издаваемый той же корпорацией. Но настоящий скандал разгорелся только после того, как новость была подхвачена «Вашингтон пост» и разнесена по всему миру. Оппозиция подняла вопрос в парламенте, обвинив Уно в том, что он неуважительно относится к женщине и вдобавок позорит японское правительство на весь мир. Премьер немедленно подал в отставку, пробыв у власти всего два месяца, и превратился в результате скандала в «политический труп».

Главная причина стремительного и бесславного конца карьеры Уно в том, что он «потерял лицо» и стал смешным. Однако некоторым политикам удавалось устоять и перед куда более серьезными обвинениями. Классический пример – непотопляемый харизматик К. Танака, премьер-министр в 1972–1974 гг., вынужденный оставить свой пост после того, как был уличен в получении многомиллионных взяток от американской самолетостроительной фирмы «Локхид». Подробности этого громкого скандального дела, расследование которого продолжалось много лет, хорошо известны, поэтому остановлюсь лишь на тех его аспектах, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме.

Во-первых, это дело было «раскручено» не газетой, а журналом, причем не каким-нибудь бульварным, а респектабельным «Бунгэй сьундзю». Во-вторых, японская ежедневная пресса «заметила» сенсацию только после того, как об этом начали писать американские газеты. В-третьих, и это, пожалуй, самое интересное, первые публикации в японских газетах содержали ссылки не на «Бунгэй сьундзю», а на сообщения американских СМИ.

212 Но так или иначе, «круги по воде» пошли. На сей раз дело оказалось куда серьезнее: речь шла не только об образе жизни или моральном облике главы кабинета, но о тесном срастании денег, бюрократии и политики, о продажности главы исполнительной власти, наконец, о национальной безопасности: иностранная фирма сумела подкупить японского премьера, в результате чего выгодный и дорогостоящий правительственный контракт достался производителю, качество самолетов которо-

го оставляло желать лучшего. Танака ушел в отставку, оказался под следствием и даже провел какое-то время за решеткой, однако не только не ушел из парламента, но продолжал раз за разом одерживать убедительные победы в своем избирательном округе. Избиратели так и «не выдали» своего любимца, несмотря на все атаки СМИ.

Однако в 90-е годы такое уже не сходило с рук никому. Изобличенные прессой в разного рода махинациях ушли со своих постов премьеры Н. Такэсита в 1989 г. и М. Хосокава, глава первого кабинета без ЛДП, в 1994 г. «Случай Хосокава» особенно показателен, потому что он пришел в Большую Политику как «чистый политик» и борец с «продажной олигархией» ЛДП. Героем наиболее громкого скандала стал С. Канэмару, многолетний вице-председатель и главный «серый кардинал» правящей партии, арестованный в марте 1993 г. по обвинению в уклонении от уплаты налогов и в нарушении закона о политических пожертвованиях. Канэмару был тесно связан с Такэситой, поэтому скандал бросил тень и на бывшего премьера, несколько запятнанного, но все еще влиятельного в партии. Влияние Такэситы сохранялось до его смерти в 2000 г., однако теперь ему приходилось действовать исключительно за кулисами. Превратился в «политический труп» и престарелый Канэмару, тихо скончавшийся несколько лет спустя. Все эти скандалы, активно раздувавшиеся прессой, нанесли чувствительный урон либерал-демократам, обусловив расколы в ЛДП и ее поражение на выборах 1993 г.

Однако во всех действиях ведущих СМИ этого времени легко увидеть стремление правящей элиты к очищению своих рядов и к обновлению «имиджа». И после 1993 г. ключевые посты во всех без исключения кабинетах занимали или члены ЛДП, или выходцы из ее рядов, а социалистические министры и даже премьер-министр Т. Мураяма воспринимались лишь как символический «довесок» к ним, особенно на фоне стремительного падения влияния, можно сказать, обвала Соцпартии в середине 90-х годов. Внутри правящей элиты произошла мощная и довольно радикальная перегруппировка сил, поданная СМИ как «обновление» японской политики. Не будем делать выводы, насколько глубоким и серьезным является это обновление, поскольку процесс еще далек от завершения. Но исключительно важная роль «четвертой власти» в нем очевидна.

Примечания

¹ См.: Japan's Mass Media. Tokyo, 1997; Facts and Figures of Japan 2001. Токио, 2001; Нихон токэй нэнкан. Хэйсэй 13 нэн. (Японский статистический ежегодник 2001). Токио, 2001.

² R.H. Mitchell. Censorship in Imperial Japan. Princeton, 1983; K. Kawabe. The Press and Politics in Japan: A Study of the Relation between the Newspaper and the Political Development of Modern Japan. Chicago, 1921.

³ L. Young. Japan's Total Empire. Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism. Berkeley, 1998, ch. 3.

⁴ G.J. Kasza. The State and the Mass Media in Japan, 1918-1945. Berkeley, 1988.

⁵ Цит. по: С. Hosoya. George Sansom – Diplomat and Historian. – European Studies on Japan. Tenterden (Kent), 1979, p. 119.

⁶ R. Akhavan-Majid. The Press as an Elite Power Group in Japan. – Journalism Quarterly, 1990, vol. 67, № 4, p.1009.

⁷ F. Gibney. Japan: The Fragile Superpower. N.Y., 1975, p. 246.

⁸ Цит. по: L.A. Freeman. Closing the Shop. Information Cartels and Japan's Mass Media. Princeton, 2000, p. 102.

⁹ Подробнее см.: E.S. Krauss. Broadcasting Politics in Japan. NHK and Television News. L., 2000.

¹⁰ Наиболее беспристрастное исследование этой системы: L. Freeman. Op. cit.

¹¹ Расшифровка основных эвфемизмов (за ними обычно могут скрываться не более чем 2–3–4 человека!): L. Freeman Op. cit., p. 127–129.

¹² Этот вопрос подробно исследован в: M. Farley. Japan's Press and the Politics of Scandal. – Media and Politics in Japan. Honolulu, 1996.

Японский военный потенциал

А. Шлындов, В. Бунин

Военный потенциал страны представляет собой «совокупность всех материальных и духовных сил государства и его способности мобилизовать эти силы для достижения целей войны или решения других задач. Обусловливается экономическими, социальными, научно-техническими, морально-политическими возможностями государства, непосредственно воплощается в вооруженных силах, в их способности выполнять задачи, поставленные политическим руководством»¹.

В данном очерке предпринимается попытка анализа основных составляющих военного потенциала Японии, ее военной доктрины. Мы рассматриваем современное состояние национальных вооруженных сил (Сил самообороны), процесс их модернизации в соответствии с перспективной программой военного строительства 1996–2015 гг., а также материальную основу их существования – государственное оборонное финансирование, структуру военного бюджета, в частности затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и закупки

вооружений и военной техники (ВВТ), возможности военно-научного потенциала Управления национальной обороны (УНО) и отраслей промышленности, выполняющих его заказы, основные черты военного производства страны и его особенности в условиях ограничений, накладываемых 9-й статьей Конституции, и существующего запрета на экспорт вооружений. Делаются среднесрочные и долгосрочные оценки перспектив наращивания в Японии такого военного потенциала, который мог бы стать инструментом укрепления и проецирования на региональном уровне комплексной мощи государства.

Превращение Японии в XXI в. в полноценную военную державу требует решения комплекса задач по приведению как политических и военных возможностей, так и влияния государства в соответствие с имеющимися у него экономическим, финансовым, научно-техническим и технологическим потенциалами. Это необходимо для того, чтобы с максимальной эффективностью воздействовать на международную обстановку в интересах создания наиболее благоприятных условий для реализации стратегии устойчивого развития и укрепления позиций Японии в мире и в регионах путем активного участия в формировании и функционировании нового международного порядка.

Обеспечение национальной безопасности в Японии понимается как сдерживание и нейтрализация угроз различного характера, направленных против независимости государства, его территориальной целостности, политической самостоятельности, экономического благополучия, жизни, свободы и имущества граждан. В настоящее время это понятие охватывает широкий круг вопросов, связанных с защитой государства и его населения от внешних и внутренних угроз, обеспечением сырьевой, энергетической, экологической, военной, продовольственной безопасности.

Для наиболее полного и многоаспектного обеспечения безопасности в 80-х годах в качестве основы внешнеполитической стратегии и военной политики Японии была разработана и принята концепция «комплексного обеспечения национальной безопасности», в соответствии с которой реализация национальных целей государства может быть осуществлена в полном объеме только при опоре на его совокупную мощь при оптимальном сочетании военных и невоенных средств. Эта концепция, в которой приоритет отдается использованию политических, экономиче-

ских и других невоенных средств как наиболее эффективному пути повышения влияния Японии в мире, стала стержнем военной доктрины страны, что предопределило ее оборонительный характер (в Японии не существует отдельного документа под названием «военная доктрина», но это не свидетельствует об отсутствии таковой. Основные положения японской военной доктрины отражены в различных документах и законодательных актах основополагающего характера, в том числе в Конституции, законах и программах.)

С учетом изменений, происходящих в современном мире и в самой Японии, на современном этапе в национальной военной доктрине ставятся следующие задачи на ближайшую и среднесрочную перспективу:

- укрепление внутривнутриполитической стабильности, преодоление кризисных явлений в экономике и финансах, осуществление реформы в указанных сферах, преодоление существенного отставания Японии от США и некоторых других стран Запада в научно-технической сфере, особенно в области информационных технологий;

- развитие равноправных союзнических отношений с США, укрепление партнерских связей со странами Западной Европы, расширение всестороннего сотрудничества с государствами Азиатско-тихоокеанского региона (АТР), добрососедское сосуществование с Китаем и Россией.

Отдавая предпочтение в обеспечении безопасности невоенным мерам, Япония тем не менее не исключает в определенных условиях использование вооруженных сил, строительство которых на современном этапе осуществляется на основе концепций «самостоятельной обороны», «базовых вооруженных сил» и ориентирования исключительно на оборону.

Принятая еще в начале 70-х годов концепция «самостоятельной обороны» нацеливает вооруженные силы страны на достижение такого боевого потенциала, который позволял бы самостоятельно обеспечивать военную безопасность Японии путем сдерживания агрессии с применением сил общего назначения. Что касается сдерживания широкомасштабной агрессии с применением ядерных средств, то здесь Япония полагается на США.

Концепция «базовых вооруженных сил» предусматривает создание компактных, укомплектованных хорошо обученным лич-

ным составом и оснащенных современным вооружением и военной техникой (ВВТ) вооруженных сил с оптимальной для решения оборонительных задач организационно-штатной структурой и составом средств вооруженной борьбы.

В мирное время они должны обеспечивать сдерживание агрессии против Японии с минимально необходимыми для обороны численностью личного состава и количеством ВВТ. В угрожаемый (особый) период такие вооруженные силы должны обеспечивать базу для развертывания крупной армии военного времени.

Концепция «базовых вооруженных сил» основное внимание уделяет качественному совершенствованию японских Сил самообороны, которое предполагает как оптимизацию их общей структуры, так и совершенствование организационно-штатной структуры соединений (частей) на основе поддержания рационального соотношения между боевыми частями и частями (подразделениями) боевого обеспечения; повышению эффективности и боевой устойчивости органов управления; увеличению ударной и огневой мощи воинских формирований посредством их оснащения современными видами ВВТ национальной разработки и производства; совершенствованию профессиональной и морально-психологической подготовки личного состава, а также улучшению системы тылового обеспечения, повышению надежности и живучести структуры оперативного оборудования территории. Важная роль в реализации мероприятий по качественному совершенствованию вооруженных сил страны отводится системе от мобилизации войск и расширению и интенсификации военных НИОКР.

Появившаяся в японских военно-теоретических разработках идея «превентивной обороны», допуская возможность разгрома сил противника на дальних подступах к Японии, не предполагает нанесения первыми превентивных ударов по его территории. Эта идея до сих пор не получила концептуального оформления. Более того, для ее реализации японские Силы самообороны не имеют соответствующих сил и средств. Как известно, в их составе нет бомбардировочной авиации и оперативно-тактических ракет.

В военной доктрине Японии ни одно из государств прямо не называется потенциальным противником. Тем не менее она довольно четко вскрывает источники потенциальной военной угрозы для Японии, а также выделяет страны, которые могут представлять для нее такую угрозу.

В качестве источников потенциальной угрозы называются сохраняющаяся напряженная обстановка на Корейском полуострове и в Тайваньском проливе, а к числу стран, способных использовать военно-силовые методы против Японии, отнесены Китай, Российская Федерация и КНДР. Следует отметить, что на современном этапе в иерархии стран, представляющих потенциальную угрозу для Японии, Китай стал занимать первое место. Особое беспокойство японского военно-политического руководства вызывают беспрецедентно высокий, по его мнению, рост военных расходов Китая, которые ежегодно уже более десяти лет подряд увеличиваются на 10% и более (в 1998 г. был зафиксирован рекордный для КНР 13%-ный рост военного бюджета), а также тот факт, что столь масштабное усиление военной мощи Китая закрепляется в соответствующей законодательной базе. Так, в ежегоднике УНО подчеркивается: «Китай в феврале 1992 г. ужесточил свой Закон о территориальных водах, зафиксировав в нем положение о том, что принадлежащие Японии Сэнкаку, а также Спратли и Парасельские острова, на которые претендуют некоторые государства АСЕАН, являются территорией КНР»².

По поводу развития военного потенциала в перспективной долгосрочной программе строительства Сил самообороны на 1996–2025 гг. записано: «Япония в соответствии с Конституцией по своей собственной инициативе ограничивает темпы и масштабы своего оборонного строительства, строго следуя основным принципам политики, ориентированной исключительно на оборону; она не станет военной державой, которая могла бы представлять угрозу другим государствам, осуществляет гражданский контроль за вооруженными силами, остается приверженной трем неядерным принципам и неукоснительно реализует японо-американские мероприятия по безопасности»³. В этом заключается основное кредо военной политики Токио, имеющей четко выраженную оборонительную направленность.

Характеристика Сил самообороны

Основу военного потенциала Японии составляют ее вооруженные силы (Силы самообороны). Они имеют трехвидовую структуру в соответствии со сферами применения: сухопутные войска, военно-морские и военно-воздушные силы.

Таблица 1

Численный состав Сил самообороны на 31.03. 2000

	СВ	ВМС	ВВС	ОКНШ	Всего
По штату	160 000*	45 000*	47 000*	1700**	253 700
В наличии	149 000*	43 500*	44 000*	1650**	238 150
Укомпл., %	87,4%	90%	93%	87%	93,8%

* С учетом организованного резерва (4400 человек – в СВ, 110 чел. – в ВМС, 80 чел. – в ВВС)

** С учетом вновь созданного штаба разведки (1500 человек)

Источник: Бозй хакусё 2000 (Белая книга об обороне 2000). Токио, 2000, с. 248.

Сухопутные войска, по мнению японского командования, должны обладать способностью самостоятельно или совместно с другими видами вооруженных сил решать следующие задачи: обеспечивать противодесантную оборону Японских островов во взаимодействии с ВВС и ВМС; вести все виды боевых действий против высадившихся сил противника; участвовать в противовоздушном прикрытии центров государственного и военного управления, промышленных районов и районов базирования войск; осуществлять высадку морских и воздушных десантов; участвовать в поддержании или восстановлении общественного порядка; проводить поисково-спасательные операции, ликвидировать последствия стихийных бедствий и катастроф техногенного и иного характера, а также принимать участие в миротворческих операциях.

Штатная численность личного состава по состоянию на 31 марта 2000 г. составляла 160 тыс. человек (с учетом боеготового резерва). В боевом составе насчитывалось 5 полевых армий, 13 дивизий (пехотных – 12, танковых – 1) и 14 бригад. На вооружении состояло 1100 танков, более 50% из них новой разработки (Т-90), 710 бронетранспортеров, более 820 орудий полевой артиллерии, 430 самолетов и вертолетов армейской авиации.

Дальнобойных разведывательно-ударных, разведывательно-огневых комплексов, оперативно-тактических и крылатых ракет на вооружении сухопутных войск Японии нет. В перспективе рассматривается возможность принятия на вооружение высокоточных авиационных ракет и артиллерийских снарядов.

ПВО объектов и районов обеспечивается 8 группами зенитных управляемых ракет (ЗУР) – улучшенный «Хок» в количестве

20 пусковых установок. Оперативно-территориальным объединением сухопутных войск, имеющим свою зону ответственности, является полевая армия. Основным тактическим соединением сухопутных войск является дивизия. Оперативное руководство сухопутными войсками осуществляет штаб во главе с командующим, который одновременно является начальником штаба.

Военно-морские силы ввиду островного положения Японии занимают главное место в системе обороны страны. Они призваны самостоятельно или во взаимодействии с другими видами вооруженных сил решать следующие основные задачи: защита морских границ Японии, а также обеспечение свободы судоходства и защиты морских коммуникаций; борьба с корабельными группировками противника; ведение разведки и наблюдения морских районов; защита военно-морских баз и портов: блокирование проливов в районе Японских островов; обеспечение противодесантной обороны и высадки морских десантов; организация морских перевозок в интересах Сил самообороны и конвоирование торговых судов.

Численность личного состава ВМС на 31 марта 2000 г. равнялась 45 тыс. человек. На вооружении находилось 147 боевых кораблей общим водоизмещением 336 тыс. тонн, в том числе 55 эскадренных миноносцев, 16 подводных лодок, 34 минных тральщика, более 300 вспомогательных кораблей, 205 противолодочных патрульных самолетов и вертолетов, включая 99 самолетов Р-ЗС. Почти половина эсминцев морских Сил самообороны – корабли новой и новейшей разработок, причем эсминец «Конго» (водоизмещением 7200 т) оснащен американской системой «Иджис», которой не располагает ни один из союзников США по НАТО.

На вооружении морских Сил самообороны нет кораблей с атомными силовыми установками, а также авианосцев, крейсеров и больших десантных кораблей.

Организационно ВМС состоят из флота, военно-морских районов и других соединений и частей. Высшим оперативным объединением является флот. Оперативное руководство ВМС осуществляет штаб во главе с командующим (начальником штаба), в состав которого входят три командования (эскортных сил, подводных сил и авиационное), две флотилии тральщиков, дивизион десантных кораблей и другие формирования.

Военно-воздушные силы предназначены для самостоятельного или во взаимодействии с другими видами Сил самообороны решения следующих задач: обеспечение ПВО основных административно-промышленных и военных объектов; оказание непосредственной авиационной поддержки сухопутным войскам; борьба с корабельными группировками; участие в проведении противодесантных (десантных) операций; высадка воздушных десантов; ведение воздушной разведки и наблюдения; организация военно-транспортных перевозок. В соответствии с решаемыми задачами ВВС подразделяется на тактическую, истребительную ПВО, разведывательную, военно-транспортную и вспомогательную авиацию.

ВВС Японии в своем составе не имеют бомбардировочной авиации и тяжелых (стратегических) военно-транспортных самолетов. На их вооружении состоят 510 самолетов, в том числе истребителей-перехватчиков (F-15J, F-4EJ) – 302, истребителей непосредственной авиационной поддержки: F-1–61, F-2C–29, транспортных самолетов – 55, учебно-тренировочных самолетов – 87. Кроме того, организационно в ВВС входят 6 групп ЗУР «Пэтриот» (24 батареи со 144 пусковыми установками).

Организационно ВВС включают боевое авиационное командование, учебное авиационное командование и транспортные крылья, ряд соединений и частей центрального подчинения. Высшим оперативным объединением ВВС является боевое авиационное командование. Основным оперативным соединением считается авиационное направление. Оперативное руководство ВВС осуществляется штабом во главе с командующим (начальником штаба).

Система высших органов военного управления Японии включает Совет национальной безопасности (СНБ), УНО и Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ). Верховным главнокомандующим, согласно существующему законодательству, является премьер-министр, который наделен правом объявлять чрезвычайное положение в стране, приводить Силы самообороны в различные степени боевой готовности и отдавать распоряжение о начале военных действий.

Совет национальной безопасности — консультативный орган при премьер-министре. В его функции входит разработка основных направлений военной политики, базовых положений воен-

ной доктрины, перспективных планов строительства вооруженных сил, развития военного производства, мер на случай возникновения чрезвычайной обстановки. В состав СНБ входят: премьер-министр (председатель), его заместитель из числа министров, министры иностранных дел и финансов, начальник канцелярии кабинета министров, начальник УНО, начальник Управления экономического планирования (УЭП).

УНО является основным руководящим органом Сил самообороны. На него возложено решение задач по их строительству, материально-техническому обеспечению, осуществлению руководства военными НИОКР. Начальник УНО (государственный министр) – член правительства. Ему предоставлено право с санкции премьер-министра приводить Силы самообороны в различные степени боевой готовности и отдавать распоряжения по их боевому применению. Руководство ими он осуществляет через ОКНШ и штабы СВ, ВМС и ВВС. ОКНШ подчинен начальнику УНО. В его состав входят председатель и командующие СВ, ВМС и ВВС. ОКНШ отвечает за разработку планов строительства Сил самообороны, организацию оперативной и боевой подготовки войск, всех видов разведки и тыловое обеспечение. В случае войны ОКНШ становится высшим органом оперативного руководства.

Штабы СВ, ВМС и ВВС являются органами непосредственного руководства вооруженными силами. Их возглавляют соответствующие командующие, одновременно являющиеся начальниками штабов.

Модернизация Сил самообороны

Новая перспективная программа впервые предусматривает некоторое сокращение базовых вооруженных сил, являющихся составным элементом организационного строительства японских Сил самообороны, хотя в целом это не снижает их боеспособность. Решением Совета безопасности и кабинета министров 4 из 12 пехотных дивизий преобразуются в смешанные бригады с меньшей численностью личного состава. В дальнейшем предполагается перевести на бригадную структуру и другие дивизии сухопутных Сил самообороны, что позволит снизить некомплект личного состава частей (подразделений), достигавший ранее 30% от их общей численности. Все организационные преобразования намечено произвести постепенно в течение периода дей-

ствия программы (примерно до 2010–2015 гг.), чтобы обеспечить гибкий переход к новым структурам.

Одновременно расформируются следующие подразделения: три дивизиона эсминцев военно-морских районов, одна флотилия минных тральщиков, три эскадрильи противолодочной авиации, одна эскадрилья истребителей-перехватчиков. 20 из существующих 28 групп ПВО преобразуются в эскадрильи ПВО.

Сокращаются и основные виды вооружений: танки – на 300 единиц, артиллерия – на 100 артсистем, эсминцы – на 10 единиц, боевые самолеты противолодочной авиации – на 50 единиц, боевые самолеты ВВС – на 30 единиц. В совокупности по всем видам вооруженных сил уровни вооружений понижаются на 10–15%.

Вместо признанного неэффективным так называемого резервного корпуса, насчитывающего немногим более 40 тыс. человек, предполагается создать резерв повышенной готовности численностью 15 тыс. человек, личный состав которого в отличие от прежних лет будет ежегодно призываться на месячные учебные сборы. Данные о численности, боевом составе, вооружениях и военной технике базовых сил обороны представлены в табл. 2.

Таблица 2

Базовые силы обороны (1996–2000 гг.)

Сухопутные войска	
Численность, тыс. человек	160 000
Действующий состав Сил самообороны	145 000
Резерв повышенной готовности	15 000
Основные формирования:	
Пехотные дивизии	8
Смешанные бригады	6
Мобильные формирования:	
Бронетанковая дивизия	1
Воздушно-десантная бригада	1
Вертолетная бригада	1
Группы ЗУР ПВО	8
Вооружение:	
Танки, ед. до	900
Ракетно-артиллерийские системы, ед. до	900
Военно-морские силы	
Основные формирования:	
Флотилии эскадренных миноносцев	4

Дивизионы эсминцев ВМР	7
Флотилии подводных лодок	6
Минно-тральные флотилии	1
Патрульные авиаэскадрильи наземного базирования	13
Вооружение:	
Эскадренные миноносцы, ед. до	50
Подводные лодки	16
Патрульные самолеты ок	170
Военно-воздушные силы	
Основные формирования:	
Группы радиолокационного дозора и наблюдения (РЛДН)	8
Эскадрильи радиолокационного дозора и наблюдения (РЛДН)	20
Палубные эскадрильи РЛДН предупреждения	1
Эскадрильи истребителей-перехватчиков	9
Эскадрильи непосредственной авиационной поддержки	3
Разведывательная эскадрилья	1
Эскадрильи военно-транспортной авиации	3
Группы ЗУР ПВО	6
Вооружение:	
Боевые самолеты, ед. до	400
в том числе истребители-перехватчики, ед. до	300

Источник: Бозй хакусё 2000. с. 77.

Качественные изменения в составе группировок войск произойдут в первом десятилетии наступившего века. В частности, вместо двух пехотных и одной бронетанковой дивизии на Хоккайдо предполагается оставить одну бронетанковую дивизию и две смешанные бригады. При некотором уменьшении численности личного состава и количества ВВТ, боевые возможности указанных формирований не претерпят существенных изменений благодаря повышению их качественных показателей. Это свидетельствует о том, что Япония пока еще не избавилась от традиционного стереотипа «угрозы, исходящей с Севера», хотя и низвела ее на существенно более низкий уровень⁴.

В основных направлениях программы национальной обороны на период с 1996 г. формулируются следующие принципы будущего процесса оборонного строительства, которые должны быть присущи Силам самообороны:

1. Способность принимать своевременные и адекватные меры по оказанию помощи населению в районах стихийных бедствий в любом месте Японии, содействия в ликвидации последствий крупномасштабных стихийных бедствий или им подобных ситуаций, требующих защиты жизни людей и их имущества;

2. Участие в мероприятиях по международному военному сотрудничеству и ликвидации стихийных бедствий международного масштаба с применением своевременных и адекватных мер, способствующих установлению мира и стабильности в международном сообществе.

3. Непрерывное осуществление наблюдения за обстановкой и передача данных на соответствующие пункты управления в реальном масштабе времени, анализ и использование полученной информации для оперативного принятия адекватных решений. Силам самообороны Японии вменяется в обязанность сбор и анализ разведданных на всех уровнях, включая стратегическую разведку, на основе использования различных технических средств и систем сбора и анализа информации, обслуживаемых высококвалифицированными специалистами⁵.

4. Повышение качества функционирования систем управления войсками и оружием. На вооружение будут поступать современные системы управления войсками и оружием, резко повышающие степень автоматизации и механизации работ в штабах и центрах управления (командных пунктах).

5. Силы самообороны Японии призваны постоянно совершенствовать свою организационно-штатную структуру в интересах повышения ее эффективности, упрощения управления и оптимизации затрат материально-технических и финансовых средств, а также прилагать усилия для укомплектования подразделений хорошо обученными и профессионально подготовленными военнослужащими, обладающими высокими морально-психологическими качествами. В интересах многопрофильной подготовки личного состава предполагается иметь программы замены и продвижения личного состава внутри Сил самообороны. Обращается внимание на повышение качества отбора личного состава, его воспитания, учебы и подготовки с особым акцентом на выполнение задач меж-

дународного военного сотрудничества и миротворческой деятельности по линии ООН и других международных организаций.

6. В процессе расширения функций и задач Сил самообороны Японии их структура должна приобрести соответствующую гибкость, способность оперативно адаптироваться к изменяющимся условиям. Самое серьезное внимание будет уделяться профессиональной подготовке личного состава, а также обеспечению боевой слаженности экипажей и подразделений. Решение указанных задач предполагается возложить на специальные учебные технические подразделения. Это обеспечит адекватное повышение интенсивности боевой подготовки, облегчит процесс обеспечения боевой слаженности при разумной экономии выделяемых для этих целей ресурсов всех видов.

7. Повышение качества военного потенциала Японии будет осуществляться в органическом единстве с мероприятиями в других сферах обеспечения жизненно важных национальных интересов, таких как политико-дипломатическая, экономическая, финансовая, информационная, экологическая, демографическая. Ввиду усиления напряженности в финансовой сфере признано необходимым обращать особое внимание на корректное составление бюджетных заявок на среднесрочную и долгосрочную перспективы, с тем чтобы система национальной обороны могла четко и эффективно выполнять свои функции в обозримом будущем.

8. Принятие необходимых мер для повышения эффективности содержания войск путем слияния или сокращения некоторых объектов на основе тесного сотрудничества с местными властями с целью сокращения расходов, соблюдения экологических требований при сохранении нормальных условий расквартирования войск и улучшения качества жизни личного состава.

Реализация намеченных мероприятий позволит Силам самообороны обеспечивать на уровне оборонной достаточности безопасность собственно территории Японии, а также морской зоны вокруг нее, не создавая критической нагрузки и серьезных проблем для ее экономики, финансов и экологии.

Программа «Технологические исследования и открытия» нацеливает на проведение НИОКР по созданию высокотехнологических систем ВВТ, включая высокоточное оружие и радиоэлектронные средства. В частности, в соответствии с этой программой ведутся работы по созданию новых управляемых ракет, в том числе зенитных, противокорабельных и авиационных систем управляемого ракетного оружия, а также модернизированных поисково-спасательных гидросамолетов US-1A. Приоритетное внимание уделяется повышению эффективности НИОКР. Особая значимость при проведении НИОКР военного назначения придается соблюдению критерия «эффективность – стоимость», т.е. сопоставлению достигнутой или требуемой эффективности и необходимых для этого затрат с учетом стоимости разработки, серийного производства и эксплуатации ВВТ.

Военное финансирование

Рост экономической мощи Японии и опережение ею по ряду экономических и научно-технических показателей США и стран Западной Европы способствовали проявлению националистических амбиций в стране. В годы «холодной войны» наиболее консервативные представители японских правящих кругов под флагом наращивания оборонительных усилий в качестве вклада в общую с государствами Запада систему безопасности ставили своей целью не допустить отставания от членов НАТО в сфере вооружения и военной техники. Важное место они отводили увеличению ассигнований на строительство вооруженных сил, развитию оборонных отраслей промышленности, проявляли постоянную заботу о дальнейшем укреплении экономической и научно-технической составляющих военной мощи государства.

Под нажимом Вашингтона, стремившегося переложить на плечи Японии равную с государствами – членами НАТО долю ответственности за обеспечение безопасности Запада, оборонные расходы Японии непрерывно росли, причем годовые темпы их прироста до 90-х годов более чем в два раза опережали соответствующие показатели для западноевропейских стран: они колебались в пределах 6–7,5%. Абсолютная сумма военных ассигнований с 1957 по 1983 г. практически удваивалась через каждые пять лет (см. табл. 3).

Таблица 3

**Военные ассигнования (1957–2000 гг.),
трлн. иен**

Планы укрепления и развития Сил самообороны	Годы	Ассигнования (трлн. иен)
1-й план	1957–1961	0,46
2-й план	1962–1966	1,15–1,18
3-й план	1967–1971	2,34
4-й план	1972–1976	4,63
1-й среднесрочный план	1980–1984	12,9
2-й среднесрочный план	1983–1987	15,6–16,4
3-й среднесрочный план	1986–1990	18,4
4-й среднесрочный план	1991–1995	22,5
5-й среднесрочный план	1996–2000	25,15

Бозй хандобукку 1998 (Справочник по вопросам обороны 1998). Токио, 1998. с. 118.

С принятием второго среднесрочного плана укрепления и развития Сил самообороны пятилетний прирост несколько сократился, что объяснялось довольно высоким уровнем прямых военных расходов, которого Япония достигла к началу 80-х годов.

На реализацию третьего среднесрочного плана было выделено на 12% больше, чем на второй, а в 1996–2000 гг. предполагалось израсходовать на 2,1% больше, чем в предыдущей пятилетке. По сравнению с 1-м планом (1957–1961 гг.) текущий военный бюджет, как видно из таблицы 3, вырос более чем в пятьдесят раз.

Начиная с 90-х годов темпы ежегодного роста военного бюджета значительно снизились. Прирост на 2,58 % в 1996 г. и на 1,95 % в 1997 г. объясняется тем, что в первом случае было заказано на год 11, а во втором – 8 новых самолетов непосредственной авиационной поддержки F-2C. Кроме того, в соответствии с японо-американским соглашением о базах США на Окинава в бюджет 1997 г. было добавлено 6,1 млрд. иен, 1998 г. – 10,7 млрд., 1999 г. – 12, 1 млрд. иен⁶.

Доля военных расходов в ВВП страны за 10 лет ни разу не превысила 1%. Что касается общей доли военных расходов в национальном бюджете, то она стабильно удерживается на уровне,

не превышающем 6,5%. Рост оборонного бюджета объясняется не только политическими мотивами, связанными со стремлением правящих кругов удовлетворить требования Вашингтона и поддерживать адекватный экономической мощи Японии военный потенциал, но и происходящими в стране инфляционными процессами, которые в первую очередь сказываются на удорожании производимых на японских заводах ВВТ, а также резким повышением за последние четыре десятилетия жизненного уровня населения, что повлекло за собой внушительное увеличение денежного содержания военнослужащих. Только с 1980 по 2000 г. жалование военнослужащего первого года службы возросло на 28,8%, унтер-офицера – на 27,7, офицера – на 33, генерала – на 27,6%. Денежное содержание рядового первого года службы превышает тысячу долларов в месяц⁷.

Доля военных расходов в бюджете – одна из самых малых (достаточно сказать, что на социальное обеспечение, например, приходится более 19%)

Структура военного бюджета

Структура военного бюджета на 2000 финансовый год. выглядит следующим образом: из общей суммы в 4,9 трлн. иен 44,6% было потрачено на содержание личного состава; 18,5 – на закупку вооружений и военной техники; 2,4 – на НИОКР; 3,4 – на строительно-ремонтные работы; 2,2 – на содержание жилищного фонда; 18,0 – на боевую подготовку и обучение, 11 – на содержание баз; 0,3 – на сокращение числа баз на Окинава; 1,6% – на прочие цели⁸. Следует отметить тенденцию к росту ассигнований на содержание личного состава, сокращение расходов на закупку вооружений и военной техники, некоторое сокращение за последние два года затрат на НИОКР. Неизменно возрастают ассигнования на содержание американских баз, к ним с 1997 г. приплюсовываются специальные расходы на базы США на Окинава (в связи с объявленным сокращением числа баз в основном за счет их слияния происходит уплотнение территорий, освоение новых намывных участков, а также осуществляется перевод баз в другие районы Японии).

При обнародовании УНО Японии общей суммы ассигнований на выполнение третьей среднесрочной программы укрепления и развития Сил самообороны специалисты подсчитали, что расхо-

ды на оборону за период с 1986 по 1990 г. превысят 1%-ный (от ВВП) «политический потолок», установленный правительством в 1976 г. Поскольку еще правительство Я. Накасонэ в начале 80-х годов взяло курс на отмену ограничений на оборонные ассигнования, по всей стране развернулась кампания за сохранение существовавшего в течение десяти лет лимита на военные расходы. Оппозиционные партии – СПЯ, Комэйто и КПЯ выступили с серьезной критикой этого курса и потребовали оставить «потолок» в неприкосновенности.

Проведенный кабинетом министров в 1995 г. опрос общественного мнения показал, что подавляющее большинство японского народа выступает за сохранение лимита на оборонные расходы, за сохранение 1%-ного «потолка». По сравнению с 1981 г. в 1995 г. число респондентов, выступивших за сохранение бюджета УНО на достигнутом уровне и 1%-ного «потолка» увеличилось на 11,2%; число лиц, высказавшихся за сокращение ассигнований на нужды обороны возросло на 4,7%, а число ратовавших за наращивание военного бюджета снизилось на 14,9%.

Статистические данные свидетельствуют, что резкого повышения процентного соотношения военных расходов с ВВП, как предсказывали многие политологи во второй половине 80-х годов, не произошло. Более того, начиная с 1990 г. оно показывает устойчивое, хотя и небольшое, снижение (см. табл. 4). Это объясняется тем, что наращивания количества ВВТ и численности личного состава в эти годы не происходило. Кроме того, финансовые заявки УНО находились под постоянным и пристальным административным (со стороны министерства финансов) и парламентским контролем.

Таблица 4

**Доля военных расходов Японии по отношению к ВВП
(в %)**

231

1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
1,004	1,0013	1,006	0,997	0,954	0,941	0,937	0,948	0,949
1996	1997	1998	1999	2000				
0,968	0,946	0,936	0,930	0,989				

Военно-научный потенциал

Со второй половины 70-х годов Япония стала более интенсивно проводить линию на разработку и производство вооружений и военной техники собственными силами. Большое значение в этом смысле имели рекомендации Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн). Военно-промышленный комитет, действующий в ее рамках, проанализировал состояние исследований и разработок военного назначения и высказался за преимущественное развитие японских разработок вооружений и военной техники, освоение военного производства на базе японских технологий. Он также рекомендовал сократить импорт вооружений и боевой техники и военное производство по иностранным лицензиям. При этом комитет имел в виду, что в результате увеличения военного производства на основе собственных разработок фирмы-производители получают возможность приобрести необходимый опыт для создания перспективных образцов ВВТ, налаживания их серийного выпуска в мирное время и формирования базы для расширения военного производства в угрожаемый период. С этого времени наблюдается небольшое, но стабильное повышение ассигнований на НИОКР военного назначения.

В 1998 г. на такие НИОКР в военном бюджете было предусмотрено ассигновать 127,7 млрд. долл., что составило 2,2% общей суммы расходов на оборону (в США – 10%, в Великобритании – 13%, в ФРГ – 4,7%).

Однако фактически на военные НИОКР в Японии затрачиваются гораздо большие средства, которые не учитываются официальной статистикой (ассигнования частных корпораций, производящих вооружение и военную технику, а также продукцию двойного применения, государственные ассигнования на фундаментальные и прикладные исследования в области космоса, освоения океана, атомной энергетики и т.д.).

НИОКР военного назначения осуществляются, организуются и координируются Научно-исследовательским техническим центром (НИТЦ) УНО и находящимися в его ведении институтами, а также рядом государственных и частных НИИ и лабораторий корпораций.

С 1977 г. в УНО установлен порядок перспективного планирования НИОКР военного назначения. Управления ВВС, ВМС и СВ

разрабатывают соответствующие планы на десятилетний срок, а НИТЦ – на пятилетний с ежегодным отчетом о ходе выполнения этих планов.

Непосредственно в ведении НИТЦ находятся пять научно-исследовательских институтов, которые занимаются вопросами формулирования тактико-технических требований к разрабатываемым системам ВВТ, осуществляют тактико-техничко-экономический анализ и обоснование, участвуют в разработке, производстве и испытаниях новых образцов вооружений. Первый НИИ специализируется на разработке и испытаниях огнестрельного оружия, боеприпасов, кораблей и их систем оборудования и эксплуатации, средств связи, радиоэлектронного противодействия и разведки; второй – на исследованиях и разработках в области тылового обеспечения войск, в том числе создания новых комплектов питания, экипировки, перевязочных средств, медицинского оборудования, средств радиохимической и биологической защиты; третий – на исследованиях и разработках авиационной техники и систем вооружения, в частности самолетов истребительной авиации, вертолетов, самолетов вертикального взлета и посадки, дистанционно-пилотируемых летательных аппаратов (ДПЛА), управляемых ракет, включая зенитные средства; четвертый – на исследованиях и разработках бронетанковой, инженерной и автотранспортной техники; пятый – на исследованиях и разработках военно-морских вооружений, в том числе средств противолодочной обороны, гидроакустического оборудования, глубинных бомб, морских мин, торпед и др.

По состоянию на 31 марта 1999 г. НИТЦ и находящиеся в его ведении НИИ, а также соответствующие структуры промышленных корпораций завершили работы по тринадцати типам ВВТ, включая танк-90, БМП-91 и другие образцы. На доведение до серийного производства каждого образца ВВТ затрачивалось от трех до семи лет.

В настоящее время доля ВВТ отечественной разработки и производства, в том числе выпускаемого по иностранным лицензиям, составляет, по оценочным данным, приблизительно 95%. Около 5% авиационного оборудования, а также радиоэлектронных средств ВМС импортируется из США. Совместно с США Япония проводит в настоящее время исследования и разработки по следующим направлениям:

- создание реактивного авиационного двигателя пятого поколения на основе новых технологий, причем основное внимание обращается на решение проблем повышения его мощности, экономичности и увеличения технического ресурса;

- разработка технологий новых типов стали и сплавов для военного кораблестроения, в частности для создания нового поколения подводных лодок с увеличенной глубиной погружения;

- использование керамических и композитных материалов в двигателестроении с целью снижения габаритов, расхода топлива, повышения мощности и надежности перспективных силовых установок для бронетанковой техники и транспортных средств;

- создание радиолокационных станций нового поколения с большей дальностью обнаружения, помехозащищенностью и безопасной для зрения системой отображения информации, а также оптико-электронных устройств с применением инфракрасной и лазерной техники;

- стандартизация ВВТ в интересах обеспечения их совместимости и взаимозаменяемости при проектировании, производстве, испытаниях, приемке, ремонте, эксплуатации и хранении.

Важным направлением японо-американского взаимодействия в создании новых вооружений и военной техники становится сотрудничество в разработке системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД). Как известно, в сентябре 1993 г. между двумя странами было достигнуто соглашение о выработке совместной политики по вопросу создания системы ПРО ТВД. Работа по изучению направлений, форм и методов взаимодействия сторон в реализации указанного соглашения была возложена на подкомитет двустороннего объединенного комитета по безопасности, которым в декабре 1993 г. была сформирована двусторонняя рабочая группа по решению вопросов, относящихся к тематике ПРО ТВД.

С начала 1995 г. американские и японские специалисты приступили к совместной проработке тактико-технических требований системы, оценке научно-технического, технологического и производственного потенциала каждой из сторон на предмет выявления наиболее предпочтительного, с учетом критерия «эффективность–стоимость» разделения труда. В интересах наиболее полного и детального изучения проблемы между УНО Японии и

министерством обороны США был подписан протокол о «Всестороннем технологическом исследовании будущей системы противоздушной обороны Японии», на реализацию которого японское военное ведомство выделило с 1995 по 1998 финансовые годы 560 млн. иен⁹.

В настоящее время в УНО активно прорабатывается новая концепция, определяющая облик японских вооруженных сил XXI в., получившая условное наименование «Информационная революция в военном деле».

По мнению занятых в ее создании авторитетных военных экспертов, наиболее развитые в научно-техническом и технологическом отношении страны с начала 90-х годов вступили в переходный период от индустриального этапа развития к информационному. На этом этапе одним из важнейших ресурсов, определяющих совокупную мощь государства, компонентом которой является его военная мощь, становится степень овладения информационными технологиями. Наибольших успехов на этом пути добились США и некоторые европейские страны. Японии по ряду параметров информационной революции, в частности по уровню применения информационных технологий в вооруженных силах, не удалось занять лидирующее положение, и данная концепция призвана наметить пути преодоления наметившегося отставания.

Японские специалисты считают, что на современном этапе и в дальнейшем количество средств вооруженной борьбы, охватываемых процессом информатизации, непрерывно возрастает и будет возрастать по мере повышения технологического уровня и расширения сфер применения электронной составляющей вооружений и военной техники. Радиоэлектронные средства становятся к тому же объектом радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Исходя из такого понимания, японские эксперты определяют базовую задачу, которая должна быть решена в ходе реализации «концепции информационной революции в военном деле»: создание и внедрение в вооруженные силы высокоорганизованных информационных и информационно-противодействующих систем, обеспечивающих возможность в реальном масштабе времени получать, обрабатывать и надежно передавать необходимые оперативные данные, а также находить слабые места в управлении войсками и оружием противника, осуществлять проникнове-

ние в его компьютерные сети, системы командования, контроля, связи и разведки (C&I), навигации (ориентации), сенсорную аппаратуру с целью нарушения их работы и вывода из строя. Одновременно указанные информационные и информационно-противодействующие системы должны сами обладать способностью нейтрализовывать действие средств информационной войны противника, обеспечивая информационное превосходство в боевых действиях.

В качестве одной из первоочередных целей концепция определяет создание автоматизированных систем управления войсками и оружием, которые смогут существенно облегчить работу командирам всех уровней и обеспечить большую экономию времени при принятии решений. Кроме того, элементы этой системы, объединенные с оружейными комплексами, разведывательно-ударными (РУК), разведывательно-огневыми (РОК), смогут в реальном масштабе времени обеспечивать разведку, включая данные целеуказания и гарантированное поражение объектов противника. На долгосрочную перспективу японские специалисты ставят задачу создания искусственного интеллекта и разработку систем вооружения и военной техники с его использованием¹⁰.

Военное производство и система закупок

В Японии нет системы корпораций, занятых исключительно производством ВВТ. Иначе говоря, чисто военно-промышленного комплекса в нашем понимании там не существует. ВВТ выпускаются японскими компаниями наряду с гражданской продукцией, которая является профилирующей и явно преобладает в общем объеме и стоимости.

Военное производство, включая выпуск ВВТ, базируется на прочной общеэкономической основе, развитой индустрии и научно-техническом и технологическом потенциале страны. В целом Япония, за незначительными исключениями, может полностью удовлетворить потребности национальных вооруженных сил в количественном и в качественном отношении как в мирное время, так и в угрожаемый период.

Обладая ограниченной по сравнению с США, Англией, Францией, Германией и Россией военно-научно-технической, технологической и производственной базой, Япония способна разрабатывать и производить в необходимых количествах практически

все современные виды ВВТ. При наличии политического решения Япония может в течение четырех-пяти лет разработать собственное ядерное оружие и средства его доставки, а также наладить их производство. Проблема испытания такого оружия может быть решена путем компьютерного моделирования.

Правительство Японии ставит перед национальной промышленностью задачу наладить собственное производство и выпуск всех типов современных вооружений и военной техники (за исключением оружия массового уничтожения и средств его доставки), необходимых для удовлетворения потребностей Сил самообороны в условиях их качественного реформирования, сократив до минимума зависимость оснащения японской армии от американских поставок.

Вооружение и военная техника, а также оборудование и предметы материально-технического обеспечения войск производятся по заказам УНО. Большое влияние на распределение этих заказов имеет военно-промышленный комитет Кэйданрэн. Этот комитет посредничает в связях УНО с компаниями, выпускающими военную продукцию, разрабатывает рекомендации правительству по вопросам оснащения вооруженных сил, организации военного производства, исследований и разработок военного назначения.

В 1995 г. число генеральных подрядчиков, выполнявших заказы Управления поставок УНО, равнялось примерно 2400 компаниям. Из них 2/3 приходилось на фирмы, производящие оборонную продукцию и средства материально-технического обеспечения для Сил самообороны, и 1/3 – на фирмы, организующие поставки ВВТ и средств материально-технического обеспечения от производителей к потребителям. Свыше 50% подрядчиков УНО – мелкие и средние фирмы, состав которых постоянно обновляется. Стабильная клиентура УНО насчитывает примерно 800 крупных компаний, что не идет ни в какое сравнение с 30 тыс. подрядчиков и 50 тыс. субподрядчиков в США.

Претендовать на получение солидных оборонных заказов может лишь незначительная часть японских компаний. На долю 20 из них приходится 75% поставок ВВТ. В этом списке состоят девять крупнейших фирм «Мицубиси дзюкогё», «Кавасаки дзюкогё», «Исикавадзима Харима дзюкогё», «Мицубиси дэнки», «Тосиба»,

«Хитати», «Сумитомо», «Мицуи», «Нихон Сэйко», обладающих солидным опытом развертывания производства вооружений в годы Второй мировой войны. Они сосредоточивают в своих руках 52,2% общего количества заказов Сил самообороны (впрочем, эта цифра нестабильна, от года к году она может повышаться или понижаться на 2–3%). Одна только «Мицубиси дзюкогё» с ее 40 основными и дочерними фирмами, выпускающими танки, самолеты и корабли, обеспечивает более трети оборонного производства. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже у этих крупнейших генеральных подрядчиков УНО на долю оборонной продукции приходится менее 13,5% объема их общего производства. Закупки УНО в 1997 г. составили 0,57% общего объема промышленного производства Японии¹¹. Динамика закупок вооружений и военной техники по всем видам Сил самообороны в 1996–2000 гг. не выявляет тенденции к их наращиванию и свидетельствует о том, что Япония строго придерживается рамок перспективной программы.

Таблица 5

**Динамика заказов ВВТ в ходе реализации
среднесрочного плана
на 1996–2000 гг.**

Виды ВС	ВВТ	1996	1997	1998	1999	2000	План 1996– 2000
СВ	Танки	18	18	17	17	18	90
	Орудия	13	10	6	4	7	40
	Много- ствольные ракетные системы	9	9	9	9	9	45
	Бронетранс- портеры	4	4	8	4	4	24
	Вертолеты АН-1S		1		1	1	3
	Вертолеты СН-47JA	2	4	1	2	2	
	ЗУР улучшен. «Хок»	0,5 гр.	0,5 гр.	0,25 гр.	0,25 гр.	0,25 гр.	1,74 гр
ВМС	Эскадр. миноносцы	1	2	2	1	1	7

Виды ВС	ВВТ	1996	1997	1998	1999	2000	План 1996– 2000
	Подводные лодки	1	1	1	1	1	6
	Другие корабли	3	3	2	6	4	18
	Вертолеты SH-60J	6	7	7	9	7	37
ВВС	Истребители F-15DJ				4	4	
	Истребители F-2	11	8	9	8	9	45
	Вертолеты CH-47J			2	1	1	4
	Учебные T-4	9	13	9	10	9	54

Источник: Бозэй хакусё 2000. с. 95.

Считается, что реализация этой программы будет осуществляться более эффективно, если главное внимание уделять быстрому восполнению недостающих ВВТ и средств материально-технического обеспечения, упрощению заявок на обучение и подготовку личного состава, повышению эффективности затрат на эти цели, общей экономии средств, включая будущие обязательные затраты, связанные с вводом в строй новой техники, развитию системы закупок и механизмов снабжения, которые снижают закупочную стоимость ВВТ и других средств материально-технического обеспечения.

Следует отметить, что при заключении контрактов на поставку вооружения большую роль играют тесные личные связи руководства компаний – производителей боевой техники с правительственным аппаратом и, в частности с УНО. Так, в руководстве «Мицубиси дзюкогё» находится несколько десятков бывших старших и высших офицеров Сил самообороны (всего в руководстве компаний насчитывается более 160 бывших военнослужащих).

Благодаря практике *амакудари* («схождения с небес на землю»), что означает принятие уходящих в отставку офицеров и генералов Сил самообороны и служащих УНО в штат промышленных фирм, и *амаагари* («вознесения на небеса»), т.е. назначения представителей руководства этих фирм на государственные посты, связи военного бизнеса с правительством постоянно укрепляются.

Используя эти связи, некоторые военные чиновники, равно как и некоторые представители военного бизнеса превратили официальную систему распределения военных заказов в источ-

ник личного обогащения. Они стали источником коррупции. Достаточно напомнить о признаниях начальника УНО в «Белой книге по обороне» за 1999 г., когда плановой проверкой деятельности Управления поставок УНО была вскрыта переплата только четырем фирмам-поставщикам более 2 млрд. иен, большая часть которых пошла на взятки руководству Управления поставок. Прежний начальник и его заместители были арестованы и осуждены, весь личный состав Управления поставок уволен, проведена реорганизация этой важной структуры, учреждено специальное управление вневедомственного контроля, пересмотрена вся система поставок с целью введения в нее элементов конкуренции и отбора надежных компаний, не подверженных коррупции¹².

Особенности японского военного потенциала

Военная доктрина Японии имеет четкую оборонительную направленность. Она ориентирует национальное военное строительство и строительство вооруженных сил на обеспечение надежной обороны государства. Ее отличает реалистический подход в оценке угроз и вызовов военного характера, на основе которого определяются как оптимальная численность личного состава вооруженных сил и их структура, так и соотношение между видами ВВТ и средствами различного назначения, в наибольшей степени соответствующие всем возможным боевым задачам и вариантам обстановки. Адекватная оценка угроз позволяет правильно определить необходимый состав группировок войск, их структуру и дислокацию, а также рациональное распределение ресурсов на главных потенциально-опасных направлениях, не выходя за рамки оборонной достаточности. В японских Силах самообороны преобладают оборонительные системы ВВТ. На их вооружении нет бомбардировочной авиации, оперативно-тактических ракет, авианосцев, дальнобойного высокоточного оружия (ВТО), разведывательно-ударных комплексов и других систем оружия, объединяющих поражающие средства с системами обеспечения и функционирующих в реальном масштабе времени.

Силы самообороны с их нынешней численностью и уровнем подготовки личного состава, количеством ВВТ и боевыми возможностями, качеством функционирования систем управления войсками и оружием обеспечивают требуемый военной доктри-

ной страны уровень оборонной достаточности. По насыщенности современными ВВТ, доля которых в общем количестве состоящих на вооружении систем составляет около 50% и приближается к соответствующему показателю для стран НАТО, а по некоторым параметрам – например таким, как качество военно-морских вооружений, – достигает уровня США, Силы самообороны Японии соответствуют облику вооруженных сил наиболее развитых государств мира.

Финансирование вооруженных сил в полной мере обеспечивает решение задач поддержания военной мощи страны на уровне оборонной достаточности и не является обременительным для государства, позволяя концентрировать необходимые ресурсы в интересах решения экономических и социальных задач.

Органы управления войсками всех степеней укомплектованы личным составом с оптимальным приближением к штатам военного времени и в достаточно высокой степени автоматизированы и компьютеризированы.

Важным фактором, обеспечивающим четкое функционирование вооруженных сил, является высокоразвитый комплекс коммуникационных структур, охватывающий всю территорию страны.

Япония способна в полном объеме удовлетворить потребности в любых специалистах в случае мобилизационного развертывания экономики. Крупные предприятия базовых отраслей промышленности могут в оптимальные сроки перейти на выпуск военной продукции.

Вместе с тем нельзя не указать на следующие обстоятельства, имеющие прямое отношение к состоянию японского военного потенциала.

Во-первых, Япония практически не имеет собственных месторождений полезных ископаемых и полностью зависит от экспорта сырьевых ресурсов, особенно энергоносителей.

Во-вторых, производственный потенциал страны ввиду его высокой концентрации, наличия общих систем коммуникаций и ряда других особенностей не обладает достаточной живучестью.

В-третьих, несмотря на то, что в Силах самообороны налажена эффективная система боевой и специальной подготовки личного состава во всех родах войск и службах, обеспечивающая высокий уровень использования боевых возможностей ВВТ, она все же недостаточна для подготовки необходимого в военное

время резерва специалистов всех профилей, особенно для обслуживания и управления высокосложными видами ВВТ, не говоря уже о военно-технической подготовке всего взрослого дееспособного населения страны.

В-четвертых, помимо несовершенства системы профессиональной подготовки и накопления резерва военнообязанных, для японской системы обеспечения безопасности характерны недостаточная устойчивость от мобилизовывания войск, слабое развитие нормативной базы и механизма комплектования вооруженных сил и поставок техники из частного сектора, которые чреваты катастрофическими последствиями в случае кризисного развития обстановки или военного конфликта.

В-пятых, судя по масштабам проводимых Силами самообороны учений и маневров в условиях, приближенных к боевым, удовлетворительная степень реализации потенциальных возможностей ВВТ достигнута лишь в составе войсковых формирований тактического звена, совместное применение ВВТ видами вооруженных сил и родов войск не отработано и, по всей видимости, не отличается высокой эффективностью.

В-шестых, Япония обладает довольно ограниченной научно-экспериментальной и опытно-конструкторской базой, непосредственно работающей в интересах обеспечения военных целей государства и его вооруженных сил, и вынуждена в связи с этим значительную часть ВВТ производить по иностранным лицензиям.

Примечания

¹ Военно-энциклопедический словарь. М., 1984, с.136.

² Defence of Japan, 1998. Tokyo, p. 50.

³ Бозй хакусё 2000 (Белая книга об обороне 2000 г.). Токио, 2000. с.253.

⁴ Japan-U.S./ Security Alliance for the 21st Century. Tokyo, 1996. p. 92.

⁵ Создание собственного центрального разведывательного органа – новый шаг в расширении функций Сил самообороны, которые до 1996 г. формально имели лишь войсковую разведку. Общее руководство и координацию разведработы в УНО вела специальная группа ОКНШ. В соответствии с рекомендациями программы «Разведка, командование, контроль и связь» в 1998 г. при ОКНШ был создан штаб разведки численностью 1600 человек. С целью дальнейшего повышения качества разведки и наблюдения продолжается совершенствование оперативных возможностей средств радиоэлектронной разведки (РЭР), включая радиолокационные станции (РЛС) наземного, воздушного и морского базирования. Более эффективно

используются боевые возможности самолетов радиолокационного дозора и наблюдения (РЛДН), включая самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ) типа АВАКС, что существенно повышает эффективность контроля воздушного пространства над территорией собственно Японии и окружающих ее акваторий и воздушного пространства над ними.

⁶ Бозэй хакусё 2000. с. 369.

⁷ Там же, с. 95-96.

⁸ Там же, с. 273.

⁹ Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3, с. 32.

¹⁰ Дзёкс RMA ни-цуйтэ (Об информационной революции в военном деле). Токио, 2000. с. 1-27.

¹¹ Бозэй хандобукку 1998. Токио, 1998. с. 392.

¹² Бозэй хакусё 1999. Токио, 1999. с. 296-322.

Японская система образования

И. Тихоцкая

Одной из ярких страниц ушедшего XX в. были выдающиеся экономические достижения Японии. Побежденная и разоренная войной страна, практически лишенная собственных источников важнейших видов сырья и топлива, очень быстро выдвинулась в число мировых лидеров, превратилась в экономическую супердержаву. Различные структуры и общественные системы Японии восхвалялись многими исследователями, предлагались в качестве идеальной модели, образца для подражания. Объектом особых похвал, пожалуй, стала действительно в немалой степени способствовавшая успешному развитию страны японская система образования. Как подчеркивает в своей книге Д. Воронофф, ни один из социальных институтов этой страны не получал столь восторженных отзывов, как система образования¹. Весьма показательна в этом отношении оценка ученого и дипломата, Э. Рейшауэра: новая образовательная система Японии привела к высокому уровню грамотности, а превосходные образовательные стандарты позволили ей ответить на вызов более развитого

в девятнадцатом веке в технологическом отношении Запада и достичь мирового первенства во многих сферах; нет ничего более важного в японском обществе или более существенного для успехов Японии, чем ее образовательная система².

В мире достаточно прочно укоренилось представление о высоком уровне образования в Японии. В самом деле, это страна поголовной грамотности населения, одна из самых читающих наций в мире³. Японцы читают повсюду – в переполненных электричках, метро, стоя у прилавков книжных магазинов. Японские школьники демонстрируют превосходные результаты на сравнительных тестах детей из разных стран.

Важность широкого распространения образования, его массовости, а тем более всеобщности⁴ не вызывает сомнений. Аксиомой является тот факт, что это – одна из важнейших предпосылок общественного прогресса. В цивилизованном обществе образование выполняет сразу несколько функций – воспитание и обучение подрастающего поколения, подготовка квалифицированной рабочей силы, сохранение и передача культурного наследия и традиций и т.д., – значение которых трудно переоценить. Образовательный процесс начинается в рамках обязательного образования, длительность и содержание которого, его система законодательно устанавливаются каждым конкретным государством.

В Японии достаточно свидетельств хорошо поставленной системы школьного образования. Вместе с тем проблемы, с которыми сталкиваются японские школы и университеты, позволяют говорить о том, что положение в этой сфере по целому ряду показателей вызывает определенную озабоченность.

Получают ли японские школьники действительно высококачественное образование? Если не ограничиваться количественными показателями, посмотреть на образовательный процесс изнутри, то окажется, что в японской школе превалируют такие методы, как натаскивание и зубрежка, нацеленные на прохождение тестирования, но не способные развить инициативу, креативное мышление, склонность к научному поиску и анализу. Школьники не задаются вопросами «как и почему» – ведь для сдачи вступительных экзаменов им достаточно вы зубрить необходимую информацию. И если в области естественных наук уровень школьного образования весьма высок⁵ (что подтверждают и результаты международных сопоставлений знаний школьников)⁶, то пре-

подавание гуманитарных дисциплин, как признают и сами японцы, оставляет желать лучшего.

Анализируя содержание школьного образования в Японии, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в начальной школе почти нет литературы и многих других предметов. Дети в основном изучают только иероглифы (*кокуго*) и математику. Лишь в шестом классе (последний год начальной школы) им дают немного истории. В средней школе слабо поставлены программы изучения всемирной истории и литературы, причем явно преобладает японоцентризм. Учащиеся средней школы перегружены домашними заданиями: если в начальной школе, вплоть до шестого класса, на дом почти ничего не задают, то затем дети вынуждены практически все свободное время посвящать подготовке к урокам.

Характерно, что многие японские школьники прекрасно знают, например, флаги и валюты стран мира, но не имеют ни малейшего представления о многих исторических и современных событиях, слабо осведомлены они и о мировой классике и культуре других стран. Несмотря на многолетнее изучение английского языка в школе, мало кто знает его удовлетворительно. Совсем немногие владеют им достаточно удовлетворительно. Серьезное беспокойство в стране вызывает и тот факт, что молодые японцы все хуже говорят на родном языке. Парадоксально, но в Японии на изучение родного языка отводится в два раза меньше времени, чем в Италии, и в полтора раза меньше, чем в США⁷.

Иными словами, очевидно, что японская школа сегодня не справляется со своей первоочередной задачей – давать детям образование, отвечающее современным требованиям общества, побуждая их думать, ставить вопросы и пытаться на них ответить. Вместо этого сплошь и рядом наблюдаются «натаскивание», вдалбливание в голову определенной суммы знаний.

Если попытаться понять, с чем это связано, то неизбежно приходишь к выводу, что японская система подготовки школьников попросту устарела. На этапе «догоняющего развития» упор на широкое распространение обязательного образования, призванного обеспечить быстро развивающуюся экономику огромной армией однородной рабочей силы, и прежде всего прилежными исполнителями, дал впечатляющие результаты.

А перед современной японской школой стоят совершенно иные задачи, и опора на унифицированные муниципальные

школы стала барьером на пути развития. Сейчас нет необходимости нацеливать всех учащихся средней школы на поступление в вузы – стране нужны специалисты разного уровня знаний, обладающие теми или иными практическими навыками, а не одни лишь менеджеры и руководители среднего и высшего звена. Давно сказываются негативные последствия перепроизводства «белых воротничков». Выпускники университетов часто не могут найти себе подходящую работу, и в обязанности преподавателей частных университетов даже входит забота о трудоустройстве своих студентов.

Настала пора всемерно способствовать созданию условий для образования на протяжении всей жизни⁸, о котором все настойчивее говорят в стране. Здесь уже давно осознали, что единообразие, присущее всей японской системе образования, является ее существенным недостатком, что следует осуществлять его либерализацию и диверсификацию. Именно так ставится вопрос в рамках новой реформы образования, которая активно разрабатывается и понемногу претворяется в жизнь. Как записано в официальной программе образовательной реформы, следует «заложить основы для получения образования на протяжении всей жизни и научить тому, что необходимо для развития в течение всей жизни»⁹. В условиях быстрого роста и усложнения накопленных человечеством знаний нет смысла стремиться «всунуть» в школьную программу как можно больше предметов. Школа должна выявлять и развивать индивидуальные творческие способности школьников, побуждать их к самостоятельному, оригинальному мышлению, а не приводить всех к «общему знаменателю», готовя послушных исполнителей, выполняющих, подобно роботам, лишь инструкции и предписания.

Этого ждут от школы и родители. Согласно данным специального опроса, 40% респондентов считают, что у детей нужно развивать разносторонние способности, которые позволяют им быть полноценными членами общества, еще 31% – способности самостоятельно учиться на протяжении всей жизни¹⁰. Очетливо осознают это и во властных органах. Так, в подготовленном еще в 1995 г. тогдашним министерством просвещения страны докладе, посвященном задачам государственной политики, говорится о потребности отказа от представления об автономности школьного образовательного процесса, во время которого обучают все-

му необходимому. Его (процесс образования) необходимо нацеливать на развитие у детей тех качеств и навыков, которые помогут им подготовиться к «продолжению обучения в течение всей жизни». Далее подчеркивается, что для этого надо ограничить содержание школьного образования фундаментальными знаниями, сместив акцент на развитие желания учиться самостоятельно, на приобретение умения адекватно реагировать на изменения в обществе.

В настоящее время речь идет о пересмотре Основного закона об образовании¹¹. Уже разработаны новые программы и инструкции, обучение по которым в начальных и средних школах низшей ступени должно было начаться с апреля¹² 2002 г., а в средних школах высшей ступени – с апреля 2003 г. Все школы к этому времени будут переведены на пятидневку, а в программах обучения предусмотрены меры, нацеленные на то, чтобы дети сами ставили вопросы, изучали и анализировали проблемы с разных сторон, думали, искали ответы.

Объемы учебных программ сокращаются на 30%, за счет чего выделяется время для «комплексного обучения», в рамках которого для расширения представлений школьников об окружающем мире предполагается общение с природой, практическое знакомство с различными ремеслами, профессиями, участие в добровольческой деятельности и т.д. Такое обучение – не обычный школьный предмет, какие-либо пособия по нему отсутствуют. Учащиеся слушают выступления тех или иных специалистов, ищут соответствующие материалы в Интернете и т.д. Как сообщает японская пресса, есть немало примеров, когда школьники знакомятся с особенностями тех ли иных производств, традиционных для региона, в котором они проживают, с местными обычаями.

Вместе со сменой модели экономического роста, переходом от экстенсивного к интенсивному развитию, в условиях стремительного развития науки и техники, информационных технологий, неизбежна радикальная перестройка и всей системы обучения, начиная с обязательного. Пока же, несмотря на провозглашение различных программ и отдельные преобразования, этого не произошло. От решения острых проблем, с которыми сталкивается японская система образования, в значительной степени будет зависеть весь ход экономического и социального развития страны в XXI в.

В японском обществе чрезмерное значение придается диплому. Вследствие этого, как заметил норвежский ученый Дж. Гальтунг, главной функцией японской системы образования становится создание «новой социальной структуры, подменяющей старую, кастовую», а функция усвоения знаний приобретает второстепенное значение, что подтверждается и характерной для Японии распространенностью обучения по месту работы¹³.

Иными словами, пройденный в стране курс обучения, по сути, обуславливает принадлежность к определенной группе, что почти аналогично принадлежности к какому-либо общественному классу. Разница лишь в том, что классовая принадлежность возникает с момента биологического рождения, а принадлежность к группе, определяемая окончанным учебным заведением, т.е. «социальное рождение», выявляется на более позднем этапе жизни. Уже отдавая ребенка в определенный детский сад, родители думают о его будущем, фактически решают его судьбу, поскольку сады эти связаны опять-таки с определенными школами и вузами и прохождение по этому «эскалатору» играет очень большую роль во всей его дальнейшей жизни¹⁴. Социальный статус человека в Японии опреляется прежде всего его *гакурэки* – т.е. тем, где он учился, а происхождение имеет гораздо меньшее значение, чем, например, в странах Европы. Поскольку стремление к повышению социального статуса всегда было присуще японскому менталитету, то и повышение образовательного уровня проходило в стране столь быстро: если в 1960 г. после получения обязательного образования продолжали учиться 57,7% молодых людей, то в 1975 г. – 91,9%, а в университеты соответственно поступало 8,2% и 26,7% (в 1999 г. эти показатели составили 95,8% и 38,2%)¹⁵.

Возникший в результате возросшей конкуренции и ставший столь характерным для японской системы образования «ад вступительных экзаменов» извращает весь образовательный процесс, так как экзамены, с одной стороны, оказывают огромное стрессовое воздействие на абитуриентов, а с другой – занимают главное место в общем подходе родителей и учителей к образованию детей. Чрезмерная зависимость от унифицированных экзаменов на каждой ступеньке образовательной лестницы ставит во главу угла память в ущерб творческому, самостоятельному мышлению.

Некоторые родители еще в дошкольные годы отправляют своих детей в различные подготовительные классы или нанимают репетиторов, чтобы сделать все возможное для подготовки к поступлению в престижный университет, окончание которого дает реальную надежду на получение хорошей работы. В Японии развилась целая «индустрия» подготовки к вступительным экзаменам разного уровня – дзюку, или «школы зубрежки»¹⁶, которые образовали параллельную систему образования.

Все чаще наблюдаемое агрессивное поведение учеников, участвовавшие случаи детской преступности, насилия свидетельствуют о неблагополучии в школьной среде. Впервые сообщения об *идзимэ*, или издевательствах школьников над одноклассниками, появились в 1969 г. С середины 80-х годов наблюдался заметный рост этого негативного явления, особенно среди учеников младших классов. Однако к концу 90-х годов ситуация в начальной школе улучшилась: теперь количество таких инцидентов там примерно вдвое меньше, чем в средней школе. Масштабы (общее число случаев в школах составило в 1999 г. примерно 29 тыс.), а также трагические последствия *идзимэ* (их жертвы порой кончают жизнь самоубийством) указывают на появление множества детей, сомневающих в собственной значимости из-за отсутствия друзей, неуспеваемости, недостатка внимания к ним окружающих. «Повинна в этом и утрата многими современными семьями воспитательной функции, с чем так или иначе согласны 75% респондентов, принявших участие в опросе, посвященном проблемам молодежи¹⁷. Лишенные поддержки семьи, испытывающие недостаток душевного, искреннего общения и просто не умеющие общаться с другими людьми¹⁸, такие дети, оказавшись в школе, либо начинают задевать своих товарищей, либо превращаются в безвольные жертвы.

С середины 80-х годов, и особенно с середины 90-х, обозначилось увеличение числа насильственных действий детей и подростков в отношении взрослых, в том числе и учителей. Обращает на себя внимание возросшая степень жестокости этих действий и то, что 4/5 малолетних преступников проживают в полных семьях, относящихся себя к среднему классу. Следует упомянуть и еще об одном будоражащем с конца 90-х годов японское общество явление – все большем вовлечении школьников-тинэйджеров в практику *эндзё косай* – «компенсируемых», или «платных», свиданий с пожи-

лыми мужчинами. По некоторым данным, порядка 4% всех девочек и мальчиков средней школы имели опыт таких свиданий, и почти 40% шли на них из «желания получить деньги»¹⁹.

Серьезными проблемами школы является и рост числа неуспевающих учеников, неспособных усваивать школьную программу, и общее снижение интереса к образовательному процессу. По данным проведенного в 2000 г. школьного обследования, 71% восьмилетних учеников понимали происходящее на уроках, а соответствующие показатели для 14-летних и 16-летних учащихся равнялись лишь 44 и 37%²⁰. Отчасти это связано с так называемым *югами*, или искажением в развитии детей, о котором как о серьезной социальной проблеме заговорили еще в 70-е годы. Обвиняли в этих искажениях прежде всего «массовую культуру», занятых родителей, социальную окружающую среду.

В результате постоянного физического и умственного переутомления все больше школьников страдают от психогенных расстройств и нарушений координации движений, следствиями которых являются головные боли, постоянное зевание, раздражительность и апатия. Отсюда и отказ некоторых детей посещать школу. В 1999 г., например, таковых было более 130 тыс. по сравнению с 10 тыс. в 1974 г.²¹. По мнению педагогов и психологов, большинство прогуливающих занятия в школе отягощены теми или иными проблемами, многие подвержены стрессам. Поэтому предпринимаются попытки создания альтернативных мест обучения, например, так называемых «свободных» школ, или своего рода интернатов, расположенных вне городской черты, где дети могут познавать окружающий мир непосредственно на природе. Проблема, однако, состоит в том, что посещение таких школ не приравнивается автоматически к обучению в обычной школе, и возможности их выпускников в дальнейшем продолжить образование пока не очень ясны. Между тем педагогов беспокоит тот факт, что прогульщики часто не чувствуют за собой вины и что они просто предпочитают посещению школы прогулки с друзьями или «шатание» по магазинам²².

По всей видимости, политика Министерства просвещения Японии отстает от меняющихся с течением времени потребностей общества в разнообразных школах²³, из числа которых дети и их родители могли бы выбрать наиболее соответствующие их представлениям об оптимальном образовании и запросам, эволюциони-

зирующим вместе с научно-техническим прогрессом, сдвигами в системе моральных ценностей, ломкой стереотипов, стремлением к самовыражению, проявлению индивидуальности. Эффективность же функционирования школы в том виде, в каком она сложилась в послевоенный период, достигла своего предела.

На мой взгляд, дети, имеющие разные способности, неодинаковую целеустремленность и работоспособность, отнюдь не должны учиться по одинаковым программам. Для наименее способных это пустое времяпрепровождение, а для наиболее одаренных – трата драгоценного времени впустую, тогда как создание школ разного профиля и уровня подготовки могло бы удовлетворить запросы желающих учиться в более полной мере.

Профессор Х. Като подчеркивает, что «необходимо отказаться от единообразного образования, предоставляемого всем в одинаковом объеме», которое «в массовых количествах производит людей, подобных леденцам Кинтаро»²⁴, и что «обязательное образование – это не обязанность ходить в школу, а обязанность получать образование в соответствии со своими способностями»²⁵. Я разделяю и точку зрения Х. Като, высказанную мне в личной беседе, о том, что будущее японского образования – за частными школами и что муниципальные школы следует сохранить для неимущей части населения. Вообще, в условиях высокоразвитой страны именно гибкое частное образование в наибольшей степени отвечает потребностям людей и общества. Конкуренция, присущая свободному рынку, сделает свое дело, и выживут лишь те школы или университеты, которые действительно будут отвечать предъявляемым к ним требованиям.

Важно еще подчеркнуть, что школа в Японии играет гораздо более значимую роль в социализации молодежи, чем в большинстве западных индустриальных стран. Здесь это в большей степени общественный институт, формирующий жизненные цели подрастающего поколения и отчасти даже выступающий гарантом их будущих достижений. В системе ценностей японского общества школьному образованию всегда отводилось видное место. Тем более критическим его значение становится сейчас, когда именно в том возрасте, на котором дети должны постигать смысл таких понятий, как этичное и неэтичное поведение, справедливость, сострадание к другим, – направляющая роль семьи²⁶ и локального сообщества явно ослабевает.

Можно ли считать факт окончания даже престижного японского университета свидетельством получения «хорошего образования»? Массовый наплыв претендентов на места в вузах не может не сказываться негативно на качестве высшего образования. Если верить оценкам американских специалистов, то подобный феномен возникает в тот момент, когда доля поступающих в университеты превышает 15% выпускников школ. В Японии это случилось в 1963 г.²⁷ Замечу попутно – стремление поступить в вузы здесь так велико, что молодые люди, провалившиеся на экзаменах, не отступают и пытаются поступить на следующий год и повторяют эти попытки неоднократно.

Закончить университет в Японии несравненно легче, чем поступить в него. Период студенчества чуть ли не официально признан периодом передышки, когда в течение нескольких лет можно расслабиться, отдохнуть после «ада вступительных экзаменов», набраться сил для предстоящей в будущем работы. Большинство студентов именно так и воспринимает годы обучения в университете: прогуливают лекции, живут в свое удовольствие, активно участвуя во «внеаудиторной» деятельности – различных походах, вечеринках, кружках и секциях. По данным опроса общественного мнения, опубликованным в «Белой книге о жизни народа», 35,9% учащихся японских вузов стали студентами потому, что этой прослойке «можно делать все, что хочешь», а еще 14% – просто чтобы «иметь *гакурэки*»²⁸.

В тяготении японских студентов к «внеакадемической» активности, «к клубам вместо студенческих аудиторий» некоторые исследователи усматривают признак несоответствия университетского образования потребностям современной молодежи. Так, канадский исследователь Л. Эллингтон отмечает, что многие японские университеты высокого уровня не дают возможности студентам тесно общаться с преподавателями, что способствовало бы интеллектуальному росту молодых людей.

Как мне представляется, дело обстоит не совсем так. Оставляя пока в стороне вопрос о качественной стороне университетского образования в Японии, надо сказать, что за долгие годы подготовки к вступительным экзаменам молодые японцы устают не только физически, но и морально. Вследствие постоянной зубрежки наступает своего рода интеллектуальный вакуум. Например, профессор Международного исследовательского центра японской культуры

Ц. Иида считает, что японская молодежь совершенно утратила способность слушать и воспринимать человеческую речь на более или менее продолжительных временных отрезках²⁹.

Что бы ни предлагал университет, завоеванное с огромным трудом право «отдыха» используется студентами сполна. К тому же им прекрасно известно, что практически все поступившие благополучно оканчивают университет, а поскольку при приеме на работу важно лишь название *alma mater*, а не успеваемость, то стимулы к добросовестному учению у студентов, мягко говоря, невелики. Это существенным образом отличает ситуацию в Японии от положения дел, например, в США, где принадлежность к элитным университетам также высоко котируется, но одновременно важное значение имеет и академическая успеваемость.

Что же касается общения студентов с преподавателями, то, по моим наблюдениям, очень многие из последних находятся в постоянном контакте со студентами своего семинара. Часто семинарские занятия завершаются совместными «посиделками» в кафе или недорогих ресторанах, где в неформальной обстановке может продолжаться обсуждение поднятых на семинаре тем или прочих волнующих студентов проблем, организуются совместные пикники, экскурсии, и т. д.

Пока в Японии более важным будет оставаться статус студента, а не усваиваемое им во время учебы, на повестке дня останется подмена образовательного процесса процессом социальной дифференциации, и коль скоро это так, быстрых перемен на данном участке трудно ожидать. *Гакурэкисюги* берет начало во второй половине XIX в., когда правительство освободило выпускников юридического факультета Токийского императорского университета от необходимости сдавать квалификационный экзамен при поступлении на работу в различные государственные структуры. На старте XX в. сложилась традиция принимать на ведущие государственные посты выпускников семи «старых» императорских университетов³⁰. В те времена лишь немногие отваживались поступать в элитные учебные заведения, и *гакурэкисюги* имела отношение лишь к небольшой части населения. Но в 20–30-е годы. частные компании все шире стали практиковать набор «белых воротничков», принимая во внимание «калибр» оконченного ими учебного заведения. К 1930 г. 72% всех менед-

жеров высшего и среднего звена в частных компаниях и 57% инженеров были выпускниками высших коммерческих школ³¹, а в современной Японии 66% всех высших должностей в государственных структурах занимают выпускники Токийского университета, хотя в целом на их долю приходится лишь 5% ежегодно оканчивающих японские вузы. В связи с этим и возросло значение вступительных экзаменов в наиболее престижные университеты, что позволяет, как отмечалось, проложить дорогу к жизненному успеху.

В то же время приходится констатировать, что коль скоро для благополучной карьеры достаточно было быть университетским выпускником, число желавших обучаться в аспирантуре, откровенно говоря, не впечатляло. На протяжении многих лет и спрос на окончивших аспирантуру фактически отсутствовал.

Японские компании проводили набор новых кадров сразу после сдачи выпускных экзаменов в университетах, а выпускники аспирантуры автоматически «выпадали» из рядов соискателей вакансий в компаниях, для них была возможна лишь академическая карьера. В последние годы ситуация меняется, причем среди поступивших в аспирантуру весной 2000 г. 10% уже имели опыт работы, а 20% среди них были старше 25 лет³².

В дальнейшем, по-видимому, модель «школа–университет» перестанет быть единственной, и кто-то сначала поработает, а затем поступит в университет, кто-то будет совмещать учебу с работой, сдавая необходимые зачеты и имея достаточно гибкий график, и т.д.

Анализируя университетское образование в Японии, нельзя не коснуться проблемы дисциплины. Нынешние студенты свободно входят и выходят из аудитории во время лекций, пьют и едят, пользуются сотовыми телефонами и Ц. Иида считает, что такие слова, как *кирицу* и *сицукэ* (дисциплина и воспитанность), устарели, с точки зрения студентов, и что надо решительно напомнить о них молодежи, заставить ее усвоить фундаментальную логику поведения, запрещающую «доставлять неудобства другим людям»³³. По мнению большинства японских преподавателей, наблюдаемое отступление от традиционных, с детства закладываемых морально-этических норм, возникшее, несомненно, под влиянием интернационализации, представляет исключительно серьезную проблему³⁴.

Все острее ощущается и проблема подготовки педагогических кадров. Чтобы работать в школе учителем, необходимо иметь специальное педагогическое образование и сдать весьма сложный квалификационный экзамен. Сочетание этих двух компонентов, разумеется, повышает качественный уровень школьных учителей³⁵. А на пути желающих преподавать в вузах стоят только квалификационные экзамены. В итоге в последнее время среди университетских преподавателей появились и те, кто полжизни проработал чиновником или служащим в компании, банке, или журналистом, а после выхода в отставку по возрасту (обычно в 60 лет) или незадолго до этого стал свободное время «проводить в качестве университетского преподавателя... и выглядеть очень счастливым»³⁶. В этой ремарке много преувеличения, но содержится и доля истины. Вместо учителей по призванию, целиком отдающих себя любимому делу, нелегкому и, помимо знаний, требующему также большого терпения и умения общаться с молодежью, нередко работают люди, скрупулезно выполняющие свои обязанности, но не более того, и «ждущие каникул»³⁷.

Поскольку число студентов в Японии сокращается из-за давно наблюдаемого снижения рождаемости³⁸, то, во-первых, университеты сталкиваются с серьезными финансовыми проблемами, а во-вторых, лучшие частные университеты, будучи в меньшей степени, чем государственные, связаны инструкциями и регламентациями, активно ищут новые методы привлечения студентов. Так, в 1990 г. в университете Кэйо был организован новый кампус в г. Фудзисава и открыто два новых факультета – политики управления, информатики и экологии, а также введены некоторые новшества на вступительных экзаменах: прием в течение всего года и устные экзамены в отличие от принятого по всей стране письменного тестирования. В университете Васэда завершено создание системы компьютерной связи, соединяющей все четыре его кампуса. Васэда намерен развиваться по трем направлениям: создание азиатско-тихоокеанского института в качестве центра академических исследований для всего региона; освоение информационных технологий на базе недавно созданного Института глобальных телекоммуникаций; предоставление широких возможностей для образования на протяжении всей жизни.

Не бездействуют и другие частные университеты. К примеру, Рицумэйкан открыл новый, оборудованный по последнему слову техники кампус в г. Кусацу на озере Бива (префектура Сига), где имеются прекрасные возможности для проведения различных симпозиумов. В г. Бэппу на северо-востоке о. Кюсю создан уникальный Азиатско-тихоокеанский университет Рицумэйкан, который является «азиатским» по духу и по содержанию учебных программ ориентируется, между прочим, на подготовку элиты азиатских стран. Коммерческий университет г. Тиба с 1996/97 учебного года ввел систему ответственности профессоров. Суть ее состоит в том, что если наниматели посчитают того или иного выпускника университета недоучившимся, то университет примет его обратно, а профессора возьмут на себя ответственность за его «доведение до нужных кондиций». Кроме того, введена и специальная программа обучения, рассчитанная на тех, кто уже работает, но хотел бы защитить диплом,

Государственным университетам также предполагается предоставить гораздо большую свободу – они должны стать независимыми юридическими лицами. Поэтому следует ожидать нововведений и в таких признанных университетах, как Токийский, Киотоский и др.

Все ученые, независимо от того, к какой школе они принадлежат, полагают, что японская система образования начала складываться еще в период токугавского сёгуната, но первая реформа, определившая ее современные основы, была проведена в эпоху Мэйдзи. После войны состоялась вторая реформа системы образования, нацеленная на предоставление всем гражданам равных возможностей обучения.

На рубеже 60–70-х годов эта система стала испытывать серьезные трудности. В Японии не была своевременно выработана новая модель образования, адекватная изменившимся условиям, когда страна превратилась в экономическую супердержаву. Полемика вокруг проблемы выработки этой модели велась очень долго, но лишь в 90-е годы необходимость радикальных качественных изменений в системе образования, т.е. третьей ее реформы, стала как никогда очевидной.

В контексте намечающихся и осуществляющихся мер повышенной интерес привлекает уже упоминавшаяся концепция образования на протяжении всей жизни. В разработанном Мини-

стерством просвещения варианте этой концепции акцентируются гуманистические цели образования: расширение возможностей человека, развитие его способностей и самостоятельности мышления. Концепция «подразумевает прежде всего стратегию обеспечения более высокого уровня удовлетворенности повседневной жизнью»³⁹. При этом имеется в виду предоставление широких возможностей образования людям различных возрастов⁴⁰. Доступность новых образовательных возможностей для взрослых важна как с точки зрения поддержания конкурентоспособности страны, поскольку подготовка рабочей силы в условиях быстро меняющихся потребностей в ней экономики теперь немыслима на основе только базового образования, так и с точки зрения оптимального участия всех и каждого, в том числе и пожилых, в жизни общества.

Не единообразное образование для всех, а свободный доступ к разнообразному образованию на всем протяжении жизненного цикла, в любом возрасте, когда бы ни возникло желание или потребность учиться, – вот сверхзадача реформаторов.

Итак, в Японии идет поиск новой парадигмы образования. Будущее всей образовательной системы зависит от того, какие из ряда имеющихся альтернатив будут в конечном счете выбраны и насколько успешно претворены в жизнь.

Примечания

¹ J. Woronoff. *The Japanese Social Crisis*. 1997, p. 44.

² E. Reischauer. *The Japanese Today (Change and Continuity)*. L., 1988, p.186.

³ Согласно данным статистического справочника ЮНЕСКО за 1995 г., общий тираж ежедневных газет в 1992 г. составлял в Японии 72 млн. экземпляров, или в расчете на 1 тыс. человек 577 против соответственно 60 млн. и 236 в США. В Великобритании в расчете на 1 тыс. человек издавалось 383 экземпляра, в Германии – 323, в Южной Корее – 412 (*Japan Almanac* 1997, p. 257). Количество издаваемых в стране книг и журналов превышает 6 млрд. Общее число наименований, выпущенных в 1999 г. книг превысило 65 тыс. (*Japan Almanac* 2001, p. 265).

⁴ Образование носит элитарный характер, если степень его распространения не превышает 15%, массовый – при 15–49% и всеобщий – более 50%. См.: К. Имаи. Райфу сайкуру-но рирон то дзиссай (Теория и практика жизненного цикла). Токио, 1980, с. 275.

⁵ Мне довелось присутствовать на уроке математики в одной из самых престижных японских школ нижней ступени, входящей в образовательный комплекс университета Кэйо. Темой урока было изучение площади, и занятие проходило во дворе школы, где детям наглядно демонстрировали, что такое площадь и как ее измерить. При этом учитель стремился добиться понимания школьниками «физического смысла» изучаемого материала, что, на мой взгляд, принципиально важно.

⁶ В последние годы произошло некоторое снижение рейтинга японских школьников: по математике они переместились с первого на третье место, а по физике, химии и др. предметам – со второго на третье место. (The Daily Yomiuri. 03.11.2000).

⁷ Подсчитано по: The Daily Yomiuri. 03.11.2000.

⁸ Концепция образования на протяжении всей жизни была разработана в Японии в 70-е годы, а в 1988 г. в рамках министерства просвещения было создано специальное подразделение – Управление образования на протяжении жизни. Подробно об этом см.: И. Тихоцкая. Концепция непрерывного образования в Японии. – Японский опыт для российских реформ, 1997, № 1.

⁹ Japanese Government Policies in Education, Science, Sports and Culture. Tokyo, 1995, p. 12.

¹⁰ Ibid, p. 13.

¹¹ Конкретные предложения разрабатываются Государственным советом по реформе образования. Предлагается изменить существующую систему 6–3–3–4 (число лет обучения на разных ступенях), сократить число детей в классах, усилить моральное воспитание и т.д.

¹² Учебный год в Японии, как и финансовый, начинается 1 апреля.

¹³ J. Galtung. Social Structure, Education Structure and Life-Long Education: the Case of Japan. – OECD. Reviews on National Policies for Education. Japan. Paris, 1971, p. 140.

¹⁴ Надо сказать, что приезжавшие впервые в Москву японские ученые почти неизменно задавали мне один и тот же вопрос – как обстоят в этом смысле дела у нас.

¹⁵ Japan Almanac 2001, p. 248.

¹⁶ И. Тихоцкая. Проблемы школьного образования в Японии. – Япония: мифы и реальность. М., 1999, с. 252–255; Х. Комияма. Гакурэкисай то дзюку (дацу дзюкэн кёсо-но сусумэ) [Общество, ориентированное на диплом, и школы «зубрежки» (Как освободиться от экзаменационной гонки). Токио, 1993].

¹⁷ См.: Japanese Government Policies in Education. Science, Sports and Culture, p. 26.

¹⁸ Это представляется особенно поразительным, если принять во внимание тот факт, что важнейшей педагогической задачей, которая декларируется в программах обучения в детских садах (официально входящих в систему образования в Японии) и первых классах начальной школы, является привитие детям навыков общения и поведения в обществе.

¹⁹ The Daily Yomiuri. 10.10.1996.

²⁰ The Daily Yomiuri. 03.11.2000.

²¹ Japan Almanac 2001, p. 250; Encyclopedia Japan. Tokyo, 1993, p. 325. Следует, правда, иметь в виду, что до 1990 г. включительно отслеживалось число детей, пропустивших в течение учебного года более 50 дней, а с 1991 г. – более 30.

²² The Daily Yomiuri. 17.08.1998.

²³ Дело в том, что после войны в Японии был усилен курс на единообразие образования, начатый еще во время первой образовательной реформы в эпоху Мэйдзи, когда вместо старых школ разного типа создавались новые, унифицированные; т.е. система образования в Японии в значительной степени была эгалитарной в отличие от европейских стран, с их делением на аристократические, религиозные и другие школы.

²⁴ Имеются в виду японские леденцы-трубочки: где их ни надрежь, на цилиндрическом срезе останется изображение героя мультфильмов Кин-таро [Х. Като. Кёйку кайкакурон (Теория реформы образования), с. 40].

²⁵ Там же, с. 39–40.

²⁶ Отмечено, что японские ребята все меньше времени проводят с родителями. И это несмотря на то, что, например, в 1998 г. у учащихся средней школы в Японии было меньше аудиторных занятий, чем у их сверстников в других развитых странах, – 875 по сравнению с 1105 в Италии, 980 в США, 928 во Франции, 901 в Германии. (The Daily Yomiuri. 03.11.2000).

²⁷ Дайгаку кайкаку. 2010-нэн-э-но сэнряку (Реформа университетов, Стратегия к 2010г.). Токио, 1996, с. 2.

²⁸ Кокумин сэйкацу хакусё (Белая книга о жизни народа). Токио, 1996, с. 33.

²⁹ Ц.Иида. Нихон-но хансё. (Японский контраргумент). Токио, 1996, с. 24.

³⁰ M.Nagai. Higher Education in Japan. Tokyo, 1971, p. 220.

³¹ L.Ellington. Education in the Japanese Life Cycle. New York, 1992, p. 126.

³² Асахи ки-ва-до (Асахи: ключевые слова). Токио, 2001, с. 245.

³³ Ц. Иида, Цит. соч., с. 27.

³⁴ Именно в этой связи в ходе реформирования школьного образования предполагается усилить внимание к моральному воспитанию. Так, для учащихся 1-6-го классов начальной школы и 1-3-го классов средней школы один раз в две недели, а для учащихся 4-6-го классов средней школы один раз в месяц будут проводиться «практические» занятия по моральному воспитанию – участие в добровольных общественных движениях, в сельских работах, помощи престарелым и т.д.

³⁵ Вместе с тем присущая им привычка неукоснительно следовать инструкциям приводит часто к курьезным случаям. Так, в министерстве просвещения Японии мне рассказывали о том, что когда началось постепенное введение пятидневной недели и японским школам предложили организовать каким-то образом время школьников, родители которых по субботам

работают, в министерство посыпались просьбы прислать соответствующие инструкции.

³⁶ Ц. Иида. Цит. соч., с. 25.

³⁷ См.: J. Woronoff. Japan as Anything but Number One. L., 1996, p. 117.

³⁸ В конце 80-х годов, когда 18-летия достигли родившиеся в период второго «бэби-бума», их насчитывалось 2 млн. человек. В 2010 г. количество молодых людей этого возраста составит 1,2 млн. человек.

³⁹ K. Okamoto. Education of the Rising Sun. Tokyo, 1992, p. 3.

³⁸ Райфу сайкуру (Жизненный цикл). Токио, 1993. с. 74.

Современные японки

И. Тихоцкая

В традиционных представлениях европейцев японские женщины – послушные жены и заботливые матери – тихие, покорные, лишенные в семье и обществе голоса и многих прав. Однако реальное положение вещей убедительно свидетельствует об упрощенности и неполноте этих представлений.

Исторически женщине в японском обществе принадлежал весьма высокий статус. С древних времен в Японии полагали, что именно женщины наделены особой, сверхъестественной силой, позволяющей им общаться с богами. Нельзя забывать и о том что вплоть до первой половины XIV в. среде земледельцев, рыбаков и купцов, составлявших подавляющую часть населения, женщины, работая наравне с мужчинами, имели с ними одинаковые права и пользовались той же степенью свободы (включая вопросы любви и брака). Только жизненный уклад женщин, принадлежавших к элите, на протяжении многих веков определялся конфуцианской этикой, которая предписывала им «три покорности»: в молодости – отцу, после замужества

– мужу, в старости – детям. Предполагала она и многие другие ограничения.

Целый ряд исследователей, в том числе и японских, считают, что *миаи* – свадьба по сговору – традиционный японский путь и что лишь после войны более молодые поколения японцев переняли западный стиль – брак по любви. Однако, во-первых, брак по любви и в Европе появился не сразу. Еще в XVIII–XIX вв. выбор супруга у крестьян не был «личным» делом, касавшимся только обоих партнеров. Учитывались и интересы дома. В подготовке брака участвовали все родственники (крайней формой этого «участия» было заключение брака через посредников – свах). Как подчеркивает Зидер, «до середины XVIII в. в Центральной Европе у ремесленников и крестьян, да и у дворянства доминировала, скорее, деловая установка на брак»¹.

Во-вторых, в самой Японии брак по сговору в эпоху Токугава (1603–1868 гг.) был обычаем сословия самураев, составлявшего менее 10% всего населения. Свадебные же обычаи фермеров были совсем иными. В деревнях существовало неписаное правило: каждый должен был жениться по любви, и в вопросах женитьбы эгалитарные отношения между равными группами были гораздо более значимы, чем иерархические – между родителями и детьми².

В целом же, пожалуй, трудно не согласиться с утверждением многих авторов, исследовавших проблемы семьи и брака, о том, что «при выборе партнера имеется тонкое переплетение «личностных», культурных и экономических мотивов» и «речь о «чистых браках по любви» наивна, идеологична и некритична»³.

Как бы то ни было, в весьма известном сочинении «Поучение для женщин», которое изучали все девочки в эпоху Токугава, подчеркивалось, что женщина всегда должна помнить о различии между полами и прежде всего всячески почитать мужа как своего хозяина и господина⁴.

После реставрации Мэйдзи, когда строгие сословные различия были упразднены, культура сословия самураев прежних времен распространилась на все общество, что означало утрату женщинами равноправия. Именно в конце XIX в. возникло понятие *рёсай кэмбо* – «хорошая жена и мудрая мать». После японо-китайской войны 1894–1895 гг. оно стало превозноситься известными людьми страны в качестве важнейшей добродетели женщины.

Труд ее в доме – создание условий для полноценного восстановления сил для всех взрослых членов семьи, воспитание детей и забота о стариках – должен был дополнять труд мужчины на благо нации. При этом предполагалось и участие женщин в семейном бизнесе, особенно в сельском хозяйстве.

Соответственным образом направлялось и образование юных японок. В 1906 г. тогдашний министр просвещения страны Н. Макино провозгласил подготовку хороших жен и мудрых матерей важнейшей целью образования девушек, аргументируя это тем, что коль скоро существует разница между полами, функции мужчин и женщин в обществе также должны различаться⁵.

Модернизация, таким образом, положила начало формированию иерархического общества, где господствовали мужчины, а сфера деятельности женщины все больше ограничивалась домом.

В результате послевоенных демократических преобразований, осуществленных под непосредственным влиянием американских оккупационных властей, статус женщины в японском обществе значительно повысился. Послевоенная Конституция провозгласила равенство и запретила все виды дискриминации, в том числе по признаку пола, а также гарантировала возможность заключения браков по взаимному согласию сторон. Особенно важное значение имел пересмотр в 1947 г. Гражданского кодекса, предоставившего японской женщине одинаковые юридические права с мужчиной во всех сферах жизни.

Однако стремление ограничить сферу деятельности женщины домом еще долго сохранялось в политике правящих кругов и частных компаний. Даже нехватка рабочей силы, возникшая вследствие высоких темпов экономического роста, лишь в незначительной степени изменила положение вещей: замужним женщинам, конечно, неофициально предписывалась преимущественно частичная занятость, которая бы не мешала исполнению ими семейных обязанностей и не осложняла жизнь предприятию.

В жизненном цикле большинства японок сложился следующий порядок: работа до замужества, уход с работы на время рождения и воспитания детей, занятость в течение неполного рабочего дня после того как дети подрастут. Таким образом, японкам была уготована судьба «помощницы», содействующей успехам членов своей семьи и довольствующейся этими успехами. Основная роль женщины в японском обществе с конца XIX в. и на про-

тяжении XX в. состояла в исполнении обязанностей жены, матери, а также дочери – политика в сфере социального обеспечения до сих пор предполагает компенсацию недостаточной развитости этой сферы усилиями дочерей и невесток, от которых ожидается, что они будут заботиться о престарелых родителях⁶.

До Второй мировой войны для Японии были характерны большие семьи, состоящие из нескольких поколений. Семейные отношения регулировались жесткой иерархической системой. Авторитет родителей был непререкаем, а от замужних женщин ожидалось безоговорочное повиновение мужу и его родителям. Демократические преобразования в послевоенной Японии затронули и семейные отношения. 24-я статья послевоенной Конституции закрепила равенство прав мужа и жены, установила, что брак основывается только на взаимном согласии супругов и существует на основе их взаимного сотрудничества и что все законы, регламентирующие брачные и семейные отношения, должны приниматься, исходя из принципа равенства полов⁷.

За годы быстрого экономического роста и последующего вступления страны в постиндустриальную фазу в японской семье произошли заметные изменения. Типичной семьей 70-х годов стала семья нуклеарная, состоящая либо только из супругов (в конце 90-х годов 17,4% всех семей в стране), либо из родителей и детей (34%), включая семьи с одним родителем (7,1%)⁸. Это само по себе было свидетельством беспрецедентного усиления роли женщины в обществе – ведь ее вхождение в традиционную семью являлось не чем иным, как превращением в члена семьи мужа, в «женщину дома»⁹.

Для Японии конца XX в. характерна семья, состоящая из родителей и максимум двоих детей и проживающая в собственном доме или квартире. Отец, как правило, наемный работник, рано утром уходящий на работу и поздно вечером возвращающийся домой – не обязательно потому, что работает сверхурочно, а потому, что ежедневно заходит куда-нибудь поесть и выпить, чтобы расслабиться после трудового дня.

В подавляющем своем большинстве глава семейства в Японии и сейчас в основном занят работой и не имеет повседневных обязанностей в семье. Согласно статистическим данным, в среднем японский мужчина на домашние дела, включая покупки в магазинах и воспитание детей, тратит менее получаса в день¹⁰. Японки,

напротив, несмотря на то, что также все больше времени проводят вне дома, – работают, занимаются общественной деятельностью, участвуют в добровольческих движениях, главным для себя считают дом и семью, заботу обо всех ее членах. Они ведут домашнее хозяйство, затрачивая на это не менее трех часов ежедневно, планируют семейный бюджет, воспитывают детей.

В современной японской семье, как правило, именно женщина является лидером. Интересно, что, если раньше мужа передавали женам конверты с заработной платой, то с развитием сферы банковских услуг и распространением пластиковых карточек заработок мужа часто стал переводиться непосредственно на счет жены, от которой муж получает карманные деньги. В 90-е годы, правда, появились новые, быстро ставшие популярными так называемые семейные вклады, которыми могут пользоваться оба супруга. Но распределение ролей, при котором муж зарабатывает, а жена распоряжается деньгами, все равно превалирует что, безусловно, расширяет властные полномочия последней.

Вместе с тем, как отметил Кусака, при оценке роли женщины в обществе необходимо четко различать такие понятия, как «статус» и «власть», и, кроме того, различать два вида статуса – социальный и семейный¹¹. Если женщины на Западе гораздо больше преуспели в завоевании социального статуса, то у японок гораздо более сильные позиции в семье. Стремление первых к дальнейшему повышению социального статуса продиктовано, по мнению Кусака, желанием повысить свой семейный статус. Японки же вполне удовлетворены сложившимся положением вещей, и повышение социального статуса не столь уж значимо для них, поскольку их власть дома почти безгранична. Некоторые специалисты из США, работавшие в Японии, указывают, что японки гораздо более удовлетворены своей ролью матерей, жен и домохозяек и счастливее, чем американки¹².

На женщин в Японии приходится 60% всех денежных трат в стране (при том, что в целом численность мужского и женского населения в Японии практически одинакова). Они же не только сплошь и рядом принимают решение о покупке жилья, но и все чаще приобретают его самостоятельно, за счет собственных средств.

Женщинам принадлежит решающее слово на выборах – количество голосующих женщин превосходит соответствующее число мужчин. От них в значительной степени зависит и содержание показываемых или печатаемых материалов в средствах массовой информации, так как именно они являются основными потребителями. Все больше женщин поступает в высшие учебные заведения (в 1999 г. 29,4% против 2,5 в 1960 г. и 12,5% в 1975 г.)¹³. Учатся они обычно примерно, часто превосходя по показателям студентов-мужчин. Среди посетителей вернисажей, концертов по большей части преобладают женщины. Основные участники добровольческих движений – потребителей, антиядерного, экологического и пр. – тоже женщины. Растет их политическая активность, присутствие в парламенте, на постах министров и глав муниципий перестает кого-либо удивлять.

В стране происходит трансформация семьи и семейных отношений. Если раньше жизнь японцев была немыслима вне семьи, а семья была немыслима без детей, то к концу 90-х годов лишь около 10% молодых мужчин и женщин связывали брак с рождением детей. Похоже, эра «торжества семьи»¹⁴ подошла к концу. По сравнению с другими развитыми странами японцев отличает меньшее стремление к разводу¹⁵, но молодые люди и не спешат вступать в брак. Брачность, составлявшая в Японии на протяжении XX в. порядка 10 промилле, к концу его снизилась до 6 промилле. Повысился средний возраст вступления в первый брак, а доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, по прогнозам, достигнет в 2020 г. 20 и 13,8% соответственно (против нынешних 9 и 5%)¹⁶.

Во второй половине XX в. рождаемость в Японии резко снизилась: с 34,3 промилле в 1947 г. до 9,4 в 1999 г., и коэффициент фертильности упал с 4,54 до 1,34 – именно столько детей в среднем рождает теперь японская женщина¹⁷. Причины столь резкого падения рождаемости разнообразны, но сейчас они в первую очередь связаны с изменениями в жизненном стиле женщин. Так, одни женщины предпочитают делать карьеру и вообще выбирают одиночество как образ жизни, другие не могут найти себе достойного партнера, третьи выходят замуж в гораздо более зрелом возрасте, чем их матери, четвертые – сторонницы лозунга «двойной доход без детей» – наслаждаются жизнью вдвоем с

мужем. Наконец, многие решают, учитывая высокий уровень расходов на жилье и образование, ограничить число детей¹⁸.

Японки становятся все более независимыми: женщины в возрасте до 30 лет уже не столь категорично полагают, что «дети связывают» их при принятии судьбоносных решений вроде решения о разводе. В середине 90-х годов таковых было менее 1/3. В Японии все еще относительно мало людей, рассматривающих развод как оптимальное средство решения возникающих в семейной жизни проблем¹⁹, но уже в 80-е годы тенденция к дестабилизации семейных отношений проявилась достаточно отчетливо. Так заметное распространение получил так называемый *катэй рикон*, или совместное проживание супругов только в интересах детей, при отсутствии супружеских отношений. В семьях пожилых супругов начали встречаться разводы после получения мужем выходного пособия, когда жена, обретя свою долю, уходит от новоявленного пенсионера, поскольку их давно уже ничто не связывает – каждый живет своей жизнью.

Вообще разобщенность становится присущей жизненному стилю многих японцев. За долгие годы супружества японки привыкают обходиться без участия мужей в каких бы то ни было делах, у них складывается свой круг общения, собственные интересы, отнюдь не всегда соотносящиеся с интересами супруга. Именно поэтому разводы в Японии чаще происходят по взаимному согласию супругов или инициатором их выступают женщины, а не мужчины.

Роль замужества в жизни современных японок значительно снизилась, в первую очередь благодаря радикальным изменениям в экономике и обществе. Так, переход к постиндустриальному развитию расширил для женщин возможности трудоустройства. Возросший уровень доходов и благосостояния населения, развитие системы социального обеспечения позволяют женщинам не рассматривать более замужество как единственно возможный вариант жизненного цикла. В современной Японии давно перестала быть экзотической фигурой женщина, либо вообще не желающая вступать в брак, либо предпочитающая делать это существенно позже и по собственному усмотрению выбирающая свой жизненный путь. Средний возраст вступающих в брак женщин продолжает расти: в 1990 г. он составлял 25,9 лет, а в 1996 г. – 26,4 года²⁰. Любопытно и то, что в настоящее время одна из десяти вступающих в брак япо-

нок оставляет девичью фамилию²¹, — хотя юридически такое право было признано в ходе послевоенных демократических преобразований, реальностью оно стало сравнительно недавно. Резко усилилось также значение материального фактора, как основания для принятия решения о замужестве. Многие женщины перестали выходить замуж за мужчин с низкими доходами, считая такие браки бесперспективными и оставаясь в итоге «одиночками».

Меняется и концепция материнства. Современные матери далеко не всегда соответствуют сложившимся в обществе традиционным представлениям о том, какими они должны быть. Все меньше женщин довольствуются ощущением смысла жизни и самореализации только через материнство. Изучение матерей различных поколений, проведенное Н. Араи, позволяет сделать вывод о том, что те из них, кто воспитывал детей в 20–30-е годы, воспринимали материнство исключительно в позитивном плане, тогда как современные представительницы прекрасного пола все чаще сталкиваются с противоречием между материнством и потребностями самореализации, жизни просто для себя²². Материнство для них уже далеко не всегда выглядит желаемым или необходимым. Немало двадцатилетних девушек в Японии считают, что иметь ребенка, стать матерью означает потерю возможностей развития личности, а может быть, и жизненных перспектив. Современные японки все в большей степени стремятся реализовать себя как личность непосредственно, а не косвенно, как раньше, через успехи мужа и детей.

Принятие в 1986 г. Закона о равных возможностях, а также более поздние законодательные акты, включая введенный в действие в 1999 г. Основной закон о равном участии мужчин и женщин, еще более уравнивали юридические права женщин с правами мужчин. Но это не означает, что в Японии больше не существует дискриминации по полу, в первую очередь, в сфере трудовых отношений. Согласно различным вопросам, более половины японцев признают определенное неравенство женщин как в этой сфере, так и в сфере социальных отношений. Ситуация постепенно улучшается, многие девушки жалуются, что компании прибегают к различным уловкам, чтобы не брать их на работу только из-за половой принадлежности. В 1996 г. почти треть общего числа жалоб, поступивших в специальные префектуральные консультативные бюро для женщин и молодежи, пришлось на жалобы такого рода.

Выяснилось, например, что некоторые компании, дававшие объявления о наборе продавцов обоих полов, заявляли о нежелании принимать женщин, поскольку с ними, мол, «трудно иметь дело». Другие сначала принимали заявления только от мужчин, а потом объявляли, что вакансий больше нет. Некоторые юные претендентки на рабочие места отмечали, что им были предложены вопросы «на грани сексуального домогательства»²³.

В конце 90-х годов средняя заработная плата женщин в Японии составляла лишь 63,9% заработной платы мужчин. При этом наименьшая разница отмечается в начале карьеры, а наибольшая в возрасте от 45 до 59, и особенно в 50-54 года: когда мужчины «пожинают плоды выслуги лет», женщины за свой труд получают немногим более половины их заработной платы²⁴.

Тем не менее, несмотря на все сложности, несмотря на теснейшую увязку жизненного цикла женщин с основными этапами жизни детей, большинство их стремится так или иначе реализовать свои способности и амбиции. Женщины составляют чуть больше 40% всех занятых в экономике страны, и 60% работающих женщин – замужние.

В отличие, например, от США, где кривая занятости женщин по возрастным группам представляет собой трапецию, в Японии она напоминает букву «М», с двумя пиками: первым – в возрасте 20–25 лет и вторым – в возрасте 45–49 лет (см. рис. 1). За 90-е годы этот второй пик превысил первый (см. рис. 2). На рис. 2, отражающем занятость японок в 1930, 1960, 1990 и 1999 гг., наглядно представлен процесс формирования обоих пиков. В довоенной Японии наибольшая занятость была характерна для молодых девушек в возрасте 15–19 лет. Она снижалась после достижения ими 20-летнего возраста и опускалась до минимума в возрастной группе от 25 до 29 лет. Занятость в самой молодой возрастной подгруппе в послевоенный период резко снизилась, – в 90-х годах она не достигала 20% из-за удлинения периода обучения. В настоящее время наибольший спад трудовой деятельности у японок наблюдается в возрасте от 25 до 35 лет (минимум наступает в 30–34 года) – это время рождения и воспитания детей.

Еще в конце 70-х годов кривая занятости японских женщин демонстрировала лишь один, первый «пик», но постепенно и второй «пик» стал обозначаться все явственнее: в 90-е годы более 70% японок в возрасте от 45 до 49 лет участвовали в обществен-

Рис.1. Занятость женщин в разных странах (по возрастным группам)

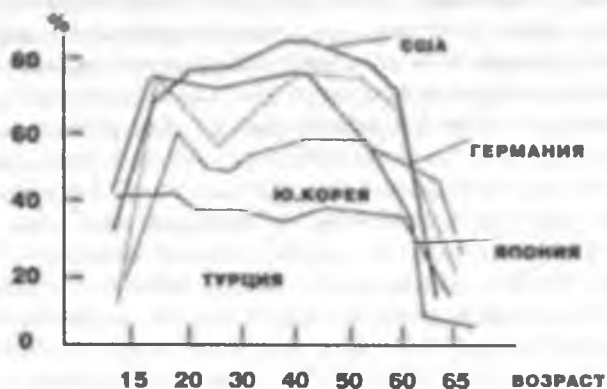
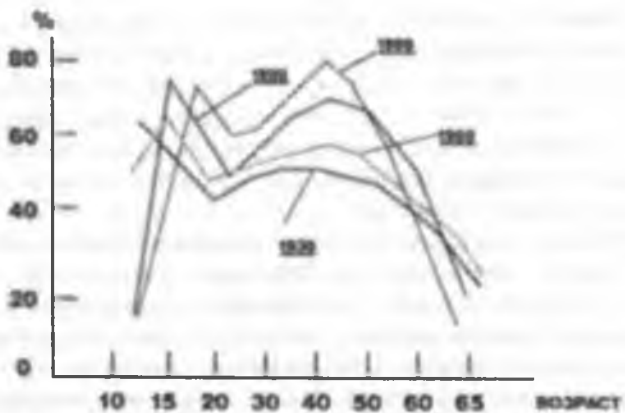

Рис.2. Динамика занятости японских женщин по возрастным группам (1930-1999гг.)

ном производстве. Столь внушительный показатель отражает возросшие возможности трудоустройства женщин параллельно с развитием сферы услуг. С другой стороны, наблюдается некоторое снижение доли женщин, бросающих работу в возрасте от 25 до 34 лет. Иначе говоря, растущее число женщин продолжает работать и во время беременности, и в период воспитания маленьких детей.

Просматривается новая тенденция – некоторый рост занятости в самой старшей возрастной группе – свыше 65 лет. Это – прямое следствие как недостаточности пенсионного обеспечения, так и улучшения состояния здоровья, более позднего наступления физиологической старости, стремления некоторых как-то занять себя – дети и внуки выросли (а многие последних и не растили). К тому же женщина этого возраста либо успела овдоветь, либо должна вскоре стать вдовой (по статистике, после смерти мужа японке предстоит в среднем прожить еще почти 7 лет)²⁵.

Очевидно, что в обозримом будущем первый «пик» занятости японских женщин сохранится. Второй «пик», обогнавший по высоте первый, вероятно, еще более возрастет, а падение занятости на время рождения и воспитания детей будет меньшим, но все-таки не исчезнет. Итак, допустимо прогнозировать сохранение очертаний буквы «М», но с существенными отличиями от ее идеальной формы – середина, скорее, напомнит плавную кривую, а не острый угол.

С течением времени сглаживаются территориальные различия в занятости женщин. Если в 1960 г. в крупных городах в целом она была значительно ниже, чем в мелких, то в 90-е годы эти различия стали заметно меньшими. Первый «пик» занятости в мелких населенных пунктах лишь немного выше, чем в крупных, поскольку теперь и жительницы последних обучаются в течение более длительного периода²⁶.

В общем и целом труд женщин в Японии носит вспомогательный характер. Они выходят на рынок труда и уходят с него в зависимости от конъюнктуры и, как правило, лишь дополняют семейный бюджет. Многие женщины являются помогающими членами семьи или внештатными сотрудниками, причем они могут быть заняты и полный и неполный рабочий день или неполную рабочую неделю.

Общее число внештатных сотрудников в Японии за 90-е годы резко возросло. По официальным оценкам, в начале 2000 г. оно

достигло 12,7 млн. человек (самый высокий показатель с 1984 г., когда впервые было проведено такого рода исследование), или 26% всех занятых в стране²⁷. Понятно, что в условиях рецессии 90-х годов предприятия осуществляли активную реструктуризацию, в рамках которой проходила весьма масштабная замена «дорогостоящих» штатных сотрудников на более «дешевых» внештатных. Особенно это касается сфер оптовой и розничной торговли, общественного питания (где более 40% сотрудников – внештатники) и услуг (там внештатников более 20%)²⁸. В настоящее время и в других отраслях ощущается все большая потребность в работниках, выполняющих работу на дому или в «офисах-сателлитах». Во многих случаях это дает возможность женщинам совмещать свои многочисленные обязанности (в целом они составляют примерно 40% всех занятых неполный рабочий день).

Однако этот вид занятости рассматривать в качестве основного трудно по целому ряду причин. Не говоря уже о более низкой оплате труда (несмотря на то, что внештатники выполняют ту же работу, что и штатные)²⁹, большинство внештатных работников не могут стать членами профсоюза, а если их рабочее время менее 3/4 времени, определенного штатным расписанием, они не могут присоединиться к системе общественных пенсий и страхования.

Кроме того, такого рода работа сопряжена с целым рядом проблем психологического характера. Во-первых, для работы вне коллектива должны иметься сильные мотивация труда и воля – многим нелегко организовать свой рабочий день самостоятельно. Во-вторых, у работающих на дому растет чувство изолированности от общества.

По сравнению с мужчинами выбор занятий у женщин всегда был гораздо более ограничен. Они традиционно концентрировались в малом числе отраслей и круге специальностей. До сих пор на них приходится более 50% занятых в сфере услуг, в торговле и общественном питании, около 50% – в сфере финансов и операций с недвижимостью, 35% – в обрабатывающей промышленности, менее 20% – на транспорте и в отраслях связи, 16 % в строительстве³⁰. На управленческих постах трудятся менее 10% женщин, а около 35% выполняют канцелярскую работу,

Тем не менее отчетливо прослеживается тенденция к сокращению числа женщин, занимающих типично «дамские» должности:

машинисток, воспитательниц в детских садах, нянь, телефонисток, официанток, портних. С другой стороны, растет число женщин, предпочитающих ранее считавшиеся чисто мужскими занятия в таких областях, как юриспруденция, медицина, журналистика, преподавание. Женщины приобщились и к относительно новым, менее монополизированным мужчинами сферам, – маркетинг, консалтинг, а в последние годы и информационные технологии.

Анализируя занятость женщин в Японии, нельзя не отметить, что фактором, сдерживающим более широкое вовлечение их в общественный труд, являются особенности японских систем найма и страхования. Так, если супруга наемного работника работает, то ее годовой доход, не превышающий 1 млн. 30 тыс. иен, не подлежит налогообложению. В случае превышения указанной суммы, помимо налогов, становится необходимым платить еще и страховые, и пенсионные, и медицинские взносы³¹.

Весьма распространенным, но ошибочным является мнение о том, что японские женщины в массе своей всегда были домохозяйками. Если основная часть японок, родившихся в 20-е годы, работала, то среди родившихся в 40-е годы, таких было меньшинство, и так называемые профессиональные домохозяйки как тип появились в Японии в период высоких темпов экономического роста³². Изменение социальной структуры японского общества вследствие коренной структурной перестройки экономики, а именно массовое превращение мелких собственников в наемных работников, привело к тому, что их женам не надо было участвовать в семейном бизнесе, и они «профессионально» занялись домашним хозяйством.

Однако, похоже, в Японии проходит то время, когда можно было говорить о возможности выбора женщиной жизненного цикла по собственному усмотрению – делать карьеру, совмещать семейные и профессиональные обязанности, работая неполный рабочий день, или всецело посвятить себя семье. Теперь этому мешают экономические и психологические причины. Дело в том, что на женщин давят реальные обстоятельства. Во-первых, в современных условиях экономических неурядиц образ жизни «профессиональной» домохозяйки стал мало приемлем. Ведь число мужчин, уверенных в росте своих доходов в будущем или способных гарантированно обеспечить средний уровень жизни семье, уменьшается. Ослабевает роль и других условий, способствовавших в свое время появлению массы «профессиональных» домохозяек – возможность

вступления в брак с уверенностью в стабильности занятости и увеличения доходов мужа, отсутствие боязни безработицы, а также очень незначительная вероятность развода.

Жить на заработную плату одного супруга для многих семей представляется не только материально затруднительным, но и рискованным – нет уверенности в том, что та или иная компания или предприятие не обанкротится. Да и многие мужчины, жены которых не работают, испытывают чувство известной неудовлетворенности: похоже, они страдают, видя как преуспевают или, по крайней мере, дополняют семейный бюджет жены других. В то же время растет число женщин, не желающих полностью зависеть от мужа и стремящихся работать вне дома хотя бы неполный рабочий день. Появились и женщины, способные обеспечить высокий уровень жизни не только себе, но и мужу, и детям.

В конце XX в. под влиянием объективных социально-экономических процессов происходят заметные подвижки в системе ценностей, определяющих отношения между мужчиной и женщиной, – все в большем числе стран рушится сложившееся в незапамятные времена разделение труда: мужчина – добытчик, женщина – хранительница очага. Естественно, в разных странах этот процесс протекает по-разному.

В Японии тоже сравнительно давно говорят о необходимости отойти от традиционной системы распределения обязанностей между мужем и женой и строить отношения сотрудничества между полами. Приходит понимание необходимости помощи, всяческого содействия женщинам в деле совмещения их ролей жен-домохозяек, рожающих и воспитывающих детей и занятых трудом вне дома. Падение рождаемости и старение населения делают эту задачу исключительно актуальной.

Проблема равноправного совместного участия мужчин и женщин будет одной из важнейших в японском обществе, по крайней мере в ближайшие 20–30 лет. Само собой разумеется, что эта проблема не должна решаться универсальным способом в масштабах всей страны, хотя соблюдение основных прав человека или недопущение сексуальных домогательств на работе целесообразно гарантировать на основе унифицированных регламентаций. Ну, а менее значимые вопросы допустимо решать посредством дифференцированного подхода, учитывающего специфику регионов, и прежде всего производственную³³.

В Японии есть регионы, в которых прослеживаются заметные реальные шаги, ведущие к равному участию женщин, но есть и такие регионы, где развитие этого процесса все еще встречает сильное противодействие. Представляется, что продвижение по этому пути во многом будет зависеть от самих женщин, которые все в большей степени самостоятельно решают, где, когда и на каких условиях работать³⁴.

По индексу предоставления возможностей в зависимости от пола, который рассчитывается на основе показателей, отражающих положение женщин в обществе (уровень доходов, доля занятых профессиональным и квалифицированным трудом, участие в управлении, доля депутатов парламента и т.д.), Япония находится лишь на 41-м месте среди семидесяти наиболее развитых стран мира³⁵. Японское общество до сих пор является разделенным по гендерному принципу, но нельзя отрицать, что оно динамично меняется.

Равное участие женщин и мужчин не только гарантирует полное раскрытие способностей первых, но и увеличивает жизненные шансы вторых, многократно усиливает творческий потенциал всего общества.

Примечания

¹ См. Р. Зидер. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997, с. 86, 59, 60, 131.

² К. Tsurumi. Women in Japan: A Paradox of Modernization. Tokyo, 1977, p. 2-3.

³ Р. Зидер. Цит. соч., с. 60.

⁴ См.: R Dore. Education in Tokugawa Japan. L., 1965, p. 254.

⁵ См.: Postwar Japan as History. L., 1993, p. 298-299.

⁶ См.: И. Тихоцкая. Социальное обеспечение в Японии в преддверии XXI в. – Япония. Ежегодник. 1999/2000, с. 159–179.

⁷ Современная Япония. Справочник. М., 1973, с. 760.

⁸ Internet, <http://www/stat.go.jp>.

⁹ Японский иероглиф ёмэ («невестка») содержит в себе элементы «женщина» и «дом». По замечанию известного японского ученого Т. Фукутаке, до войны брак обычно заключался в интересах семейного клана и женщина в большей степени становилась невесткой, т.е. подчиненной семье, «дому», чем женой своего мужа.

¹⁰ Райфу сайкуру да миру токэй. (Токэй кара нани-о ёмитору ка) [(Статистика сквозь призму жизненного цикла (Что можно понять из статистики)]. Токио, 1998, с. 97.

¹¹ Economic Eye. Spring, 1989, p. 29.

¹² R.M. March. Working for a Japanese Company (Insights into the Multi-cultural Workplace). Tokyo, 1992, p. 55-56.

¹³ Japan Almanac 2001. Tokyo, 2000 p. 248.

¹⁴ Об этом торжестве писал в 1960 г. французский социолог Ф. Ариэ. (См.: E. Ochiai. The Japanese Family in Transition (A Sociological Analysis of Family in Postwar Japan). Tokyo, 1996, p. 181).

¹⁵ Впрочем, число их растет: в 1996 г. оно впервые превысило 200 тыс., и с тех пор ежегодно увеличивается почти на 10% (Japan Almanac, 2001 p. 62.).

¹⁶ Japan Echo, 1996, vol. 23, p.11; The Japanese Family in Transition. Tokyo, 1998, p.34, 59; Райфу сайкуру дэ миру токэй. (Токэй кара нани-о ёмитору ка), с. 96.

¹⁷ Japan Almanac 2001, p. 61.

¹⁸ Среднегодовая плата за обучение в государственном университете превышает 3 тыс. долл., а в частном – и 6 тыс. К тому же большинство японских университетов не предоставляет жилье, и для иногородних студентов расходы оказываются существенно более высокими.

¹⁹ Более 60% мужчин и более 50% женщин считают, что при наличии детей разводиться не следует. [Кокумин сэйкацу хакусё (Белая книга о жизни народа. 1996). Токио, 1996, с.78].

²⁰ Ниппон. Соно сугата то кокоро. (Япония: образ и душа). Токио, 1999, с. 191.

²¹ The Daily Yomiuri. 18.11.1996.

²² Сакайгаку кэнкю какие. 1992, №35, с.2.

²³ Ёмиури симбун. 01.12.1996.

²⁴ Подсчитано по: Japan Almanac 2001, с. 108.

²⁵ В 1999г. средняя ожидаемая продолжительность жизни в Японии для женщин составила 83,99, а для мужчин 77,1 лет (Japan Almanac 2001, p. 225).

²⁶ См.: Кокумин сэйкацу хакусё. 1996. с. 58.

²⁷ Асахи ки-ва-до (Асахи: ключевые слова). Токио, 2001, с. 226.

²⁸ Там же.

²⁹ В отличие, скажем, от Голландии, где люди, выполняющие одинаковую работу, независимо от статуса найма, получают одинаковую почасовую оплату.

³⁰ Japan Almanac 2001. p. 105.

³¹ Тогда как неработающие жены наемных работников автоматически включаются в контингент застрахованных, притом что муж платит взносы только за себя.

³² См.: E. Ochiai. Op. cit., p. 15.

³³ ESP, 2001, №4, с. 8.

³⁴ См.: об этом: И. Тихоцкая. Современные японки: покорные или независимые?. – Азия и Африка сегодня. 1996. №2.

³⁵ ESP, 2001. №4, с. 10.

Из истории российско-японских отношений

А. Кириченко

В истории российско-японских отношений имеется немало фактов, которые долгое время либо замалчивались, либо искаженно трактовались в обеих странах. Идеологические установки, соображения престижа, ура-патриотизм сыграли и в данном случае весьма неблагоприятную роль. Думается, настала пора хотя бы вкратце поведать о них в назидание современникам и потомкам.

Пиратская точка отсчета¹

278

В 1793 г. Екатерина II направила в Японию посольство. Возглавлял его поручик А. Лаксман. Поручику была поставлена задача установить с соседней страной торговые отношения. Лаксману удалось получить разрешение на ежегодный визит российского судна в Нагасаки. Однако вовремя этим разрешением воспользоваться не удалось. Только через десять лет с соответствующей лицензией в Японию командировали директора Российско-Американской компании (РАК) камергера

Н. Резанова. 26 сентября 1804 г. на судне «Надежда» он прибыл в Нагасаки.

Россия была крайне заинтересована в установлении с Японией дипломатических и торговых отношений, ибо снабжение продовольствием владений на Дальнем Востоке и американском континенте представляло собой исключительно сложную задачу.

Однако японцы встретили гостей настороженно и, продержав их почти полгода под «домашним арестом», на предложение установить постоянные контакты на государственном уровне ответили отказом. 6 апреля 1805 г. Резанов покинул Нагасаки. Следуя курсом на Аляску мимо острова Сахалин, который считался русской территорией, он выяснил, что японцы уже несколько лет ведут там торговлю с местными жителями. Этот факт бравадный камергер, раздосадованный неуступчивостью японских властей, видимо, решил использовать, чтобы заставить Японию принять предложения России.

Для воплощения в жизнь своего замысла Резанов приобрел у американского предпринимателя фрегат, названный «Юнона». По заказу камергера русские корабли построили тендер «Авось». Командирами судов были соответственно назначены лейтенант Хвостов и мичман Давыдов – кадровые офицеры российского военно-морского флота, которые по контракту служили в РАК.

Во время плавания к родным берегам Резанов подготовил 8 августа 1806 г. для Хвостова и Давыдова «секретную инструкцию». В этой инструкции из десяти пунктов перечисляются меры, которые необходимо предпринять для того, чтобы нанести Японии чувствительный ущерб и тем самым принудить ее к установлению официальных отношений с Россией.

Третий пункт, например, гласит, что нанесенный японцам ущерб вызовет среди них ропот и **«скорее принудит горделивую державу сию к снисканию торговых связей с нами, когда сама она увидит, что вредить нам не в силах, но чувствовать от нас вред всегда должна будет, не имея притом ни малейших к отвращению онаго способов».**

В четвертом пункте инструкции Резанов прямо указывает, каким образом нужно «устрашить» японцев:

«Первое – Войти в губу Анива и буде найдете японские суда, истребить их, людей годных в работу и здоровых взять

с собою... В числе пленных стараться брать мастеровых и ремесленников.

Второе – Взятых оттуда японцев... всех в Ново-Архангельск доставить. Что найдете в магазинах... строения... сжечь...

...Пятое – Из кумирни забрать все идолы и захватя одного бонза или должность его отправляющего, взять с собою в Америку, где Япония при свободном отправлении веры их более к водворению найдут удовольствие и впоследствии времен обзаведясь будут нам привлекать своих соотечичей».

В пятом пункте Резанов пишет:

«В рассуждении сахалинцев и японцев всюду где ни встретите вы их, стараться первых привлекать ласками, а вторым делать вред истреблением судов их, но всюду сколько можно сохранять человечество, ибо весь предмет жестокости не против честных людей обращен быть должен, но против правительства, которое лишая их торговли держит в жестокой неволе и бедности и следовательно всякое японцам сделанное снисхождение обратит их более к заключениям о россиянах, что они великодушны и тогда столько не из страха сколько из благодарности принужденными найдутся искать торговли».

Отдавая себе отчет, что он толкает Хвостова и Давыдова на преступные дела, Резанов требует от подчиненных блюсти «военную» тайну:

«По прибытии нашем в Охотск обязать на судне вашем всех подписать, чтобы никто не разглашал о намерении экспедиции сей и чтоб исполнение ея в совершенной тайне было»².

Эта инструкция была вручена лейтенанту Хвостову в сентябре 1806 г. Накануне отплытия «Юноны» из Охотска ему доставили дополнения к ней. В них отразились сомнения, терзавшие Резанова. Ему вдруг сделалось не по себе от собственных предписаний.

Однако Хвостов проигнорировал дополнения к инструкции и решил действовать так, как если бы их не было в природе. 11 октября 1806 г. «Юнона» достигла острова Сахалин и Хвостов в сопровождении 22 вооруженных членов команды высадился на берег в губе Анива, где обнаружил четырех японцев и семдесят айнов, которых японцы использовали на работах. Японцы угостили гостей рисом, но те вытащили веревки, окружили японцев и схватили их. Повязанные закричали, а перепуганные айны бросились

к дверям, смяли выставленный Хвостовым караул и вырвались из помещения. Трех японцев отправили на яле на «Юнону», а одного заставили открыть часть магазинов и сараев. Хвостов поразился обилию товаров в них и приказал перевезти добычу на «Юнону». Судно оказалось перегруженным, лейтенант позволил айнам растащить остатки товаров. Аборигены быстро опустошили сараи, а затем стали помогать русским перевозить захваченный рис на судно.

На следующий день Хвостов снова высадился на берег, чтобы попрощаться с айнами и довершить начатое. Поинтересовавшись судьбой японских магазинов, которые накануне еще не были разграблены, он, к своему удивлению, «нашел их до такой степени пустыми, что даже гвозди из стен были вытасканы». Лейтенант, видимо, понял, что сахалинский абориген ничуть не лучше российского моряка. Его только удивило, «куды такое большое количество в короткое время успели перетаскать».

10 ноября «Юнона» вошла в Петропавловскую гавань, где в то время уже находился «Авось».

В Санкт-Петербург был направлен отчет о выполнении инструкции Резанова. В частности, Хвостов указал, что поступил согласно пунктам 4 и 5 инструкции и уничтожил десять японских магазинов, казарму, кумирню, девять гребных судов и захватил четырех японцев, «сколько можно было поместить в судно взял пшена, соли, неводов, котлов чугунных и разной мелочи». Поначалу он хотел взять кумирню на судно, однако «не мог совсем всего искусно сделанного маленького храма перевезти и для того сжег как кумирню, так и все японские строения, а юрты природных жителей во время пожара защищал своими людьми».

На «Юнону», по словам Хвостова, было погружено «пудов до тысячи сорочинского пшена, пудов до ста соли, до ста неводов, несколько прядева, четыре больших и десятка два малых чугунных котлов (первые весьма удобны в Камчатке для варения соли), два ящика чашек, несколько десятков топоров, серпов и ножей». Он сетовал, что из-за перегруженности «Юноны» на фрегат удалось перевезти только одну четвертую часть захваченного у японцев.

Перезимовав на Камчатке, Хвостов и Давыдов, которые должны были плыть на Аляску, решили вначале совершить набег на северные территории Японии. Обосновывая этот план, Хвостов доносил в Санкт-Петербург:

«Посему я решил сей весны зайти в Аниву непременно, и мы получим следующие выгоды от сего похода:

1. Освободим айнов от тиранства японского.
2. Получим богатый груз хлеба, который доставит подкрепление в Америку.
2. Покажем японцам, что намерены ежегодно посещать Аниву.
3. Можем захватить большое число людей для доставления в Америку».

Планируя вторую экспедицию, Хвостов предупреждал российские власти, что не ручается, «проходя мимо Матмая (о. Хоккайдо. – А.К.), когда случится увидеть селение соразмерно силам нашим, что оставлю оное без покушения, может быть, что сие не столь хорошо примется, но, думаю, нет разницы, на Сахалине ли, на Матмае ли, или в другом каком месте причинить вред японцам, тем более еще, что в инструкции сказано: пленников взять где не встретится, только проявить человечество, исполнение чего всегда и везде для каждого из нас будет первым правилом».

Не будем утомлять читателя подробностями «подвигов», совершенных командами «Юноны» и «Авось» в японских селениях на островах Итуруп, Кунашир и Хоккайдо. Всего российские моряки совершили 11 разбойничьих набегов (20, 25, 26, 27 июня, 14, 16, 23, 25, 27, 28 июля 1807 г.), которые сопровождались стрельбой, грабежом, поджогами строений, потоплением японских судов. Все это вызвало панику в Японии: не только жители прибрежных японских селений, но и айны бежали от русских, как от чумы.

С награбленной добычей российские суда 16 июля 1807 г. прибыли в Охотск. Здесь пиратов ждал, мягко говоря, прохладный прием: Хвостова с Давыдовым арестовали. Было начато следствие. Но им удалось бежать из-под стражи и добраться до Санкт-Петербурга, где их слегка пожурили и отправили воевать против шведского флота. В морских битвах они отличились и были даже представлены к наградам. Александр I проявил принципиальность, и орденов они не получили. Зато российский самодержец по доброте душевной приказал выплатить Хвостову и Давыдову жалованье за время их пиратской одиссеи – 24 тысячи рублей серебром! – сумма по тем временам огромная. Правда, деньги поступили не из государственной казны, а из сумм, вырученных от реализации награбленных у японцев товаров.

А награбили немало. В архиве сохранился перечень товаров (180 наименований). Было захвачено, к примеру, 2283 пуда и 26 фунтов риса, 11 пудов и 5 фунтов солоду, 266 пудов и 36 фунтов соли, 100 ведер и 16 бочонков сакэ. Любопытно, что в жалобе российским властям Хвостов указывает, что груз «имел от трех тысяч двухсот и до трех тысяч восьмисот пудов сорочинского пшена, разных шелковых и бумажных материй, до пятисот ведер японской водки, лучшей лакированной посуды, до трехсот разных книг... из товаров на сто тысяч рублей едва ли найдется и половина целого, все разграблено, переломано и вряд ли есть какое-нибудь состояние людей в Охотске, которые бы не имели японских вещей».

Во время экспедиции Хвостов захватил в плен и вывез в Россию двух японцев – Сахэзэ и Городзи Накагава. Первый в России умер, а Накагава вернулся на родину только в октябре 1813 г., после освобождения Японией капитана Головина с шестью моряками.

Судьба не благоволила лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову. Осенью 1809 г. в Санкт-Петербург приехал американский судовладелец Вульф, у которого РАК в свое время приобрела «Юнону». 14 октября морские офицеры посетили американца на Васильевском острове, в гостях засиделись и не успели вовремя вернуться на Петроградскую сторону. Их попытка перескочить через разводившийся мост окончилась трагически – оба утонули в Неве.

В России Хвостов и Давыдов давно забыты. Но в Японии их фамилии на слуху и по сей день, а их деяния служат своеобразной точкой отсчета в истории российско-японских отношений.

Известный российский японовед Д. Позднеев, оценивая набег Хвостова и Давыдова, еще в 1909 г. писал: «Самым важным по своим последствиям фактом в истории первых сношений России с Японией необходимо считать, конечно, экспедиции лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова против северных японских островов. Память о них... сохраняется до сего времени в Японии, факт, с которым нам необходимо самым тщательным образом считаться, когда мы рассуждаем о психологии отношений японцев к русским. ...Составляет совершенно отдельный ...вопрос о том, каким образом влияли экспедиции Хвостова и Давыдова на образование в Японии той ненависти к России, которая проходит красную нитью через все японские сочинения, трактующия о России»³.

А вот что писал ныне покойный японский общественный деятель И. Суэцугу: «Правительство России в 1803 году снарядило в Японию миссию под началом Николая Петровича Резанова (1764–1807), но Резанов по прибытии в Нагасаки на полгода попал под строгий надзор. Ему отказали даже в приеме государственной грамоты и подарков. От такого непочтительного отношения подчиненный Резанову капитан ... Хвостов пришел в ярость и стал в период с 1806 по 1807 год нападать на японские поселения и сторожевые посты на островах Сахалин, Итуруп и Рисири, поджигал дома, насиловал и грабил население. Этот инцидент ... породил... чувство страха перед Россией»⁴.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением Э. Файнберг, которая убеждала читателя: «Многие иностранные историки изображают Хвостова и Давыдова пиратами, игнорируя их патриотические побуждения, гуманное отношение к айнам и японцам, выполнение инструкции Резанова «максимально щадить человечество»⁵.

Нет, «Юнона» и «Авось» были пиратскими кораблями, и сегодня японцы никак не могут понять, почему их прославляет «Ленком» в своей рок-опере, которая более двадцати лет не сходит со сцены.

2. Порт-Артурская ловушка и печальная судьба Кореи

Весьма сложны некоторые проблемы, связанные с русско-японской войной 1904–1905 гг. Для Японии эта война навеки останется славной страницей в ее истории. Для России же она – несмылаемый позор. Но и восторги, и позор мешают объективной оценке этой войны.

Первый серьезный конфликт между Россией и Японией возник после японо-китайской войны 1894–1895 гг. Войну спровоцировала Япония из-за Кореи, которая считалась китайским протекторатом. Китай потерпел поражение. По Симоносэкскому мирному договору он должен был выплатить победительнице огромную контрибуцию, Корея объявлялась независимой страной, от Китая был отторгнут остров Формоза (Тайвань).

Япония также требовала, чтобы Китай передал ей Ляодунский полуостров с Порт-Артуром. Но тут вмешалась Россия, которая уговорила и Францию с Германией не допустить этого (Великобритания и США уклонились от сговора). Вскоре Германия захватила ки-

тайскую провинцию Шаньдун, а Россия, подкупив китайских чиновников, произвольно ввела флот на рейд Порт-Артура. Задним числом заключив с этими чиновниками тайный договор об аренде Ляодунского полуострова на 25 лет, российские власти начали в спешном порядке укреплять военно-морскую базу в Порт-Артуре и строить Южно-Маньчжурскую железную дорогу.

Думающие российские деятели опасались, что стремление России резко усилить свои позиции на Тихом океане может обернуться непредсказуемыми последствиями. Их опасения вскоре подтвердились. В 1900 г. в Китае вспыхнуло восстание «ихэтуаней» (в российской исторической литературе оно ошибочно называется «боксерским»). Восстание было направлено против засилья иностранцев, и для его подавления, под предлогом защиты своих дипломатических представительств, «великие державы» ввели войска. После победы над восставшими страны-интервенты, кроме России, вывели свои воинские контингенты. Сорокатысячный русский корпус под командованием генерала Линевича оказался, в подвешенном состоянии. Китайцы настаивали на его выводе, а Россия требовала оставить часть войск для охраны КВЖД. Японская дипломатия при молчаливой поддержке США и Англии блестяще использовала сложившуюся ситуацию, обыгрывая «российскую агрессивность». Вообще к тому времени правящие круги Японии видели в России своего главного врага на Дальнем Востоке.

Наиболее дальновидные российские политики предупреждали правительство, что Япония не простит «двух унижений» — потери из-за позиции России Ляодунского полуострова и приобретения ею этой последней без сколько-нибудь заметных усилий.

Николаю II докладывали об ошибочности аренды Ляодунского полуострова и Порт-Артура. Указывалось, в частности, на то, что владение этой гаванью не решает проблему незамерзающего порта, позволяющего российскому военно-морскому флоту беспрепятственно выходить в Тихий океан, что при обострении обстановки российский военно-морской флот окажется в ловушке и станет легкой добычей противника (так оно и произошло в 1904–1905 г.). Царю рекомендовали вместо этого усилить внимание к Корее, не отдавать ее на растерзание японцам, для чего заключить с ней на выгодных для нее условиях договор об аренде острова вблизи южной оконечности Корейского полуострова с целью создать надежный заслон на пути японской экспансии.

Так, управляющий морским министерством адмирал Тырнов в записке от 14 февраля 1900 г. министру иностранных дел России графу Муравьеву подчеркивал: «... По Дальнему Востоку я не могу не высказать еще раз моего твердого убеждения, что до приобретения нами опорного пункта в Южной Корее положение наше в Тихом океане нельзя считать покоящимся на прочных основах».

Отдавая должное значению Порт-Артура, Тырнов, однако, указывал, что эта база важна для оказания влияния на Китай, «...но для влияния на Японию стратегическое значение его несравненно ниже (если не ничтожно) ... вследствие существования великолепных бухт на юге Кореи, позволяющих неприятельскому флоту там прочно обосноваться и прекратить всякое сообщение между Владивостоком и Порт-Артуром». Считая Японию основным потенциальным противником России, Тырнов предвидел, что японские стратеги реально оценивают ситуацию и готовы к внезапному взятию Кореи.

Однако Николай II прислушался к другим советникам, которым Корея была безразлична, а строительство КВЖД и ЮМЖД сулило большие деньги.

Более того, великий князь Александр Михайлович еще 5 марта 1898 г. представил царю пространную записку ни больше ни меньше, как ... о разделе Кореи между Россией и Японией. Он предложил создать Восточно-Азиатскую компанию, с помощью которой можно будет «...прочно утвердиться в Северной Корее и подготовить совершенно мирный переход ее в наши руки». Автор этого проекта предполагал, что «желательно соглашение с Японией, по которому Японии предоставляется Южная Корея от устья реки Акабар-мура, по южной и восточной границам провинции Хай-чжо (Хван-хай-до) и затем NO (норд-ост – северо-восточнее – **А.К.**) до местечка Буннен в бухте Лазарева».

Угроза военного столкновения Японии с Россией особенно возросла после заключения в 1901 г. англо-японского союза. Переговоры об этом союзе в глубокой тайне вел японский посланник в Лондоне Хаяси. Накануне подписания соответствующего договора Санкт-Петербург посетил герой японо-китайской войны граф Хиробуми Ито, который считается главным организатором поражения Кореи.

В российской столице Ито выдвинул следующие предложения:

«1. Взаимные гарантии независимости Кореи;

2. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей друг против друга;

3. Взаимное обязательство не прибегать на корейском побережье к каким-либо военным мероприятиям, кои могли подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив;

4. Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношениях политических, промышленных и коммерческих и исключительного права ей помогать Корее советами и содействием при выполнении ею лежащих на всяком благоустройении правительства обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей...»

Эти предложения были восприняты российской стороной по-разному. Так, весьма интересной представляется позиция министра финансов О.Витте. Она наиболее наглядно продемонстрировала отношение правящих кругов Российской империи к Корее. 28 ноября 1902 г. в своем обширном письме министру иностранных дел графу Ламсдорфу он отмечал: «Я придаю первостепенное значение соглашению и считаю такое соглашение не только желательным, но на ближайшие годы, до полного окончания постройки дороги (КВЖД и ЮМЖД. – А.К.), большого заселения восточных окраин ... даже существенно необходимым». Не возражая ни единым словом против претензий Японии на Корею, Витте подчеркивает: «... в крайнем случае можно было бы даже и совершенно поступиться Кореею, если конечно Япония, со своей стороны, признает преимущественные права России во всех прилегающих к русской границе областях Китайской империи».

Будучи уверенным в победе России в случае войны с Японией, но все же опасаясь этой войны, он писал, что, «из двух зол: вооруженного столкновения с Японией и полной уступкой ей Кореи – последнее наименьшее» и что «... поступаясь Кореей, мы в корне устраняем предмет постоянных недоразумений с Японией и из врага, вечно грозящего нападениями, превращаем ее если не в союзника, то в соседа, стремящегося сохранить добрые с нами отношения...».

Впрочем, Витте не утверждал, что Корею нужно отдать в распоряжение Японии навечно и не исключал возможность того, что «...в будущем, когда вполне закончится постройка дороги и утвер-

дится наше влияние на Севере Китая, можем даже и вновь овладеть Кореей, если обстоятельства того потребуют...».

Однако как бы то ни было, четвертое по счету предложение Ито, которое фактически означало передачу Кореи в распоряжение Японии, предопределило отказ России подписать намечавшееся соглашение. Этот отказ вполне устраивал японскую сторону. Токио именно на него и рассчитывал, поскольку теперь у японских ультра руки оказывались развязанными. Ито направился в Англию, где откровенно антироссийский союз был без промедлений заключен.

Японцам также удалось тайно договориться с американскими банкирами еврейского происхождения, эмигрантами из России, и они на льготных условиях начали щедро субсидировать японские военные приготовления, доподлинно зная, что они направлены против России, где еврейские погромы были не редкостью.

Санкт-Петербург относился к японским шагам с пренебрежительной прохладцей, так как не верил, что японцы могут нанести какой-либо ущерб российским интересам на Дальнем Востоке, или нанести России поражение.

Правда, раздавались и трезвые голоса, предупреждавшие Николая II и его двор о грозящей катастрофе. Например, посланник Российской империи в Токио граф Извольский неоднократно сообщал, что Япония лихорадочно готовится к войне с Россией. Об этом же писал в своих аналитических записках и сменивший его барон Розен.

Все российские попытки умиротворить Японию оказались тщетными. В 1903 г. она выдвинула России очередные требования. Едва ли не в ультимативной форме японцы потребовали уступок и в Маньчжурии. В Санкт-Петербурге, Токио и Порт-Артуре начались затяжные переговоры, которые были только на руку Японии.

Летом 1903 г. Японию посетил военный министр Российской империи генерал-адъютант А. Куропаткин. Он знал, что Россия не готова к войне с Японией. После ознакомления с некоторыми японскими воинскими частями и бесед с высокопоставленными представителями Японии, Куропаткин пришел к твердому убеждению о необходимости предотвратить эту войну с Японией, о чем и доложил Николаю II.

По пути на родину Куропаткин посетил Порт-Артур, где вместе с наместником царя на Дальнем Востоке генералом Алексеевым и

статс-секретарем Безобразовым провел несколько совещаний, на которых была проанализирована сложившаяся ситуация. К тому моменту Министерство иностранных дел России и его полномочный представитель в Японии барон Розен волею царя были фактически отстранены от ведения переговоров и основную роль в принятии решений играл Алексеев. Он не был специалистом в области российско-японских отношений, не понимал особенностей дипломатической службы, но давал рекомендации царю, в МИД и Токио, не слишком заботясь об их возможных последствиях.

Подобно Ю. Витте, Алексеев был убежден, что если Россия примет упомянутые выше предложения Ито и отдаст Японии Корею, то все станет на свои места и напряженность в отношениях между двумя странами удастся сбить. Ну а доводы Розена о том, что Япония и так уже считает Корею своей провинцией и ей не нужно какое-либо согласие российской стороны, чтобы распоряжаться корейскими делами, были Алексеевым проигнорированы.

Здесь не имеет смысла анализировать причины поражения России. Остановлюсь только на судьбе Кореи, о чем российские историки упоминают вскользь, сокрушаясь больше об утрате Южного Сахалина и Ляодунского полуострова. Между тем, на мой взгляд, для Японии главным трофеем в войне с Россией была Корея.

Вот почему на переговорах о заключении мирного договора, где российскую делегацию возглавлял Ю. Витте, вопрос о Корее по настоянию японцев был вынесен на первый план. В статье 2-й этого договора отказ России от каких-либо претензий в отношении Кореи был зафиксирован без всяких оговорок:

«Российское императорское правительство, признавая за Япониею в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои Императорское Японское Правительство могло бы почести необходимым принять в Корее». (Курсив мой. – А.К.).

И никого не могли обмануть дальнейшее положение статьи 2-й: «Условлено, что русско-подданные в Корее будут пользоваться в Корее совершенно таким же статусом, как подданные других иностранных государств, а именно, что они будут поставлены в те же условия, как и подданные наиболее благоприятствуемой страны». Уже 19 сентября 1905 г. надворный советник Козаков, ответственный сотрудник дипломатического представительства

Российской Империи в Пекине, ссылаясь на своего секретного китайского информатора, сообщал в Санкт-Петербург: «Юань Шикай телеграфирует князю Цину: «Посланник наш в Сеуле сообщает, что Корейское Правительство не имеет уже никакой власти в международных сношениях. Иностранные представительства отзываются, и Китаю надлежит также отозвать своего посланника, заменив его консулом. Считаю долгом заметить, что хотя Корея и не принимает самостоятельного участия в международных отношениях, но Китаю нельзя отступить от своих исконных интересов в этой стране. Я... и препровождаю вам пункты требований, имеющими быть снова представленными Японии».

Никакого впечатления на Японию этот и другие демарши, конечно, не произвели. Россия, Китай и другие страны были вынуждены ликвидировать свои посольства в Корее. Им было позволено заменить их консульствами, которым запрещались прямые контакты с корейцами: все возникавшие вопросы надлежало решать через японскую администрацию.

Считается, что Япония аннексировала Корею в 1910 г., но на самом деле она колонизовала эту страну в 1904 г., когда высадила на ее территории войска в преддверии войны с Россией, а в 1905 г. закрепила свои притязания Портсмутским договором, которым, между прочим, Россия хоть и вынужденно, но все же предала корейские интересы.

3. Несостоявшееся выселение корейцев⁶

После аннексии Японией Кореи значительная часть корейцев покинула пределы родины и перебралась в другие страны, в том числе на российский Дальний Восток. Миграция корейского населения через российскую границу происходила на фоне партизанской войны против японских колонизаторов. После завершения боевых операций, корейские партизаны, действовавшие на Севере Кореи, нередко укрывались у своих родственников или знакомых на территории России. Российские пограничные комиссары докладывали об этих переходах по начальству, однако до Санкт-Петербурга эти доклады обычно не доходили.

Если же из столицы поступало грозное указание любым способом предотвратить незаконные переходы границы или задержать какого-то конкретного «преступника», которого разыскивает японская сторона, то обычно давался ответ, что такой «пре-

ступник» обязательно будет задержан, если он появится в поле зрения пограничной охраны. При этом пограничники фактически предупреждали о розыске какого-то лица, когда расспрашивали о нем жителей-корейцев.

Кроме того, в пограничной охране работали переводчиками корейцы. Охрана эта относилась к ним с доверием, ибо видела в них естественных противников японцев. Во время русско-японской войны корейцы были надежными союзниками русских.

В 1912 г. между Россией и Японией была подписана конвенция, в которой оговаривались условия взаимной выдачи уголовных и государственных преступников. Россия надеялась, что благодаря этой акции ей удастся с помощью японцев перехватывать противников правящего режима, именовавших себя революционерами.

Япония, по инициативе которой была заключена эта конвенция, под «государственными преступниками» подразумевала тех корейцев, которые боролись с нею.

Посол Японии в Санкт-Петербурге И. Мотоно прилагал титанические усилия, чтобы побудить российские дальневосточные власти к борьбе с корейскими партизанами и «пропагандистами», печатавшими «подрывные» газеты и листовки.

Посол передавал в МИД России списки корейских подпольщиков и их предполагаемые адреса на территории России с просьбой задержать и передать корейцев японской стороне. Дипломатическое ведомство через Министерство внутренних дел и региональные органы пыталось удовлетворить просьбы японцев.

Однако большинство японских требований осталось невыполненными. Запросы и указания из столицы попадали в Хабаровске к генерал-губернатору Приамурского края генералу Н. Гондатти. Человек умный и сообразительный, настоящий государственный, он считал, что плетью обуха не перешибешь. Не вступая в пререкания с Санкт-Петербургом и понимая, что МИД Российской империи тоже должен соблюдать хорошую мину при плохой игре, губернатор особо не усердствовал. Порой министр иностранных дел Российской империи просто умолял Гондатти «передать какого-нибудь корейца», чтобы успокоить японцев. Однако никого из «корейских преступников» так и не передали.

Возмущенная нерасторопностью российских властей, японская сторона потребовала выселить корейцев из районов, граничащих с Китаем и Кореей, в отдаленные северные области, куда царское

правительство отправляло в ссылку революционеров. Однако и эта попытка японцев изолировать корейцев провалилась, ибо российские чиновники не понимали, на каком основании они должны отправлять корейцев: ведь ничего предосудительного в отношении России они не совершали, а борьба с Японией – их личное дело.

Правда, в Иркутске была задержана группа корейских «пропагандистов», но их через несколько дней отпустили.

Японская разведка и японские дипломатические органы не оставляли без внимания ни одного корейца, подозревая их всех в антияпонской деятельности. Так, обеспечивая безопасность визита японского принца Канъин, проследовавшего в сентябре 1916 г. поездом через Маньчжурию в Петроград и обратно, японские власти по дипломатическим каналам потребовали изолировать пять корейцев, которые, по их данным, проживали в полосе отчуждения железной дороги, находившейся под властью русской администрации КВЖД в Харбине.

Российский генеральный консул в Харбине подробно информировал МИД России о том, как идет розыск этих корейцев. В донесении от 20 августа 1916 г. он следующим образом описывал совещание руководящего состава российской администрации КВЖД, на котором обсуждался вопрос о выполнении японской просьбы: «Председатель суда Скворцов и прокурор Сульников высказываются против оказания Японии просимой услуги. Они возмущаются, как это так можно выселять русского подданного только потому, что он не нравится японцам и они называют его агитатором». Российский генеральный консул расценил вышеприведенные слова, как «недружелюбное отношение харбинцев к японцам». Выполняя решение этого совещания, генеральный консул «затребовал от японского консула дополнительные обвинительные данные об указанных пяти корейцах, подтверждающие, что они действительно опасные люди, замешанные в антияпонской партии и террористических актах».

Как оказалось, четыре корейца были подданными России, а пятый Андекун – брат убийцы наместника Кореи князя Х. Ито, – подданным Японии. Но так как никто из корейцев, о которых упоминали японцы, не проживал в полосе отчуждения, то генеральный консул лишь обещал предпринять в отношении их соответствующие меры, как только они появятся в поле зрения российских властей.

Однако в архивах до сих пор не обнаружено сведений о количестве выселенных корейцев. Скорее всего, тогда выселение не состоялось.

4. Тайный военно-политический союз

В Первую мировую войну Япония вступила 23 августа 1914 г., сославшись на обязательства по союзному договору с Великобританией⁷. Она предъявила ультиматум о сдаче германскому отряду (около 1500 человек), расквартированному на военно-морской базе Циндао⁸ в китайской провинции Цзяочжоу. Япония также оккупировала принадлежавшие Германии Маршалловы, Каролинские и Марианские острова в Тихом океане. На этом ее участие в боевых действиях в основном и закончилось. Пока великие державы «занимались» европейскими делами, Япония укрепляла позиции в Китае.

Японские стратеги пришли к выводу, что в послевоенном мире ей лучше всего иметь в союзниках ослабленную войной Россию, которая наверняка не будет ее конкурентом в Китае, нежели непредсказуемую Великобританию. В Токио и Петрограде начались переговоры, которые завершились заключением тайного договора 3 июля 1916 г. Его подписали посол Японии в России И. Мотоно и министр иностранных дел Российской империи Сазонов.

Вскоре, однако, договор перестал быть тайным и вообще превратился в никому не нужную бумажку: в декабре 1917 г. большевистское правительство опубликовало тайные договоры царизма с другими государствами. Считаю целесообразным привести его полный текст.

«Российское Императорское правительство и Японское Императорское правительство в целях большего упрочения их тесной дружбы, установленной между ними тайными соглашениями от 17–30.07.07г., от 21.06(4.07).1910 г. и от 25.06(8.07).1912 г., согласились выполнять вышеперечисленные тайные соглашения нижеследующими статьями.

Статья I.

Обе Высокие Договаривающиеся стороны признают, что жизненные интересы и той и другой стороны требуют охранения Китая от политического господства какой бы то ни было третьей державы, питающей враждебные замыслы против России или Японии, – а посему – взаимно обязуются

впредь всякий раз, как того потребуют обстоятельства, выступать друг с другом в чистосердечные и на полном доверии основанные сношения, чтобы сообща принять надлежащие меры на предмет недопущения возможности наступления (в Китае) подобного положения дел.

Статья II.

На этот случай, если бы последствием мер, принятых по общему согласию России и Японии, на основании предыдущей статьи, явилось бы объявление какою-либо третьей Державой, которую имеет в виду ст. 1 сего соглашения, войны одной из договаривающихся сторон, другая сторона по первому требованию своей союзницы должна прийти ей на помощь; каждая из Высоких Договаривающихся сторон настоящим обязывается в случае наступления такого рода положения не заключать мира с общим врагом, не получив на то предварительного согласия своей союзницы.

Статья III

Те условия, при коих каждая из Высоких Договаривающихся Сторон будет оказывать противной стороне, согласно предыдущей статье, вооруженную помощь, равно как и те пути, коими будет осуществляться эта помощь, должны быть обусловлены надлежащими властями той и другой Договаривающейся стороны сообща.

Статья IV.

Надлежит особо иметь в виду, что ни та, ни другая из Высоких Договаривающихся сторон не должна считать себя обязанною ст. II сего соглашения в оказании своей Союзнице вооруженной помощи, поскольку ей самой не будут даны гарантии ея Союзниками в том, что и те окажут ей помощь, по размерам своим соответствующую серьезности назревающего конфликта.

Статья V.

Настоящее соглашение вступает в силу с момента своего подписания и сохраняет силу сроком по 1-14.07.1921 г.

На тот случай если одна из Высоких Договаривающихся Сторон не сочла нужным за 12 месяцев до истечения этого срока заявить о своем нежелании продолжить действие настоящего соглашения, то таковое сохранит свою силу до истечения

годового срока с момента заявления одной из Высоких Договаривающихся сторон о денонсации сего соглашения.

Статья VI.

Настоящее соглашение должно оставаться глубочайшей тайной для всех за исключением обеих Высоких Договаривающихся Сторон.

В удостоверение чего Уполномоченные обеих сторон подписали и скрепили своими печатями настоящее соглашение.

В Петрограде, 20.06–3.07.1916 года, что соответствует японской дате: «3-му дню, 7 месяца, 5 года правления Тайсё». Сазонов, Мотоно»⁹.

Большевистские издатели истолковали договор следующим образом: «Это тайное соглашение между Россией и Японией, имеющее в виду вооруженное выступление сообща против Америки и Англии на Дальнем Востоке ранее лета 1921 г.»¹⁰.

Кроме указанного договора, Россия и Япония подписали также дополнительный секретный протокол:

«Императорское Российское Правительство и Императорское Японское Правительство, решив объединить свои усилия для поддержания постоянного мира на Дальнем Востоке, уславливаются о нижеследующем:

Ст. 1.

Россия не примет участия ни в каком соглашении или политическом сочетании, направленных против Японии.

Япония не примет участия ни в каком соглашении или политическом сочетании, направленных против России.

Ст. 2.

В случае, если бы что-либо угрожало правам или особым интересам на Дальнем Востоке одной из Договаривающихся Сторон, признанным другой Договаривающейся Стороной, Россия и Япония согласятся между собой относительно мер, которые они примут в видах оказания друг другу поддержки и содействия для охраны и защиты указанных прав и интересов.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся подписали сию конвенцию и приложили печать.

Учинено в Петрограде 20.VI/03.VII.1916 г. (третий день 07 месяца пятого года Тайсё)

Сазонов Мотоно»¹¹.

Когда подписывались приведенные выше документы, никто не предполагал, что дни Российской империи сочтены и Япония совместно с другими государствами должна будет прийти на выручку своему союзнику. Не похожа ли японская интервенция в Сибири на «интернациональную помощь» попавшему в беду партнеру.

5. Николаевский «инцидент»

В декабре 1919 г. небольшая группа партизан под командованием Якова Тряпицына начала продвижение к Николаевску-на-Амуре. В конце февраля 1920 г. значительно пополнившийся людьми отряд достиг намеченной цели и осадил город. В Николаевске дислоцировались небольшая белогвардейская часть и японский воинский контингент численностью в 300 человек¹², которые не могли противостоять превосходящим силам партизан.

28 февраля между партизанами и командованием японского отряда было подписано соглашение «О мире и дружбе японцев и русских», в соответствии с которым партизаны беспрепятственно вошли в город. Так как Тряпицын подобного соглашения с «беляками» не подписывал и к тому же смертельно ненавидел эксплуататоров (он считал себя «коммунистом-максималистом»), в городе была устроена настоящая охота за контрой. В срочном порядке были арестованы не только все белогвардейцы и зажиточные горожане, но и представители немногочисленной интеллигенции. Революционный суд был коротким и однообразным – расстрел у полыньи на льду Амура.

Замыслил Тряпицын разоружить и японский отряд, который, как он считал, мог помешать в наведении революционного порядка. Японцам стали известны замыслы «Командующего Николаевским фронтом» (так называл себя Тряпицын), и они решили его упредить – в ночь на 12 марта напали на штаб партизан. Однако эта вооруженная вылазка потерпела крах. Придя в себя от кратковременного замешательства, партизаны одолели японцев. Большинство японских военнослужащих и гражданских лиц были убиты в бою, а 130 человек забаррикадировались в японском консульстве. Вскоре они сдались на милость победителя.

Весть о «николаевских событиях» вызвала в Японии бурю негодования, от правительства требовали немедленного возмез-

дия. В Николаевск отправили карательную экспедицию, которая из-за ледовой обстановки смогла прибыть к месту событий только в начале июня.

Сознавая, что ему не устоять перед приближающимися японскими силами, Тряпицын приказал расстрелять всех арестованных «контрреволюционеров», а также 130 японцев, которым ранее обещал сохранить жизнь. Затем он приказал сжечь и разрушить в городе все здания, а жителей насильно увел в тайгу. 9 июля 1920 г. Тряпицын, его гражданская жена и начальник штаба Нина Лебедева и еще несколько близких к нему «революционеров» были партизанами арестованы и расстреляны по приговору «народного суда». Однако это не произвело на Японию никакого впечатления и в качестве сатисфакции за совершенное преступление ее войска оккупировали северную часть острова Сахалин, которую покинули только после установления с СССР дипломатических отношений в 1925 г.

Советские власти пытались всю вину за «николаевские события» возложить на японцев. Слов нет, японцы виноваты в том, что вошли в Николаевск и другие российские города, что воевали с партизанами. Но нельзя оправдывать и жестокость Тряпицына. В чем были виноваты японские дети, старики и женщины, расстрелянные по его приказу?

6. США спасают большевиков

К концу 1920 г., т. е. за полтора года «интервенции»¹³ японский экспедиционный корпус в боях с дальневосточными партизанами потерял почти четыре тысячи человек. Кроме того, японскому командованию приходилось возвращать домой распропагандированные большевиками части. Усложнялась и внутривойсковая обстановка в стране. Но вдруг возникла возможность поправить положение дел.

В ноябре 1920 г. остатки войск барона Врангеля под напором большевиков были вынуждены эвакуироваться из Крыма в Турцию. Это обозленное на всех и вся воинство показалось японцам вполне подходящим для восполнения нехватки живой силы на Дальнем Востоке. Японский генеральный штаб вошел в контакт с соответствующими службами Франции и предложил перебросить врангелевцев туда. Франция ухватилась за эту идею обеими руками – ведь реализация проекта позволила бы Парижу изба-

виться от лишней обузы. В сверхсекретных японо-французских переговорах по этому вопросу принимал участие бывший адъютант адмирала Колчака Тирбах.

Несмотря на всю сверхсекретность, Государственный Департамент США был в деталях осведомлен о ходе этих переговоров. Его представители в Токио (Мак-Аллан) и в Шанхае (Хэммонд) своевременно получали необходимую информацию от своих тайных агентов. Одним из главных информаторов был майор японского генерального штаба Токуда.

29 декабря 1920 г. Мак-Аллан ориентировал Хэммонда:

«Наблюдайте за тем, что происходит между японцами и французами. Скоро в Шанхай должен приехать господин Тирбах, бывший адъютант Колчака. Он получил от французов поручение насколько возможно играть на руку японцам»¹⁴.

Затем американским дипломатам удалось перехватить депешу японской военной миссии в генеральный штаб от 6 января 1921 г., в которой говорилось следующее: **«В вопросе эвакуации Врангеля мы достигли с французами доброжелательного согласия. Французы не могут больше поддерживать армию, положение очень тяжелое... Предлагаемый французами план приемлем, но только в том случае, если французы поддержат нас всеми силами в Сибирском вопросе. Французский проект будет еще сегодня передан шифром»¹⁵.**

14 января 1921 г. Мак-Аллан сообщал в Вашингтон: **«Сегодня я узнал от господина Токуда общий французский и японский план, касающийся сибирского вопроса. План был принят сегодня вечером японским правительством. На днях отправится специальная миссия в Дайрен и Шанхай для принятия уже заранее важных шагов... Оригиналы документов, переданных мне г. Токуда, я посылаю с Ларкиусом.**

Документ содержит следующий проект:

«Ответ на японское предложение:

I. Никаких оккупационных и аннексионистских намерений со стороны Японии.

II. Французское правительство требует, чтобы японское правительство приходило непременно на помощь тем партиям, которые выступили бы открыто или тайно против большевиков и социалистов-революционеров.

III. Французское правительство желает, чтобы японское правительство перевезло на территорию Сибири армию Врангеля, которая [находится] в Константинополе, [на] Принцевых островах, Сербии и Далмации, и чтобы эта армия была снабжена всем необходимым.

...Расходы по перевозке будут покрыты Францией, а паροходы [должны быть] японские... Франция желает, чтобы японцы хорошо приняли Тирбаха.

IV. Французское правительство готово поддерживать тот проект, чтобы японское правительство получило свободу действий и чтобы бывшая армия Врангеля под руководством Семенова или других русских офицеров освободила занятые большевиками сибирские территории. После этого освобождения японское правительство может вести дело таким образом, что освобожденные области, находясь под японским протекторатом, но с русским управлением, подпадут совершенно под японское влияние. Французское правительство готово и в этом вопросе предпринять шаги и перед английским правительством, чтобы вопрос этот не застал его врасплох.

V. Французское правительство желает, чтобы... в вопросе о концессиях после японских интересов соблюдались в первую очередь интересы Франции»¹⁶.

Уже на следующий день Мак-Аллан через Хэмонда сообщил в Вашингтон о реакции японского правительства на французские предложения, которые оно посчитало «заслуживающими внимания»: «... Японское правительство не имеет возможности приносить ради Сибири еще большие жертвы, чем до сего времени. Когда удастся организация со стороны Тирбаха, мы готовы взять протекторат над ДВР, тем более что Японское императорское правительство не может терпеть, чтобы Читинское правительство ДВР, проникнутое большевистскими идеями, могло иметь почву для дальнейшего развития...»¹⁷.

25 января 1921 г. японская и французская делегации встретились с приехавшим в Шанхай Тирбахом и выплатили ему на расходы через «Спеш-бэнк» 250 тысяч иен. Для конспирации англичане предложили бывшему адъютанту пост заместителя коменданта почты. Подготовительные мероприятия и переговоры продвигались успешно, и 21 февраля 1921 г. Хэмонд направляет

в Вашингтон следующую шифротелеграмму: «Япония предоставила Франции три больших транспорта для перевозки врангелевцев на Восток. Офицеры уже отбыли из Константинополя. Между Семеновым, Хорватом, Японией и Францией переговоры уже ведутся... Японцы не хотят больше жертвовать ни одним солдатом...»¹⁸.

В этой же телеграмме Хэммонд запрашивал Центр о шагах, которые ему надлежало предпринять. Высказал он и предложение проинформировать о происках Японии и Франции правительство ДВР. Вашингтон ответил, что ждет подробное сообщение от Мак-Аллана: «Когда все будет выяснено, мы сможем сделать соответствующие шаги в Токио. Все расходы будут оплачены. Никаких денежных экономий»¹⁹.

О том, что именно США решили предпринять, стало известно лишь осенью 1921 г., когда Япония и Франция успели отказаться от идеи переброски врангелевцев на Восток. Отказ этот до конца не удовлетворил идеи американцев. Они продолжали внимательно следить за действиями Японии и в конце концов разразились нотой с требованием вывести войска из советского Приморья. 15 октября 1921 г. Вашингтон направил американскому послу в Токио следующее указание: **«Передайте японскому министру иностранных дел: «Соединенные Штаты с большим вниманием наблюдают за дальневосточными делами. Неблагоприятные переговоры Японии с ДВР, монгольский и китайский вопросы являются показателем совершенно сепаратной и эгоистической политики. Соединенным Штатам самым серьезным образом пришлось бы чувствовать сожаление, если бы Вашингтонская конференция вследствие неискренней на Востоке политики встретилась с затруднениями. Соединенные Штаты горячо желали бы, если б Японское правительство, приняв во внимание американские интересы, смогло самым быстрым способом в пределах возможного закончить Сибирский вопрос. В противном случае Соединенные Штаты должны будут признать проводимую Японией политику неправильной для Востока, а Сибирский вопрос, как открытый и неурегулированный, передать на разрешение конференции. Было бы также желательным, чтобы японские основные положения касательно эвакуации были в срочном порядке и в пределах возможности освещены»**²⁰.

16 октября указанная нота была вручена МИД Японии. И хотя Япония затянула эвакуацию своих войск из Приморья до 1 ноября 1922 г., угроза США на нее несомненно действовала.

Конечно, США действовали не из-за особой любви к большевикам, а из-за нежелания наблюдать дальнейшее усиление Японии. Пусть и большевистская, но ослабленная Россия казалась им предпочтительнее быстро набравшего могущество японского конкурента. Но вне зависимости от подспудных соображений американский демарш существенно помог Советской России. Тем не менее в огромном массиве отечественных работ о «сибирской интервенции» не найти ни строчки об этом вмешательстве США в судьбу России.

7. «Меморандум Танака»

В 1927 г. в мировой печати был опубликован сенсационный меморандум, якобы подготовленный для доклада императору Японии Хирохито премьер-министром генералом Г. Танака. В меморандуме излагался план покорения основных стран мира и установления Японией мирового господства.

Г. Танака, который многие годы проработал в японской разведке «на русском участке», был настроен весьма воинственно. Если исходить из этого, то придется признать, что содержание меморандума соответствовало его взглядам.

Советская разведка потратила немало сил и средств для приобретения меморандума²¹. Но стоило ли? Ведь скорее всего меморандум был продуктом дезинформационной службы ОГПУ. Видимо, к удивлению самих его авторов, «Меморандум Танака» долгое время принимали за «чистую монету», и только в последних российских публикациях начинают звучать нотки сомнений в подлинности этого документа. Да и как не сомневаться, если даже влиятельные советские деятели еще в сталинские времена относились к меморандуму с глубоким подозрением. 20 ноября 1946 г. главный обвинитель советской части обвинения полковник юстиции С. Голунский доложил председателю комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по руководству советской частью обвинения на Международном военном трибунале для Дальнего Востока в Токио А. Вышинскому следующее:

Тов. Вышинскому А.Я.

Маршалом ЧОЙБАЛСАН по нашей просьбе было прислано в Токио на имя обвинителя от СССР заявление об обстоятельствах нападения японских войск на Монгольскую Народную Республику в 1939 г. в районе реки Халхин-Гол. Это заявление имелось в виду представить в Международный Военный Трибунал в качестве доказательства агрессивных действий Япоии, поскольку документы Генерального Штаба Советской Армии, которыми мы располагаем, недостаточно освещали начальную фазу японского нападения.

Однако в заявлении Маршала ЧОЙБОЛСАНА содержится несколько ссылок на меморандум ТАНАКА, написанный в 1927 г., подлинность которого в настоящее время подвергается сомнению. По данным американского обвинения, можно опасаться, что подложность меморандума ТАНАКА будет доказана защитой в стадии ее выступления. Поэтому обвинение избегало ссылок на него, чтобы этим не скомпрометировать своего доказательственного материала.

Мы в своих выступлениях на процессе также ни разу не упоминали о меморандуме ТАНАКА.

В связи с этим прошу Вашего разрешения на возвращение через нашего посла в Монгольской Народной Республике Маршалу ЧОЙБОЛСАНУ его заявления для пересоставления с целью исключения из него ссылок на меморандум ТАНАКА²².

Но непостижимым образом представителям СССР удалось добиться не только того, что «Меморандум Танака» был признан в трибунале официальным обвинительным документом за № 169, но и того, что он предъявлен был американской стороной! Видно, Голунский многого не знал.

302

Перевод добытого советской разведкой меморандума до сих пор в России полностью не обнародован. В публикациях обычно даются только выжимки из него, где говорится об этапах покорения Японией мира и подчеркивается экспансионистская суть ее внешней политики в конце 20-х годов.

Между тем полный текст «меморандума» (в переводе) хранится в архивах. Этот документ на 18 страницах, отпечатанный на машинке через один интервал, называется «МЕМОРИАЛ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Е.В. ИМПЕРАТОРУ ЯПОНИИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТ-

РОМ ТАНАКА, ОБ АКТИВНОЙ ПОЛИТИКЕ В МАНЬЧЖУРИИ». Он состоит из «Общего обзора» и следующих разделов: «Маньчжурия и Монголия – не китайская территория», «Твердая политика в отношении Внешней и Внутренней Монголии», «Поощрение и защита корейской иммиграции», «Железные дороги и развитие нашего нового континента», «Необходимость изменений в организации ЮМЖД», «Железо и сталь», «Нефть», «Земледельческие удобрения», «Сода и содовая зола/пепел/», «Магний, алюминий», «Необходимость учреждения колониального департамента».

Если бы такой документ подготовил Г. Танака для доклада императору, то на японском языке его объем превысил бы триста страниц. Но Г. Танака был опытным и грамотным политиком, и он не представил бы императору документ, содержащий массу информации «неимператорского уровня».

И все-таки некоторые отечественные историки, а вслед за ними и «прогрессивные» японские ученые продолжают ссылаться на фальшивку ОГПУ.

8. Попытки использования «национального вопроса»

После установления в 1925 г. дипломатических отношений между СССР и Японией разведки обеих стран начали интенсивную работу по изучению друг друга как вероятного противника.

До сих пор вызывают интерес донесения японских военных разведчиков в Генеральный Штаб сухопутных сил о возможности использования сепаратистских сил на территории СССР против центрального правительства. При этом особый акцент делается на мусульманские народы.

Разведывательную работу «по мусульманской линии» японские военные атташе вели не только на территории СССР, но и в сопредельных странах – Польше, Турции, Персии, Афганистане, Латвии и др. Любопытно, что подготовленные ими прогнозы о возможности активизации сепаратистских элементов кое в чем оказались верными.

Первым разведчиком–предсказателем был К. Хасимото, который угодил на скамью подсудимых Токийского процесса 1946–1948 гг., хотя этот отставной полковник никаких крупных постов не занимал и был уволен из японской армии в 1932 г. за участие в движении «молодых офицеров».

В 1927 г., еще будучи майором, Хасимото получил должность военного атташе Японии в Стамбуле. Главное внимание он уделил Кавказу. На его счету немало «рутинных» операций по организации оперативной работы. Кроме того Хасимото снабжал генеральный штаб сухопутных сил Японии аналитическими записками, часть которых не утратила актуальности и сегодня.

В 1929 г. Хасимото направил в генеральный штаб докладную записку со следующим названием: «По вопросу о возможности использования Кавказа в политико-диверсионных целях против СССР». Там он, к примеру, писал: «...Кавказ представляет собой один из важнейших пунктов при разработке политико-диверсионных планов Японии в отношении СССР. ...Можно одновременно поднять ... движение среди мусульман и партизанские действия среди горцев, чтобы вызвать противоречие между отдельными народностями Кавказа, создать там хаотическую обстановку. Метод одновременного воздействия на все элементы тоже может быть учтен с политико-диверсионной точки зрения».

В октябре 1933 г. начальник генерального штаба принц Котохито направил военным атташе Японии в СССР, Польше, Латвии, Турции, Германии и Франции директиву об усилении работы в области «национального вопроса».

Откликаясь на директиву, военный атташе в Стамбуле М. Канда в марте 1934 г. представил в Токио подробный отчет о результатах проведенной им вербовочной работы:

«1. По азербайджанской линии завербован Султанов. Полагаю целесообразным заставить в будущем его действовать в Персии. Мы послали его ныне в путешествие... На персидской территории вблизи советско-персидской границы он имеет родственников и бывших подчиненных. Полагаем, что он обладает достаточными возможностями для практической работы. Ему присвоили другое имя: «Доктор Порат».

2. По северо-кавказской линии завербован Шамиль. Имеем в виду поручить ему проведение антисоветской пропаганды среди мусульман в будущем. Я отдал ему приказ составить план данной работы.

3. По линии крымских татар завербован Джафер Саид Амед – представитель крымских татар... я имею другой план в случае невозможности использовать его по линии мероприятий против Черноморского флота.

4. Предположительная численность вооруженной группы, которую в самом начале можно будет перебросить с персидской границы в Советский Союз – около 1000 человек...

5. В районе советско-турецкой границы из северокавказцев, находящихся в Турции, можно организовать вооруженные части, предположительно в количестве 1000 человек...

6. ...В данный момент наибольшие шансы на возможность установления нелегальных связей на территории СССР имеются у азербайджанской группы, которая может это сделать через советско-персидскую границу».

Чтобы составить более полный отчет на директиву, М. Канда в феврале 1934 г. совершил разведывательную поездку в Ирак, Сирию, Палестину и Египет. О результатах этой поездки сказано в его большом докладе, отрывок из которого заслуживает быть помещенным здесь.

«...Наши политико-диверсионные мероприятия не должны ограничиваться пределами Европы. Мы должны думать о проведении политико-диверсионных акций против СССР со всех сторон, не ограничиваясь Европой, и практикуя любые методы. В данном случае одним из планов, более или менее благоприятных для нас, является использование мусульманских государств.

Для проведения этого плана необходимо будет учредить должности торговых представителей в Афганистане, Турции, Персии, Аравии, Египте и других странах, то есть послать туда в замаскированном виде в достаточной степени способных офицеров, ибо в данный момент весьма трудно будет найти подходящих кандидатов из числа дипломатических чиновников.

...Надо вести агитацию среди видных мусульманских лидеров во всех странах, чтобы подготовить базу для антисоветских политико-диверсионных комбинаций. При ассигновании на первый год работы около 200 тысяч иен можно будет приступить к проведению подготовительных мероприятий.

...Если мусульман использовать так же, как англичане использовали арабские войска в Палестине во время мировой войны, то можно будет многого достичь. Тюрки в этом отношении превосходят другие мусульманские народности. Если же сравнивать мусульман и украинцев, то первые более воинственны. Следует также подчеркнуть, что исключительно воинственны китайские мусульмане».

Выполняя предписания все той же директивы, военный аташе в Тегеране Уэда в донесении от 5 марта 1935 г. писал: «...Основными из населяющих Закавказье национальностей являются грузины, азербайджанские турки и армяне. Каждая из этих национальностей имеет свою культуру, обладает по сравнению с другими малочисленными национальностями гораздо более сильным сознанием, составляет основное ядро населения соответствующей республики СССР и с политико-экономической точки зрения играет в Закавказье довольно большую роль.

Представители этих национальностей живут в большом количестве и за пределами своей территории, в частности в Иране, Турции и других странах, причем издавна они там являются причиной различных политических осложнений. Поэтому все государства придают вопросу управления ими весьма важное значение. С точки зрения диверсионных планов это обстоятельство следует признать ценным...

Азербайджанские турки в связи с географическим распределением единомышленников и родственных им племен, а также с точки зрения их национального характера представляют максимальную ценность для нас в диверсионных целях. В районе их расселения находятся бакинские нефтяные участки, являющиеся сокровищницей Советского Союза. По внешним признакам турки очень похожи на японцев. В связи со всеми этими обстоятельствами они как никто другой подходят для нашей работы.

Если обеспечить народности Кавказа хорошими руководителями, то они в нужный момент могут проявить активность».

Предполагала ли японская разведка, что в XXI столетии борьба с мусульманскими террористами станет делом всего мира, включая Японию?

9. Схватка на Халхин-Голе

Кровавый военный конфликт между СССР и Японией возник из-за холмистого Номонханского «пятачка» (20х40 км), который опоясывает с резким изгибом на запад река Халха. Япония, выступая защитницей интересов Маньчжоу-го, утверждала, что граница должна проходить по реке Халха, как это было определено Хунчуньским договором 1867 г. о территориальном размежевании между Россией и Китаем. Подкрепив свои доводы картами,

японцы волевым порядком передвинули границу Маньчжурии с Монголией на 20 км в западном направлении.

Монгольская (читай – советская) же сторона называла эти карты поддельными и считала Номонхан своей территорией. До поры до времени пустынные холмы стратегического интереса не представляли. Однако когда японцы начали строить железную дорогу из Солуни на Ганьчжур (с юга на север в направлении советской границы), которая должна была проходить в непосредственной близости от Номонханской возвышенности, эта последняя неожиданно приобрела важное оперативное значение. Отодвинуть границу с Монголией на запад японцы хотели для того, чтобы обезопасить будущую железную дорогу.

Советская сторона восприняла строительство дороги как непосредственную угрозу Забайкалью. Внутреннюю Монголию (Баргу) Советский Союз считал удобным японским плацдармом для нападения на его территорию.

Схватка между СССР и Японией назревала давно. Именно в ее предвидении еще в марте 1936 г. между СССР и Монголией было подписано соглашение о взаимопомощи сроком на десять лет. В соответствии с ним в МНР был дислоцирован советский 57-й отдельный стрелковый корпус. Правда, его численность составляла всего 5544 человека, но он мог быть развернут в более крупное соединение, так как в его составе было 523 командира и 926 младших командиров.

В июле 1937 г. Япония начала войну с Китаем, оккупировала Пекин, Тяньцзин, Шанхай. В августе был заключен советско-китайский договор о ненападении. СССР не только помогал Китаю финансами и осуществлял поставки вооружения и боеприпасов (было поставлено 985 самолетов, 82 танка, 1300 орудий, 14 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок), но и направил в Китай 3665 советских «добровольцев».

После того как в июле 1938 г. японцы потерпели поражение на озере Хасан, Токио начал срочно укреплять западную границу Маньчжоу-го, для чего была сформирована 23-я пехотная дивизия, командиром которой был назначен генерал-лейтенант М. Комацубара.

Один из лучших руководителей японской военной разведки, в 1928–1930 гг. Комацубара был военным атташе Японии в Москве, где отличался выдающимися способностями по части сбора

разведывательной информации и подготовки аналитических записок. Однако он не был кадровым военным. Поэтому его назначение командиром стрелковой дивизии вряд ли предусматривало ее использование в масштабных наступательных боевых действиях. Скорее всего, дивизия предназначалась для проведения разведывательно-диверсионных операций в случае обострения обстановки на границе с Монголией.

Кстати, формировалась она из новобранцев, которые вступили в бой необученными, о чем свидетельствуют многочисленные дневники убитых японских солдат.

Сражения между советскими и японскими войсками продолжались с 11 мая до 15 сентября 1939 г. на маленьком плацдарме шириной в 70 км по фронту и глубиной до 20 км. Район боев отстоял от ближайшей советской железнодорожной станции Борзя на 750 км. Это был пустынный безлесный участок без дорог и источников воды.

В начале июля командиром 57-го корпуса был назначен комкор Г. Жуков. Вскоре из всех войск, сосредоточенных у Халхин-Гола, была создана 1-я армейская группа с военным Советом во главе. Жуков принял командование ею.

Свое появление на Халхин-Голе он ознаменовал решительными мерами по наведению порядка. Порой эти меры выходили за все мыслимые рамки. Так, по его личному указанию был фактически ликвидирован штаб 57-го корпуса, а несколько его руководителей расстреляны как японские шпионы, пробравшиеся в штаб. Такая же участь постигла и некоторых монгольских руководителей.

По требованию нового командования для пополнения советских войск в Монголии были срочно призваны в армию резервисты нескольких возрастов. На Халхин-Голе им пришлось преодолеть «на своих двоих» около 780 км. Один из полков был с ходу брошен в бой. Другой полк, не выдержав атаки японцев, бежал. Разговор был коротким. По приказу Жукова часть бойцов и командиров была расстреляна перед строем без судебного разбирательства.

Хотя и утверждается, что боевой дух бойцов и командиров на Халхин-Голе был исключительно высок, военные трибуналы не оставались без работы, ибо нежелавших воевать и высказывавших «антисоветские» мысли было хоть отбавляй. Ведь многие бойцы не понимали, за что они воюют.

По-моему, отечественная историография приводит сомнительные данные о потерях обеих сторон на Халхин-Голе. В выпущенном воениздатом исследовании «Гриф секретности снят» (Москва, 1993 г.) указывается, что за время боев там японцы потеряли 61 000 человек убитыми (25 000), ранеными и пленными, а советские войска – всего лишь 23 899 человек, в том числе 7974 убитыми, умершими и пропавшими без вести. Как могло получиться, что большей частью оборонявшиеся японцы потеряли только убитыми более чем в три раза больше, чем наступавшие советские войска?

Обращаю внимание на это обстоятельство потому, что еще в 70-х годах сведения о потерях советских войск на Халхин-Голе считались «совершенно секретными особой важности». С чего бы это?

Далее, отечественные историки утверждают, что советская армия на Халхин-Голе дала японским захватчикам такой отпор, что они потом и не думали посягать на неприкосновенность наших границ.

Да ничуть не бывало! Генерал-майор К. Томинага, взятый в плен в августе 1945 г. показал на допросе, что японский генеральный штаб проанализировал причины поражения на Халхин-Голе, в результате чего не только было сменено руководство Квантунской армии, но и срочно разработан новый наступательный план против Советского Союза, который в 1940 г. утвердил император Хирохито. Это был прообраз плана, который разработали в 1941 г. и который известен как план «Кантокуэн».

Большие сомнения вызывают и утверждения наших ученых, о том что события на Халхин-Голе спровоцировали японцы. Эти утверждения противоречат элементарной логике, ибо Япония увязла тогда в войне против Китая, и затевать баталии с советскими войсками, пусть даже в Монголии, мог только сумасшедший. Об этом свидетельствуют и выводы специальной комиссии генерального штаба Японии, согласно которым японские войска были не готовы к боям.

В плен попало 227 японских военнослужащих. Из них в СССР остались 3 японца и 3 баргута, 6 человек умерли, 25 человек арестовал НКВД, а остальных обменяли на советских военнопленных. По возвращении на родину почти все японские военнопленные были вынуждены покончить с собой, чем искупили позор плена. Возвратившиеся из японского плена советские военнослужащие закончили жизнь в лагерях ГУЛАГа. В СССР победу

на Халхин-Голе всячески прославляли, но не следует забывать, что японцам удалось отстоять важный для них район Алушень. За это монголы до сих пор порицают СССР. Демаркация границы на спорных территориях была завершена только к августу 1942 г.

10. Пакт о нейтралитете

13 апреля 1941 г. в Москве народный комиссар иностранных дел В. Молотов и министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока подписали пакт о нейтралитете сроком на пять лет (вступил в силу со дня ратификации 25 апреля).

Обеим сторонам пакт был нужен, ибо хотя бы на время давал пусть и шаткую, но все-таки гарантию от военного конфликта между ними.

Правда, после вторжения гитлеровских войск на территорию Советского Союза тот же Мацуока, представляя наиболее враждебную к нашей стране группировку, настаивал на немедленном вступлении Японии в войну на стороне Германии. Но поскольку это не входило в планы японского правительства, намеревавшегося вначале двинуться «в страны южных морей» и лишь затем заняться «северным направлением», Мацуока был удален из правительства.

Германский «блицкриг» против СССР не удался, да и японские успехи довольно быстро отошли в прошлое. Ну а после Сталинграда Япония по-настоящему прочувствовала значение для нее пакта о нейтралитете. В скором времени она стала предлагать СССР заключение всеобъемлющего договора о двусторонних отношениях.

Но Советский Союз был уже далеко не тем, чем он был в 1941 г. и пакт о нейтралитете перестал играть для него какую бы то ни было роль. С мая 1943 г. Государственный Комитет обороны СССР принимает ряд практических мер, направленных на форсированную подготовку к войне с Японией. И в конце концов 5 апреля 1945 г. Москва пакт о нейтралитете денонсировала.

Однако следует обратить внимание на один нюанс. Во время двадцатиминутной беседы с японским послом Н. Сато, когда Молотов объявил ему о денонсации пакта, настойчивый японец вынудил своего собеседника признать, что условия пакта сохраняются в силе до 25 апреля 1946 г. Разумеется, это не помешало Молотову 8 августа 1945 г. объявить тому же Сато о разрыве от-

ношений с Японией и начале войны с ней. Разве это не было вопиющим нарушением пакта о нейтралитете? Как же могут некоторые российские ученые утверждать, что Советский Союз поступил в полном согласии с международным правом?

Чтобы меня не обвинили в искажении фактов, лучше всего ознакомить читателей с полной записью беседы.

«Из дневника В.М. Молотова

«ПРИЕМ ЯПОНСКОГО ПОСЛА САТО

5 апреля 1945 г. в 15 час. 00 мин.

Посол явился на прием в сопровождении 3-го Секретаря посольства Юхаси.

Молотов говорит, что он пригласил посла для того, чтобы сделать ему заявление от имени Советского Правительства относительно пакта о нейтралитете. Молотов замечает, что посол ставил перед ним этот вопрос.

Посол отвечает утвердительно.

Молотов зачитывает послу следующее заявление: «Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен 13 апреля 1941 года, т.е. до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки – с другой.

С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным.

В силу сказанного выше и в соответствии со статьей 3-й упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское Правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Сделав заявление, Молотов вручает его текст послу.

Приняв текст, **Сато** просит разрешения его еще раз прочитать.

Прочитав текст, он заявляет, что ему остается только передать это заявление своему Правительству. Одновременно он, посол, позволяет себе попросить у Молотова некоторых разъяснений. Он хотел бы знать, что думает Советское Правительство о том перио-

де времени, который начнется с 25 апреля этого года и будет длиться до окончания срока действия пакта, то есть еще год. Сато поясняет, что пакт заключен на пять лет, и срок его действия кончается 25 апреля будущего года. Посол говорит, что он думает, что его Правительство ожидает, что Советское Правительство в течение этого года, который начнется 5-го числа текущего месяца, будет поддерживать с Японией те же отношения, какие оно поддерживало до сего времени, учитывая, что пакт остается в силе.

Молотов отвечает, что наше заявление сделано в соответствии с советско-японским пактом, третья статья которого предусматривает порядок и право его денонсации. Фактически советско-японские отношения вернутся к тому положению, в котором они находились до заключения пакта. Молотов говорит, что Советское Правительство действует в соответствии с договором.

Сато замечает, что в таком случае Советское и Японское Правительства по-разному толкуют затронутый вопрос. Японское Правительство придерживается той точки зрения, что если одна из сторон денонсирует договор за год до истечения его срока, то пакт все же будет существовать еще один год, несмотря на денонсацию. Однако, по разъяснениям, которые дал сейчас Народный Комиссар, оказывается, что с момента денонсации пакта отношения между Советским Правительством и Японским Правительством будут теми же, которые существовали до заключения пакта о нейтралитете. С момента денонсации пакт прекращает существование. Если Советское Правительство так толкует этот вопрос, то его толкование отличается от толкования Японского Правительства. Японское Правительство всегда считало, что пакт остается в силе еще в течение года. Сато говорит, что он хотел бы избежать ошибочных выводов и поэтому был бы признателен Молотову за его разъяснения.

Молотов отвечает, что здесь какое-то недоразумение. Молотов говорит, что позиция Советского Правительства в этом вопросе выражена в его сегодняшнем заявлении и зачитывает следующий раздел заявления: «... в силу сказанного выше и в соответствии со статьей 3-й упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское Правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года». Молотов поясняет, что по истечении пятилетнего сро-

ка действия договора советско-японские отношения очевидно вернутся к положению, которое было до заключения пакта (курсив мой – А. К.)

Сато отвечает, что если это так, то Японское Правительство будет согласно с этим толкованием.

Молотов говорит, что это заявление Советского Правительства точно изложено в том тексте, который посол только что получил.

Сато благодарит Молотова за разъяснения и добавляет, что он хотел бы высказать свои личные чувства в связи с сегодняшним заявлением Советского Правительства. Сато говорит, что он глубоко сожалеет, что Советское Правительство не сочло возможным продолжать поддерживать те отношения, которые существовали между двумя странами. Японское Правительство хотело возобновить пакт о нейтралитете. Сато говорит, что его Правительство хотело бы сохранить мир на Дальнем Востоке, который поддерживается там благодаря пакту. Посол говорит, что он думает, что после денонсации пакта Советское Правительство не изменило своей точки зрения на поддержание мира на Дальнем Востоке. Это, продолжает посол, имеет очень важное значение, так как в настоящее время везде идет борьба, а на Дальнем Востоке, благодаря мудрой политике двух правительств, сохранился мир.

Сато говорит, что он был бы признателен Молотову, если бы Молотов разъяснил ему позицию Советского Правительства.

Молотов отвечает, что позиция Советского Правительства точно сформулирована в сегодняшнем заявлении. В тех условиях, в которых мы находимся в настоящее время, мы видим, насколько отличается это время от того времени, когда заключался этот пакт. Германия тогда не воевала с Советским Союзом, а Япония – не воевала с Соединенными Штатами и Англией. Мотивы решения Советского Правительства ясны. Что же касается политики Советского Правительства, то мы действуем в соответствии с правом, предоставленным нам пактом. Срок действия пакта не окончился. Из этого вытекает и наша политика. Что касается новых элементов в международном положении, то об этом можно поговорить. Однако Советское Правительство хочет, прежде всего, чтобы Японское Правительство ознакомилось с его сегодняшним заявлением и высказало свое мнение по поводу этого заявления.

Сато благодарит Молотова за ответ и говорит, что он передаст в Токио сегодняшнее заявление Советского Правительства и добавочные объяснения Молотова. Он, посол, надеется, что точка зрения его Правительства будет передана Правительству Советского Союза. Он надеется, что Японское Правительство поручит ему передать ответ. Что же касается вопросов будущего, то Японское Правительство наверняка пожелает переговорить с Советским Правительством с целью сохранения мира на Дальнем Востоке. Положение на Западе и на Востоке весьма сложное. Излишне говорить, продолжает посол, что было бы желательно сохранить мир там, где это возможно. Посол говорит, что он надеется, что Советское Правительство разделяет точку зрения Японского Правительства.

Посол говорит, что он был бы признателен Молотову, если бы Молотов дал ему возможность прийти обсудить международное положение, когда Японское Правительство поручит Послу обратиться к Молотову.

Молотов отвечает, что он охотно встретится с послом.

Беседа продолжалась 22 минуты.

Записал (Подцерб)»²³.

Цену заверений Молотова японский посол узнал 8 августа 1945 г. в 17.00, когда нарком иностранных дел зачитал ему заявление о вступлении СССР в войну с Японией.

Примечания

¹ Данные о Хвостове и Давыдове заимствованы из материалов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), фонд 161 и Санкт-Петербургского главного архива (СПбГА), разряд 1–13, опись 10, дело 14 (1803–1812 гг.).

² СПбГА, разряд 1–13, опись 10, дело 14 (1803–1812 гг.), с. 37–41.

³ Д. Позднеев. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. 2. Иокохама, 1909, с. 111.

⁴ Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией, пер. с японского. М. 2000, с. 49–50.

⁵ Э. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960, с. 103.

⁶ В соответствии с Постановлением № 1428-326сс Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 21 августа 1937 г. в течение нескольких месяцев НКВД выселил из районов Дальнего Востока СССР в Казахстан и Среднюю Азию более 200 тысяч советских граждан

корейской национальности вне зависимости от возраста, пола, социального происхождения, партийной и служебной принадлежности. В преамбуле этого постановления указывалось, что делается это «в целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край». Более кощунственный предлог для осуществления этой акции трудно придумать, ибо как можно было считать корейцев, естественных противников Японии, лишивших их родины, базой для шпионской деятельности? Эту зловещую операцию провели в жизнь, хотя Японское посольство в Москве в вербальной ноте выразило протест МИД СССР, подчеркнув, что правительство Японии считает всех корейцев, в какой бы стране они ни находились, подданными японского императора. Печально, но факт – незаконно репрессированных корейцев пытались защитить их первейшие враги, из-за которых они покинули свою родину. Так или иначе, но вопрос о выселении корейцев впервые возник задолго до появления НКВД.

⁷ Договор был подписан в 1901 г., затем был продлен до 1921 г.

⁸ Указанная китайская территория была оккупирована Германией в 1897 г. в ответ на убийство в Китае двух немецких коммерсантов. Немецкие военнопленные были этапированы в Японию и размещены в лагере в г. Мацуяма (о. Сикоку).

⁹ Сборник секретных документов из архивов бывшего министерства иностранных дел. Санкт-Петербург, 1917, с. 5–7.

¹⁰ Там же, с. 5.

¹¹ АВПРИ, фонд 149 (японский стол), дело № 1865, с. 67.

¹² Японцы объясняли присутствие своего воинского контингента в Николаевске необходимостью защищать интересы 400 проживавших там японских подданных.

¹³ Во время «интервенции» Япония формально занимала по отношению к Советской России нейтральную позицию, не была с ней в состоянии войны.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической информации (РГАСПИ), фонд 144, опись 1, е.х. 35, с. 57.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 57–58.

¹⁷ Там же, с. 58.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 60.

²⁰ Там же, с. 12.

²¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997, с. 224, 232.

²² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), фонд 0146, опись 30, дело 29, папка 282, с. 297.

²³ АВП, фонд № 06, опись 7, пор. № 895, папка 54, с. 21–24.

Содержание

В. Рамзес	3
Предисловие	
В. Молодяков	28
О национальной гордости японцев	
В. Еремин	47
Японская правовая система	
Э. Молодякова, С. Маркарьян	91
Японская демократия	
Э. Молодякова	105
Императорская система	
С. Маркарьян	121
Японская бюрократия	
Е. Леонтьева	133
«Государство и бизнес в Японии»: эволюция темы и эволюция подходов	
Д. Стрельцов	171
Японская система принятия правительственных решений	
А. Александров	195
Государство и СМИ в современной Японии	
А. Шлындов, В. Бунин	215
Японский военный потенциал	
И. Тихоцкая	244
Японская система образования	
И. Тихоцкая	262
Современные японки	
А. Кириченко	278
Из истории российско-японских отношений	

БЕЗ ПРЕДВЗЯТОСТЕЙ

ЯПНИЯ

БЕЗ ПРЕДВЗЯТОСТЕЙ